

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 9

Сентябрь 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

Цивилизация права: единство национального и универсального. Главный редактор журнала «Государство и право» в научном диалоге с Председателем Конституционного Суда РФ • Е. Б. Пашуканис как теоретик права • Историографические и философско-правовые контексты в уголовном праве • Становление теории общественного идеала П. И. Новгородцева в контексте творческой рецепции немецкой философско-правовой мысли • О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 4 (Окончание) • Транспортная безопасность и безопасность транспорта как объекты уголовно-правовой охраны • Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России • Сохранение культурного наследия как способ формирования критического исторического сознания: опыт ЕС

НАУКА

— 1727 —

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 9 2024 Сентябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревич, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Москва

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 9 2024 September

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
A.N. Savenkov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchayev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Institute of State and Law of the RAS, 2024
© Editorial Board of “State and Law”, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 9, 2024

Цивилизация права: единство национального и универсального Главный редактор журнала «Государство и право» в научном диалоге с Председателем Конституционного Суда Российской Федерации	7
--	---

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Евгений Брониславович Пашуканис как теоретик права <i>А.Н. Савенков, В.С. Горбань</i>	13
--	----

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская академия наук в институциональной и инструментальной системах политики памяти <i>В.В. Руденко</i>	28
---	----

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Историографические и философско-правовые контексты в уголовном праве <i>В.С. Горбань, С.В. Маликов</i>	36
Сквозь века и времена к кризису понимания сути уголовного права <i>С.А. Бочкарёв</i>	51

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Историографическая концепция генезиса российской цивилизации в отечественной политико-правовой мысли <i>В.И. Жуков, М.В. Раттур</i>	63
Становление теории общественного идеала П.И. Новгородцева в контексте творческой рецепции немецкой философско-правовой мысли <i>В.Ю. Васечко</i>	77

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы Часть 4. Подходы к совершенствованию и повышению эффективности организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности судей (Окончание) <i>М.И. Клеандров</i>	88
---	----

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Понятие, правовая природа, содержание и субъекты нотариального правоотношения по российскому праву <i>Е.В. Михайлова</i>	103
--	-----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Теологические грани учения о преступлении (некоторые размышления о новой монографии профессора И.М. Рагимова) <i>Х.Д. Аликперов</i>	112
---	-----

* * *

Новая номенклатура научных специальностей: эколого-правовой аспект <i>М.М. Бринчук</i>	121
---	-----

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Возникновение смежных прав: ретроактивный аспект

О.А. Ястребов, Д.А. Лепёшин, П.И. Петкилёв

130

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Защита трудовых и социальных прав: опыт междисциплинарного подхода

С.Ю. Чуча

138

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Транспортная безопасность и безопасность транспорта как объекты уголовно-правовой охраны

А.И. Чучаев

147

ЭНЕРГЕТИКА И ПРАВО

Энергетический сектор экономики Арктической зоны России в ракурсе национальной безопасности: правовые аспекты

П.П. Баттахов, Ю.С. Овчинникова, Т.С. Иванова

157

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России

Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, Н.В. Кроткова

166

ЗА РУБЕЖОМ

Сохранение культурного наследия как способ формирования критического исторического сознания: опыт ЕС

Т.А. Васильева

180

Европейское историческое сознание и «культура памяти» как отражение «общеευропейских» ценностей

В.А. Карташкин

190

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Административные методы управления экономикой и экономические реформы периода 1921–1991 гг.

М.Н. Кобзарь-Фролова

199

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Обращение к финансовому уполномоченному как условие реализации права на предъявление иска в суд

В.В. Гавричков

209

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)»

Н.В. Кроткова

212

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В продолжение дискуссии о толковании права: интерпретация в контексте постклассических юридических исследований

Н.С. Нижник

232

CONTENTS

Number 9, 2024

The civilization of law: the unity of national and universal
Editor-in-Chief of the journal "State and Law" in a scientific dialogue
with the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation

7

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

Evgeny Bronislavovich Pashukanis as a legal theorist

A.N. Savenkov, V.S. Gorban

13

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Russian Academy of Sciences in institutional and instrumental systems of memory policy

V.V. Rudenko

28

PHILOSOPHY OF LAW

Historiographical and philosophical legal contexts in Criminal Law

V.S. Gorban, S.V. Malikov

36

Through the ages and times to the crisis understanding the essence of Criminal Law

S.A. Bochkarev

51

LEGAL, POLITICAL, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

Historiographic concept of the genesis of Russian civilization in domestic political and legal thought

V.I. Zhukov, M.V. Rattur

63

The formation of P.I. Novgorodtsev's theory of the social ideal in the context of the creative
reception of German philosophical and legal thought

V. Yu. Vasechko

77

JUDICIAL POWER

On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct:
law enforcement practice, general approaches
Part 4. Approaches to improving and improving the efficiency of the organizational
and legal mechanism of disciplinary responsibility of judges (The end)

M.I. Kleandrov

88

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

The concept, legal nature, content and subjects of notarial legal relations under Russian law

E.V. Mikhailova

103

DISCUSSIONS AND DEBATES

Theological facets of the doctrine of crime (some thoughts on the new monograph by Professor I.M. Ragimov)

Kh. J. Alikperov

112

* * *

New nomenclature of scientific specialties: ecological-legal aspect

M.M. Brinchuk

121

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

The emergence of related rights: the retroactive aspect

O.A. Yastrebov, D.A. Lepeshin, P.I. Petkilev

130

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

Protection of labor and social rights: experience of an interdisciplinary approach

S. Yu. Chucha

138

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Transport safety and security of transport as objects of criminal law protection

A.I. Chuchaev

147

ENERGY AND LAW

The energy sector of the economy of the Arctic zone of the Russian Federation
from the perspective of national security: legal aspects

P.P. Battakhov, Yu.S. Ovchinnikova, T.S. Ivanova

157

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Transformation of the science of Information Law and information legislation:
a new stage in the conditions of scientific and technological development of Russia

T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, N.V. Krotkova

166

ABROAD

Cultural heritage protection as a tool of developing critical historical consciousness:
EU experience

T.A. Vasilieva

180

European historical consciousness and the “culture of memory” as a reflection
of “Pan-European” values

V.A. Kartashkin

190

PAGES OF HISTORY

Administrative methods of economic management and economic reforms of the period 1921–1991

M.N. Kobzar-Frolova

199

SCIENTIFIC REPORTS

Recourse to the financial commissioner as a condition for the exercise of the right to sue

V.V. Gavrichkov

209

SCIENTIFIC LIFE

All-Russian Scientific Conference with international participation “The concept of law:
history and theory (to the 300th anniversary of the birth of Immanuel Kant)”

N.V. Krotkova

212

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

In continuation of the discussion on the interpretation of law:
interpretation in the context of postclassical legal studies

N.S. Nizhnik

232

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРАВА: ЕДИНСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО И УНИВЕРСАЛЬНОГО

Главный редактор журнала «Государство и право» в научном диалоге
с Председателем Конституционного Суда Российской Федерации¹

Человечество в настоящее время переживает эпоху революционных перемен, связанных с формированием более справедливого мира. Очевиден запрос на формирование такой системы отношений между странами, которая обеспечивала бы безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности и равные возможности развития. В процессе построения подобного миропорядка особая роль, безусловно, отводится праву. Какими должны быть направления развития современной юридической науки и эффективного использования ее потенциала? Как добиться самостоятельности и конкурентоспособности российских ученых в фундаментальных исследованиях закономерностей развития государственно-правовых институтов? Какова роль Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении стабильности и прочности правовой системы и правопорядка? С этими и другими вопросами профессор Александр Николаевич Савенков обратился к авторитетнейшему правоведу, профессору Валерию Дмитриевичу Зорькину.

¹ Интервью подготовлено в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

А.Н. Савенков. В настоящее время антиисторические тенденции, которые в западных общественных науках начали активно проявляться с конца XIX в., возведены в Европе в ранг одного из основных индикаторов, по которым определяется степень прогрессивности науки и даже ее цивилизованности. В связи с этим можно ли говорить о формировании образов будущего права и основ его стабильности, не учитывая внутреннюю генетическую связь права с культурой, историей и традициями народа?

В.Д. Зорькин. Национальное право – цивилизационное, культурологическое и социальное явление, возникшее в недрах конкретных обществ и отражающее ценности и ментальность определенных народов. Отрицать это бессмысленно, эту «пуповину» разорвать невозможно.

При этом право в целом помимо национального имеет корпоративные, локальные, местные, региональные, наднациональные и международные пласты, каждый из которых обладает своими особыми характеристиками и движущими факторами развития. Все они находятся в постоянном взаимодействии, а иногда – в противоборстве.

В современном мире на формирование права влияют постоянно ускоряющиеся под давлением научно-технического и коммуникационного прогресса процессы развития общественных отношений, приводящие к возникновению новых правовых ценностей и девальвации старых, а также

вызывающие непримиримые внутрисоциальные и международные противоречия. Мир стремительно и неоднородно изменяется, что также влияет на право, которое не является оторванным от этих процессов феноменом и которое для обеспечения социальной стабильности должно содержать формулы разрешения правовых конфликтов и механизмы выработки таких формул в потоке реальных событий. Немаловажное значение здесь приобретает учет генетической связи права с культурой, историей и традициями народа, поскольку, как подтверждают социологические исследования, изменить культурный код социума невозможно.

А.Н. Савенков. *Вы являетесь автором широко известной среди ученых-юристов работы «Позитивистская теория права», в которой обобщены характеристики так называемого формально-догматического подхода к праву. Известно, что данный подход созвучен представлению о праве как системе норм и является одним из самых популярных среди российских и зарубежных ученых. Возможно ли, на Ваш взгляд, вести сегодня речь о развитии философии права и теории права, опираясь только на нормативизм, который, как известно, не признает ничего кроме бесцельного долженствования, т.е. должен, потому что должен?*

В.Д. Зорькин. Строить философию и теорию права только на одном варианте правопонимания непродуктивно. Во всяком случае недопустимо целенаправленно загонять философско-правовую мысль в «прокрустово ложе» одного из подходов. Пусть подходы конкурируют, «пусть расцветает сто цветов».

Действительно, позитивизм, и в частности нормативизм, до сих пор пользуются большой популярностью среди ученых. Но современное научное знание стремится выйти за рамки классических типов правопонимания. Сегодня это уже не те теории, что были сто или двести лет назад. Даже люди, называющие себя учениками или продолжателями нормативистской теории Г. Кельзена, в настоящее время в некоторых аспектах далеки от своих предшественников, сближаясь с современными интегративными концепциями, которые пытаются подойти к объяснению права так, чтобы учитывались основные идеи как позитивизма, так и юснатурализма или социологического подхода. Иногда это вызывает дополнительные вопросы, но такие тенденции нельзя игнорировать, когда речь заходит о современном состоянии теории и философии права.

Сегодня все большее внимание со стороны европейских и российских ученых получают теории, сформировавшиеся в странах с иными правовыми системами: Китае, Юго-Западной Азии, мусульманских государствах, где господствуют другие правовые традиции и пройден особый исторический путь. Европейские и российские ученые предпринимают

попытки свести указанные учения к близким и понятным нам концепциям, однако в тех социальных культурах теории основывались на иных предпосылках и предлагали другие выводы.

Науке теории и философии права еще есть куда развиваться, в том числе с помощью сравнительно-правовых исследований. Но те фундаментальные идеи, сформулированные Г. Кельзеном в рамках нормативизма или нашими дореволюционными авторами (например, Г.Ф. Шершеневичем или Н.М. Коркуновым), непременно будут сохранять значимость и влиять на дальнейшее развитие правовой науки.

А.Н. Савенков. *В российской юридической науке и сфере образования давно проявляется ориентация на анализ мнений зарубежных авторов, притом часто даже не юристов, а отечественных исследователей относят к представителям досоветской, советской либо постсоветской эпох без достаточного внимания к оригинальности их взглядов, а лишь в связи с некоторым согласием или несогласием относительно зарубежных авторов. Можно ли в связи с этим рассчитывать на убедительность отечественной юридической науки, которая ищет подсказанные формулы вовне?*

В.Д. Зорькин. Наука в целом и юридическая наука в частности имеют иные границы, не совпадающие с границами Отечества. Ничего зазорного нет в том, что российские исследователи проявляют интерес к исследованиям своих зарубежных коллег, а те, в свою очередь, интересуются работами наших ученых. В юриспруденции даже появился особый языковой контент, в том числе русскоязычный, являющийся одним из наиболее востребованных. Довольно много исследователей из ближнего зарубежья, а также из Восточной Европы и Германии публикуют свои работы в российских научных изданиях, а труды российских ученых переводятся на иностранные языки. Хотя не исключаю, что в связи с реализацией в отношении россиян так называемой культуры отмены в этом возникают сложности.

Сегодня, как и ранее, отечественная правовая мысль занимает свое достойное место в мировой юриспруденции.

Российские исследователи не только учились у зарубежных грандов и ориентировались на них в своих работах, но также, опираясь на отечественную специфику и свой национальный опыт, содержательно обогащали мировую науку о праве. Кстати, это можно сказать о теории, даже философии права. Так, психологическая школа права Л.И. Петражицкого до сих пор вызывает у зарубежных исследователей большой интерес. Надо отметить, что адаптация передовых научных разработок и правовых институтов на российской почве, осуществляемая в том числе благодаря исследованиям

российских юристов, значима не только для развития отечественной юриспруденции, но и для мировой юриспруденции в целом.

Отдельное значение имеют исследования советских юристов, благодаря усилиям которых состоялось социалистическое право, отнесенное Рене Давидом к отдельной разновидности правовой семьи. В этом смысле работы советских исследователей по-прежнему сохраняют ценность, и прежде всего для юриспруденции стран, в той или иной форме сохранивших социалистический строй.

Безусловно, нельзя отрицать, что в постсоветский период российская юридическая наука в большей степени подпитывалась зарубежной юридической наукой. Однако такое положение, во-первых, во многом было обусловлено сменой парадигмы правового развития, а во-вторых, позволила в сжатые сроки адаптировать российскую правовую систему к новым условиям, усовершенствовать правопорядок и проверить, по сути, в полевых условиях ценность многих правовых конструкций и разработок, что также является неоценимым вкладом в современную мировую юриспруденцию. Даже если эти конструкции и разработки на российской почве «провалились», то это было добросовестно зафиксировано и объяснено отечественной правовой наукой.

А.Н. Савенков. *В юриспруденции давно доминирует внешний словарь, в основном политологический, который описывает юридические феномены и явления в соответствующих наукообразных характеристиках. Скажем, термин «легитимность» во времена М. Вебера переводился как «законность», а сегодня он явно тяготеет к политологическим описаниям. Представляется, что без понятийного словаря развитие науки вообще и национальной в частности невозможно. Каковы, на Ваш взгляд, перспективы совершенствования понятийного аппарата юридической науки без ущерба для ее самостоятельности?*

В.Д. Зорькин. Правовые понятия и категории образуют профессиональный и научный язык юриспруденции, без которого ни правовые науки, ни само право не могут существовать. Соответственно, развитие этого языка имеет ключевое значение, что является задачей прежде всего теории права, которая должна свести к общему знаменателю терминологические особенности различных отраслей права и отдельных смежных наук. При этом полной унификации понятийного аппарата в рамках теории права вряд ли удастся достичь, хотя это является перманентной целью теоретической юриспруденции. Отраслевые юридические науки всегда будут сохранять специфику своих терминологических оттенков, что вполне допустимо и естественно.

В этом смысле, например, понятийное влияние политологической науки не представляет опасности для цивилистической юриспруденции. Скорее большую опасность могут представлять отраслевые понятия и институты, имплементируемые в другие отрасли без их достаточной проработанности, что нередко приводит к деформации успешно реализуемых правовых институтов.

Что же касается влияния понятийного аппарата политологической науки на публичное право, то это влияние может быть взаимным, нужно разбираться с каждым конкретным термином в отдельности. Относительно термина «легитимность», обремененного при его характеристике такими политологическими категориями, как «принятие», «согласие» и «одобрение» обществом, можно заметить, что все эти проявления легитимности сами по себе имеют правовое значение и возможны на законной основе. Следовательно, «легитимность» по-прежнему можно понимать и как «законность», имея при этом в виду, что содержание законности также значительно научно обогащено.

А.Н. Савенков. *Известный немецкий юрист Отто фон Гирке во второй половине XIX в. проповедовал идею о том, что истинное правосознание и вообще представления о праве могут рождаться только из изучения глубинных основ национальной правовой культуры, правосознания народа и его представлений о наиболее целесообразных формах социального общежития. На протяжении веков рационалистические и глобалистские проекты создавали иллюзию всеобщего правового порядка на универсальных началах, не учитывая национального облика народов и государства. Как, на Ваш взгляд, может выглядеть модель образа будущего права — универсализм или многообразие национальных типов права?*

В.Д. Зорькин. Исследователь, которого Вы упомянули, является одним из ярких представителей славной исторической школы права, акцентировавшей научное внимание на генезисе национального права и сформировавшей скептическое отношение к правовым заимствованиям. Достижения этой научной школы и в наши дни не утратили своей ценности. В частности, подходы, выработанные исторической школой, и сегодня могут быть успешно использованы для оппонирования процессам универсализации права в связи с необдуманными заимствованиями правовых институтов.

В то же время правовые явления не следует рассматривать сквозь призму исключительно национального видения права и его ретроспективного восприятия. Право — явление многогранное и актуальное, а потому оно не может быть в полной мере описано только подходами исторической школы.

Полагаю, что модель цивилизованного права, учитывающая сочетание определенных проявлений

универсализма, с одной стороны, и многообразия правовых семей и национальных типов права — с другой, уже сложилась, и в будущем такой баланс сохранится, хотя определенная его настройка — прежде всего в части недопущения перекоса в сторону универсализма — все равно нужна.

А.Н. Савенков. *В 1990-е годы в нашей стране активно развивался процесс импортирования правовых идей и институтов, которые нередко приводили к требованиям пересоздания базовых ценностей, в том числе в политической и правовой сферах. Некоторые оказались пригодными для государственного строительства, другие явно не прижились. Можно сказать, что право нуждается в своего рода культурном и научном суверенитете? Насколько убедительными и полезными могут быть импортированные правовые формы и инструменты для обеспечения правового порядка? Скажем, идея «мягкого права», отсылающая к американской доктрине международного права, называется сегодня новой и становится весьма популярной. Однако из истории права хорошо известен с самых незапамятных времен метод убеждения в дополнение к методу принуждения.*

В.Д. Зорькин. При всех современных сложностях, связанных главным образом с публично-правовой составляющей права, как бы это ни казалось естественным и необходимым, не следует идти по кажущемуся комфортным пути формирования закрытой модели национальной правовой системы и презюмировать, что только в таких условиях возможен культурный и научный суверенитет. Закрытая модель права не соответствует современному уровню развития общественных отношений, дезориентирует субъектов правоотношений и может вызвать проявления правового нигилизма.

За последние почти четыре десятилетия выстраивания открытой модели права мы прошли слишком большой, богатый и интересный путь своего национального правового развития, где имели не только неудачи, но и большие успехи. В целом нам удалось выйти на высокий уровень правового развития, практически полностью обновлена правовая материя и усовершенствованы судебные и административные механизмы защиты прав. Следовательно, даже с позиции исторической школы права вряд ли будет оправдан такой правовой разворот. Поэтому в современных условиях речь может идти о проявлении большей разборчивости в вопросах имплементации иностранных правовых институтов и конструкций. Возможно, на данном этапе следует в большей степени сосредоточиться на адаптации к российским реалиям и усовершенствовании уже состоявшихся успешных заимствований.

Что касается идеи «мягкого права», то это во многом вопрос о терминах. Во всяком случае

от гуманизации права в нормотворчестве и в правоприменении (которую многие связывают с этими понятиями) как направления правового развития также не стоит отказываться. Развертывание правовых конструкций в точках «напряжения» между публичной администрацией и частными лицами, нацеленных на профилактику нарушений законодательства, на стимулирование социально активного и ответственного поведения, видится перспективной формой правового воплощения управленческого метода убеждения.

А.Н. Савенков. *Большое влияние на современную культуру политико-правового мышления оказывает ссылка на новые типы рациональности, дискуссионность, различные виды модернизма. Однако, как представляется, в свободно-реформаторском значении, которое позволяет их сторонникам легче обходить устоявшиеся и традиционные представления о праве, создается иллюзия качественного и социально-полезного обновления, поскольку они используются не в дополнении к традиционным представлениям о юридической науке, а претендуют практически на полную замену принципов классической науки.*

В.Д. Зорькин. Новые типы рациональности, новые логические системы, методы научного познания возникают не произвольно. Они во многом являются попыткой (хотя и далеко не всегда успешной) познания непознанных еще феноменов или новых аспектов известных ранее явлений, изучение которых в рамках прежних устоявшихся подходов приводит к неудовлетворительным результатам с позиции современных ожиданий.

Применение и обоснование эффективности новых типов рациональности представляет собой архисложную научную задачу, возможно, в современных условиях непосильную для отдельного исследователя или даже коллективов исследователей. Для разработки, адаптации и признания нового научного мышления и сопровождающего его познавательного инструментария требуется длительный научный процесс: конкурентные исследования научных коллективов, школ и многолетние дискуссии относительно полученных результатов. Такой поиск предполагает глубокое знание устоявшихся и традиционных представлений об объекте исследования. Во всяком случае произвольный отказ от классических подходов в научном сообществе невозможен, а такие попытки, как Вы справедливо заметили, приводят к незаслуживающим доверия иллюзорным представлениям, разоблачение которых не составляет большого труда.

И еще один важный момент — «новые типы рациональности», даже как исследовательские парадигмы в общественных науках, ни в коем случае не должны быть освобождены от необходимости

быть основанными на гуманистических принципах. В противном случае применительно к развиваемой на Западе научной методологии само слово «рациональность» звучит как-то зловеще.

А. Н. Савенков. *Отечественный философ права Иван Ильин утверждал, что истинный законодатель есть «художник естественной правоты». Эта очень емкая и познавательная формула явно показывает, что правотворчество — это не простая технологическая задача. Учитывая объемлющую роль Конституционного Суда РФ в обеспечении стабильности и прочности правовой системы и правопорядка в России, можно ли, на Ваш взгляд, говорить об актуальном значении приведенного высказывания в свете конституционно-правовой практики?*

В. Д. Зорькин. Эта глубокая мысль русского философа права Ивана Ильина в полной мере подтверждается практикой Конституционного Суда РФ и соответствует современным интегральным подходам к пониманию права как сложного многоуровневого и многоаспектного социального феномена.

Так, в рамках стандартизированного представления законодатель — институционально выраженный субъект, уполномоченный народом принимать законодательные акты с соблюдением установленных процедур. Чаще всего с законодателем ассоциируется представительный орган государственной власти — парламент. Вместе с тем, не отрицая роль и значение законодателя в его институциональном значении, надо заметить, что в роли законодателя как в негативном плане (признание нормативных актов незаконными, неконституционными), так и в позитивном ключе (выработка норм и правил для решения правовой проблемы) могут выступить и правоприменители — те, на кого возложена обязанность строго соблюдать, исполнять и применять законодательство. Прежде всего это суды, и в особенности Конституционный Суд. При этом в контексте правотворческого потенциала правоприменительных органов ключевое значение приобретает активность граждан и организаций, отстаивающих свои права, свободы и законные интересы. В их борьбе и раскрывается «естественная правота», которая придает правовому регулированию новые «оттенки», «звучание», «видение». Соответственно, Конституционному Суду остается профессиональное выявление и описание этой естественной правоты.

А. Н. Савенков. *В системе юридического образования как в России, так и в Западной Европе, уже долгое время сокращается объем изучения истории государства и права. Во многих странах всеобщая история государства и права не изучается вовсе. Б. Н. Чичерин, известный русский философ права, гегельянец, утверждал, что история есть не только*

наставница жизни (вслед за Цицероном), но и наставница мысли. Однако юридическое образование вне связи с историческими образами права, очевидно, может превратиться в пустой сосуд, средство, которое можно использовать в любых целях. Не приведет ли, на Ваш взгляд, такая тенденция к радикальному снижению роли права в мире, что, в частности, оказывается явно заметным в связи с попытками подменить право суррогатом в виде «правил»?

В. Д. Зорькин. Историко-правовые дисциплины являются важнейшими составляющими юридического образования, которое без базовых знаний о генезисе государственных и правовых институтов не может считаться полноценным. Вместе с тем вряд ли с уверенностью можно утверждать о наличии прямой причинно-следственной связи между сокращением преподавания таких дисциплин и снижением роли права. Кроме того, скептические оценки современного состояния права считаю преждевременными.

Сегодня в мире действительно протекают переломные процессы, очень много вызовов возникает в различных уголках света с последствиями в виде существенных и массовых нарушений прав людей, возрастает степень угроз обеспечения стабильности миропорядка. В этих условиях правовая реакция может оказаться чрезмерно запоздалой, неэффективной, а порой и неадекватной. Вместе с тем многие правовые вопросы успешно решаются в каждодневной практике национальных правовых систем. Уверен, что какими бы ни были стоящие перед нами вызовы, право не утратит своей содержательности, не станет сводом пустых правил и удержит цивилизованный мир от падения в хаос.

А. Н. Савенков. *В начале этого года Европарламентом была принята очередная резолюция, которая посвящена попыткам на доктринальном уровне радикально переустроить отношение к истории. Название резолюции — «О европейском историческом сознании». В ней на научном, политическом и организационном уровнях в форме внешне правовых рекомендаций и принципов утверждается повсеместный отказ от любой достоверности в истории, тотальный отказ от принципа исторической правды, так как это, по мнению авторов документа, ведет лишь к спорам и разногласиям. А на место хронологических и событийных вопросов истории предлагается поставить индикатор, который на основании условных и никому не известных правил будет служить фильтром для просеивания исторических фактов в качестве удобных или неудобных. Это создает опасность радикального извращения истории, ограничения свободы научного и познавательного творчества, существенного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Можно ли, на Ваш взгляд, недооценивать опасности и угрозы принятия такого рода*

доктринальных политико-правовых актов? И как при таких условиях будет обеспечиваться правовой диалог с европейскими государствами, так сказать, не знающими своих корней, не признающими никакого другого мнения, кроме своего, буквально призывающими произвольно переписывать историю?

В.Д. Зорькин. Не стал бы придавать такого рода актам доктринальное или правовое значение. Акт Европарламента, который Вы приводите в своем вопросе, скорее имеет пропагандистское значение. На такого рода проявления должны отвечать соответствующие государственные и общественные институты. Насколько мне известно, эта резолюция не осталась без ответа со стороны российских властей.

Научный же подход отличается строгой методологией, верифицируемостью выводов, признание которых основывается на длительных исследованиях и согласии широкой научной общественности,

что отличает именно гуманитарные исследования, которые проводятся в исторических и юридических науках. Данная резолюция в этом аспекте ничего не привносит. Свою оценку должна дать научная мысль. Насколько мне известно, научный процесс в части исследования исторических событий, к которым отсылает резолюция Европарламента, не завершен, а потому преждевременно утверждать о существовании какой-либо реальной опасности или угрозы.

Что касается правового диалога с европейскими коллегами, то Конституционный Суд Российской Федерации всегда его вел с научных и правовых позиций в пределах своих полномочий и встречал, как правило, такой же профессиональный отклик. Вопросы пропаганды и информационного противостояния не входят в компетенцию конституционных судов и не являются профессиональной составляющей деятельности ученых-юристов.

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

УДК 340

ЕВГЕНИЙ БРОНИСЛАВОВИЧ ПАШУКАНИС КАК ТЕОРЕТИК ПРАВА

© 2024 г. А. Н. Савенков*, В. С. Горбань**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: an61s@yandex.ru

**E-mail: gorbanv@gmail.com

Поступила в редакцию 22.07.2024 г.

Аннотация. В статье дается анализ творчества известного отечественного ученого-юриста, академика Е.Б. Пашуканиса, имя которого самым непосредственным образом связано с формированием советской теории государства и права, решением важных вопросов доктринального обеспечения государственного строительства в 1920–1930 гг. и становлением советской правовой системы. В центре внимания настоящего исследования — основные проблемы содержания, характер и нацеленность правовых взглядов Е.Б. Пашуканиса, место его меновой теории права в истории политико-правовой мысли. С методологической точки зрения важным представляется использование современных историографических подходов к освещению и анализу истории политико-правовой мысли, что позволяет показать специфику правовых взглядов выдающегося советского юриста не только как момент становления и развития советской теории государств и права, но и в ракурсе преемственности и новизны относительно предшественников и современников, в свете иностранных источников, уточнения смысловых характеристик научного языка в его работах. Наряду с методологическими аспектами новизна исследования заключается также в значительном уточнении некоторых базовых положений правовых представлений Е.Б. Пашуканиса, связанных, в частности, с идеей «отмирания права» в условиях победившей пролетарской революции и построения социалистического общества, ориентацией на теоретические и познавательные приемы немецких юристов второй половины XIX в.

Ключевые слова: Е.Б. Пашуканис, советская теория права, меновая теория права, марксизм, пролетарское право, правовая форма, содержание правового регулирования, буржуазное право, диктатура пролетариата.

Цитирование: Савенков А.Н., Горбань В.С. Евгений Брониславович Пашуканис как теоретик права // Государство и право. 2024. № 9. С. 13–27.

DOI: 10.31857/S1026945224090015

EVGENY BRONISLAVOVICH PASHUKANIS AS A LEGAL THEORIST

© 2024 A. N. Savenkov*, V. S. Gorban**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: an61s@yandex.ru

**E-mail: gorbanv@gmail.com

Received 22.07.2024

Abstract. The article analyzes the work of the famous Russian legal scientist, academician E. B. Pashukanis, whose name is most directly connected with the formation of the Soviet theory of state and law, the solution of important issues of doctrinal support for state building in the 1920s – 1930s and the formation of the Soviet legal system. The focus of this study is on the main problems of the content, nature and focus of E. B. Pashukanis' legal views, the place of his exchange theory of law in the history of political and legal thought. From a methodological point of view, it is important to use modern historiographical approaches to illuminating and analyzing the history of political and legal thought, which allows us to show the specifics of the legal views of an outstanding Soviet lawyer not only as a moment of formation and development of the Soviet theory of states and law, but also from the perspective of continuity and novelty relative to predecessors and contemporaries, in the light of foreign sources, clarification semantic characteristics of scientific language in his works. Along with the methodological aspects, the novelty of the study also lies in the significant clarification of some basic provisions of E. B. Pashukanis' legal ideas, related, in particular, to the idea of the “extinction of law” in the conditions of the victorious proletarian revolution and the construction of a socialist society, focusing on the theoretical and cognitive techniques of German lawyers of the second half of the XIX century.

Key words: E. B. Pashukanis, Soviet theory of law, exchange theory of law, Marxism, proletarian law, legal form, content of legal regulation, bourgeois law, dictatorship of the proletariat.

For citation: Savenkov, A.N., Gorban, V.S. (2024). Evgeny Bronislavovich Pashukanis as a legal theorist // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 13–27.

Советская теория государства и права формировалась в непростых условиях коренных преобразований всех сфер жизни российского общества. Причем революционные изменения стихийно вмешивались в различные области, требуя согласно принятой в качестве официальной социально-экономической идеологии марксистской философии радикального переустройства всего на началах внедрения новых социалистических базовых принципов организации и функционирования, прежде всего экономических отношений. Марксизм не был просто социально-экономическим учением или социологизированной философской системой. Он содержал решительный призыв к современникам о необходимости всеобъемлющего переустройства принципов человеческого общежития, исходя из того, что главным фактором и причиной всех социальных проблем, конфликтов и противоречий рассматривалась несправедливая модель распределения материальных благ и порождаемое этим экономическое неравенство. Социал-демократические идеи и марксизм, выросший на их основе, были в значительной степени западноевропейским проектом, который отражал многие существенные проблемы современного ему общества. К концу XIX в. марксизм по количеству его сторонников и трактовок превратился почти

во всемирное интеллектуальное движение. Марксизм верил во всемогущество экономического начала, базиса, который порождает и влияет на состояние надстройки.

Правильная с позиции марксистского учения организация экономической жизни общества на началах социализма, движущегося по гегелевской логике всемирной истории в трактовке левых гегельянцев к своей высшей фазе — коммунизму, должна была привести не только к обретению «идеальной» формулы сосуществования людей, но и к упразднению всех ненужных надстроечных явлений, которые рассматривались в марксизме как атрибуты враждебного буржуазного общества. Поэтому право, мораль, религия и другие «химеры» буржуазного общества должны сами отмереть по мере достижения утопического идеала социалистического развития общества. Так по крайней мере уверяли классики марксизма. В марксизме поэтому не было разработано никакой сколько-нибудь существенной теории государства и права. Были некоторые суждения и высказывания, объясняющие природу права как классового явления, как орудия эксплуатации и принуждения, но никакой юридической теории марксизм не содержал и не намеревался создавать. С точки зрения классического марксизма право просто

не потребуется в новых социально-экономических условиях. Надо сказать, что общий вектор, который лежал в основе ряда марксистских идей, касавшихся политических и правовых вопросов, характерен для всего XIX в. Были попытки обосновать право и разработать адекватную заботам времени правовую теорию с позиции народного правосознания, социальной обусловленности содержания права, которое мыслилось как отражение его жизненных условий, представлений о социальной задаче права и др. Но при этом было немало мнений о том, что та или иная сторона права является избыточной, ненужной. Одни утверждали, что в законодательстве нет большого смысла, так как право развивается органическим путем, другие требовали от законодателя лишь фиксировать естественные процессы и потребности общественной жизни; были те, по утверждению которых право — это живой организм, не нуждающийся в «маскараде понятий». Еще до первого упоминания Марксом в ранних своих работах соображения о том, что право окажется лишним в коммунистическом обществе, должно отметить как продукт прежнего буржуазного строя, были такие работы, как сочинение берлинского прокурора и известного ученого-юриста Ю. Кирхмана «О бесполезности юриспруденции как науки»¹. Последний, в частности, задавался вопросом о том, понадобится ли в условиях господства историко-органических представлений о праве юриспруденция как наука и справится ли она со своей задачей. Ведь если право представляет собой естественный результат развития сознания народа, отражающего его исторические привычки, культуру, представления о лучшем для него и справедливом устройстве, то для чего тогда нужна наука, построенная на догматических началах, которая вообще уверяла прежде, что правовые понятия и соответствующие нормы можно создавать на основе других понятий, т.е. апробированным веками схоластическим методом.

И даже И. Кант, который призывал к четкому разделению чистой гносеологии, т.е. логико-понятийной стороны познания, и реальной психологии как реально-психологического процесса познания, как никто другой в свое время способствовал тому, чтобы прежние схоластические, а вместе с ними и вся догматика, приемы познания ушли в прошлое, были признаны несовременными и неспособными к тому, чтобы обеспечить метафизике, в том числе философии права, — а другой дисциплинарной формы изучения права тогда еще попросту не было, — подлинно научное положение, сделать метафизику наукой. Для этого необходимо, согласно Канту, обратиться

к критике самой способности познания (суждения) и таким образом дополнить догматику. Иными словами, отныне господствовавшая доктрина естественного права как догматика, построенная на некритических отвлеченных идеях и ссылках на авторитеты прошлого, утверждавшая возможность познания самой сути естественного права, оказалась напрочь несостоятельной, так как она претендовала на такой уровень познания, который теперь объявлялся вовсе нереалистичным. Отныне главное внимание посвящалось работе над наведением порядка в области логических инструментов, средств познания, форм мышления, с помощью которых человек, не способный в принципе познать суть вещей (вещей в себе), только и может мыслить мироздание, в том числе и в вопросах права. Затем и право сначала объявляется среди других вещей просто не познаваемым в своей сути. Как писал Кант, свобода, ставшая базовым компонентом в определении понятия права в его учении, есть вещь в себе, а поэтому является сферой чистого разума. Соответственно, «чистое созерцание включает в себе только форму, при которой что-то созерцается, а чистое понятие — только форму мышления о предмете вообще»². Всеобщий закон свободы согласно кантианской философии есть чисто мыслительная категория, а не реальный принцип; «понятие *свободы* — это чистое понятие разума..., ему не может соответствовать ни один пример из возможного опыта»³. Все это не могло в дальнейшем не привести к отрицанию права как вещи в себе, которое отныне в его чистом виде могло претендовать лишь на роль интеллектуального образа, мыслительной субстанции, а доступными юридическому мышлению и юридическому созерцанию оставались лишь формы, — вполне конкретные, выхолащенные юридической техникой и средневековой логикой, — понятийно-логической обработки публичных законов. В дальнейшем правовые теории и концепции, опиравшиеся на учение Канта, часто уже прибегали к некоторой радикализации его агностицизма, утверждая, что у права вообще отсутствует реальность, по крайней мере объективная, внешняя. Раз у него нет внешней, осязаемой реальности, то оно и не нуждается в специальном понятии. Оно скорее из области духовной жизни человека, но постигаться может эмпирически, в частности, с помощью психологии. За столетие до этого философию и психологию часто отождествляли.

Так, например, о праве как психологическом явлении думали П.В. Деларов, Л.И. Петражицкий

¹ Kirchmann J. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag / gehalten... vom Staatsanwalt v. Kirchmann. Berlin, 1848.

² Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М., 1994. С. 89, 90.

³ Там же. Т. 6. Религия в пределах разума. Метафизика нравов. С. 242.

и др. В западноевропейской науке на этой точке зрения стояли авторы формальных теорий права, как например Р. Бирлинг или позднее неокантианцы, особенно Р. Штаммлер, для которых, однако, право — это определенный теоретически и методологически стройный тип мышления. К этому времени были четко видны различия во взглядах тех, кто шел по логико-гносеологическому пути от учения Канта, и тех, кто шел по реально-психологическому пути от того же Канта. Однако оба направления связывали право исключительно с сознанием. Но суть не в этом, а в том, что все исходило из того, что право — это либо интеллектуальный образ, либо психологический факт, одним словом, то, что не имеет реальности. Л.И. Петражицкий уверял, что у права нет и не может быть даже признаков — ни общих, ни особенных⁴.

Одни юристы и философы права на перебой уверяли, что право нужно искать теперь в жизни, что от понятий можно просто отказаться, что не нужно вмешиваться в естественный ход жизни, а лучше всего за нею внимательно наблюдать. Другие, напротив, под натиском эмпириков настаивали на том, что юриспруденция жива только в понятиях, что истинное или правильное право — это сфера логики и таким образом подлинно философского осмысления.

В этих условиях совершенно неудивительно, что тенденция отрицания у права собственной природы, непримиримые споры вокруг его первоисточника, отрицание необходимости права как такового, поскольку жизнь сама все может устроить, поощряли идеи о возможности заменить право более эффективными регуляторами, которые связаны с базисными процессами социальной жизни и хозяйства. Главное лишь найти ее основную закономерность и устранить противоречия, убрать то, что мешает естественному развитию социального организма.

Например, интуитивное право как формула настаивает на том, что для права, в общем-то, не нужно даже и сознание. С начала XIX в. появились такие емкие названия: «чистое право», «нормальное право», «удачное право», «правильное право» и множество других, которые, несомненно, могли создать впечатление о растерянности юристов в поисках определения права. Во всяком случае вера марксистов и за ними первых советских юристов, выросшая в основном из тех тенденций, которые венчали развитие исторической школы права и реализма в XIX в., не является чем-то удивительным и особенным. Корни советского правоведения нужно искать в теориях и направлениях

мысли предшественников и современников. Было бы большой ошибкой приписывать идею отмирания права (в коммунистическом обществе) только советскими юристам 1920–1930 гг., отмечая в то же время некую склонность западноевропейской юридической мысли к поиску исключительно положительного смысла права. Это большой исторический миф, который создает ложное впечатление об истории российской и зарубежной политико-правовой мысли. Относительно советского правоведения первых двух десятилетий можно лишь поставить вопрос о том, какие популярные юридические идеи и учения в первую очередь западноевропейских авторов вместе с немецкой социальной философией в виде марксизма получили прописку и адаптацию в работах советских юристов. Сама по себе идеологическая ссылка на классиков марксизма не должна вводить в заблуждение относительно попыток построения советской теории государства и права, которая на самом деле очень многое осмысливала и отражала из различных течений в западной юридической науке.

Советская теория государства и права, несмотря на идеологические установки и ограничения, возникла не на пустом месте, не изобреталась в своих основных идеях и представлениях как нечто совершенно новое. Понятийный аппарат, общие категории, наборы тем и объяснительных средств, основные смысловые структуры воспроизводили положения юридической науки в работах предшественников и современников. Советская юридическая наука 1920–1930 гг. в основном показывается изнутри, с той дистанции, которую заняла советская правовая теория. Однако ее следует рассматривать не только в контексте противопоставления российской дореволюционной и постреволюционной литературы. Важно также посмотреть на нее в свете зарубежных источников, направлений и тем, занимавших центральные позиции в сочинениях зарубежных авторов.

Первые советские правоведы, несмотря на определенную растерянность относительно ожиданий об отмирании права, которая читается явно у П.И. Стучки, М.А. Рейснера, Е.Б. Пашуканиса и др., оказались в непростом положении, требовавшем найти вариант понимания нового права как элемента хотя бы и временного, но необходимого для преодоления «узкого горизонта буржуазного права». Симпатии первых советских юристов распределялись в отношении психологических подходов к праву (Рейснер), социологических (Стучка) и, можно сказать, комбинированных, в которых читались компоненты разных популярных течений, но все же самым явным стало предпочтение неокантианства (Пашуканис). Если Рейснер и Стучка прямо показывали свои предпочтения (Петражицкий и Муромцев соответственно),

⁴ См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 203.

то Пашуканис берется за не менее популярный и сложный материал. Обычно, анализируя взгляды Е.Б. Пашуканиса, подчеркивают, что он автор т.н. меновой теории права, что вся его правовая теория строилась на основе аналогии с марксовской идеей о форме товара и роли обмена. Это верно с точки зрения воспроизведения тех положений, которые выставлял на первый план сам автор. Однако для более глубокого понимания характера, содержания и места правовых взглядов Е.Б. Пашуканиса было бы интересно выяснить связь его творчества с юридическими школами и теориями предшественников и современников. А такая связь явно прослеживается.

Творчество Е.Б. Пашуканиса разнопланово и интересно для изучения истории политической и правовой мысли советского периода, но также имеет и теоретическое значение для уточнения тех подходов, которые в настоящее время акцентируют внимание на материалистическом понимании права, дальнейшей разработке марксистской теории права.

Интерес к этому варианту осмысления права сохранялся на протяжении всего советского времени и в зарубежной литературе: от резкой критики до положительного признания. Сегодня же с учетом ряда современных популярных приемов построения научного знания марксистская теория становится предметом повышенного внимания зарубежных ученых. Идеи Е.Б. Пашуканиса как наиболее известные для зарубежных читателей и исследователей среди советских правоведов первых десятилетий советского строительства не только не оставляют равнодушными критиков и продолжателей марксистски ориентированных разработок теории права, но и по необходимости требуют их научного анализа, так как это были, по существу, первые попытки в мировой литературе сформулировать марксистскую теорию права, о которой марксизм и не помышлял.

Сразу должны обратить внимание на сходство названий работы Р. Бирлинга⁵ и Е.Б. Пашуканиса⁶. Впрочем, надо сказать, что это была своего рода манера интеллектуального украшения названий работ, когда авторы-юристы подчеркивали обращение именно к «критике основных юридических понятий», звучавшее явно в русле

кантианских и неокантианских традиций. Хотя, безусловно, представления о праве как системе юридических понятий имеет более глубокие и разветвленные корни.

Е.Б. Пашуканис определяет общую теорию права, или точнее задачу этой науки, как «развитие основных, т.е. наиболее абстрактных юридических понятий», таких как «юридическая норма», «юридическое отношение», «субъект права» и др.⁷ Типичная формула т.н. формальных теорий права, популярных в последней четверти XIX в., особенно различных юридико-неокантианских трактовок права. Этот метод — работа с основными юридическими категориями — был не только популярным, но и явно удобным приемом обсуждения права в условиях признания обязательным социально-экономического детерминизма. Например, Р. Штаммлер в своей работе «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории»⁸ всячески пытался, так сказать, исправить марксизм изнутри. Ведь он совершенно соглашался в целом с материалистическим пониманием истории, но настаивал на существенном уточнении: соотношение экономики (или шире — социального взаимодействия) как содержания социальной жизни и права как формы социальной жизни должно пониматься не генетически, т.е. как причинно-следственная закономерность, а лишь теоретически или системно, подчеркивая, что разделение соответствующих сфер — базиса и надстройки — может быть сделано лишь мыслительно, так как они есть в реальности единый объект, у которого различаются лишь форма и содержание. Поэтому Р. Штаммлер не признавал никакого другого права, кроме позитивного. А то, что он называет «правильным правом», собственно говоря, правом-то и не является, а есть лишь набор логических упорядоченных форм мышления о праве. Е.Б. Пашуканис использовал неокантианский подход, который с некоторыми уточнениями позволял сформулировать вполне здравомысленную с учетом особенностей исторического периода общую теорию права, которая одновременно признавала материальную обусловленность содержания правовых понятий и вместе с тем обозначала основную задачу теории права как разработку основных формальных (наиболее абстрактных) юридических понятий. Так, Е.Б. Пашуканис пишет, что «основные юридические категории не зависят от конкретного содержания правовых норм в том смысле, что сохраняют свое значение при любых изменениях

⁵ См.: Bierling E.R. Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe / von Ernst Rudolph Bierling. Teil: 1. Th. Gotha, 1877; 1883. Teil: 2.

⁶ См.: Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий). М., 1924.

⁷ См.: там же. С. 11.

⁸ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории / пер. со 2-го нем. изд. [М.К. Покровского, А.А. Мейера и И.А. Давыдова]; под ред. и с вступ. ст. И.А. Давыдова. СПб., 1907. Т. 1—2.

этого конкретного материального содержания»⁹. С кантианцами, по сути, он не согласен только в одном вопросе — о том, что основные юридические понятия могут иметь априорный характер.

«Способна ли юриспруденция развиваться в общую теорию права, не растворяясь при этом ни в психологии, ни в социологии? Возможен ли анализ основных определений правовой формы, подобно тому, как в политической экономии мы имеем анализ основных и наиболее общих определений формы товара или формы стоимости? Вот вопросы, от разрешения которых зависит, можно или нельзя рассматривать общее учение о праве как самостоятельную теоретическую дисциплину»¹⁰.

«Против общей теории права, как мы ее понимаем, не могут быть выдвинуты возражения, будто эта дисциплина имеет дело лишь с формальными и условными определениями и искусственными конструкциями. Никто не сомневается, что политическая экономия изучает нечто действительно существующее, хотя еще Маркс предупреждал, что такие вещи, как стоимость, капитал, прибыль, рента и т.д., нельзя обнаружить с помощью микроскопа и химического анализа. Теория права оперирует с абстракциями не менее “искусственными”; “юридическое отношение” или “субъекта права” точно так же нельзя обнаружить методами естественно-научного исследования, однако и за этими абстракциями скрываются вполне реальные общественные силы»¹¹.

«Право как форма неуловимо вне своих ближайших определений. Оно существует не иначе, как в противоположностях: объективное право — субъективное право: публичное право — частное право и т.д.»¹².

«Отмирание категорий (именно категорий, а не тех или иных предписаний) буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же как отмирание категории стоимости, капитала, прибыли и т.д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появление новых пролетарских категорий стоимости, капитала, ренты и т.д.

Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, т.е. постепенное исчезновение юридического момента в отношении людей»¹³.

Е.Б. Пашуканис, в отличие от неокантианцев, исходит из того, что правовая форма исторически обусловлена и что она разворачивается не как система мыслей, но как система отношений¹⁴.

Оба компонента — и обусловленность правовой формы, и необходимость ее — равно признаются в теории Пашуканиса. Кантианцев он упрекает в том, что те заняты исключительно правовой формой, один из них — Кельзен — вообще довел методы неокантианцев до абсурда, пустого должествования. Социологические и психологические теории права Е.Б. Пашуканис считает недостаточными, так как те слишком односторонне увлекаются вопросом о возникновении права, но не исследуют надлежащим образом вопрос о правовой форме. А вот марксистская теория права, по его убеждению, должна учесть недостатки и односторонности других теорий и исследовать с материалистической точки зрения «не только материальное содержание правового регулирования в различные исторические эпохи, но дать материалистическое истолкование самому правовому регулированию, как определенной исторической форме»¹⁵. В целом призыв весьма более прогрессивный — преодолеть односторонний характер других теорий. Однако и он не был новым по своей сути. Еще в середине XIX в. популярный немецкий юрист Р. Иеринг доказывал, что право принципиально обусловлено условиями жизни общества и что оно меняет свое содержание на разных ступенях его развития. Логическая сторона права есть не что иное, как проекция, отражение его социальной структуры, его содержания. А задача юристов заключается прежде всего в наблюдении за жизнью и фиксации ее требований в форме юридических понятий с помощью специального искусства — юридической техники. Он, в частности, полагал, что законодатель, который принимает закон, не имеющий обоснования в жизненных потребностях общества, занимается «интеллектуальным хулиганством». В отличие от многих последователей Р. Иеринг оба момента — и формальный, и материальный — считал важными сторонами права, расставляя приоритеты таким образом: сначала исторически обусловленное социальное содержание (интересы, потребности, жизненные условия), а затем логическая надстройка — правовая форма. Почти то же самое говорил Е.Б. Пашуканис. Отличие, по сути, заключается в том, что он пытается доказать, что меняется не только содержание права, но и его форма. Так, Е.Б. Пашуканис пишет: «Основные юридические абстракции, которые порождаются развитым юридическим мышлением и представляют собой ближайшие определения юридической формы вообще,

⁹ Пашуканис Е.Б. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Там же. С. 19.

¹³ Там же. С. 22.

¹⁴ См.: там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 16.

отражают собой определенные и притом весьма сложные общественные отношения»¹⁶. Подробно вопрос о связи правовой формы с конкретными исторически обусловленными общественными условиями рассматривался как один из основных вопросов юридической науки в трудах А. Меркеля в 1880–1890 гг.

По Иерингу, задача теоретика права состоит в том, чтобы «возвысить практику до формы сознания»; «теория и практика единодушно действуют рядом друг с другом — практика, действуя активно и прогрессирующе, а теория, следуя за ней, и то, что добыто практикой, приводя в подобающую форму»¹⁷.

Обсуждая методы общей теории права, Е. Б. Пашуканис почти полностью опирается на классические работы немецких юристов последней четверти XIX в., особенно А. Меркеля и Р. Бирлинга. Двигаясь от простого к более сложному, от процесса в чистом виде к его более конкретным формам, по замыслу Пашуканиса, достигается методологически правильная ориентация в построении науки общей теории права. Исходя из простейших определений, согласно взглядам Е. Б. Пашуканиса, воссоздается конкретная совокупность простейших правовых элементов, но уже как «единство, богатое внутренними зависимостями и отношениями»¹⁸. Общество, население, государство должны являться результатом и конечной ступенью рассуждений теоретика права, а не исходным пунктом.

Р. Бирлинг предложил трактовать задачу «общего учения о праве» как «системное изложение тех юридических понятий и принципов, которые, в сущности, — согласно их неизменной сути — независимы от индивидуальной особенности какого-то определенного (конкретного) позитивного права»¹⁹. Аналогичную позицию выражал другой видный представитель немецкой юридической мысли К. Бергбом²⁰.

Еще раньше А. Меркель рассматривал концентрацию на ясном понятии, возрастание до все более общих понятий, как элемент «философского» освоения предмета права и настойчиво предупреждал об опасности преувеличения формального

подхода. «Формальная философия права, которая намерено не принимает во внимание то, что характеризует и объясняет содержание права и его развитие, подвергалась бы опасности превратиться в чистую схоластику»²¹.

Е. Б. Пашуканис пишет: «Основной предпосылкой правового регулирования является, таким образом, противоположность частных интересов. Это в одно и то же время логическая предпосылка юридической формы и реальная причина развития юридической надстройки. Поведение людей может регулироваться самыми сложными правилами, но юридический момент в этом регулировании начинается там, где начинается обособленность и противоположность интересов»²².

Это определение явно отсылает даже не к марксизму, а к работам А. Меркеля, который в 1880-х — начале 1890-х гг. разработал общее учение о праве на основе идеи о том, что в основе права лежит противоположность частных интересов, а право в своих проявлениях имеет характер компромисса. Именно противоположность частных интересов является как логическим, так и реальным основанием возникновения права, что в трактовке А. Меркеля разделяется на представление о праве как учении и как реально действующей силе. Основная задача права — водворять мир, разграничивая сферы свободы, утверждая таким образом правовой порядок. В связи с этим он сравнивал право с тем, какую функцию выполняют мирные договоры. «Право, таким образом, всегда будет содержать элементы внутренне необоснованного предпочтения или пренебрежения определенными интересами, т.е. элементы партийности и несправедливости. И партийность эта постоянно будет выражением различия сил; названное предпочтение позволит распознать относительно конкретного времени более сильную сторону, а пренебрежение — более слабую»²³.

«Интересы, которым служит право и которые оказывают влияние на его содержание и его действие, не находятся в совершенной гармонии в отношении друг друга, и среди них имеет место конкуренция в отношении влияния»²⁴. «Человеческие интересы не находятся между собой в потребной

¹⁶ Пашуканис Е. Б. Указ. соч. С. 19.

¹⁷ Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 / Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998. S. 91.

¹⁸ Пашуканис Е. Б. Указ. соч. С. 25.

¹⁹ См.: Bierling E. R. Juristische Prinzipienlehre. Teil: Bd. 1. Freiburg i. B. [u.a.], 1894. S. 1.

²⁰ См.: Bergbohm K. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Teil: Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. Leipzig, 1892. S. 37, 63.

²¹ Merkel A. Besprechung von Bergbohm // Hinterlassene Fragmente und Gesammelte Abhandlungen. Teil 2: Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiet der allgemeinen Rechtslehre und des Strafrechts. Teil: Hälfte 2. Straßburg, 1899. S. 731.

²² Пашуканис Е. Б. Указ. соч. С. 37.

²³ Merkel A. Recht und Macht, Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, Bd. 5. Leipzig, 1881. S. 22.

²⁴ Merkel A. Elemente der allgemeinen Rechtslehre // Hinterlassene Fragmente und Gesammelte Abhandlungen. Teil 2: Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiet der allgemeinen Rechtslehre und des Strafrechts. Straßburg, 1899. S. 596.

для этого гармонии. И это верно даже для законных интересов, для которых подобную гармонию считали возможной. Глубокие контрасты коренятся не во взглядах на добро и зло, а в сложности человеческой природы и условий человеческого существования и развития и, подобно ей, непоборимы»²⁵.

Средством разрешения социальных противоречий, по Меркелю, является право, которое «носит во всех своих частях *характер компромисса*»²⁶. «Как и всякий компромисс, право основывается на признании законности точек зрения обеих сторон. И как всякий компромисс, право указывает на соотношение между силами сторон той мерой, в какой принимаются или не принимаются во внимание притязания каждой из них»²⁷.

Мирный порядок, на установление которого направлено действие права, «оказывается выражением данного соотношения сил, которые благодаря ему только избавляются от бесконечной борьбы и от необходимости ежедневно подвергаться бесцельному испытанию...»; «он имеет значение, хотя и не абсолютное, именно как мирный порядок, каково бы ни было это соотношение сил»²⁸.

У Маркса речь шла о принципиальной непримиримости классовых интересов, исправление чего представлялось ему возможным только путем радикального преобразования социальной действительности, прежде всего устранения самих причин, порождающих соответствующие противоречия, а именно ликвидация частной собственности и других атрибутов классового общества. У Иеринга вопрос ставился о защите интересов: частных и социальных, материальных и этических. Согласно учению Меркеля, противоречия неустранимы; они есть социальная закономерность, но право может поддерживать необходимый баланс — компромисс сталкивающихся и конфликтующих интересов. Е. Б. Пашуканис не столь радикален как Маркс в утверждении противоположности частных интересов как причины, порождающей право. Иеринг и Меркель исходили из того, что правовая форма остается в принципе неизменной; она развивается, но суть не меняется. А вот содержание права меняется. Знаменита формула Р. Иеринга о том, что «содержание права не только *может*, но и *должно* быть бесконечно разнообразным», «идея, что право в принципе должно быть повсюду одним и тем же, ничуть не лучше, чем то, что медицинское лечение всех болезней должно быть одинаковым — универсальное право для всех народов и времен стоит

в одном ряду с универсальным рецептом для всех болезней, это вечно разыскиваемый философский камень, который в действительности могут надеяться найти не мудрецы, а лишь глупцы»²⁹.

Е. Б. Пашуканис отстаивал мысль о том, что с учетом формационного представления об истории меняется не только содержание права, т.е. материя конкретного правового регулирования, но также и само право, т.е. правовая форма, что на смену правовым категориям (основным юридическим понятиям) буржуазного права должны прийти правовые категории пролетарского (социалистического) права. Раз марксизм связывал существование буржуазного права с основными экономическими институтами буржуазного общества, значит, принципиальная смена экономического базиса непременно, согласно такой логике, должна вызвать к жизни и новые правовые категории, до тех пор пока не будет достигнут желаемый идеал коммунистического общества, в котором будут реализованы планы по принципиальному искоренению всех тех начал, которые порождали как сами противоречия, так и порожденное ими право.

Право как совокупность норм, по мнению Е. Б. Пашуканиса, есть «не более как безжизненная абстракция»³⁰. Первичной клеточкой правовой ткани выступает у него юридическое отношение. Нормы, которые представляют собой логическое содержание, выводятся из существующих отношений. Издаваемый государством закон — это только «симптом, по которому можно судить с некоторой долей вероятности о возникновении в ближайшем будущем соответствующих отношений»³¹.

В духе Р. Иеринга (аналогичную точку зрения в дальнейшем развивал в русской литературе Б. А. Кистяковский) Е. Б. Пашуканис говорит, «чтобы утверждать объективное существование права, нам недостаточно знать его нормативное содержание, но нужно знать, осуществляется ли это нормативное содержание в жизни, т.е. в социальных отношениях»³².

У Р. Иеринга ключевой посылкой трактовки права (еще в «Духе римского права» — начало 1850-х годов) был тезис о том, что основная функция права состоит в том, чтобы осуществляться. То, что не осуществляется, вовсе не признается правом. И наоборот, то, что осуществляется, что осуществляет эту функцию, признается таковым, даже если оно как таковое не признано (обычное

²⁵ Меркель А. Сила и право. Одесса, 1895. С. 30, 31.

²⁶ Там же. С. 33.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 36.

²⁹ Jhering R. Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / Erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904. S. 342.

³⁰ Пашуканис Е. Б. Указ. соч. С. 41.

³¹ Там же. С. 42.

³² Там же. С. 43.

право)³³. Цель права состоит в обеспечении жизненных условий общества, удовлетворении потребностей жизни, гарантированном удовлетворении фактических интересов или перспективы такового, но, правда, только таких, которые являются «социально полезными».

А вот иерингианские размышления Е.Б. Пашуканиса. «Таким образом, для юриста-догматика в узких пределах его чисто технической задачи на самом деле не существует ничего, кроме норм, и он может преспокойным образом отождествлять право и норму. В случае обычного права он волеиневолей должен обращаться к действительности, но в случае, когда высшей нормативной предпосылкой для юриста или, выражаясь на его техническом языке, источником права является государственный закон, рассуждения юриста-догматика о “действующем” праве вовсе не обязательны для историка, который хочет изучать действительно существовавшее право. Научное, т.е. теоретическое, изучение может считаться только с фактами. Если известные отношения действительно сложились, значит создано соответствующее право, если же был только издан закон или декрет, но соответствующих отношений на практике не возникло, значит была попытка создать право, но эта попытка не удалась»³⁴.

Уже в первых больших произведениях («Дух римского права на различных ступенях его развития», 1852) в правовых понятиях Р. Иеринг видит «правовую структуру действительности»³⁵. «Дух какого-нибудь права», по Иерингу, может быть постигнут только через изучение «реальных обстоятельств жизни, действительности права»³⁶.

Р. Иеринг последовательно отстаивает мысль, что правовые понятия характеризуют логическую структуру права и одновременно выражают правовую структуру социальной действительности. Еще в «Духе римского права» Иеринг признавал заблуждением, когда при исследовании права полагают, что «делают что-то возвышенное и великое, если материал переработать таким образом, как будто он является эманацией понятия, чтобы понятие таким образом явилось бы первоначальным, само по себе существующим, между тем как в действительности *все логическое построение права*, каким бы совершенным оно ни было, *является второстепенным* (курсив наш), продуктом цели, которой оно должно служить»³⁷. Кроме того,

«то, что понятия имеют ту или иную форму, свою причину имеет как раз в том, что они лишь в этой форме удовлетворяют потребностям жизни»³⁸.

Е.Б. Пашуканис пишет: «Совершенно очевидно, что логика юридических понятий соответствует логике социальных отношений товаропроизводящего общества, и именно в них, в этих отношениях, а не в разрешении начальства следует искать корень системы частного права. Наоборот, логика отношений власти и подчинения лишь отчасти укладывается в систему юридических понятий»³⁹.

Для Е.Б. Пашуканиса, сводящего все вопросы права к вопросам эквивалентного обмена и действия некоторых закономерностей товарообменных отношений, образцом права является сфера частного права, в которой обменные отношения и частный интерес получают самое наглядное представление и развитие. Всю остальную правовую материю и форму он объясняет исключительно как проекцию частного права. Его не раз обоснованно упрекали в том, что он суживает проблему права, ограничивает ее хотя и, безусловно, важной, но все же лишь одной из сфер права.

Основные положения т.н. меновой теории права, которую изложил Е.Б. Пашуканис в своей работе «Общая теория права и марксизм», заключаются в следующем. «Правопорядок именно тем и отличается от всякого иного социального порядка, что он рассчитан на частных обособленных субъектов»⁴⁰; «основной предпосылкой, при которой все эти конкретные нормы имеют смысл, является наличие товарно-денежного хозяйства. Только при этой предпосылке юридический субъект имеет свой материальный субстрат в лице эгоистического хозяйствующего субъекта, которого закон не создает, но находит. Там, где этот субстрат отсутствует, соответствующее юридическое отношение а priori немыслимо»⁴¹; «субъективное право первично, ибо оно в конечном счете опирается на материальный интерес, который существует независимо от внешнего, т.е. сознательного, регулирования социальной жизни», а «субъект как носитель и адресат всех возможных требований, цепь субъектов, связанных требованиями, обращенными друг к другу, — вот основная юридическая ткань, отвечающая экономической ткани, т.е. производственным отношениям общества, покоящегося на разделении труда и обмене»⁴²; «субъективные публичные права — это... те же самые воскресшие и несколько

³³ См.: Jhering R. Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig, 1852. S. 41.

³⁴ Пашуканис Е.Б. Указ. соч. С. 43.

³⁵ Jhering R. Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. S. 30.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. S. 40.

³⁸ Ibid.

³⁹ Пашуканис Е.Б. Указ. соч. С. 50.

⁴⁰ Там же. С. 55.

⁴¹ Там же. С. 48.

⁴² Там же. С. 53.

преобразившиеся частные права (а следовательно, и частные интересы), вторгающиеся в сферу, где должен был бы господствовать безличный всеобщий интерес, отраженный в нормах объективного права»⁴³; «государственное право может существовать только как отображение частноправовой формы в сфере политической организации, или оно вообще перестает быть правом»⁴⁴; «характерной же чертой буржуазного общества является именно тот факт, что общие интересы отрываются от частных и им противопоставляются, но в этом противопоставлении они сами невольно принимают форму частных интересов, т.е. форму права»⁴⁵; «понятие публичного права может быть развито только в этом его движении, в котором оно как бы постоянно отталкивается от частного права, стремясь определить себя как противоположность последнего, и затем вновь возвращается к нему как к своему центру тяготения»⁴⁶.

Далее, что относится к основному содержанию меновой теории права Е.Б. Пашуканиса: «всякое юридическое отношение есть отношение между субъектами», а «субъект — это атом юридической теории, простейший, неразложимый далее элемент»⁴⁷. Таким образом, «подобно этому конкретное многообразие отношений человека к вещи выступает как абстрактная воля собственника, а все конкретные особенности, отличающие одного представителя вида *homo sapiens* от другого, растворяются в абстракции человека вообще как юридического субъекта»⁴⁸.

«Итак, на известной ступени развития, — пишет Е.Б. Пашуканис, — отношения людей в процессе производства получают вдвойне загадочную форму. Они, с одной стороны, выступают как отношения вещей-товаров, а с другой стороны — как волевые отношения независимых и равных друг другу единиц — юридических субъектов. Наряду с мистическим свойством стоимости появляется не менее загадочная вещь — право. Вместе с тем единое целостное отношение приобретает два основных абстрактных аспекта — экономический и юридический»⁴⁹.

Наконец, он категорически заявляет: «Итак, юридический субъект — это вознесенный в небеса абстрактный товаровладелец»⁵⁰.

Е.Б. Пашуканис попытался сформулировать не столько общую теорию права, сколько марксистски ориентированную критику существующих подходов в общей теории права. Попытки преодолеть односторонние черты других юридических концепций не привели его к какой-то действительно разработанной общей теории права. То, что вопросы гражданского оборота, включая и обмен, даже в его примитивных формах и представлениях о нем, оказывали всегда большое влияние на развитие юридических конструкций и понятий, формирование различных правовых институтов и сфер права, давно известный факт, который лишь приобрел более отчетливые характеристики в работах Е.Б. Пашуканиса. Достаточно привести сочинения Р. Иеринга середины XIX в., его же «Цель в праве» (т. 1), где тот подробно рассуждает о роли гражданского оборота в формировании права. Именно с этого начинается его телеологическая концепция права. В «Духе римского права» еще более основательно показано влияние различных исторических и социальных условий на формирование права, прежде всего именно частного права. Идея обмена и эквивалента — существенные моменты формирования человеческой культуры вообще. Однако сводить к ним все многообразие форм деятельности и объяснять этим природу права было бы такой односторонностью, против которых выступал Е.Б. Пашуканис. Вероятно, его творческая задача заключалась именно в принципиальной критике самой идеи частного собственника, для появления которой, действительно, представление об автономии товаровладельца, пусть в ее ограниченных простейших формах, обусловливается в значительной степени именно экономической категорией связи с вещью как товаром. Поэтому его «опыт критики основных юридических понятий» посвящен не столько разработке вопросов о специфике правовой формы, сколько разоблачению правовой формы как таковой, наиболее развитой в буржуазном обществе. Необходимости создавать теорию права не было, поскольку речь шла лишь о преодолении права как атрибута предшествующих социально-экономических формаций, в особенности буржуазного типа, так как право должно было сохраниться лишь временно для обеспечения перехода к новому строю, в котором устраняются противоречия, в особенности между частным и социальным интересом, что сопровождается утверждением плановой социальной организации.

Соответственно, Е.Б. Пашуканис пишет, что «форма права как таковая не таит в себе в нашу переходную эпоху тех неограниченных возможностей, которые открывались в ней для буржуазно-капиталистического общества на заре его рождения. Наоборот, она временно замыкает нас в свои

⁴³ Пашуканис Е.Б. Указ. соч. С. 56.

⁴⁴ Там же. С. 57.

⁴⁵ Там же. С. 57, 58.

⁴⁶ Там же. С. 59.

⁴⁷ Там же. С. 62.

⁴⁸ Там же. С. 65.

⁴⁹ Там же. С. 69.

⁵⁰ Там же. С. 71.

узкие горизонты. Она существует только для того, чтобы окончательно исчерпать себя»⁵¹.

Аналогичной интерпретации подвергаются и вопросы соотношения права и морали. «В самом деле, человек как моральный субъект, т.е. как равноценная личность, есть не более как условие обмена по закону стоимости. Таким же условием является человек как субъект прав, т.е. как собственник. И, наконец, оба эти определения самым тесным образом связаны с третьим, в котором человек фигурирует в качестве эгоистического хозяйствующего субъекта»⁵². К этому Е.Б. Пашуканис добавляет: «Основные понятия морали не имеют поэтому никакого смысла, если мы оторвем их от товаропроизводящего общества и попробуем применять к какой-либо иной общественной структуре»⁵³.

«Моральное бытие, — заявляет Е.Б. Пашуканис, — является необходимым восполнением юридического бытия, — и то и другое суть способы общения людей, производящих товары»⁵⁴.

Несмотря на явную радикализацию и утрированность отношений права и морали, объяснение их исключительно политэкономическим языком, в целом в науке рубежа XIX–XX вв. можно найти немало схожих примеров принципиального исключения вопросов морального характера или ценностных характеристик из обсуждения права. Появлялись концепции социологической морали, которая должна была измеряться строго эмпирическими методами, утилитарные концепции пользования моральными и юридическими знаниями, например, в виде прагматизма, различные варианты принципиального размежевания юридического и морального моментов в понимании права. Например, американские реалисты предлагали представить право исключительно с циничной точки зрения, лишь калькулируя последствия задействования публичной силы и отбрасывая любые моральные соображения. Можно привести пример «Чистого Учения о Праве» Г. Кельзена, в котором тот предлагал исключить из теории права вопросы морали. Хотя при этом даже само название работы, все слова которого написаны именно с большой буквы, указывало на подобие теологическим работам, в чем признавался и сам автор, не говоря уже о том, что речь шла именно о «теории *интерпретации* правовых норм», что само по себе не позволяет исключить субъективный аспект и претендовать на какую-либо объективную, пусть даже гносеологическую, чистоту.

⁵¹ Пашуканис Е.Б. Указ. соч. С. 82.

⁵² Там же. С. 97.

⁵³ Там же. С. 100.

⁵⁴ Там же.

Наконец, Е.Б. Пашуканис резюмирует: «Итак, следует иметь в виду, что мораль, право и государство суть формы буржуазного общества»⁵⁵. «Если пролетариат вынужден ими пользоваться, — добавляет он, — то это вовсе не обозначает возможности дальнейшего развития этих форм в сторону наполнения их социалистическим содержанием. Они неспособны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации»⁵⁶.

Не исключением в меновой теории Пашуканиса стало и уголовное право, которое также рассматривалось в качестве «одной из разновидностей той основной формы, которой подчинено современное общество, — формы эквивалентного обмена со всеми вытекающими из нее последствиями. Реализация этого отношения в уголовном праве есть одна из сторон реализации правового государства как идеальной формы общения независимых и равных товаропроизводителей, сталкивающихся на рынке»⁵⁷.

В дальнейшем Е.Б. Пашуканис под влиянием политических обстоятельств существенно менял взгляды, чуть ли не отказываясь от своих изначальных идей⁵⁸. Наиболее существенные изменения касались упрека в недостаточном понимании им классового интереса и установления диктатуры пролетариата, роли права в переходный период. Важным был политический компонент, который не получил у Е.Б. Пашуканиса должного освещения. Он пытался выяснить заданную марксизмом обусловленность правовой формы экономическим базисом, утверждая, что и сама форма должна принципиально измениться. В дальнейшем он отказался и от этого утверждения.

В зарубежной литературе изменения в характере и содержании творческих взглядов Е.Б. Пашуканиса часто именуют отходом от марксистской теории права в сторону сталинистской теории права, как ее называют иностранные авторы.

В 1973 г. немецкий ученый-юрист, проф. Н. Рейх в статье «Марксистская теория между революцией и сталинизмом»⁵⁹ писал, что «наследие Маркса

⁵⁵ Там же. С. 104.

⁵⁶ Там же. С. 105.

⁵⁷ Там же. С. 118.

⁵⁸ См.: Пашуканис Е.Б. Экономика и правовое регулирование // Революция права. 1929. № 4. С. 12–32; *Его же*. Основные проблемы марксистской теории права и государства // Сов. государство и революция права. 1931. № 1. С. 11–40; *Его же*. Положение на теоретическом правовом фронте // Сов. государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 16–49; *Его же*. Проблемы государства и права в свете решений XVII партконференции // Сов. государство. 1932. № 4. С. 5–33.

⁵⁹ Reich N. Marxistische Rechtstheorie Zwischen Revolution Und Stalinismus: Das Beispiel Pašukanis // Kritische Justiz. 1975. Vol. 5. No. 2. S. 154–162.

и Энгельса в области теории права все еще дожидается своего научного освоения»⁶⁰. Он ссылаясь на замечание Е.Б. Пашуканиса, сделанное им в 1924 г. по поводу дефицита работ по марксистской теории права, признавая данное замечание с некоторыми оговорками совершенно справедливым. При этом, по мнению Н. Рейха, в настоящее время (начало 1970-х годов) абсолютно закономерно фиксируется рост интереса к исследованиям в области марксистской теории права, заметное увеличение количества публикаций по данной тематике. Речь прежде всего идет о западной литературе. В своих оценках ученый исходил из того, что «существование догматизированной социалистической теории права в социалистических странах, особенно в СССР», не облегчает задачу разъяснения смысла и характера марксистской теории права⁶¹. Связанный с разъяснением «развития советского учения о праве» труд Д. Пфаффа (Кельн, 1968)⁶² признавался неубедительным и вовсе ненаучным.

Н. Рейх полагал, что развитию марксистской теории права мешает по-прежнему сохранявшаяся цензура, обусловленная связанной «со сталинизмом революционной марксистской теорией права»⁶³. В интерпретации ученого «переход от революционно-критического к сталинистскому понятию права осуществился парадоксальным образом в личности теоретика права, который для многих идентичен с революционно-марксистской теорией права, а именно в Пашуканисе»⁶⁴.

В работах раннего Пашуканиса упомянутый немецкий правовед находит не столько теорию права вообще, сколько теорию гражданского права. По мнению Н. Рейха, это важное обстоятельство. Его внимание, в частности, привлекло утверждение Пашуканиса, что основные черты буржуазного частного права являются одновременно также характерными признаками правовой надстройки вообще⁶⁵.

Ф. Ханшманн так описывает подлинную задачу «материалистической теории права»: «сосредоточение внимания на экономике, доминирующей в других социальных системах, при сохранении социальной контекстуализации права и одновременном учете самостоятельности правовой формы»⁶⁶. Автору этого определения представляется, что материалистическая теория права получила

новые импульсы для своего развития только после того, как исчезли «империи реального социализма». И теперь, опираясь на Маркса и его некоторых (не всех!) последователей, такая марксистская по духу и материалистическая по своим ориентациям теория права может быть воссоздана или реабилитирована. Конечно же, названный автор лукавит, говоря о том, что «реальный социализм» мог мешать развитию правовой теории на основе марксизма. Никто и никогда не запрещал, по крайней мере прямо, заниматься проблематикой марксизма, в частности, в западной юридической и иной общественно-политической литературе. Так что аргумент Ханшманна выглядит довольно примитивно. Кроме того, в немецкой литературе второй половины XX в. были проекты реальных учений о праве, которые вполне могли бы заслуживать внимания в контексте вопроса о возможности обоснования материалистической теории права.

Ф. Ханшманн приводит пример характеристик разных авторов, которые в своих подходах к праву акцентировали внимание на наличии у него некоей «собственной» смысловой структуры: «призрачный собственный мир права», «собственный нормативный смысл» (у Хабермаса), «собственная специфическая закономерность» (у Кельзена), «аутопоэтические условия воспроизведения» (у Лумана), «собственная динамика» (Тойбнер, Фишер-Лескано), которые предполагают признание самостоятельного значения права, не зависящего от других сфер общественной жизни и условий. Поэтому Ханшманн полагает, что марксистская теория права, которая относится к нему как к внешнему декоративному образу, маске для экономических структур, изначально никогда не могла бы претендовать на роль теории права⁶⁷. Современный же материализм, как полагает Ханшманн, предполагает «материальность общественной практики» и включенность условий возникновения и воспроизводства правовых отношений в общественную практику, а поэтому на такой основе материалистическая теория права должна быть теорией одновременно социальной и правовой, или иначе «общественно-правовой теорией»⁶⁸.

Немецкая исследовательница С. Букель в своей диссертации, посвященной «реконструкции материалистической теории права», выступает в настоящее время протагонистом неоматериалистического понимания права и соответствующей теории⁶⁹.

⁶⁰ Reich N. Op. cit. S. 154.

⁶¹ См.: *ibid.*

⁶² См.: Pfaff D. Die Entwicklung der sowjetischen Rechtslehre. Köln, 1968.

⁶³ Reich N. Op. cit. S. 154.

⁶⁴ *Ibid.*

⁶⁵ См.: Пашуканис Е.Б. Указ. соч.

⁶⁶ Hansmann F. Eine Rehabilitierung Materialistischer Rechtstheorie // Kritische Justiz. 2008. Vol. 41. No. 1. S. 82–94.

⁶⁷ См.: *ibid.* S. 2.

⁶⁸ Hansmann F. Op. cit. S. 2; см. также: Wiethölter R. Recht-Fertigkeiten eines Gesellschafts-Rechts, in: Gunther Teubner / Christian Joerges (Hrsg.), Rechtsverfassungsrecht. Baden-Baden, 2005. S. 13.

⁶⁹ См.: Buckel S. Neo-Materialistische Rechtstheorie // Neue Theorien des Rechts / hrsg. von Sonja Buckel; Ralph Christensen und Andreas Fischer-Lescano. Stuttgart, 2006. S. 117–138.

Однако она пытается реконструировать и разработать материалистическую теорию права на основе марксизма, признавая его исходное значение, и двух популярных в XX в. теорий Н. Лумана и Ю. Хабермаса. Обе теории — системная и дискурсивная — создают довольно причудливые формы понимания права с материалистических, по задумке автора, позиций⁷⁰. Подход С. Букель весьма оригинальный. Противоречия между марксизмом и указанными теориями XX в. автором, как правило, игнорируются. Она не вступает в полемику, а лишь пытается вывести некие постулаты для реабилитации и модернизации материалистического подхода к праву, прежде всего в современном прочтении. «Там, где имеют место “интерференции” между связанными между собой системами и где коммуникативное событие является не только коммуникацией *одной* общественной системы, но одновременно всеобщей коммуникацией, материалистическая теория права скорее может найти точки соприкосновения, чем там, где можно наблюдать только “структурные сцепления” и приписывать коммуникации педантично только одной системе»⁷¹. На этой позиции стоит С. Букель, доказывая возможность исправления недостатков прежних подходов к разработке материалистической теории на основе системно-дискурсивных аргументов. Она, в частности, полагает, что таким образом обеспечивается обособление или овеществление социальных отношений, а характерное для системных подходов самовоспроизведение права при помощи его собственного языка, т.н. правовой коммуникации, рассматривается как схожее с материалистическим пониманием права, т.е. право интерпретируется как некий возвратный процесс, в котором практически осуществляемые отношения разрабатываются до юридических норм правопорядка.

Свои идеи о возможности материалистической теории права С. Букель развивает на основе анализа произведений некоторых марксистских авторов, а именно Ф. Ноймана, О. Кирхмейера и Е.Б. Пашуканиса. Последнего она считает первым, кто попытался разрешить противоречия марксистской теории права, отмечая при этом, что другие два автора также не сумели преодолеть данные противоречия. С. Букель пишет, что вместе с Пашуканисом, исследующим иерархические связи между политико-экономической действительностью и правом, впервые марксистский теоретик права касается проблематики самостоятельности права. Это ложная трактовка. Проблема самостоятельности права и вообще его судеб разрабатывалась

многими авторами в самом разнообразном диапазоне: от восхищения до отрицания. Идеи Пашуканиса подвергались интенсивной критике во французской литературе 1970-х годов. С. Букель попыталась выступить в защиту теории Пашуканиса.

Ф. Ханшманн подчеркивает, что в западной литературе имеется существенный дефицит информации о Е.Б. Пашуканисе⁷².

Р. Гиорги высказывает сомнения относительно возможности построения собственно марксистской теории права, так как ни Маркс, ни Энгельс не оставили теоретико-правовых сочинений, а то, что именуется обычно марксистской теорией права, сводится к представлениям австромарксистов и первых советских правоведов⁷³. Он, в частности, пишет: «У них речь идет о преодолении буржуазного права и его структур, они хотят другого права и ставят себе поэтому радикальный вопрос о продуцировании ее (теории права. — доб. нами) теоретического объекта»⁷⁴. По мнению Р. Гиорги, марксистские теоретики права вместо подлинной разработки вопроса о теоретическом объекте их науки говорят об определенном праве как о некоей данности, обнаруженной эмпирически, которая лишь в отдельных деталях подлежит критике и в целом как данность подлежит признанию.

* * *

Евгений Брониславович Пашуканис был весьма образованным и эрудированным человеком. Его работы позволяют легко убедиться, что он был хорошо знаком с основными вопросами и течениями современной ему юридической мысли. Его обзорные источниковедческие статьи содержат много ценных размышлений и реферативных данных, которые позволяют легче и точнее понять основные дискуссии времени. С точки зрения преемственности и новизны в работах Е.Б. Пашуканиса много эклектизма, но при этом он оказывается первым правоведом в отечественной и зарубежной литературе, кто попытался доктринально разработать хотя бы некоторые исходные положения, на которых могла бы развиваться марксистская теория права. Любой исследователь за рубежом, обсуждающий марксистские идеи, обязательно сталкивается с Е.Б. Пашуканисом, творчество которого стало заметным водоразделом в марксистском правоведении.

⁷² См.: *ibid.* S. 86, сноска.

⁷³ См.: *Giorgi de R.* Zur Kritik Der Sogenannten Marxistischen Rechtstheorie: eine Auseinandersetzung mit Wolf Paul // *Kritische Justiz.* 1976. Vol. 9. No. 3. S. 271–277.

⁷⁴ *Ibid.* S. 271.

⁷⁰ См.: *Buckel S.* Subjektivierung und Kohäsion: zur Rekonstruktion einer materialistischen Theorie des Rechts. Weilerswist, 2015.

⁷¹ Цит. по: *Hanschmann F.* *Op. cit.* S. 82–94.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М., 1994. С. 89, 90; т. 6. Религия в пределах разума. Метафизика нравов. С. 242.
2. *Меркель А.* Сила и право. Одесса, 1895. С. 30, 31, 33, 36.
3. *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий). М., 1924. С. 11, 13, 16, 19, 20, 22, 24, 25, 37, 41–43, 48, 50, 53, 55–59, 62, 65, 69, 71, 82, 97, 100, 104, 105, 118.
4. *Пашуканис Е.Б.* Основные проблемы марксистской теории права и государства // Сов. государство и революция права. 1931. № 1. С. 11–40.
5. *Пашуканис Е.Б.* Положение на теоретическом правовом фронте // Сов. государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 16–49.
6. *Пашуканис Е.Б.* Проблемы государства и права в свете решений XVII партконференции // Сов. государство. 1932. № 4. С. 5–33.
7. *Пашуканис Е.Б.* Экономика и правовое регулирование // Революция права. 1929. № 4. С. 12–32.
8. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 203.
9. *Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории / пер. со 2-го нем. изд. [М.К. Покровского, А.А. Мейера и И.А. Давыдова]; под ред. и с вступ. ст. И.А. Давыдова. СПб., 1907. Т. 1–2.
10. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Teil: Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. Leipzig, 1892. S. 37, 63.
11. *Bierling E.R.* Juristische Prinzipienlehre. Teil: Bd. 1. Freiburg i. B. [u.a.], 1894. S. 1.
12. *Bierling E.R.* Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe / von Ernst Rudolph Bierling. Teil: 1. Th. Gotha, 1877; 1883. Teil: 2.
13. *Buckel S.* Neo-Materialistische Rechtstheorie // Neue Theorien des Rechts / hrsg. von Sonja Buckel; Ralph Christensen und Andreas Fischer-Lescano. Stuttgart, 2006. S. 117–138.
14. *Buckel S.* Subjektivierung und Kohäsion: zur Rekonstruktion einer materialistischen Theorie des Rechts. Weilerswist, 2015.
15. *Giorgi de R.* Zur Kritik Der Sogenannten Marxistischen Rechtstheorie: eine Auseinandersetzung mit Wolf Paul // Kritische Justiz. 1976. Vol. 9. No. 3. S. 271–277.
16. *Hanschmann F.* Eine Rehabilitierung Materialistischer Rechtstheorie // Kritische Justiz. 2008. Vol. 41. No. 1. S. 2, 82–94.
17. *Jhering R.* Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig, 1852. S. 30, 40, 41.
18. *Jhering R.* Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / Erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904. S. 342.
19. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 / Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998. S. 91.
20. *Kirchmann J.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag / gehalten... vom Staatsanwalt v. Kirchmann. Berlin, 1848.
21. *Merkel A.* Besprechung von Bergbohm // Hinterlassene Fragmente und Gesammelte Abhandlungen. Teil 2: Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiet der allgemeinen Rechtslehre und des Strafrechts. Teil: Hälfte 2. Straßburg, 1899. S. 731.
22. *Merkel A.* Elemente der allgemeinen Rechtslehre // Hinterlassene Fragmente und Gesammelte Abhandlungen. Teil 2: Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiet der allgemeinen Rechtslehre und des Strafrechts. Straßburg, 1899. S. 596.
23. *Merkel A.* Recht und Macht, Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, Bd. 5. Leipzig, 1881. S. 22.
24. *Pfaff D.* Die Entwicklung der sowjetischen Rechtslehre. Köln, 1968.
25. *Reich N.* Marxistische Rechtstheorie Zwischen Revolution Und Stalinismus: Das Beispiel Pašukanis // Kritische Justiz. 1975. Vol. 5. No. 2. S. 154–162.
26. *Wiethölter R.* Recht-Fertigungen eines Gesellschafts-Rechts, in: Gunther Teubner / Christian Joerges (Hrsg.), Rechtsverfassungsrecht. Baden-Baden, 2005. S. 13.

REFERENCES

1. *Kant I.* Collected works: in 8 vols. Vol. 3. Criticism of pure reason. M., 1994. Pp. 89, 90; vol. 6. Religion within the mind. Metaphysics of morals. P. 242 (in Russ.).
2. *Merkel A.* Force and law. Odessa, 1895. Pp. 30, 31, 33, 36 (in Russ.).
3. *Pashukanis E.B.* General theory of law and Marxism (The experience of criticism of basic legal concepts). M., 1924. Pp. 11, 13, 16, 19, 20, 22, 24, 25, 37, 41–43, 48, 50, 53, 55–59, 62, 65, 69, 71, 82, 97, 100, 104, 105, 118 (in Russ.).
4. *Pashukanis E.B.* The main problems of the Marxist theory of law and the state // Soviet State and the Revolution of Law. 1931. No. 1. Pp. 11–40 (in Russ.).
5. *Pashukanis E.B.* The situation on the theoretical legal front // Soviet State and the Revolution of Law. 1930. No. 11–12. Pp. 16–49 (in Russ.).
6. *Pashukanis E.B.* Problems of the state and law in the light of the decisions of the XVII Party conference // Soviet state. 1932. No. 4. Pp. 5–33 (in Russ.).
7. *Pashukanis E.B.* Economics and legal regulation // Revolution of Law. 1929. No. 4. Pp. 12–32 (in Russ.).
8. *Petrzhitsky L.I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. SPb., 2000. P. 203 (in Russ.).
9. *Shtammler R.* Economy and law from the point of view of the materialistic understanding of history / transl. from the 2nd German ed. [M.K. Pokrovsky, A.A. Meyer and I.A. Davydov]; ed. and with an introduction by I.A. Davydov. St. Petersburg, 1907. Vol. 1–2 (in Russ.).
10. *Bergbohm K.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Teil: Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart. Leipzig, 1892. S. 37, 63.
11. *Bierling E.R.* Juristische Prinzipienlehre. Teil: Bd. 1. Freiburg i. B. [u.a.], 1894. S. 1.

12. *Bierling E.R.* Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe / von Ernst Rudolph Bierling. Teil: 1. Th. Gotha, 1877; 1883. Teil: 2.
13. *Buckel S.* Neo-Materialistische Rechtstheorie // Neue Theorien des Rechts / hrsg. von Sonja Buckel; Ralph Christensen und Andreas Fischer-Lescano. Stuttgart, 2006. S. 117–138.
14. *Buckel S.* Subjektivierung und Kohäsion: zur Rekonstruktion einer materialistischen Theorie des Rechts. Weilerswist, 2015.
15. *Giorgi de R.* Zur Kritik Der Sogenannten Marxistischen Rechtstheorie: eine Auseinandersetzung mit Wolf Paul // Kritische Justiz. 1976. Vol. 9. No. 3. S. 271–277.
16. *Hanschmann F.* Eine Rehabilitierung Materialistischer Rechtstheorie // Kritische Justiz. 2008. Vol. 41. No. 1. S. 2, 82–94.
17. *Jhering R.* Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig, 1852. S. 30, 40, 41.
18. *Jhering R.* Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / Erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904. S. 342.
19. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 / Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998. S. 91.
20. *Kirchmann J.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag / gehalten... vom Staatsanwalt v. Kirchmann. Berlin, 1848.
21. *Merkel A.* Besprechung von Bergbom // Hinterlassene Fragmente und Gesammelte Abhandlungen. Teil 2: Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiet der allgemeinen Rechtslehre und des Strafrechts. Teil: Hälfte 2. Straßburg, 1899. S. 731.
22. *Merkel A.* Elemente der allgemeinen Rechtslehre // Hinterlassene Fragmente und Gesammelte Abhandlungen. Teil 2: Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiet der allgemeinen Rechtslehre und des Strafrechts. Straßburg, 1899. S. 596.
23. *Merkel A.* Recht und Macht, Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, Bd. 5. Leipzig, 1881. S. 22.
24. *Pfaff D.* Die Entwicklung der sowjetischen Rechtslehre. Köln, 1968.
25. *Reich N.* Marxistische Rechtstheorie Zwischen Revolution Und Stalinismus: Das Beispiel Pašukanis // Kritische Justiz. 1975. Vol. 5. No. 2. S. 154–162.
26. *Wiethölter R.* Recht-Fertigungen eines Gesellschafts-Rechts, in: Gunther Teubner / Christian Joerges (Hrsg.), Rechtsverfassungsrecht. Baden-Baden, 2005. S. 13.

Сведения об авторах

САВЕНКОВ Александр Николаевич —
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
директор Института государства и права
Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич —
доктор юридических наук,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного Центра
философско-правовых исследований
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. —
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Director of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

GORBAN Vladimir S. —
Doctor of Law,
Head of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Head of the Interdisciplinary Center
for Philosophical and Legal Studies,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

© 2024 г. В. В. Руденко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Поступила в редакцию 30.08.2024 г.

Аннотация. В статье анализируется роль Российской академии наук в формировании и реализации политики памяти в России. Дана оценка документов стратегического планирования федерального уровня с точки зрения потенциала участия Российской академии наук в политике памяти. Показаны способы участия Российской академии наук в институциональной и инструментальной основах политики памяти. Сделан вывод о необходимости совершенствования российского законодательства в части повышения значимости роли Российской академии наук как участника реализации политики памяти. Перспективными, с точки зрения автора, являются следующие направления: повышение роли России в научном пространстве, продвижение российской цивилизационной модели развития за рубежом, популяризация научных достижений России, проведение научных исследований, направленных на противодействие фальсификации исторической правды, разработка историософской модели политико-правовых знаний в России. Требуется расширение экспертных функций Российской академии наук в части экспертизы образовательных и историко-просветительских программ, учебников и научно-методической литературы по истории.

Ключевые слова: наука, политика памяти, Российская академия наук, историческое просвещение, историческое знание, исторические исследования, Конституция Российской Федерации, документы стратегического планирования, историческая правда, историческая память.

Цитирование: Руденко В. В. Российская академия наук в институциональной и инструментальной системах политики памяти // Государство и право. 2024. № 9. С. 28–35.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институт государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224090026

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN INSTITUTIONAL AND INSTRUMENTAL SYSTEMS OF MEMORY POLICY

© 2024 V. V. Rudenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Received 30.08.2024

Abstract. The article analyzes the role of the Russian Academy of Sciences in the memory politics in Russia. It evaluates strategic planning documents at the federal level from the point of view of the potential for participation of the Russian Academy of Sciences in the memory politics. The author shows the ways of participation of the Russian Academy of Sciences in the institutional and instrumental foundations of the memory politics. The article concludes that it is necessary to improve Russian legislation in terms of increasing the significance of the role of the Russian Academy of Sciences as a participant in the implementation of the memory politics. From the author's point of view, the following directions are promising: increasing the role of Russia in the scientific space, promoting the Russian civilizational model of development abroad, popularizing the scientific achievements of Russia, conducting scientific research aimed at counteracting the falsification of historical truth, developing a historiosophical model of political and legal knowledge in Russia. It is necessary to expand the expert functions of the Russian Academy of Sciences in terms of carrying out the examination of educational and historical educational programs, textbooks and scientific and methodological literature on history.

Key words: science, politics of memory, Russian Academy of Sciences, historical education, historical knowledge, historical research, Constitution of the Russian Federation, strategic planning documents, historical truth, historical memory.

For citation: Rudenko, V.V. (2024). Russian Academy of Sciences in institutional and instrumental systems of memory policy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 28–35.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science "Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences" with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Историческая правда как конституционно-правовая ценность получила конституционное оформление в ходе конституционной реформы 2020 г., когда в ч. 3 ст. 67¹ Конституции РФ была закреплена функция Российского государства по защите исторической правды. Постепенно происходит операционализация исторической правды как конституционно-правовой ценности и категории через инструментарий государственной политики, что позволяет внедрить ее в «прошивку» российской правовой системы. Функция защиты исторической правды направлена на обеспечение национальной безопасности, сохранение культурного и исторического наследия России, формирование гражданского самосознания и гражданского единства, конструирование конституционной идентичности Российского государства, что необходимо для отстаивания Россией своих национальных интересов на мировой арене и обеспечения государственного суверенитета Российского государства. Аксиологическое переосмысление российской правовой системы ведет к существенным изменениям инструментария государственной политики Российского государства и роли отдельных акторов в ней¹. Политика памяти, ключевыми ценностями которой в конституционно-аксиологическом

измерении являются историческая память и историческая правда, в этом смысле не является исключением. Настоящая статья нацелена на определение путей совершенствования российского законодательства в части участия Российской академии наук (РАН) в формировании и реализации политики памяти.

В российском законодательстве не используется непосредственно термин «политика памяти», «историческая политика», «режим политики памяти», характерные в большей степени для политической науки²: законодатель апеллирует к таким понятиям, как «защита исторической памяти», «историческое просвещение», «противодействие фальсификации истории» и др. Предметом регулирования документов стратегического планирования становятся отдельные вопросы, связанные с политикой памяти. Документ, регламентирующий политику памяти системно и комплексно, отсутствует, что обусловлено в том числе комплексностью и разнообразием вопросов, решаемых публичными акторами в рамках политики памяти. Российским законодателем данный блок вопросов решается в рамках правового регулирования национальной безопасности, формирования гражданского самосознания, образования, науки,

¹ См.: Бабурин С.Н. Аксиологическая трансформация современного российского конституционализма // Государство и право. 2023. № 12. С. 40–47; Красс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14; Жуков В.Н. Юридическая наука и ценности // Государство и право. 2018. № 1.

С. 5–16; Савенков А.Н. Ценности Конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. 2019. № 3. С. 5–16.

² См.: Русакова О.Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 27–45.

просвещения. Политика памяти Российского государства находится в стадии активной трансформации — осуществляется поиск оптимальных решений совершенствования институциональной и инструментальной систем данного направления политики, в связи с чем активизировались научные исследования по данной проблематике³.

Целенаправленная историческая политика начала оформляться как стратегический инструмент формирования гражданской идентичности в 80-е годы XX в. и в настоящее время реализуется многими европейским государствам (например, Германией, Польшей, Испанией, Бельгией и др.)⁴. Концепт исторической правды активно используется и на уровне Европейского Союза — в принятой 17 января 2024 г. резолюции Европейского парламента «О европейском историческом сознании» выдвигается цель формирования такого сознания, которое позволяет понимать, критически и саморефлексивно оценивать и извлекать уроки из прошлого, что позволяет осознавать связь между прошлым, настоящим и будущим⁵. Формирование европейского исторического сознания осуществляется посредством культуры памяти, в основе которой лежат общеевропейские принципы и ценности. В качестве инструментария выбрано преподавание истории со смещением на европейский аспект. Данный документ является свидетельством использования на наднациональном уровне концептов исторической правды и гражданского сознания для солидаризации граждан и конструирования политико-правовой реальности.

В современных реалиях в целях противостояния использования коллективным Западом фальсификации истории в качестве оружия в информационной войне Россия формирует собственную политику памяти, направленную на формирование ценностных установок граждан Российской Федерации, на обеспечение целостности Российского государства. Во всех трех посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, сделанных после конституционной реформы 2020 г., хотя

и не упоминается термин «историческая правда», поднимается тема культурно-исторических ценностей, значимости истории в цивилизационном развитии России. В Послании от 21 апреля 2021 г. речь шла о важности отстаивания и защиты духовно-нравственных ценностей и роли единства в истории России, о необходимости коррекции учебников истории, направлении средств на обновление домов культуры и библиотек, музеев в сельской местности, в малых исторических городах России⁶. В Послании от 21 февраля 2023 г. Президент РФ подчеркнул необходимость противодействия фальсификации истории в контексте информационной войны, необходимости содействия развитию культуры во вновь образованных регионах, важность повышения качества учебных курсов по истории, «чтобы молодежь могла как можно больше узнать о России, ее великом прошлом, о нашей культуре и традициях»⁷. В Послании от 29 февраля 2024 г. в контексте защиты права на мирную и достойную жизнь уделяется внимание значимости связи поколений и непрерывности исторического развития⁸.

В России основы политики памяти закладывают документы стратегического планирования в их совокупности: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Основы государственной политики в Российской Федерации в области исторического просвещения.

Тенденция использования ценностных комплексов для поддержания гражданского единства прослеживается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400)⁹. Из всех документов стратегического планирования на федеральном уровне наибольшее внимание вопросам защиты исторической правды уделяется именно в данном документе. Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности рассматриваются как факторы разобщенности национальных обществ и разрушения фундамента культурного суверенитета. Стратегия содержит раздел «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры

³ См.: Гаврилова В.Д., Фалалеева И.Н. Защита исторической правды — новое направление государственной политики Российской Федерации // Право и практика. 2021. № 4. С. 65–71; Чупрынников С.А., Касьянов В.В., Самыгин П.С. Историческая правда и проблемы ее защиты в контексте формирования исторической памяти современного российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер.: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. № 2. С. 54–62.

⁴ См.: Белов С.И. Политика памяти: прошлое как инструмент управления будущим. СПб., 2021. С. 76.

⁵ См.: European Parliament resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness (2023/2112(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html (accessed: 17.06.2024).

⁶ См.: Росс. газ. 2021. 22 апр.

⁷ См.: Росс. газ. 2023. 22 февр.

⁸ См.: Росс. газ. 2024. 1 марта.

⁹ См.: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 02.07.2021.

и исторической памяти»: обращает на себя внимание то, что мероприятия по защите исторической правды расположены в одном ряду с мероприятиями по защите традиционных российских духовно-нравственных и историко-культурных ценностей. Согласно документу обеспечение национальной безопасности — прерогатива органов публичной власти, но осуществляется эта деятельность во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями, в том числе научными.

Роль РАН в данной деятельности сложно переоценить. В качестве возможных направлений участия РАН можно обозначить: усиление роли России в научном пространстве, популяризация научных достижений, участие в духовно-нравственном и патриотическом воспитании граждан, исполнение государственных заказов, направленных на проведение научных исследований, направленных на защиту исторической правды, участие в разработке учебных программ. Вместе с тем имеющийся у РАН инструментарий недостаточен для выполнения обозначенного функционала. Абсолютно обоснованной и своевременной является подготовка группой сенаторов проекта федерального закона, предусматривающего осуществление Российской академией наук экспертизы учебной литературы, в том числе по истории¹⁰. С 2005 г. до 2018 г. РАН непосредственно занималась экспертизой учебников в соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина (решение Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию от 30.09.2004 г.). За это время проведена экспертиза более 9 тыс. учебников для общего образования. В настоящее время эксперты определяются по усмотрению Научно-методического совета по учебникам Минпросвещения России, т.е. обязательного привлечения Российской академии наук к экспертизе не осуществляется. С 2018 г. появилась практика направления учебников на экспертизу в Российскую академию образования. Вместе с тем вопросы науки, образования и просвещения тесным образом связаны, в связи с чем требуется организация комплексной экспертизы учебников по истории, используемых на всех уровнях образования. Более того, академией наук накоплен обширный опыт выполнения экспертных функций.

На институциональном уровне вопросы организации экспертизы учебников по истории, используемых при реализации программ высшего образования уровня специалитета и бакалавриата, решаются Экспертным советом по развитию исторического образования как межведомственным

органом при Министерстве науки и высшего образования РФ¹¹, формированием федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, и перечня организаций, осуществляющих выпуск учебных пособий, которые допускаются к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, занимается Экспертно-методический совет по учебникам Минпросвещения России, который решает и вопросы организации экспертизы учебников в рамках своих полномочий¹². В настоящее время в составе первого совета пять членов представляют РАН, в составе второго — два. В положениях о данных органах принцип репрезентативности не учтен, количество членов советов от конкретных органов и организаций определяется в ходе непосредственного утверждения их составов.

Знаковым событием в деле формирования политики памяти в России стало принятие 8 мая 2024 г. Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения¹³. Историческое просвещение отделяется от образования и рассматривается как распространение исторических знаний в целях формирования такого понимания прошлого, которое формировало бы общероссийскую гражданскую идентичность и коллективную историческую память. Такое определение данной государственной функции вполне вписывается в социально-ценностную модель Конституции РФ¹⁴, задающую идеологию как конституционной идентичности Российского государства, так и общероссийской гражданской и культурной идентичности.

Собственно формирование общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных российских ценностей закрепляется в качестве

¹¹ См.: приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 17.01.2022 № 34 «Об Экспертном совете по развитию исторического образования» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 22.02.2022.

¹² См.: Положение о Научно-методическом совете по учебникам (утв. Приказом Минпросвещения России от 02.12.2022 № 1051) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 06.10.2020.

¹³ Утв. Указом Президента РФ от 08.05.2024 № 314 (см.: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 08.05.2024).

¹⁴ См.: Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 7.

¹⁰ См.: Сенаторы разработали проект об обязательном участии РАН в экспертизе учебников. URL: <https://www.interfax.ru/russia/959423> (дата обращения: 28.05.2024).

одной из целей политики в области исторического просвещения. Не случайно в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей повышение эффективности деятельности научных, образовательных, просветительских организаций и организаций культуры по защите исторической правды, сохранению исторической памяти, противодействию фальсификации истории рассматривается в качестве одного из направлений по решению проблем в области укрепления и сохранения традиционных ценностей, на которых базируется общегосударственная российская идентичность¹⁵. Получение достоверных и научно обоснованных исторических знаний, лежащих в основе исторического просвещения в России, в ходе исторических, историко-правовых, историко-политологических исследований — одна из задач профильных институтов РАН. Вместе с тем роль Российской академии наук не ограничивается лишь получением знания в той сфере. РАН обладает потенциалом для создания системной российской историографической модели политико-правовых знаний как комплекса теоретических, методологических и прикладных исследований, направленных на переосмысление и надлежащую реконструкцию истории государственно-правовых институтов и учений о праве с точки зрения формирования России как цивилизационного пространства в политико-правовой сфере. Очевидно, что историки не могут диктовать властям, какие решения принимать, но обязательно их участие в выработке политических решений, формировании стратегии политики памяти в демократических правовых режимах¹⁶. Именно наука способна задавать эпистемологические основы политики и, в частности, политики памяти¹⁷.

Кроме того, РАН организует мероприятия по популяризации достижений отечественной науки, патриотическому воспитанию, сохранению памяти о выдающихся российских ученых, внесших вклад в развитие России. Перспективными направлениями в данной сфере являются участие РАН в контроле качества содержания историко-просветительских и образовательных программ

в области истории и культуры, осуществление экспертизы проектов при грантовой и иной поддержке, содержания издаваемой исторической литературы, экспертиза школьных учебников по истории.

В Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения прослеживается реализация евразийской идеи как идеи о социально-политическом корпоративизме в пространственной системе Россия—Евразия¹⁸. Россия позиционируется как государство-цивилизация, сплотившее народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность. Задаются центростремительные векторы в рамках Союзного государства и Содружества Независимых Государств на основе духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей в целях противодействия идеологической и информационной агрессии против России и противостоянию деструктивному идеологическому воздействию. РАН содействует сближению науки и образования на евразийском пространстве посредством взаимодействия ученых-историков, создания научных консорциумов, проведения совместных научных исследований по вопросам общей для постсоветского пространства истории.

Институциональной основой реализации политики в области исторического просвещения выступают субъекты государственной политики в области исторического просвещения, а также созданная в 2021 г. Межведомственная комиссия по историческому просвещению. Вместе с тем роли обозначенных субъектов, в том числе экспертного сообщества в целом и РАН в частности, в формировании и реализации политики в области исторического просвещения исходя из анализируемого документа не ясны.

Комиссия является совещательным и координационным органом при Президенте РФ, соответственно, председатель Комиссии утверждает Президентом РФ, состав — руководителем Администрации Президента РФ по представлению председателя Комиссии, Положение о Комиссии утверждает Президентом РФ, обеспечение деятельности Комиссии осуществляется Управлением Администрации Президента РФ по общественным проектам. Согласно Положению о комиссии в состав данного органа входят представители различных органов государственной власти федерального уровня, а также РАН, Российского исторического общества, Российского военно-исторического

¹⁵ См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 09.11.2022.

¹⁶ См.: Green A. R. *Historians on the Inside: Thinking with History in Policy* // *History, Policy and Public Purpose*. Palgrave Pivot. London, 2016. P. 61.

¹⁷ См.: Cartwright N., Hardie J. *Evidence-Based Policy: a Practical Guide to Doing it Better*. London, 2013; Guangbin Y. *What is Historical Political Science?* // *Chinese Political Science Review*. 2022. Vol. 7. DOI: 10.1007/s41111-021-00204-2

¹⁸ См.: Бутина А. В. «Фабрики мысли» как проводники евразийских идей в современной российской политике // *Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения*. Барнаул, 2012. Т. 1. С. 210; Джанибеков Б. Т. *Евразийская идея как проект консолидации* // *Научные исследования в Кыргызской Республике*. 2018. № 3. С. 36.

общества, Российского общества «Знание» и ВГТРК, а также других организаций и органов¹⁹. Точное количество членов Комиссии и количество представителей от каждой из обозначенных структур законодательно не определено, ввиду чего принцип репрезентативности при формировании данного органа реализуется лишь отчасти. В настоящее время из 47 членов Комиссии только два представляют РАН.

В соответствии с Положением Комиссия функционирует как координационная площадка для взаимодействия институтов публичной власти и гражданского общества, исходя из национальных интересов Российского государства, связанных с защитой исторической правды. Если с этой задачей данный орган в целом справляется, то с реализацией таких задач, как анализ деятельности иностранных структур и лиц, наносящих ущерб национальным интересам Российской Федерации в исторической сфере, и принятие мер оперативного реагирования в связи с этим, а также информационное обеспечение контрпропагандистских мероприятий и проведение историко-культурных просветительских мероприятий, возникают проблемы, связанные с недостаточностью закрепленных законодательно механизмов их реализации. Более того, в Основах государственной политики в области исторического просвещения за данным органом закреплены функции по координации работы субъектов данного направления политики и подготовке предложений Президенту РФ по корректировке основ, но механизмы реализации таких функций также не предусмотрены.

Вопрос о координации деятельности субъектов исторической политики Российского государства стоит особенно остро. Попытка создать координационный орган была предпринята в 2009 г., когда была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Из 30 членов Комиссии двое представляли РАН²⁰. Деятельность Комиссии имела определенные положительные результаты в виде обобщения информации о фальсификации исторических событий и актов, а также облегчения доступа пользователей в фонды федеральных и региональных архивов. Но основная цель Комиссии по разработке стратегии по вопросам противодействия фальсификации истории не была

достигнута — в 2012 г. она прекратила свое существование, что было обусловлено целым спектром причин — от недостаточного финансового и организационного обеспечения до чрезмерной политизированности деятельности данного органа. Функционал комиссий в некоторой степени пересекается. Перед Комиссией по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России стояла более глобальная задача по выработке стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, в то время как задачи Межведомственной комиссии по историческому просвещению более точечные, и ее сфера компетенции ограничена соответственно историческим просвещением как одним из направлений политики Российского государства, в рамках которого реализуется функция по защите исторической правды. В компетенцию Экспертного совета по развитию исторического образования также входят вопросы координации контрпропагандистских мероприятий в сфере исторической правды, проведение мероприятий по противодействию фальсификации российской истории, но компетенция данного органа производна от компетенции Министерства науки и высшего образования РФ, при котором он образован. В связи с этим представляется необходимым продолжить работу по созданию институциональной основы политики памяти в России.

Сложное содержательное наполнение политики памяти предполагает вовлечение в данную деятельность большого количества субъектов — не только органов всех уровней организации публичной власти, но и институтов гражданского общества и отдельных граждан, образовательных и научных организаций. Вопросы по защите исторической правды реализуются в рамках как предметов ведения Российской Федерации, так и предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, что предполагает вовлечение в решение данных вопросов и федеральных, и региональных органов. На федеральном уровне задействованы как органы общей компетенции (Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ), так и органы специальной компетенции (Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство иностранных дел РФ, Министерство культуры РФ, Министерство обороны РФ). Значительный вклад в дело разработки вопросов защиты исторической правды внесло и продолжает вносить Российское историческое общество, деятельность которого направлена на формирование общеисторической культуры и которое может оказывать аналитическое сопровождение деятельности органов публичной власти. Вопрос экспертно-аналитического сопровождения правовых решений по вопросам защиты исторической правды, требующих научного обоснования, стоит в настоящий момент особенно

¹⁹ См.: Положение о межведомственной комиссии по историческому просвещению (утв. Указом Президента РФ от 30.07.2021 № 442) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 30.07.2021.

²⁰ См.: Состав Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (утв. Указом Президента РФ от 15.05.2009 № 549) // Росс. газ. 2009. 20 мая (утратил силу).

остро²¹. Привлечение представителей экспертного сообщества — обязательное условие выработки эффективной государственной политики по вопросам защиты исторической правды.

Вовлеченность большого числа субъектов в решение вопросов защиты исторической правды требует координации данной деятельности. В подобной ситуации целесообразно создание координационного органа, обеспечивающего выработку стратегии политики памяти, с привлечением к его деятельности представителей органов публичной власти, представителей гражданского общества, экспертно-научного сообщества с учетом принципа репрезентативности.

* * *

Представляется, что роль Российской академии наук в политике памяти не сводится лишь к созданию научного знания, лежащего в основе исторического просвещения в стране. РАН имеет высокий потенциал по формированию и реализации политики памяти Российской Федерации в целом, что проявляется в следующих направлениях деятельности: повышение роли России в научном пространстве, в частности на евразийском пространстве на базе единой культурно-исторической общности, продвижение российской цивилизационной модели развития за рубежом; популяризация научных достижений России, сохранение памяти о выдающихся российских ученых; участие в духовно-нравственном и патриотическом воспитании граждан; проведение научных исследований, направленных на противодействие фальсификации исторической правды, разработка историко-философской модели политико-правовых знаний в России, исследования политики памяти в России; аналитическое обеспечение правовых решений в области политики памяти. Инструментально обозначенные направления деятельности могут быть реализованы посредством: 1) проведения научных исследований, в том числе по государственному заказу; 2) проведения публичных мероприятий, направленных на освещение и популяризацию истории России, на противодействие фальсификации истории; 3) экспертизы образовательных и историко-просветительских программ, учебников и научно-методической литературы, научно-исследовательских проектов; 4) создание научных консорциумов, в том числе с иностранными партнерами; 5) участие в деятельности совещательных и экспертно-консультативных органов, деятельность которых связана с вопросами

политики памяти; 6) участие в создании информационных баз по вопросам защиты исторической правды и противодействию фальсификации истории и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин С. Н.* Аксиологическая трансформация современного российского конституционализма // Государство и право. 2023. № 12. С. 40–47.
2. *Белов С. И.* Политика памяти: прошлое как инструмент управления будущим. СПб., 2021. С. 76.
3. *Бутина А. В.* «Фабрики мысли» как проводники евразийских идей в современной российской политике // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. Барнаул, 2012. Т. 1. С. 210.
4. *Гаврилова В. Д., Фалалеева И. Н.* Защита исторической правды — новое направление государственной политики Российской Федерации // Право и практика. 2021. № 4. С. 65–71.
5. *Джанибеков Б. Т.* Евразийская идея как проект консолидации // Научные исследования в Кыргызской Республике. 2018. № 3. С. 36.
6. *Жуков В. Н.* Юридическая наука и ценности // Государство и право. 2018. № 1. С. 5–16.
7. *Крусс В. И.* Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14.
8. *Раттур М. В.* О необходимости аналитической поддержки принятия правовых решений по защите исторической правды как конституционной ценности // Юрид. техника. 2024. № 18. С. 276–279.
9. *Русакова О. Ф.* К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 27–45.
10. *Савенков А. Н.* Ценности Конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. 2019. № 3. С. 5–16.
11. *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 7.
12. *Чупрынников С. А., Касьянов В. В., Самыгин П. С.* Историческая правда и проблемы ее защиты в контексте формирования исторической памяти современного российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер.: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. № 2. С. 54–62.
13. *Cartwright N., Hardie J.* Evidence-Based Policy: a Practical Guide to Doing it Better. London, 2013.
14. *Green A. R.* Historians on the Inside: Thinking with History in Policy // History, Policy and Public Purpose. Palgrave Pivot. London, 2016. P. 61.
15. *Guangbin Y.* What is Historical Political Science? // Chinese Political Science Review. 2022. Vol. 7. DOI: 10.1007/s41111-021-00204-2

²¹ См.: *Раттур М. В.* О необходимости аналитической поддержки принятия правовых решений по защите исторической правды как конституционной ценности // Юрид. техника. 2024. № 18. С. 276–279.

REFERENCES

1. *Baburin S.N.* Axiological transformation of modern Russian constitutionalism // *State and Law*. 2023. No. 12. Pp. 40–47 (in Russ.).
2. *Belov S.I.* The politics of memory: the past as a tool for managing the future. SPb., 2021. P. 76 (in Russ.).
3. *Butina A.V.* “Thought factories” as conductors of Eurasian ideas in modern Russian politics // *Eurasianism: theoretical potential and practical applications*. Barnaul, 2012. Vol. 1. P. 210 (in Russ.).
4. *Gavrilova V.D., Falaleeva I.N.* Protection of historical truth – a new direction of state policy of the Russian Federation // *Law and practice*. 2021. No. 4. Pp. 65–71 (in Russ.).
5. *Dzhanibekov B.T.* The Eurasian idea as a consolidation project // *Scientific research in the Kyrgyz Republic*. 2018. No. 3. P. 36 (in Russ.).
6. *Zhukov V.N.* Legal science and values // *State and Law*. 2018. No. 1. Pp. 5–16 (in Russ.).
7. *Kruss V.I.* Russian constitutional axiology: relevance and prospects // *Constitutional and Municipal Law*. 2007. No. 2. Pp. 7–14 (in Russ.).
8. *Rattur M.V.* On the need for analytical support for making legal decisions to protect historical truth as a constitutional value // *Legal technology*. 2024. No. 18. Pp. 276–279 (in Russ.).
9. *Rusakova O.F.* On the issue of the concept of “memory policy regime”: methodological analysis // *Discourse-Pi*. 2023. Vol. 20. No. 1. Pp. 27–45 (in Russ.).
10. *Savenkov A.N.* Values of the Constitution of the Russian Federation in a changing world // *State and Law*. 2019. No. 3. Pp. 5–16 (in Russ.).
11. *Khabrieva T. Ya.* Constitutional reform in Russia in the coordinates of universal and national // *Journal of foreign legislation and Comparative Law*. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 7 (in Russ.).
12. *Chuprynnikov S.A., Kasyanov V.V., Samygin P.S.* Historical truth and problems of its protection in the context of the formation of historical memory of modern Russian society // *Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Culturology. Political science*. 2023. No. 2. Pp. 54–62 (in Russ.).
13. *Cartwright N., Hardie J.* Evidence-Based Policy: a Practical Guide to Doing it Better. London, 2013.
14. *Green A.R.* *Historians on the Inside: Thinking with History in Policy* // *History, Policy and Public Purpose*. Palgrave Pivot. London, 2016. P. 61.
15. *Guangbin Y.* What is Historical Political Science? // *Chinese Political Science Review*. 2022. Vol. 7. DOI: 10.1007/s41111-021-00204-2

Сведения об авторе

РУДЕНКО Валентина Викторовна —
кандидат юридических наук, доцент,
научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

RUDEKNO Valentina V. —
PhD in Law, Associate Professor,
Researcher at the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str.,
119019 Moscow, Russia

УДК 340

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ КОНТЕКСТЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© 2024 г. В. С. Горбань*, С. В. Маликов**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: gorbanyv@gmail.com*

***E-mail: s.v.malikov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 19.09.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика разработки и совершенствования историографических подходов к науке уголовного права, которые являются необходимой предпосылкой для укрепления и развития философско-правового компонента в структуре научности уголовного права. Недостаточное внимание к проблематике историографических и философско-правовых исследований уголовного права сказывается в целом на состоянии и характере данной области знаний и социальной практики. Предметное и конструктивно-критическое изучение историографии и соответствующих контекстов в области науки уголовного права показывает возможности существенного дополнения традиционных представлений о доктринальном содержании, понятийной структуре, а также направления развития науки уголовного права, которая в условиях формирования архитектуры современного многополярного мира должна усилить свои познавательные и объяснительные возможности, демонстрировать устойчивость и самостоятельность отечественной науки. Речь идет о концептуальном осмыслении, по терминологии П.А. Флоренского, генетических рядов в понятийно-языковой и идейно-институциональной среде науки уголовного права, характера и типов развития национальных литератур уголовно-правового профиля.

Ключевые слова: историография, политико-правовые учения, российская историографическая модель, национальные типы развития права, методы историографии права, философия уголовного права, историческое познание, немецкая философия права, уголовное право, вина, условное осуждение.

Цитирование: Горбань В.С., Маликов С.В. Историографические и философско-правовые контексты в уголовном праве // Государство и право. 2024. № 9. С. 36–50.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институт государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224090035

HISTORIOGRAPHICAL AND PHILOSOPHICAL LEGAL CONTEXTS IN CRIMINAL LAW

© 2024 V. S. Gorban*, S. V. Malikov**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: gorbanv@gmail.com

**E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Received 19.09.2024

Abstract. The article discusses the problems of developing and improving historiographical approaches to the science of Criminal Law, which are a necessary prerequisite for strengthening and developing the philosophical and legal component in the structure of the scientific nature of Criminal Law. Insufficient attention to the problems of historiographical and philosophical legal studies of criminal law affects the general state and nature of this field of knowledge and social practice. A substantive and constructive-critical study of historiography and relevant contexts in the field of Criminal Law science shows the possibilities of significantly supplementing traditional ideas about the doctrinal content, conceptual structure, as well as the direction of development of the science of Criminal Law, which, in the context of the formation of the architecture of the modern multipolar world, should strengthen its cognitive and explanatory capabilities, demonstrate the stability and independence of domestic science. This is a conceptual understanding, in the terminology of P.A. Florensky, of the genetic series in the conceptual, linguistic and ideological-institutional environment of the science of Criminal Law, the nature and types of development of national criminal law literatures.

Key words: historiography, political and legal doctrines, Russian historiographical model, national types of legal development, methods of historiography of law, Philosophy of Criminal Law, historical cognition, German Philosophy of Law, Criminal Law, guilt, conditional conviction

For citation: Gorban, V.S., Malikov, S.V. (2024). Historiographical and philosophical legal contexts in Criminal Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 36–50.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Уголовное право представляет собой самую консервативную область юридических исследований. Оно традиционно связано с определенным типом национальной политико-правовой культуры и даже служит своего рода индикатором тех наиболее существенных ценностей и благ, которые в конкретном обществе получают наивысшую с правовой точки зрения защиту. Поэтому по характеру уголовного права можно судить о существенных сторонах состояния общественно-го развития и общественной морали. В свою очередь, как писал Л.Е. Владимиров, «законодатель является не отомстителем, а воспитателем своего народа»¹. И в этом смысле уголовное право становится одним из ключевых моментов социально-психологического воздействия права на состояние общественного сознания.

¹ Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903. С. VI.

Вопросы о том, какие базовые ценности формируют облик и перспективные задачи уголовного права, какие тенденции должны доминировать в науке уголовного права, остаются сквозными и должны отражаться в исследованиях. Так, например, в одной из познавательных работ в области философии уголовного права немецкого правоведа из Университета г. Билефельда В. Шильда с примечательным названием «Конец и будущее уголовного права» по мотивам научных дискуссий и конференций начала 1980-х годов обозначалось в качестве ключевого маркера современного этапа развития уголовно-правовой системы окончание, даже отмирание, всей прежней философии уголовного права (в основном построенной на идеях Канта и Гегеля) и возникновение новой эры, так как, по мнению ученого, принципиально изменились представления о предупреждении преступлений, целях наказания, правах и обязанностях гражданина, ценностях человеческого

поведения, взаимоотношениях гражданского общества и государства².

В историко-правовых исследованиях обращение к уголовному праву является средством прояснения типичных представлений определенной общности или народа о наиболее насущных и близких внутренней культуре охранительных требованиях и принципах, служащих самым непосредственным образом жизнеобеспечению и надлежащему управлению в этой общности.

Как и любая юридическая наука, уголовное право обладает определенным доктринальным содержанием. Оно в целом как некоторый тип теории вмещает в себя суждения о закономерностях таких феноменов, как преступление и наказание, которые и в методологически-познавательном плане, и в институционально-инструментальном разворачиваются в большой комплекс более частных конструкций, идей, принципов, конкретных требований, запретов, характеристик и релевантных для всего этого комплекса связей.

При этом, равно так же, как и любая юридическая дисциплина, уголовное право должно отвечать на вопрос о критериях своей научности, которые, очевидно, совпадают в значительной степени с аналогичным вопросом относительно всей юриспруденции как науки. Правомерность такого рода вопроса оправдана теми многолетними спорами, которые велись и ведутся в юридической науке³. Это важно еще и потому, что существуют популярные точки зрения, которые стремятся придать юридической науке вспомогательный, второстепенный характер. Например, утверждается, что якобы она не имеет реальных референтов в действительности, а потому работает с понятиями, выработанными другими науками. Это тенденциозно выражает не общую точку зрения, но при квалифицированном изучении оказывается вольным или невольным призывом к подражанию определенным течениям или направлениям в прошлом или в современности, как правило, зарубежным. Так, например, в немецкой юридической литературе середины XIX в. под влиянием тех веяний, которые возникли вследствие реакции в философии и юриспруденции, особенно исторической школы права, наиболее наглядно проявилась дискуссия о критериях научности юриспруденции. В конце 1840-х годов берлинский прокурор Ю. Кирхманн выступил с нашумевшим докладом, изданным год

спустя, в котором в названии и содержании заявил крайне провокационный тезис: «О бесполезности юриспруденции как науки»⁴.

В ответ на это спустя два десятилетия другой известный немец подготовил доклад на тему «Является ли юриспруденция наукой?»⁵. В нем Р. Иеринг заявил, подкрепив свою точку зрения внушительными аргументами, что юриспруденция является наукой при соблюдении трех принципиальных условий: 1) когда она имеет философско-правовую часть, направленную на выяснение «конечных оснований, которым право на Земле обязано своим происхождением и своим действием»; 2) когда она имеет историко-правовую часть, прослеживая те пути, которыми следовало право от простейших ступеней до самых высоких; 3) когда она имеет догматическую часть, предполагающую знания о том, как самые передовые на текущий момент времени научные представления о праве могут и должны применяться практически⁶. Трактовка, предложенная Р. Иерингом, совершенно не утратила своего значения и востребованности и в наши дни.

Современное уголовное право в большей степени уделяет внимание третьей части, приведенной выше. Но при дефиците передовых знаний или не замечая их, оно придается в основном уголовной политике. И причем даже не в части применения, сколько возвращаясь к актуальным еще столетие до того вопросам уголовной политики, которая (особенно в 1990-е и 2000-е годы) стала чуть ли не доминантой в уголовном праве, причем в ущерб догматической разработке уголовного права. Оно в целом на сегодняшний день стремится аналитическим путем выработать рекомендации и положения о толковании и применении отдельных норм и юридических конструкций. Причем методология науки уголовного права в основном выглядит как общенаучная, опирающаяся на традиционные приемы философского (научного) позитивизма.

Вместе с тем сегодня все более активно звучат голоса в пользу философии уголовного права (в основном в ее гносеологической части)⁷, которая, по замыслу сторонников такого подхода, должна восполнить значительные пробелы

⁴ Kirchmann J. H. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin, 1848.

⁵ Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 // Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.

⁶ См.: ibid. S. 92.

⁷ Убедительной и аргументированной на сегодняшний день в отечественной литературе является работа С.А. Бочкарёва (см.: Бочкарёв С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М., 2019; см. также: Голик Ю.В. Уголовное право и философия // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 5–11).

² См.: Schild W. Ende und Zukunft des Strafrechts // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie. 1984. Vol. 70. No. 1. S. 71–112.

³ См.: Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2011.

в познавательных и объяснительных возможностях науки уголовного права. Обоснованность такого рода предложения и запроса не вызывает сомнений. Однако их реализация означает развертывание вопроса о природе и характере идейного содержания уголовного права, формирующих его осто́в учений, доктрин, концепций. Нечто похожее мы имели в литературе XIX в., когда специальные исследования сопровождалась в отраслевых науках обзором основных течений или направлений в соответствующей области. Исходя из фундаментальной отсылки к тому, что научная трактовка или изложение не могут быть безосновными, не опираться на убедительную для автора доктрину, учение или концепцию, в дальнейшем в ходе исследований специальных вопросов уголовного права ответы предлагались, опираясь на базовые принципы соответствующей системы теоретических взглядов. В литературе XX в. проблематика философско-правового содержания уголовного права стала заметно редуцированной по сравнению с предшествующим веком.

В постсоветский период наука уголовного права явно не обрела устойчивой стратегии оценки своей научности и, зачастую подражая иностранным образцам, занялась в основном проблемно-прагматическим рассмотрением отдельных вопросов. Это даже далеко не всегда проблемно-теоретический ракурс, а именно юридизированный прагматизм, нацеленный на пользование знаниями и быстрые практические решения.

Наука уголовного права — это весьма сложная сфера, особенно потому, что она предполагает крайне чувствительные и важные для общественного и индивидуального сознания вопросы безопасности, порядка и защищенности. Категориально-понятийный аппарат, язык, структура, модели построения институциональных компонентов и связей, смысловые характеристики уголовно-правовых норм и запретов должны осмысливаться как основополагающие базовые технологии, которые всегда должны находиться в центре внимания квалифицированного исследователя. Это связано не только с необходимостью их изучения, прояснения, фиксации изменений в теоретическом осмыслении и практическом пользовании, задачами постоянного совершенствования законодательства, реагированием на новые вызовы, но и с насущной необходимостью не допускать попыток пересоздания базовых принципов и ценностей, лежащих в основе уголовного права. Ведь существует множество различных философских концепций, которые могут легко использоваться для искажения действительного положения дел, деградации понятийного языка и законодательной культуры, превращать науку в незатейливое

ремесло. Кроме того, это и еще и вопрос о самостоятельности науки.

По-прежнему актуально звучат слова В.Н. Кудрявцева, написанные еще в начале 1960-х годов: «К сожалению, иногда еще высказывается мнение, что развитие теории права, превращение юриспруденции из “искусства” в науку якобы отделяет науку от практики»⁸.

М.П. Чубинский, обсуждая влияние других наук на уголовное право и весьма характерные для начала XX в. предложения о дифференциации и расширении предметного поля науки уголовного права, писал о том, что борьба теорий, гипотез, взглядов, «являющаяся источником бесконечного прогресса науки, с разной интенсивностью в разные периоды происходила и в науке уголовного права, имеющей за собой многовековое существование; удовлетворяя запросам жизни, подвергаясь натиску ее требований, наука уголовного права пережила несколько формаций, изменяясь как по форме, так и по содержанию»⁹. При этом, как верно отмечал данный ученый, «уголовное право, где решаются вопросы, затрагивающие важнейшие жизненные блага граждан и важнейшие интересы общежития, всегда находилось в живой связи с политическими формами, правовыми, этическими и экономическими идеалами и потребностями общества»¹⁰.

XIX век наглядно и весьма красочно показал влияние различных национальных литератур на развитие правовой мысли, в том числе в области уголовного права. В Германии это — культ теоретической юриспруденции. Вряд ли любая другая страна данной эпохи может сравниться с немцами в области теории и разработки различных догматических принципов, конструкций; это философия права в привычном классическом понимании, так сказать, чистая наука. Французская литература совсем иная, она социологична, стремится к изучению социальных и психологических закономерностей больше, чем к теоретическим системам. Поэтому она совсем не похожа на немецкую. Наконец, английская литература прагматична, последовательно игнорирует теорию как таковую, так что в ней с трудом отыскивается наука уголовного права, в частности. Ничего с течением времени принципиально не меняется. И сегодня с точки зрения зарубежной литературы классическая догматика, теоретическая юриспруденция — это в основном немецкие авторы, социология и психология уголовного права — французы, а судебная казуистика — англичане и американцы.

⁸ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 4.

⁹ Чубинский М.П. Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства Юстиции. 1902. № 7. С. 99.

¹⁰ Там же. С. 100.

Философия права как теория отыскивается только в немецкой литературе, социологические ракурсы понимания науки уголовного права и ее основных тем — во французской литературе, англичане хотя и отличаются практическим настроем, но очень мало ценного именно для науки уголовного права могут дать. В этом смысле ни одна из западноевропейских традиций не представляет собой ничего однородного и образцового как универсальный пример.

Многое зависит от тех познавательных и социально-практических задач, которые ставит перед собой отечественная наука. То, что, например, в Германии всегда (по крайней мере на протяжении двух последних веков) была серьезная и обширная теоретическая литература по уголовному праву, не вызывает никаких сомнений. Однако внутри данной литературы множество своих противоречий, борьбы идей, направлений, есть прогрессивные и слабые позиции. Поэтому нужна глубокая и объемлющая историографическая и источниковедческая работа по изучению и описанию действительного хода развития национальной науки и литературы по уголовному праву. Это лучше показывает и состояние отечественной науки уголовного права на разных ступенях ее развития, ее тип и характер. На самом деле науки в России и Западной Европе развивались относительно синхронно. Есть проблема надлежащего понимания природы науки. Например, в немецкой юридической литературе XIX в. и в последующем легко найти утверждения, что в привычном для немца смысле юридической науки нет ни в Англии, ни во Франции. Н.А. Полетаев верно отмечал, что в Англии существует обширная комментаторская литература и разнообразные источники, но «наука права в Англии не достигает своей цели, собственно и не есть наука в строгом ее значении: это только переходная ступень к ней, ибо она представляет юридический материал в некотором порядке, которого далеко недостаточно для науки в ее современном смысле. <...> лучшие системы английского права — это немецкие курсы»¹¹.

В связи с приведенными соображениями весьма примечательны размышления русских ученых-криминалистов о роли т.н. германского влияния на науку уголовного права, которые велись в период Первой мировой войны в 1915–1916 гг., начало которым было положено В.Д. Набоковым¹². Идеи немецкой юридической науки часто оставались идеями, не претворяясь в жизни. Немецкая

юридическая наука очень консервативна и медлительна в исторических масштабах. Язык немецких сочинений очень тяжелый, а часто вообще трудно-понимаемый. На это как раз обращали внимание В.Д. Набоков и Н.Н. Полянский¹³. Гораздо привлекательнее и с литературно-эстетической точки зрения удобнее изложение материала во французской литературе. Но это совершенно иной тип науки уголовного права. В.Д. Набоков пишет: «Науки <...> в широком смысле слова равным образом пополняются из общей сокровищницы человеческой мысли. Но <...> нельзя не видеть, что именно в юриспруденции естественно и законно должны проявляться национальные черты каждого народа. Здесь мы <...> вступаем в область духовного творчества, этических учений, создания правнopolитических идеалов»¹⁴.

П.И. Люблинский, например, восхищается прагматизмом английского уголовного права, которое не боится даже «практических абсурдов», но при ближайшем изучении привычной для англичан манеры легко отказываться от теоретических принципов ради назревшей практической потребности рассматривается как пример «некоторого одичания юридической мысли» (В.Д. Набоков)¹⁵. А.А. Жижиленко, напротив, подчеркивает непререкаемое значение немецкой теоретико-догматической юриспруденции для развития русской науки уголовного права¹⁶. Обращает на себя внимание и общая тональность полемики — «об ориентации русской науки уголовного права», которая по-прежнему искала образов для подражания.

История науки уголовного права — это отнюдь не только история ее изучения в университетах. Материя и форма науки складывались из множества разнообразных представлений, которые тесным образом связаны с историей народа. И даже в истории западноевропейских стран предметно-дисциплинарная организация юридических наук появляется только в начале XIX в. Так что вряд ли мы найдем в предыдущих эпохах множественные научные сочинения по уголовному праву, кроме различных сборников и компендиумов из римских источников. В 1814 г. Ф. Савиньи под натиском французского гражданского права уверял своих

¹³ См.: Полянский Н.Н. Спор о будущей ориентации русской науки уголовного права // Юридический Вестник. 1916. Кн. XIII (I). С. 155–168.

¹⁴ Набоков В.Д. Указ. соч. Стб. 2777.

¹⁵ См.: Набоков В.Д. Об «опасном состоянии» преступника, как критерии мер социальной защиты [1] // Право. Ежедневная юрид. газ. 1910. № 18 (2 мая). Стб. 1114–1123; [2]. № 19 (9 мая). Стб. 1173–1185.

¹⁶ См.: Жижиленко А.А. К вопросу о прошлом и будущем русской науки уголовного права // Право. Ежедневная юрид. газ. 1915. № 45 (8 ноября). Стб. 2858–2867.

¹¹ Полетаев Н.А. Наука уголовного права в Англии // Журнал Министерства Юстиции. 1863. Т. XVII. С. 363.

¹² См.: Набоков В.Д. К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права // Право. Ежедневная юрид. газ. 1915. № 44 (1 ноября). Стб. 2773–2790.

современников, что немцам нужен свой гражданский кодекс (впервые), свой национальный немецкий, а не французский, хотя он сплошь из передовых идей, возникших из римского права, но к его появлению, созданию, уверял немецкий классик, немецкое правоведение совершенно не готово пока, а когда будет готово, то свой кодекс может и не понадобиться¹⁷.

Н.Д. Сергеевский еще в конце 1870-х годов в духе общих тенденций в России, в Западной Европе в части «позитивации» научности юриспруденции и отказа от прежних спекулятивных методов философии весьма убедительно ставил вопрос об «условиях прогресса нашей науки уголовного права»¹⁸. По его мнению, для развития науки уголовного права нужны четыре условия:

национальное направление. Уголовное право, писал Н.Д. Сергеевский, равно как и наука уголовного права, «должны иметь национальный характер»¹⁹, а то вместо Уложения Алексея Михайловича, как подчеркивал ученый, наши студенты начинают и заканчивают свое обучение Каролиной;

сравнительный метод, предполагающий изучение опыта других народов, что само по себе служит важнейшим источником прогресса в науке. Об этом, в частности, мечтали и немцы, начиная еще с П. Фейербаха;

«наука уголовного права не может ограничиваться изучением одних только “уголовных” определений положительного права», ведь «криминалист, ограничивающий свои знания только уголовными законами, изучает одну только форму, не касаясь содержания», и не знает, «за что наказывает закон и что стремится охранить он своей карой»²⁰;

наука уголовного права не может ограничиваться только действующим правом, оставив в стороне его историю. Без истории, подчеркивает Н.Д. Сергеевский, мы «отрекаемся от всего того, что дает жизнь действующему закону, и превращаем его в мертвую массу правил, обязательность которых основывается единственно на силе, на угрозе наказанием»²¹.

М.Д. Шаргородский верно отмечал два существенных для развития науки уголовного права момента. Во-первых, в освещении истории уголовно-правовой мысли чрезмерно и неточно,

по традиционным лекалам и упрощенным схемам транслируется мысль об учениях и работах иностранных мыслителей, а русской истории политико-правовой мысли уделяется крайне недостаточное внимание. Это действительно так, ведь гораздо удобнее и проще использовать готовые шаблоны, чем создавать свои. На родине иностранных писателей отношение к ним часто иное, чем то, которое нередко выражается, в частности, в русской юридической литературе. Во-вторых, науке уголовного права явно недостает критического анализа иностранной литературы, популяризаторских усилий²².

Н.Н. Полянский на примере оценок отношения к роли работы французского криминалиста Ферри «Уголовная социология» убедительно пишет: «Как легко можно, подчеркивая одно и закрывая глаза на другое, обесценить научную мысль любой страны и, конечно, в любой отрасли человеческого знания»²³.

Весьма примечательным и познавательным для источниковедения и историографии науки уголовного права является систематическая научная критика, в том числе литературная, и научно-реферативные обзоры основной литературы, претендующей на раскрытие научных проблем уголовного права, а не вскользь затрагивающие важнейшие его вопросы или по своим жанровым характеристикам вовсе не имеющие отношения к серьезным научным трудам. Например, в 1909 г. П.И. Люблинский публикует обзор литературы науки уголовного права за 1908 г.²⁴, который, хотя и отличается краткостью, но, тем не менее, критически и в контексте научных школ показывает характер появляющейся научной литературы. Замечания П.И. Люблинского в отношении реализации задачи по обзору литературы по уголовному праву, а также о характере этой литературы непосредственно могут быть использованы для оценки нынешнего состояния уголовно-правовой литературы. Это, безусловно, касается и дифференциации наук, но справедливо также по отношению к самому характеру литературы, которая пестрит таким разнообразием легкого жанра, что проблемой нередко становится вопрос об отграничении собственно научной литературы по уголовному праву от того, что с трудом может называться научной литературой вообще. П.И. Люблинский верно отмечает: «Нельзя не обратить внимания на одну свойственную нашей литературе черту, а именно

¹⁷ См.: Savigny F.C. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.

¹⁸ Сергеевский Н.Д. Философские приемы и наука уголовного права // Журнал Гражданского и Уголовного Права. 1879. Кн. 1 (Январь – февраль). С. 39–87.

¹⁹ Там же. С. 77.

²⁰ Там же. С. 81.

²¹ Там же. С. 82.

²² См.: Шаргородский М.Д. Итоги философской дискуссии и некоторые вопросы науки уголовного права // Сов. государство и право. 1948. № 3. С. 12–20.

²³ Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 162.

²⁴ См.: Люблинский П.И. Обзор литературы науки уголовного права за 1908 г. // Право. Еженедельная юрид. газ. 1909. № 26 (28 июня). Стб. 1537–1548.

крайнюю изолированность творчества. Не чувствуется связи между отдельными работниками и работами, не чувствуется той однородности интереса, которая позволяет зарождаться и развиваться не только отдельным взглядам в науке, но и течениям в ней. Эта изолированность творчества проявляется в слабости того отклика, который встречается или, вернее сказать, не встречается в криминалистической среде новая книга или новая мысль. Появление рецензии до крайности редко, научная полемика — почти вымершее явление»²⁵. Эти слова совершенно точно описывают нынешнее состояние юридической науки вообще, что определенно требует объединяющих усилий в разработке и освещении научных проблем как фундаментальных юридических наук, так и отраслевых.

Речь, конечно же, не идет том, чтобы просто привлекать знания из области философии и философии права для нагромождения науки уголовного права. Нужен принципиально иной тип отношения к роли и назначению философии права, когда изучается, анализируется, отбирается критическим путем только по-настоящему лучшее и пригодное, обобщаются и концентрировано излагаются достижения и результаты национальной и мировой науки. Не говоря уже о том, что только на подготовленной исторической и историографической основе может быть сформулирована та или иная концепция философии уголовного права — формальная или материальная.

Наука уголовного права не нуждается просто в обобщениях и обзорах отдельных школ и направлений. Это лишь предварительная, так сказать, обзорно-реферативная работа. Это должен быть сложный комплекс источниковедческих, историографических и идеографических исследований, позволяющих на основе верифицируемых и достоверных данных, в том числе массивов данных, показать не только содержание направлений и школ, но и критически осмыслить состояние науки в целом и ее идейно-институциональной среды, подвергнуть критическому рассмотрению возможности использования различных понятий и конструкций. С.В. Познышев писал, что «главное содержание уголовно-правовой науки» образует «не простое описание того, что *было и есть*, а указание того, что *должно быть* в изучаемой области и критическая оценка существующего»²⁶.

Например, распространение популярных в иностранной литературе и теперь в российской юридической науке подходов о новых типах рациональности, дискурсивных моделей означивания

смыслов и назначения правовых явлений и феноменов, сопровождаемых различного рода обозначениями со словом «современность» или полугагадочным французским «модерн», с одной стороны, является традиционным либеральным мышлением, позволяющим легче отказываться от устаревших и инертных правовых норм и принципов, а с другой — ведет нередко также и к расшатыванию прочности юридических понятий. В настоящее время гораздо легче пересматривается структура и связи норм. Расположение нововведений в тексте Уголовного кодекса часто приводит к текстуальным нагромождениям и множественным примечаниям. В итоге язык уголовного права не стремится к определенности, а напротив, по сути, допускает более свободное обращение с понятиями и терминами, а законодательный пробел, или, так сказать, дефект, либо просчет вдруг становятся даже новой нормальностью. В таком контексте недостатки законодательной работы и предварительной доктринальной проработки (в том числе философско-правовой и историко-правовой) вопросов уголовного права объявляются просто типом нормальности, якобы правовые нормы должны быть с браком и дефектами. Патологическое состояние начинает рассматриваться как нормальное²⁷, и таким образом возникает своего рода философия патологии уголовного права как «нормальная» теория. Моменты иррационального, случайного становятся определяющими, а обычное нормальное состояние нормы рассматривается как своего рода идеальный тип по методологии философского (научного) позитивизма, служащий лишь шаблоном оценки.

Когда мы изучаем историю уголовного права в виде отдельных памятников законодательства, норм и требований, особенно в сравнительном ключе, то легко обнаруживаем черты сходства и различия, наборы конкретных охранительных запретов. Сравнительный анализ гораздо легче помогает выявить и выяснить характер и назначение уголовно-правовых требований и мер в различных правопорядках.

Например, современное уголовное право многих стран знает условное осуждение, которое в целом рассматривается как инструмент индивидуализации наказания. Появление самой идеи условного осуждения обусловлено социологическим пониманием и методом анализа уголовного права. Если мы возьмем российское или английское уголовное право, то в обоих случаях можно видеть конкретный инструмент индивидуализации наказания судом (ст. 73 УК

²⁵ Люблинский П.И. Указ. соч. Стб. 1548.

²⁶ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 2.

²⁷ В отличие от идеи трактовки науки уголовного права как «общественной патологии» у А.А. Пионтковского (см.: Пионтковский А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. Ярославль, 1895. С. 23).

РФ или британский Criminal Justice Act 1948 в разделе «Probation and discharge»²⁸). Российское уголовное законодательство определяет сферу применения пределом санкции до восьми лет лишения свободы, а английское — оставляет этот вопрос, по сути, открытым, так как допускает применение условного осуждения только по тем преступлениям, по которым не предусмотрено конкретное наказание законом. Но общий смысл в обоих случаях схож. Напротив, в Германии условное осуждение помещено в разделе «Правовые последствия деяния», а в Уголовном кодексе РФ — в главе о назначении наказания. Однако в Германии условное осуждение — это не средство индивидуализации наказания, а средство дифференциации уголовной ответственности. Согласно § 56 Уголовного уложения Германии условное осуждение применяется практически по всем приговорам с наказанием до одного года лишения свободы, а в исключительных случаях и при лишении свободы на срок двух лет. Конечно, при этом учитываются характер и степень общественной опасности деяния, личность преступника, предшествующая биография и т.п. Но таким образом решается совсем иная задача — уголовно-политическая и уголовно-исполнительная, в том числе разгрузка исправительных учреждений, учитывая всегда высокие показатели преступности в ФРГ — ежегодно в диапазоне 5–6 млн зарегистрированных преступлений при численности населения немногим более 80 млн человек.

В Великобритании также высокие показатели преступности, что приводит к таким своеобразным решениям, как просто отпустить заключенных. Например, англичане бьют тревогу из-за того, что сейчас еженедельный прирост заключенных в местах лишения свободы составляет более 2000²⁹ человек, а точнее 2188. Британские исправительные учреждения сообщают о тотальной нехватке мест в учреждениях. Поэтому они недавно просто отпустили 1700 заключенных, не отбывших даже половины назначенного им наказания, причем без всяких условий и ограничений, что вызывает большую тревогу у тех организаций, которые содействуют ресоциализации. А полиция и суды заявляют, что они не могут никого задерживать, так как негде содержать задержанных и осужденных к лишению свободы³⁰.

²⁸ URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/58/part/I/crossheading/probation-and-discharge/enacted>

²⁹ См.: URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13847179/Prison-population-drops-week-Keir-Starmer-early-release-scheme.html>

³⁰ См.: Großbritanniens Regierung entlässt Häftlinge. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/grossbritannien-gefaen-gnisse-entlassungen-100.html> (10.09.2024); <https://www.naturalnews.com/2024-08-25-uk-frees-violent-criminals-accommodate-thought-criminals.html> (10.09.2024)

Пример с условным осуждением показывает, что даже на таком относительно небольшом участке уголовного права даже при беглом анализе возникают вопросы концептуального характера: какова существующая и возможная природа данной меры, ее системные связи, назначение, как она влияет на уголовную статистику и не следует ли развивать аналогичные конструкции, учитывая возможности социологического метода в уголовном праве. Возможно, в этой связи это может быть более дифференцированный подход внутри самой меры и т.п. Например, увеличение числа оправдательных приговоров может влиять и на количество случаев условного осуждения, но это уже системный анализ.

Материал науки уголовного права сплошь и рядом состоит из различных понятий и категорий, требующих глубоких знаний философии, психологии и других социальных наук. Понятия справедливости (ст. 6 и ч. 2 ст. 43 УК РФ), причины, причинно-следственной связи, принципа, времени (действие закона во времени, время совершения преступления, длящееся и продолжаемое преступление), срока, сознания, воли, мотива, цели, поступка, деяния (действия, бездействия), категории (преступлений, родового, видового, специального объектов; общего и специального субъектов), общего и специального (Общей и Особенной частей, общей и специальной нормы, основного, квалифицированного и привилегированного составов) и многие другие, несомненно, требуют глубоких знаний в области философии и ее познавательного языка, если, конечно, речь идет о науке.

Кроме того, наука уголовного права меняется под влиянием самых разнообразных обстоятельств: политических, социальных, экономических. В середине 1990-х годов уголовное право устремилось к повторению иностранных образцов, частичному воспроизведению досоветского опыта, деполитизации советского уголовного права, переосмыслению отношения к вопросам охраны собственности и регулированию (охраны) экономической деятельности, реагированию на новые вызовы в сфере общественной безопасности. В дальнейшем были известны проекты либерализации уголовного законодательства.

В последнее время обосновано актуализировались задачи по усилению национально-патриотических тенденций, обеспечению реализации конституционных требований о защите и недопустимости искажения исторической правды, в том числе о роли советского народа в победе над нацизмом. И наука уголовного права должна в принципе иметь в своей основе фундаментально разработанный национально-патриотический компонент, служащий формулированию ее

основополагающих задач и принципов. Просто защита традиционных национальных ценностей, исторической памяти народа должны рассматриваться как имманентные темы и структуры аксиологических характеристик конкретных требований и норм уголовного права. Это должно быть не просто декларацией, а сквозной темой и ключевым аргументом в освещении релевантных разделов уголовного права.

Укрепляя свои научные позиции и реализуя соответствующие потенциалы, наука уголовного права должна усилить внимание к философско-правовым и историко-правовым аспектам в природе и характере своей научности. Но такая установка реализуема только, если надлежащим образом освоено и реализуется историографический компонент. Можно сказать, что серьезным шагом в направлении развития историографии науки уголовного права было бы комплексное исследование и обобщение различных историко-философских контекстов понятийного языка и всей идейно-институциональной внутренней среды уголовного права. Одним словом, нужна комплексная и всеобъемлющая история философии уголовного права. Причем она должна строиться не на устаревших шаблонах приложения философии в западноевропейской традиции ее изложения к основным вопросам уголовного права. Необходима разработка концепции истории философии права, ее источниковедческого и историографического компонентов. Она, как и любая наука, должна опираться на большие массивы данных, сравнительные исследования, что позволило бы значительно лучше оценить возможности и потенциал современной науки уголовного права. При этом ошибочным было бы полагать, что привычная для многих современных работ попытка просто большими фрагментами описывать учения и концепции, не прибегая к аналитической работе, может заменить серьезную научную работу над историей философии уголовного права и разработкой историографических контекстов современного уголовного права. Если мы приступаем к изучению конкретных проблем уголовного права, то необходимо не просто обратиться к одному или нескольким источникам, но изучить характер научных дискуссий, степень разработанности проблемы, провести источниковедческий анализ, исключающий использование ненадежных и случайных источников, мимоходом брошенных высказываний, мнений и прочих формул, которые не основаны на серьезных обобщениях практики и глубоких знаниях теории. Напротив, обращаясь к философии права, явно упрощенными выглядят попытки просто сослаться на пару позиций в учебниках или отдельные мнения. Материал философии права значительно сложнее и для квалифицированного исследователя представляет собой совершенно конкретное

изучение мировоззренческих аспектов политико-правовых явлений. Поэтому нужна именно совместная работа обеих областей юридических знаний.

Даже вопрос о типах понимания права предполагает в применении к области уголовного права ответ, какого же ключевое понимание права, разделяемое современной наукой уголовного права, какой тип научной аргументации она признает, как реагирует на феноменологические, гносеологические, коммуникативные и прочие концепции, популярные в мировой литературе.

Профессор К. Кюль из немецкого Тюбингена в 2001 г. опубликовал работу (доклад) под названием «Значение философии права для уголовного права»³¹. В ней он ставит ряд важных вопросов о связях философии права с наукой уголовного права и практикой применения уголовного права, предлагая при этом свой взгляд на возможности построения оригинальной концепции философии уголовного права на основе сочетания двух принципов — свободы и солидарности. Последний означает фокусирование внимания на идее долга и взаимопомощи как основаниях оценки релевантных для смысла уголовного права поступков³². Кюль предлагает обзор основных школ и направлений в немецкой литературе, которые, по его мнению, могут дать представление о разработке немецкими учеными философско-правового компонента в науке уголовного права. В целом материал информативен, но явным недостатком работы является поверхностная попытка произвольно трактовать проблематику философии права, подменяя ее ссылкой на любую философскую или теоретическую концепцию, что размывает предмет исследования. В работе явно ощущается недостаток философско-правового образования. Даже в немецкоязычной традиции имеется немало серьезных исследований и разработок философии уголовного права. Автор же пытается показать на примере отдельных уголовно-правовых тем, таких как понятие преступления, наказания, мошенничества, как те или иные авторы используют в своих работах материалы философов от Гоббса до Канта и Гегеля, но и некоторых популярных философов и социологов XX в. (Ю. Хабермас и Н. Луман).

Работы другого немецкого ученого, известного в Германии специалиста по уголовному праву В. Кюпера³³, ранее профессора Гейдельбергского университета, имеют большее

³¹ Kühl K. Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht. Baden-Baden, 2001.

³² См.: *ibid.* S. 53.

³³ См.: Küper W. Strafrechtliche Beiträge zu Rechtsgeschichte und Rechtsphilosophie. Herausgegeben von Michael Hettinger u. Jan Zopfs. 2017.

познавательное значение в контексте обсуждаемой темы. В его трудах разных лет раскрывается комплекс философско-правовых и историко-правовых аспектов науки уголовного права, включая вопросы философии уголовно-правовой политики в эпоху Просвещения, идеи уголовного права П. Фейербаха, взгляды Г. Гейне, разнообразные ракурсы обсуждения основополагающих тем уголовного права в контексте классических философских концепций, например «уголовный закон как категорический императив» в смысле правового учения Канта, природы воздаяния за преступления, обстоятельств, исключающих преступность деяний, и др. Работы Кюпера наглядно демонстрируют интерес к прояснению природы уголовно-правовых проблем в контексте философии права и истории права. Однако они также носят характер специальных исследований, в которых теоретико-методологические вопросы историографии философии уголовного права либо не затрагиваются вовсе, либо ограничиваются лишь небольшими эпизодами.

Любопытна для понимания обсуждаемых проблем полемика, которая развернулась некоторое время назад между двумя немецкими учеными — проф. Й. Бунгом из Университета Гамбурга и проф. К. Гирхакке из Университета Регенсбурга. В 2015 г. Й. Бунг выступил перед юридическим факультетом своего университета с докладом «Пять основных проблем современного уголовного права», который позже опубликовал³⁴. Содержание доклада весьма провокационное, сформулировано в духе современных постмодернистских тенденций, выражает скептическое отношение к уголовному праву в качестве самостоятельной юридической науки как таковой. В начале доклада он ставил вопрос о роли философии права в области уголовного права в таком ключе: либо философия права вообще ни имеет никакого значения для этой сферы, либо она так глубоко вплетена в ткань уголовного права, что имеет для последнего ключевое значение, как несущий его каркас, подобно тому, какую роль играет римское право для цивилистики. В качестве пяти основных проблем современного уголовного права он называет следующие: принцип определенности, принцип вины, цели наказания, нарушения обязанностей, трансграничность (трансгосударственность) и права человека.

Й. Бунг придерживается точки зрения, что большинство криминалистов, специалистов в области уголовного права легко обходятся без всякой философии права, так что, по его мнению, от нее как таковой в области уголовного права можно

вовсе отказаться. Он, в частности, полагает, что обращение к философии права только создает излишнее напряжение, трудности в понимании основных вопросов уголовного права и ведет к путанице в определенности значимых для этой сферы вопросов. Его аргументация крайне хаотична, плохо связаны между собой выдвигаемые против философии права утверждения. «Старые либеральные основополагающие премудрости» — это и есть в интерпретации Й. Бунга собственно философия права. На них, по его убеждению, ссылаться невозможно, хотя некоторые все же можно оставить, например кантовское понятие права. Другим значимым для его позиции аргументом является утверждение о том, что общества, часто обращающиеся к наказанию преступников, не являются хорошими обществами, они ненадежные и не безопасные общества, «которые не могут взять под контроль условия их страха»³⁵. Здесь важно обратить внимание на то, что, например, США, Германия и Англия имеют крайне высокие данные по преступности и частоте наказания, так что, вероятно, именно они в центре внимания данного ученого. Следующим аргументом Й. Бунга служит суждение о том, что «философско-правовое понятие строго узкого уголовного права может быть легко переложено на язык конституционно-правовых аргументов»³⁶, что в его трактовке ведет к выводу о возможности просто заменить уголовное право в его, так сказать, базовой части посредством конституционного права или иного права, имеющего большее общественное признание (по всей видимости, международное).

В итоге Й. Бунг приходит к заключению, что названные три аргумента уже достаточны, чтобы «отказаться от философии права лишь по причине экономии времени»³⁷. Такая мода была озвучена еще философским учением эмпириокритиков, которые призывали к экономии интеллектуальных сил, «экономии мышления»³⁸.

Й. Бунг лукавит, критикуя философию права. Судя по опубликованному тексту его доклада, в философии права он ориентируется весьма поверхностно и произвольно-потребительски интерпретирует как природу философии права, так и собственно уголовного права. Ему кажется привлекательной точка зрения постмодернистов, особенно философско-лингвистическая концепция Л. Витгенштейна. Но это как минимум тоже определенное направление в философии. Отсюда

³⁵ Ibid. S. 340.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. S. 341.

³⁸ См.: Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003.

³⁴ См.: Bunge J. Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik (ZIS). 2016. S. 340–344.

следуют и его ключевые аргументы. От принципа определенности в уголовном праве призывает он отказаться вообще, так как это невозможно в его трактовке. Однако убеждает его в этом не столько творчество Витгенштейна, сколько повторение аргументов концепции лингвистической философии в адрес своих других философских концепций. Соответственно, он утверждает, что язык с самого начала не выражает строго определенного значения, а в области уголовного права это будет означать невозможность формального выведения правовых гарантий дедуктивным путем с помощью юридической методологии. Спасти дело, по убеждению Й. Бунга, может лишь «объемлющая модель означивания в рамках правовой коммуникации»³⁹

Далее Й. Бунг критикует принцип вины в уголовном праве, утверждая безапелляционно, что многие специалисты в области уголовного права в Германии предлагают даже отказаться от этого принципа вовсе. Сам он подчеркивает, что уголовное право ничего не знает о природе вины. Он приводит в качестве примера «макрокриминальные события, как геноцид», для которого, по его мнению, вопрос о неправомерности деяния якобы не связан с вопросом об индивидуальной вине. По всей видимости, Й. Бунг плохо знаком с содержанием приговора Нюрнбергского трибунала, который четко и последовательно опровергает его точку зрения⁴⁰. Это важнейший в истории и на сегодняшний день юридический акт не носит абстрактного характер, а содержит осуждение конкретных деяний и конкретных лиц, в том числе устанавливает их вину в совершении соответствующих деяний. Другим примером для него служит уголовное право несовершеннолетних, где вопросы вины трактуются с учетом возрастной психологии и имеют определенную специфику⁴¹.

К. Гирхаке, которая резко критически выступила против подобных вольных трактовок уголовного права (хотя они имеют определенную отсылку к прошлому — например, дискуссии начала XX в. об общественной опасности лиц и социальных мерах защиты), верно пишет: «Если бы уголовное право было просто игрой ума, оно, несомненно, могло бы быть восхитительным, и было бы достаточно занять то одну, то другую позицию, игриво поворачивая их то туда, то сюда, но в конечном итоге оставляя их открытыми»⁴².

Девальвирует Й. Бунг и значение целей наказания, которые, по его мнению, превратились в «фетиши» и не имеют значения «системного фактора» для исчисления уголовной ответственности⁴³. Здесь он ссылается на взгляды Ницше и утверждает, что те, кто придаются вере в устойчивые и прочные понятия, подозреваются в «аутизме»; учения Канта, Гегеля, Фейербаха и фон Листа, по его мнению, несмотря на всю свою грандиозность, оставляют без ответа самый главный вопрос: следует ли и почему следует наказывать. Отсюда для Й. Бунга напрашивается возможный вывод, что проблеме вины в уголовном праве можно перевести, как он уверяет, в конституционно-правовую формулу, которая гласила бы, что предупреждение преступлений должно ограничиваться вопросом вины⁴⁴, хотя при этом он же ранее заявлял, что наука уголовного права вовсе не знает, что такое вина.

В отношении «нарушения обязанностей» как ключевой проблемы уголовного права в трактовке Й. Бунга его аргументация выглядит еще более запутанной и специфичной. Основную мысль его интерпретации можно передать его же словами: «Когда увеличивается компетенция лица, то уже не существует простой зависимости между соответствующим простотой обязанностей и криминализацией с точки зрения такой формы совершения преступления, как неисполнение обязанностей»⁴⁵.

Наконец, пятая в схеме проблем современного уголовного права, по Бунгу, заключается в том, что существуют преступления, которые остаются таковыми независимо от места совершения преступления. Имеется в виду территория национального государства. В таком случае Бунг предлагает рассматривать потерпевшим все человечество. Весьма специфический взгляд на природу преступлений в сфере международного уголовного права. Бунг опять же вовсе не ссылается на Нюрнбергский или Токийский трибуналы, а предлагает международное право превратить в некую идею (коммуникативную формулу или среду) «единого человечества».

Критика позиций Й. Бунга, которая прозвучала на страницах того же издания от К. Гирхаке, здравомысленная, но явно недостаточная, так как она все же очень пытается найти разумное основание для правомерности такого рода интерпретаций в тех же аргументах, которые предлагаются Й. Бунгом. Точка зрения Й. Бунга привлекает внимание отнюдь не попытками научного осмысления основных проблем уголовного права с позиции философии права, а вольным обращением как с философией права, так и с уголовным правом. Если в основе философии

³⁹ *Bung J.* Op. cit. S. 340.

⁴⁰ См.: Признать виновными. Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге / предисл. А.Н. Савенкова, А.Г. Звягинцева. М., 2021. С. 7–92.

⁴¹ *Bung J.* Op. cit. S. 341.

⁴² *Gierhake K.* Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts. Eine Replik zu Jochen Bung // *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik.* 2026. No. 11. S. 733.

⁴³ См.: *Bung J.* Op. cit. S. 341.

⁴⁴ *Ibid.* S. 342.

⁴⁵ *Ibid.*

уголовного права должна, по мнению Бунга, быть концепция лингвистической философии Витгенштейна, то это как минимум должна быть последовательная и логически связанная с ее идеями разработками теоретических взглядов.

Пример заблуждений Бунга поучителен тем, что постмодернистские деконструкции традиционных юридических понятий, теорий и вообще отношения к философии права весьма популярны как за рубежом, так и в отечественной литературе. Они не носят характер уточнения или дополнения ракурсов рассмотрения уголовно-правовых проблем, а претендуют на полную замену всех прежних достижений. Поэтому в русле такого рода рациональностей проблема истории становится угрожающей им опасностью. Она, поскольку не может быть устранена полностью, переводится в разряд когнитивных исследований, фокусируется на психологии сознания историка. Пример размышлений Бунга, как и большинства постмодернистских трактовок правовых проблем, показывает черту, свойственную описанному в русской классической литературе XIX в. нигилизму как культурной точке зрения, которая легко соглашается с тем, чтобы все отменить или опровергнуть, но собственных идей, созидательных представлений вовсе не содержит. Так и Бунг легко девальвирует проблему вины, целей, уголовно-правовых понятий, но ничего внятного взамен не предлагает.

Поэтому для развития уголовного права его теории и методологии нужны в первую очередь фундаментальные историографические исследования науки уголовного права, ее характера, понятийного языка, историко-философских оснований основных смыслообразующих конструктов. Важно понимание универсально-мирового и национально-цивилизационного типа развития уголовного права и формирующих его доктринальный каркас идей. В связи с этим необходимо учесть, что речь вовсе не идет о том, чтобы восполнить пробелы в знаниях зарубежной философии, в частности философии права и философии уголовного права, которая еще в XIX в. была представлена серьезными изданиями. Это важная часть, но отнюдь не главная и не исчерпывающая. Для развития современной юридической науки в целом и уголовного права в частности нужна среди прочего фундаментальная разработка национального правосознания, его действительных, а не шаблонно подсказанных и упрощенно трактуемых оснований и смыслов. Этому может содействовать усиление сравнительно-правовых исследований уголовно-правовых институтов и идей, понятий, словаря, практики в различные исторические эпохи: от глубокой древности до наших дней. Давайте представим себе, что исследование философии уголовного права начнется не с априорного восхищения каким-то мифическим состоянием интеллектуальной среды где-то там, а с достоверного

и верифицируемого изучения и изложения состояния правовой жизни, правовой культуры, правовой литературы и т.п. Можно начать изучать философию уголовного права во Франции XIX в. с романов В. Гюго, особенно письма итальянским издателям его романа «Отверженные», и проблема смысла уголовного права этой страны станет куда более отчетливой. Или, если предвзято анализ уголовно-правовой доктрины той или иной страны, изучить криминальные хроники, статистику по уголовным делам, надзорные материалы, местные СМИ, обобщения и обзоры ведомств и прочие аналогичные материалы, а затем обратиться к изучению оригинальной национальной литературы, историографии и полноте данных, источниковедческому анализу, то в итоге можно ожидать по-настоящему основательную и приближенную к национально-культурному типу картину состояния науки и практики уголовного права.

Одна из самых информативных концепций в области философии права и историографии науки уголовного права, правда, только относительно немецкого материала, была создана Ф. Берольцгеймером в начале XX в. в опубликованной им объемной и основательной работе в пяти томах под названием «Система философии хозяйства и права», пятый (заключительный) том которой был посвящен философии уголовного права и реформам уголовного права⁴⁶. Эта работа содержит внушительный обзор различных теорий и учений (с. 3–42 оригинала), в которых как ключевой маркер, определяющий философское осмысление уголовного права и его эволюцию, рассматривается вопрос о вине, в фокусе которой трактуются все остальные общие и специальные вопросы уголовного права. Эта проблематика, как свидетельствуют исследования, вовсе не утратила актуальности и в наши дни, особенно в зарубежной литературе.

В качестве примеров попыток современной разработки философии уголовного права в зарубежной литературе можно назвать исследование (диссертация) немецкого ученого Д. Бёма «Уголовно-правовая законность как принцип» о взаимосвязи юридико-позитивистских и гносеологических основ законности как принципа уголовного права⁴⁷, работу аргентинского ученого М. Ферранте «Философия уголовного права»⁴⁸, оксфордский справочник по философии уголовного права, который носит

⁴⁶ См.: *Berolzheimer F.* System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie; Bd. 5. Strafrechtsphilosophie und Strafrechtsreform. München, 1907.

⁴⁷ См.: *Böhm D.* Strafrechtliche Gesetzlichkeit als Prinzip? Eine Untersuchung über das Spannungsverhältnis zwischen positivrechtlichen und erkenntnistheoretischen Grundlagen strafrechtlicher Gesetzlichkeit. Frankfurt am Main, 2013.

⁴⁸ *Ferrante M.* Filosofía y derecho penal. Buenos Aires, 2013.

эссеистический характер⁴⁹, сборник отдельных эссе шотландского правоведа Д. Гарднера по философии уголовного права⁵⁰, исследование (диссертация) Р. фон дер Хейдта о философских основаниях связей уголовного права и нейронаук⁵¹, сборник эссе Д. Хусака «Философия уголовного права»⁵², исследование коллектива испанских криминалистов «Кризис современного уголовного права»⁵³. Познавательные работы, но они крайне редко показывают историографические контексты исследуемых вопросов уголовного права, что часто приводит к хорошо известным обсуждениям и проблемам прошлого, а кроме того, в них редко обозначается концептуально проблематика философии уголовного права. Для формирования надлежащей философии уголовного права необходима историографическая часть, которая позволяет разработать и объединить хронологический, проблемно-теоретический, конструктивно-критический и прагматико-эссеистический подходы к ключевым моментам и вопросам науки уголовного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарёв С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М., 2019.
2. Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903. С. VI.
3. Голик Ю.В. Уголовное право и философия // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 5–11.
4. Жижиленко А.А. К вопросу о прошлом и будущем русской науки уголовного права // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 45 (8 ноября). Стб. 2858–2867.
5. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 4.
6. Люблинский П.И. Обзор литературы науки уголовного права за 1908 г. // Право. Еженедельная юрид. газ. 1909. № 26 (28 июня). Стб. 1537–1548.
7. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003.
8. Набоков В.Д. К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 44 (1 ноября). Стб. 2773–2790.
9. Набоков В.Д. Об «опасном состоянии» преступника, как критерии мер социальной защиты [1] // Право. Еженедельная юрид. газ. 1910. № 18 (2 мая). Стб. 1114–1123; [2]. № 19 (9 мая). Стб. 1173–1185.
10. Пионтковский А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. Ярославль, 1895. С. 23.
11. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 2.
12. Поletaев Н.А. Наука уголовного права в Англии // Журнал Министерства Юстиции. 1863. Т. XVII. С. 363.
13. Полянский Н.Н. Спор о будущей ориентации русской науки уголовного права // Юридический Вестник. 1916. Кн. XIII (I). С. 155–168.
14. Признать виновными. Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге / предисл. А.Н. Савенкова, А.Г. Звягинцева. М., 2021. С. 7–92.
15. Сергеевский Н.Д. Философские приемы и наука уголовного права // Журнал Гражданского и Уголовного Права. 1879. Кн. 1 (Январь – февраль). С. 39–87.
16. Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2011.
17. Чубинский М.П. Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства Юстиции. 1902. № 7. С. 99, 100.
18. Шаргородский М.Д. Итоги философской дискуссии и некоторые вопросы науки уголовного права // Сов. государство и право. 1948. № 3. С. 12–20.
19. Berolzheimer F. System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie; Bd. 5. Strafrechtsphilosophie und Strafrechtsreform. München, 1907.
20. Böhm D. Strafrechtliche Gesetzmäßigkeit als Prinzip? Eine Untersuchung über das Spannungsverhältnis zwischen positivrechtlichen und erkenntnistheoretischen Grundlagen strafrechtlicher Gesetzmäßigkeit. Frankfurt am Main, 2013.
21. Bung J. Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik (ZIS). 2016. S. 340–344.
22. Ferrante M. Filosofía y derecho penal. Buenos Aires, 2013.
23. Gardner J. Offences and defences: selected essays in the Philosophy of Criminal Law. Oxford, 2011.
24. Gierhake K. Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts. Eine Replik zu Jochen Bung // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2026. No. 11. S. 733.
25. Heydt R. Perspektivität von Freiheit und Determinismus: zugleich eine philosophische Untersuchung zur Objektivierbarkeit des Strafrechts vor dem Hintergrund neurowissenschaftlicher Forschung. Berlin, 2017.
26. Husak D.N. Philosophy of Criminal Law. Totowa, NJ., 1987.
27. Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 // Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998. S. 92.
28. Kirchmann J.H. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin, 1848.

⁴⁹ См.: The Oxford handbook of Philosophy of Criminal Law / ed. by John Deigh and David Dolinko. Oxford, 2011.

⁵⁰ См.: Gardner J. Offences and defences: selected essays in the Philosophy of Criminal Law. Oxford, 2011.

⁵¹ См.: Heydt R. Perspektivität von Freiheit und Determinismus: zugleich eine philosophische Untersuchung zur Objektivierbarkeit des Strafrechts vor dem Hintergrund neurowissenschaftlicher Forschung. Berlin, 2017.

⁵² Husak D.N. Philosophy of Criminal Law. Totowa, NJ., 1987.

⁵³ La crisis del derecho penal contemporáneo / Ricardo Robles Planas ... (coordinadores). Sonst. Personen: Robles Planas, Ricardo [Hrsg.]; Sánchez-Ostiz Gutiérrez, Pablo. Barcelona, 2010.

29. *Kühl K.* Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht. Baden-Baden, 2001. S. 53.
30. *Küper W.* Strafrechtliche Beiträge zu Rechtsgeschichte und Rechtsphilosophie. Herausgegeben von Michael Hettinger u. Jan Zopfs. 2017.
31. La crisis del derecho penal contemporáneo / Ricardo Robles Planas ... (coordinadores). Sonst. Personen: Robles Planas, Ricardo [Hrsg]; Sánchez-Ostiz Gutiérrez, Pablo. Barcelona, 2010.
32. *Savigny F.C.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
33. *Schild W.* Ende und Zukunft des Strafrechts // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie. 1984. Vol. 70. No. 1. S. 71–112.
34. The Oxford handbook of Philosophy of Criminal Law / ed. by John Deigh and David Dolinko. Oxford, 2011.
15. *Sergeevsky N.D.* Philosophical techniques and the science of Criminal Law // Journal of Civil and Criminal Law. 1879. Book 1 (January – February). Pp. 39–87 (in Russ.).
16. Standards of science and homo juridicus in the light of Philosophy of Law: materials of the fifth and sixth philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyan / ed. V.G. Graftsky. M., 2011 (in Russ.).
17. *Chubinsky M.P.* The science of Criminal Law and its constituent elements // Journal of the Ministry of Justice. 1902. No. 7. Pp. 99, 100 (in Russ.).
18. *Shargorodsky M.D.* The results of the philosophical discussion and some questions of the science of Criminal Law // Soviet State and Law. 1948. No. 3. Pp. 12–20 (in Russ.).
19. *Berolzheimer F.* System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie; Bd. 5. Strafrechtsphilosophie und Strafrechtsreform. München, 1907.
20. *Böhm D.* Strafrechtliche Gesetzmäßigkeit als Prinzip? Eine Untersuchung über das Spannungsverhältnis zwischen positivrechtlichen und erkenntnistheoretischen Grundlagen strafrechtlicher Gesetzmäßigkeit. Frankfurt am Main, 2013.
21. *Bung J.* Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik (ZIS). 2016. S. 340–344.
22. *Ferrante M.* Filosofía y derecho penal. Buenos Aires, 2013.
23. *Gardner J.* Offences and defences: selected essays in the Philosophy of Criminal Law. Oxford, 2011.
24. *Gierhake K.* Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts. Eine Replik zu Jochen Bung // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2026. No. 11. S. 733.
25. *Heydt R.* Perspektivität von Freiheit und Determinismus: zugleich eine philosophische Untersuchung zur Objektivierbarkeit des Strafrechts vor dem Hintergrund neurowissenschaftlicher Forschung. Berlin, 2017.
26. *Husak D.N.* Philosophy of Criminal Law. Totowa, NJ., 1987.
27. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 // Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998. S. 92.
28. *Kirchmann J.H.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin, 1848.
29. *Kühl K.* Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht. Baden-Baden, 2001. S. 53.
30. *Küper W.* Strafrechtliche Beiträge zu Rechtsgeschichte und Rechtsphilosophie. Herausgegeben von Michael Hettinger u. Jan Zopfs. 2017.
31. La crisis del derecho penal contemporáneo / Ricardo Robles Planas ... (coordinadores). Sonst. Personen: Robles Planas, Ricardo [Hrsg]; Sánchez-Ostiz Gutiérrez, Pablo. Barcelona, 2010.
32. *Savigny F.C.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
33. *Schild W.* Ende und Zukunft des Strafrechts // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie. 1984. Vol. 70. No. 1. S. 71–112.
34. The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law / ed. by John Deigh and David Dolinko. Oxford, 2011.

REFERENCES

1. *Bochkarev S.A.* Philosophy of Criminal Law: posing a question. M., 2019 (in Russ.).
2. *Vladimirov L.E.* Criminal legislator as educator of the people. M., 1903. P. VI (in Russ.).
3. *Golik Yu. V.* Criminal Law and Philosophy // Criminal Justice. 2022. No. 19. Pp. 5–11 (in Russ.).
4. *Zhizhilenko A.A.* On the question of the past and future of the Russian science of Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. 1915. No. 45 (November 8). Stb. 2858–2867 (in Russ.).
5. *Kudryavtsev V.N.* Theoretical foundations of the qualification of crimes. M., 1963. P. 4 (in Russ.).
6. *Lyublinsky P.I.* Literature review of the science of Criminal Law for 1908 // Law. Weekly legal newspaper. 1909. No. 26 (June 28). Stb. 1537–1548 (in Russ.).
7. *Makh E.* Cognition and delusion. Essays on the psychology of research. M., 2003 (in Russ.).
8. *Nabokov V.D.* On the question of the future orientation of the Russian science of Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. 1915. No. 44 (November 1). Stb. 2773–2790 (in Russ.).
9. *Nabokov V.D.* On the “dangerous state” of a criminal as criteria for social protection measures [1] // Law. Weekly legal newspaper. 1910. No. 18 (May 2). Stb. 1114–1123; [2]. No. 19 (9 May). Stb. 1173–1185 (in Russ.).
10. *Piontkovsky A.A.* The science of Criminal Law, its subject, tasks, content and significance. Yaroslavl, 1895. P. 23 (in Russ.).
11. *Poznyshchev S.V.* The basic principles of the science of Criminal Law. The General part of Criminal Law. 2nd ed., rev. and add. M., 1912. P. 2 (in Russ.).
12. *Poletayev N.A.* The science of Criminal Law in England // Journal of the Ministry of Justice. 1863. Vol. XVII. P. 363 (in Russ.).
13. *Polyansky N.N.* Dispute about the future orientation of the Russian science of Criminal Law // Legal Herald. 1916. Book XIII (I). Pp. 155–168 (in Russ.).
14. To be found guilty. The verdict of the International Military Tribunal in Nuremberg / preface by A.N. Savenkov, A.G. Zvyagintsev. M., 2021. Pp. 7–92. (in Russ.).
15. *Sergeevsky N.D.* Philosophical techniques and the science of Criminal Law // Journal of Civil and Criminal Law. 1879. Book 1 (January – February). Pp. 39–87 (in Russ.).
16. Standards of science and homo juridicus in the light of Philosophy of Law: materials of the fifth and sixth philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyan / ed. V.G. Graftsky. M., 2011 (in Russ.).
17. *Chubinsky M.P.* The science of Criminal Law and its constituent elements // Journal of the Ministry of Justice. 1902. No. 7. Pp. 99, 100 (in Russ.).
18. *Shargorodsky M.D.* The results of the philosophical discussion and some questions of the science of Criminal Law // Soviet State and Law. 1948. No. 3. Pp. 12–20 (in Russ.).
19. *Berolzheimer F.* System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie; Bd. 5. Strafrechtsphilosophie und Strafrechtsreform. München, 1907.
20. *Böhm D.* Strafrechtliche Gesetzmäßigkeit als Prinzip? Eine Untersuchung über das Spannungsverhältnis zwischen positivrechtlichen und erkenntnistheoretischen Grundlagen strafrechtlicher Gesetzmäßigkeit. Frankfurt am Main, 2013.
21. *Bung J.* Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik (ZIS). 2016. S. 340–344.
22. *Ferrante M.* Filosofía y derecho penal. Buenos Aires, 2013.
23. *Gardner J.* Offences and defences: selected essays in the Philosophy of Criminal Law. Oxford, 2011.
24. *Gierhake K.* Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts. Eine Replik zu Jochen Bung // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2026. No. 11. S. 733.
25. *Heydt R.* Perspektivität von Freiheit und Determinismus: zugleich eine philosophische Untersuchung zur Objektivierbarkeit des Strafrechts vor dem Hintergrund neurowissenschaftlicher Forschung. Berlin, 2017.
26. *Husak D.N.* Philosophy of Criminal Law. Totowa, NJ., 1987.
27. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 // Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998. S. 92.
28. *Kirchmann J.H.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin, 1848.
29. *Kühl K.* Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht. Baden-Baden, 2001. S. 53.
30. *Küper W.* Strafrechtliche Beiträge zu Rechtsgeschichte und Rechtsphilosophie. Herausgegeben von Michael Hettinger u. Jan Zopfs. 2017.
31. La crisis del derecho penal contemporáneo / Ricardo Robles Planas ... (coordinadores). Sonst. Personen: Robles Planas, Ricardo [Hrsg]; Sánchez-Ostiz Gutiérrez, Pablo. Barcelona, 2010.
32. *Savigny F.C.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
33. *Schild W.* Ende und Zukunft des Strafrechts // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie. 1984. Vol. 70. No. 1. S. 71–112.
34. The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law / ed. by John Deigh and David Dolinko. Oxford, 2011.

Сведения об авторах

ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич —
доктор юридических наук,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного
Центра философско-правовых исследований
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

МАЛИКОВ Сергей Владимирович —
доктор юридических наук,
заместитель директора
Института государства и права
по научной работе
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GORBAN Vladimir S. —
Doctor of Law,
Head of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Head of the Interdisciplinary Center
for Philosophical and Legal Studies,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MALIKOV Sergey V. —
Doctor of Law,
Deputy Director
of the Institute of State and Law
for Scientific Work
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340; 343.2/.7

СКВОЗЬ ВЕКА И ВРЕМЕНА К КРИЗИСУ ПОНИМАНИЯ СУТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

© 2024 г. С. А. Бочкарёв

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.09.2024 г.

Аннотация. В современном правоведении представления о кризисе, как правило, связывают с состоянием правоприменения или правотворчества. В меньшей степени кризисные оценки касаются самого правоведения и его познавательных программ, что, скорее всего, обусловлено высокой самооценкой юридической наукой результатов своей деятельности. Вместе с тем критический анализ последних позволил обнаружить, что в основе уголовного правоведения лежит парадигма познания социальной реальности через понятия преступления и наказания. В зависимости от их значения праву дается соответствующая смысловая интерпретация. Дошло даже до восприятия уголовного права в качестве рамочного термина, который лишь группирует в себе более емкие понятия, нормы и институты. С учетом характера вскрытой проблемы целью исследования стало выяснение причин формирования выявленной парадигмы, а также факторов, поддерживающих ее актуальность на протяжении столетий. Достижению этой цели способствовало решение задач по выявлению: генезиса парадигмы и питающих ее детерминант; наличия у нее неоспоримых достоинств и неизбежных издержек; соответствия оцениваемой концепции природе преступления и тех ценностей, которые традиционно охраняются уголовным правом. Для достижения намеченной цели и решения поставленных задач применены философские – аксиологический, онтологический и гносеологический – подходы, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и отраслевые (сравнительно-правовой, формально-юридический) методы. По итогам выявлено, что толчок к становлению исследуемой парадигмы дали психосоматические предпосылки. Влияние на ее развитие также оказала волевая концепция права, адаптация которой привела к формированию из уголовного права рефлекторной науки. Абсолютизация волевого элемента сместила на второй план сознательный фактор, что не отвечает природе преступления и охраняемых правом ценностей. Дальнейшая эксплуатация преступления и наказания в качестве исходного базиса уголовного права и источника знаний о его онтологических основаниях не имеет перспектив.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, наказание, сущее, должное, генезис, философия уголовного права, парадигма, жизнь.

Цитирование: Бочкарёв С.А. Сквозь века и времена к кризису понимания сути уголовного права // Государство и право. 2024. № 9. С. 51–62.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтom государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224090048

THROUGH THE AGES AND TIMES TO THE CRISIS UNDERSTANDING THE ESSENCE OF CRIMINAL LAW

© 2024 S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 20.09.2024

Abstract. In modern jurisprudence, ideas about the crisis are usually associated with the state of law enforcement or law-making. To a lesser extent, crisis assessments relate to jurisprudence itself and its cognitive programs, which is most likely due to the high self-esteem of legal science of the results of its activities. At the same time, a critical analysis of the latter revealed that the basis of criminal law is the paradigm of cognition of social reality through the concepts of crime and punishment. Depending on their meaning, the law is given an appropriate semantic interpretation. It has come to the perception of criminal law as a framework term that only groups together more capacious concepts, norms and institutions. Taking into account the nature of the revealed problem, the purpose of the study was to clarify the reasons for the formation of the identified paradigm, as well as the factors that have supported its relevance for centuries. The achievement of this goal was facilitated by solving the tasks of identifying: the genesis of the paradigm and the determinants that feed it; the presence of its undeniable advantages and inevitable costs; the conformity of the evaluated concept with the nature of the crime and those values that are traditionally protected by Criminal Law. To achieve the intended goal and solve the tasks set, philosophical – axiological, ontological and epistemological – approaches, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and sectoral (comparative legal, formal legal) methods are applied. As a result, it was revealed that the impetus for the formation of the studied paradigm was given by psychosomatic prerequisites. Its development was also influenced by the volitional concept of law, the adaptation of which led to the formation of a reflex science from Criminal Law. The absolutization of the volitional element has shifted the conscious factor to the background, which does not correspond to the nature of the crime and the values protected by law. The further exploitation of crime and punishment as the initial basis of Criminal Law and a source of knowledge about its ontological foundations has no prospects.

Key words: Criminal Law, crime, punishment, being, due, genesis, Philosophy of Criminal Law, paradigm, life.

For citation: Bochkarev, S.A. (2024). Through the ages and times to the crisis understanding the essence of Criminal Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 51–62.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Формирование парадигмы и ее генезис

К началу XIX в. в зарубежном и отечественном научно-практическом мировоззрении сформировались ключевые представления о преступлении и наказании, в том числе об их основополагающем значении для уголовного права. Опыт формирования этого права как отрасли соответствующего законодательства оказался заразителен для юридической науки. Вслед за практикой в теории сложился алгоритм поиска сущности уголовного права через познание природы либо преступления, либо наказания.

В зависимости от выбора отправной категории ее объявляли источником знаний обо всем праве и развивали на его почве теорию, определяя цели,

задачи и принципы этого права, значения терминологического аппарата. Как констатировал С.В. Познышев, «преступление, преступник и наказание в их соотношениях друг с другом, – вот сложный предмет изучения науки уголовного права»¹. Мечась между двумя категориями, специалисты на первый план научных изысканий помещают либо преступное деяние, по отношению к которому наказание является неизбежным следствием, либо карательную деятельность государства, рассматривающую преступное деяние как естественный повод и основание для ее реализации.

¹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть. 2-е изд. М., 1912. С. 1.

В отечественном правоведении тон задал И.Е. Нейман². В начале XIX в. исследование уголовного права он начал с изучения преступлений и наказаний. Его примеру последовали многие. С.М. Будзинский, в частности, объяснение права предварил раскрытием существа наказания и задался принципиальными, как он их оценивал для уголовного права, вопросами: «С какой целью исполняет оно карательную власть? Почему общество наказывает известные поступки, другие же оставляет ненаказанными? Какое начало руководит наложением наказаний, разных по существу и величине в различных случаях?»³. Н.С. Таганцев не отнесся к этим вопросам как к первостепенным. В отличие от С.М. Будзинского в качестве первопредмета Общей части уголовного права он выделил преступное деяние⁴. И.М. Наумов поступил иначе. Разделяя преступления против гражданских и уголовных прав, он счел, что исходным предметом изучаемого им права следует признавать не преступление, а «наказание лично гражданина...»⁵.

Исследование истории развития понятий о преступлении и наказании в русском праве А.М. Богдановский начал с рассмотрения наказания. Он полагал, что термин «преступление» может быть только тогда ясно осознан, когда мы узнаем, какая точка зрения господствовала в то время по отношению к наказанию. «История уголовного права какого-либо народа, — утверждал юрист, — должна представить главным образом воззрение законодательства и народного права вообще на преступление и наказание и на взаимное между ними отношение...»⁶. Аналогичного мнения придерживался И.Я. Фойницкий. Он утверждал, что «в область уголовного права входят право наказания и право его исполнения»⁷.

Что с обозначенных пор изменилось? Если ничего, то означает ли это, что отрасль права во всех ее ипостасях верно определилась со своими основными феноменами, правильно выбрала направление в деле самопознания и своего практического развития? Если корректировка или отказ от прежде установленного образа права все же имели место

быть, то на каком историческом этапе эти события произошли, в чем они выразились и как сказались на представлениях о преступлении, наказании и уголовном праве в целом?

История последующих эпох отвечает на поставленные вопросы. Она содержит предостаточно доказательств того, что в суть словосочетания «уголовное право» практически никто не углубляется. Известные примеры погружения обусловлены в основном историко-лингвистическим интересом. Большинство представлений ограничено описанием отдельных институтов этого права. Заявляют о науке, политике, социологии уголовного права, а на самом деле оценивают все те же преступление и наказание в их разных проявлениях. Значение отмеченных категорий, их содержание и смысловой потенциал специалистами абсолютизированы. Они считают, что феномены преступления и наказания составляют фундамент, на котором зиждется все здание уголовного права. С их помощью юристы подходят к уголовному праву и через их призму его рассматривают. Этим объясняется высокая актуальность посвященных преступлению и наказанию тем. Через их исследование каждый стремится засвидетельствовать факт соприкосновения с базовыми основаниями уголовного права.

Уголовное право практически не рассматривается как право, т.е. как правомочие. Оно не изучается с позиции своих субъектов: личности, общества и государства, их взаимоотношений в уголовно-правовой сфере, баланса интересов и тех ценностей, которые объединяют этих субъектов в данной области. В большинстве случаев тема субъектов отождествляется с проблематикой субъектов преступления либо наказания. Вместе с тем уголовное право вполне может рассматриваться как правомочие на жизнь, поскольку испокон веков охраняемые им ценности напрямую связаны с обеспечением жизнеспособности человека (ст. 105 УК РФ), общества (ст. 205 УК РФ) и государства (ст. 277–281 УК РФ). Даже тогда, когда речь не идет о жизни в буквальном смысле этого слова, уголовное право продолжает стоять на страже жизни (политической или экономической), так как иные ценности (например, свобода, собственности) минимально и базово необходимы для жизнедеятельности человека, общества и государства.

Несмотря на эту онтологическую нагрузку, значение словосочетания «уголовное право» нивелировано до рамочного термина, который группирует в себе более емкие понятия «преступление» и «наказание». Порой складывается ощущение, что уголовное право как нечто самостоятельное и содержательное не существует либо оно пока не возникло. Сложилась традиция характеризовать это право как нечто производное и вытекающее из более

² См.: Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814.

³ Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 5, 6.

⁴ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 27.

⁵ Наумов И.М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813. С. 7.

⁶ Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 2.

⁷ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным. М., 2000.

основных и важных отраслей права, придавать уголовно-правовой силе субсидиарный и вспомогательный характер.

В результате вся научно-теоретическая и практическая мысль, относящаяся к уголовному праву, оказалась между преступлением и наказанием как смыслообразующими категориями. В зависимости от их значения уголовному праву дается соответствующая смысловая интерпретация, определяется его функциональное предназначение и место в системе общественных отношений. За счет гипертрофированного преувеличения роли заявленных дефиниций «учение о преступлении, его структуре и способах описания заняло и занимает, — как свидетельствуют сами ученые, — одно из центральных мест в системе науки и учебной дисциплины уголовного права»⁸. Кроме того, в уголовном праве видят все то, что имеет отношение к учениям о преступлении или наказании. Его функциональное назначение сведено до обеспечения взаимосвязи между деянием и воздаянием.

Об успешности избранной методологической траектории говорят немногие. Ученым трудно признавать ошибки, но еще более трудно их выявлять в своей исследовательской практике. О ней можно судить по словам П. Сорокина. Спустя более ста лет после выхода в 1803 г. на русском языке трактата Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» к числу традиционно и безуспешно обсуждаемых в науке тем мыслитель отнес вопросы, касающиеся категорий «преступление» и «наказание». «По их поводу, — как справедливо в 1913 г. отметил в своем сочинении П.А. Сорокин, — написаны сотни тысяч томов и имеется множество определений». Однако богатство определений до сих пор не привело к появлению общепризнанных понятий преступления и наказания⁹. Спустя еще одну сотню лет Б. Дикристина подвел итог и заключил, что «со времен Просвещения ученые построили множество различных теорий права, преступления и наказания. Но, к сожалению, среди криминалистов мало согласия относительно качества этих теорий и мало оснований полагать, что консенсус будет достигнут в ближайшее время»¹⁰. Иными словами, с давних пор мало что изменилось.

⁸ Жалинский А.Э. Современные проблемы развития учения о составе преступления // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения к 85-летию со дня рождения В.Н. Кудрявцева. М., 2009. С. 124.

⁹ См.: Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественно-го поведения и морали / вступ. ст., сост. и прим. В.В. Сапова. М., 2006. С. 128.

¹⁰ Dicristina B. The Epistemology of Theory Testing in Criminology // Philosophy, Crime, and Criminology / ed. by A.A. Bruce and R.W. Christopher. University of Illinois, 2006. P. 134 (Critical Perspectives in Criminology.).

По этому же поводу весьма точно, полно и исчерпывающе констатировала О.Л. Дубовик, отметив, что «проблемы преступления и наказания в истории человечества, в истории научной (философской, этической, правовой, культурологической) и религиозной мысли...» не перестали оставаться «перекрестком, на котором сталкиваются мнения, позиции, ценностные ориентации не только ученых, но и законодателей, политиков, граждан»¹¹.

Таким образом, более чем двухсотлетний опыт развития правовой мысли убедительно свидетельствует об отсутствии оснований для ожидания изменения обозначенной картины и достижения хотя бы некоторого прогресса. В связи с этим можно уверенно прогнозировать, что по итогам трехсотлетия будем констатировать прежние выводы, поскольку прежние познавательные пути исчерпали себя. При этом их исчерпанность не привела к корректировке или к изменению подхода в восприятии уголовного права. Представления о нем продолжают формироваться в пределах узкого смыслового коридора — с позиций либо одной, либо другой категории.

Примечательно, что по такому же маршруту шли и продолжают идти не только теоретики права. Несмотря на иную парадигму мировосприятия, по этой же дороге упорно движутся философы, социологи и историки уголовного права (Д.Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин, А. Франк, С.И. Гессен и др.)¹². Благодаря их усилиям названная традиция славно пережила XX в. и продолжила свое доминирование в XXI в.¹³. Ее до сих пор придерживаются представители и романо-германской¹⁴, и англосаксонской систем права. В «Оксфордском справочнике

¹¹ Дубовик О.Л. Фундаментальное исследование преступления и наказания в истории и культуре России (Рецензия на книгу: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2014. Ч. I. 752 с., Ч. II. 656 с.) // Политика и общество. 2014. № 6. С. 651–658.

¹² См.: Durkheim Émile. On the division of labor in society: being a translation of his *De la division du travail social*. 1933; Франк А.Д. Философия уголовного права в популярном изложении / пер. с франц. Д. Слонимского. СПб., 1868; Гессен С.И. Философия наказания // Логос. М., 1912–1913. Кн. 1, 2.

¹³ См.: Поздняков Э.А. Философия преступления. М., 2001; Кургузкина Е.Б. Понимание преступного // Философские науки. 2008. № 5. С. 77–92; Александров А.И. Философия зла и философия преступности. СПб., 2013; Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб., 2013; Философия уголовного права / сост., ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика. СПб., 2004. С. 9–11.

¹⁴ См.: Günther L. Die Idee der Wiedervergeltung in der Geschichte und Philosophie des Strafrechts: ein Beitrag zur universalhistorischen Entwicklung desselben; in 3 Abteilungen 1966, Scientia Verlag in German / Deutsch; Josef Popper-Lynkeus. Philosophie des Strafrechts. 1924, R. Löwit in German / Deutsch; Juliusz Makarewicz. Einführung in die Philosophie des Strafrechts auf entwicklungsgeschichtlicher Grundlage. 1906, F. Enke in German / Deutsch.

по юриспруденции и философии права»¹⁵ основные вопросы философии уголовного права полностью ассоциированы с наказанием. Его основания сведены к трем концепциям, где наказание рассмотрено с позиции ретрибутивизма, консеквенциализма и опасности¹⁶. В «Стэнфордской философской энциклопедии» за исходный тезис взято положение об уголовном праве как о преступлении, отличающем его от иных отраслей права¹⁷.

Представляется, что смежные социальные дисциплины чрезмерно доверились науке уголовного права, которая наряду с ними активно формировалась в XIX в. и основывалась преимущественно на принципах эмпирикоцентризма. Именно в то время она громко, твердо и самоуверенно заявила о преступлении и наказании как о первопредметах своего интереса. Вслед за этими ориентирами безмолвно последовали иные дисциплины, не перепроверив их на достоверность.

Психосоматические предпосылки теории «преступления и наказания»

Таковы результаты вековых усилий коллективной гуманитарной мысли. Временной фактор, в течение которого она складывалась, отягчает участь всякого современника, пожелавшего посягнуть на достигнутые итоги и хоть в некоторой мере их пересмотреть. Большинство, и даже признанные мастера, действуют в лоне привычной парадигмы: «преступление — наказание» или «наказание — преступление»¹⁸. Однако опыт становления уголовно-правовой мысли, как показали столетия ее развития, небыстречен. Сам по себе этот факт тревожит пытливого ум и служит ему поводом для рефлексии — экспериментального взлома традиционных представлений об отмеченных парах и выхода из их отраслевой логики. Например, для постановки вопроса о том, насколько были правы предшественники, когда отождествили уголовное право с преступлением и наказанием, а затем провозгласили о наличии «философии преступления» или «философии наказания». Либо для совершения еще более смелого шага и выдвижения тезиса о том, что уголовное право — это не только и не столько преступление и наказание. То есть обоснования гипотезы о наличии в этом праве более первостепенных и базовых аксиом — того, из чего конструируются

собираательные категории «преступление» и «наказание», и того, что указывает на их производное происхождение.

Попытка обращения к опыту предшественников, с подачи которых сформировавшаяся теория достигла лоска и блеска, кажется лишенной смысла. Переоценка их суждений о генеральной роли для уголовного права феноменов «преступление» и «наказание», преобразовавшихся за прошедшие столетия в каноны этого права, кажется немислимой. Но именно эта «немислимость», как психологический барьер, препятствует осознанию и пониманию того, что канонизация категории «преступление», ее бракосочетание с термином «наказание» и интронизация их пары были осуществлены в эмоциональном порыве. Этот порыв обусловлен тем, что уголовное право как древнейшая отрасль права длительное время не могла терминологически самовыразиться и тем самым объективироваться. Она продолжительно существовала среди и внутри прочего нормативного регулирования и, если выражаться словами Аристотеля, находилась в потенциальном состоянии. Так происходило из-за отсутствия у нее нечто, отличающего ее от других норм и таких же потенциальных отраслей права. Если говорить о российском опыте, то наряду с иными отраслями уголовное право долгий период оперировало общеупотребимыми и, можно сказать, бытовыми категориями зла, греха, сорама, обиды, лихого дела, неправды, деликта и проступка.

Появление, в том числе благодаря усилиям Ч. Беккариа, термина «преступление» и его введение в социально-юридический оборот имело сильнейшее, прежде всего психологическое, воздействие на все гуманитарное и уголовно-правовое, в частности мировоззрение. Оно наконец-то овладело тем явлением, которое было сугубо его продуктом и символизировало, безусловно, большую самодостаточность. Отрасль обрела свою завершенность: и причину — преступление, и закономерное следствие — наказание. В этой теоретической завершенности преступление обозначено ее авторами как сущее, а наказание — как должное. С тех пор криминалисты убедили себя в том, что «преступление» и «наказание» составляют основные понятия уголовного права и исчерпывают собой чуть ли не все его содержание. Подшефная им дисциплина, иными словами, достигла диалектического единства, в котором преступление и наказание образуют разные, но взаимосвязанные полюсы уголовно-правовой организации общества, обеспечивающие его полноценную жизнедеятельность. В те же времена из рассматриваемого права без всякого рационального объяснения были вычеркнуты категории зла, греха, обиды и лихого дела, ранее составлявшие, как считали

¹⁵ The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law / J. Deigh and D. Dolinko (eds.). Oxford, 2011.

¹⁶ The Philosophy of Criminal Law // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / ed. by J.L. Coleman, K.E. Himma and S.J. Shapiro. 2004. Jan.

¹⁷ Duff A. Theories of Criminal Law // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2013 Ed.) / E.N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2013/entries/criminal-law/>

¹⁸ Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2014.

специалисты, неотъемлемую и исконную часть его понятийного аппарата и всего социального мировоззрения.

Для оправдания таких решений найдены разные причины. Некоторые категории признаны религиозными пережитками, другие — нравственными анахронизмами, третьи — чужеродными дефинициями иных отраслей права. Ученые без оглядки на прежний опыт все свое внимание обратили к преступлению и к познанию его природы как первоисточнику смысла и значений иных уголовно-правовых категорий. Хотя на деле, как уже было отмечено, понятие «преступление» до сих пор не обрело определенности. Прошло более 150 лет интенсивной работы криминалистов, но актуальность слов С.О. Богородского — профессора Императорского университета Св. Владимира — о преступлении как о «самом неопределенном понятии» сохраняется¹⁹.

При этом складывается впечатление, что эмоция до сих пор довлеет над теорией права, поскольку практически никто за обнаружение и исследование «пылающих в них чувств» не взялся либо в принципе не усомнился в состоятельности построения представлений об уголовном праве на базе двух категорий и в допустимости их ассоциации друг с другом. Вместе с тем вскрытию психосоматических предпосылок сегодня способствует не психология или неврология, а гносеология. Именно эта дисциплина дает инструментарий для выявления и проверки рациональных оснований у рассматриваемой парадигмы. Она способна предложить эпистемологическое измерение исследуемых категорий и, после проведения с ними ряда эпистемологических операций, продемонстрировать отсутствие рационального фундамента и наличие одной лишь психосоматики.

Право и преступление как диалектика должного и недолжного

В частности, гносеология предлагает совершить экспериментальный «разрыв» дефиниций, их дистанцирование друг от друга, нестандартную расстановку в понятийном ряду и выдвинуть вопросы, наводящие на вполне определенные ответы. Эпистемологический взгляд ориентирует проверить на алогичность ранее сделанный учеными выбор, когда уголовное право было сведено к теории преступления, а затем философия без всяких сомнений ассоциирована с криминальным проступком, провозглашено о возможности и состоятельности философии преступления.

Во-первых, гносеологический подход обращает внимание на то, как наука увлеклась диалектикой «преступления и наказания», совсем позабыв о диалектике «права и преступления». Повсеместно отправной точкой при построении теории и философии уголовного права считают парные категории — «преступление» и «наказание». Полагают, что «одно без другого существовать не может. То же самое говорят и обо всем уголовном праве в целом. «Без «преступления» оно было бы беспредметным, без «наказания» — беззащитным»... Отсюда среди фундаментальных, системообразующих категорий теории уголовного права вторым по счету (но равноценным по значимости) после института преступления является институт наказания»²⁰.

Быть может, дело совсем не в забывчивости науки? Быть может, пара «право и преступление» подменена или замещена? Если это так, то для чего смена либо подтасовка была проведена? И каковы ее последствия? Замещение могло случиться, когда необходимость в праве у идеологов соответствующих доктрин отпала. Когда ими было гипертрофировано значение криминального акта и право ушло на второй план, став рассматриваться с узкоспециализированной позиции — учения о преступлении. То есть не преступление стало оцениваться с высоты права, а право — с надгробного постаменты преступления. Можно, конечно, дальше выдвигать предположения, а можно констатировать, что современная юридическая наука подобные вопросы не актуализирует, не исследует и иных ответов на них не дает. Вопросы: «Что с обозначенными парами («преступления и наказания», «право и преступление») понятий происходит? В какой взаимосвязи и корреляции они находятся?» остаются непоставленными и непроработанными.

Во-вторых, у гносеологии много весомых вопросов к допустимости отождествления уголовного права с преступлением как с тем, что лежит в мире неправа. Насколько разумно символом права провозглашать криминальный акт, т.е. то, что это право не признает и отменяет? Насколько обоснованно рассматривать право с позиции того, чего с точки зрения этого же права не должно быть? В конечном счете — насколько верно наставлять юридическую науку и философию познавать законы бытия через преступление как то, что направлено против бытия и ведет к его разрушению?

В этом контексте уместно встают вопросы и более широкого порядка. Например, насколько действительно искать в криминальном акте условия социального порядка и признаки его нарушения, с учетом того, что злоумышленник часто

¹⁹ См.: Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. Киев, 1862. Т. 1. С. 13.

²⁰ Коробеев А.И. Отзыв на книгу профессора И.М. Рагимова «О нравственности наказания» // Рагимов И.М. О нравственности наказания / пред. Х.Д. Аликперова. СПб., 2016. С. 214.

имеет либо слабые знания об этом порядке, либо индифферентен к нему или прямо противостоит ему? Насколько разумно, справедливо спрашивает В.М. Розин, по поводу порядка обращаться к праву, учитывая, что большинство конфликтов, как правило, «разрешается не в сфере права: люди договариваются между собой, обращаются к посредникам или общине, иногда просто избегают разрешать возникшую проблему (поскольку себе дороже)»²¹. Насколько перспективно пытаться выводить из криминального акта «составы преступлений», как это наставляет делать современное учение о преступлении, если право связывает себя не с преступлением, а с охраняемыми благами (жизнью, свободой, собственностью, безопасностью т.д.)?

Ответы на поставленные вопросы не вызывают сомнений и напрашиваются сами — неоправданно, неразумно, необоснованно и т.д. С точки зрения права преступления не должно быть. Право ему противостоит и отменяет его как норму поведения, объявляет ничтожным и умаляет всякое значение. В связи с этим выглядит как минимум неблагоприятным искать основание права в том, что его отрицает или игнорирует. Однако нужно отметить, что эффект очевидности в этих вопросах достигается не сам собой. Он с легкостью появляется исключительно за счет имплементации в их контекст категории «должного», с чем имманентно связано право. Роль должного в праве выполняют охраняемые ценности. То есть те блага, из которых образуется социальное бытие и которые поэтому гарантированно должны в нем быть. Право имеет от них производное происхождение и значение. Право служит защищаемым ценностям и фактом поддержания их жизнедеятельности оправдывает собственное предназначение. В свою очередь, норма права проистекает не из криминального деликта, ничтожного по сути, а из опекаемого ею блага и должна создаваться по его образу и подобию. Если говорить точнее, то норма должна воспроизводиться не на самочувствии виновника, а на базе содержания защищаемой ценности (например, собственности) и совокупности условий, обеспечивающих ее жизнеспособность (нормальность).

Правда, всегда были и сейчас найдутся выступающие против должного. Таков подход позитивизма. Он постоянно выступает против любых форм идеализма и предлагает искать, выражаясь словами А.И. Герцена, «все великое значение наше при нашей ничтожности»²². Последователи позитивизма предложат отречься от должного и укажут

гносеологии на «серую реальность», где «люди погрязли в обмане и лжи...»²³. Где преступление не является каким-либо исключением и квалифицировано в качестве нормы поведения. Об этом, напомним, заявил еще Э. Дюркгейм, а многие криминологи (особенно постмодернисты) вслед за ним стали утверждать, что «нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления»²⁴. Они погрузились в сомнения и начали задаваться вопросом о том, является ли преступность нормой или патологией?²⁵

На самом деле постклассики вырвали фразу Э. Дюркгейма из текста. Затем в свойственной для себя манере переиначили идею мыслителя и приступили к повсеместному повествованию о нормальности преступности, которая в силу названного качества может быть самостоятельным объектом научного познания и философского осмысления. Услышав и превратно истолковав слова Э. Дюркгейма о преступности, которую «следует отнести к числу нормальных явлений...», у специалистов отпала необходимость в правовой нормальности, обремененной высокими идеалами и духовными ценностями, т.е. тем, что представляет собой должное. Зачем им придуманная на зыбкой почве права норма, если в наличии и под рукой всегда имеется норма, данная повседневным бытом, в том числе криминальным.

Уголовное право как рефлекторная наука

Из-за ненужности норм права отпала необходимость и в философии права. На ее месте возвели здание «философии преступления». Она воплотила собой дисциплину, занимающуюся познанием не криминала, а девиантного поведения. Предметом ее интереса стал не человек, а сами по себе отклонения в его поведении. На почве слов французского социолога об обществе, которое «без преступности совершенно невозможно...»²⁶, специалисты начали онтологизировать над деликтом, превратив право в целом и уголовное право в частности в поведенческую науку. Такой подход, отметим, соответствовал достижениям общеправовой парадигмы, построенной на позитивистских установках. В ее рамках, по свидетельству А. Шопенгауэра, государство рассматривало каждого человека как лицо пассивное и обращало внимание только на его поступки. «Государство имеет дело только с действием, — с тем, что совершается;

²³ Лагутова А. С. Серая реальность. URL: <https://stihi.ru/2021/10/12/6535> (дата обращения: 06.11.2022).

²⁴ Дюркгейм Э. Норма и патология // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 82.

²⁵ См., напр.: Поздняков Э.А. Указ. соч. С. 435.

²⁶ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 83.

²¹ Розин В.М. Проблемы преступности на фоне кризиса права и социальности // Философские науки. 2008. № 8. С. 41.

²² Герцен А.И. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1852–1864). С. 43.

только совершившееся имеет для него реальное значение. Думать об убийстве государство никому не может запретить; ибо для того, чтобы воля не переходила к действию, есть у государства топоры и виселицы, против же мыслей и намерений оно бессильно»²⁷.

Крен в сторону волевого элемента привел к смещению на второй план сознательного момента. Доказательством тому служит учение о преступлении, в котором сознание как нечто самостоятельное не представлено. Оно встроено в конструкцию деяния, где ему среди прочих элементов отведено рядовое место в составе субъективной стороны преступления. В результате не преступление рассматривается с высоты сознания, а сознание оценивается с позиции волевого акта. Сознание и знание о нем востребовано лишь в том объеме, в каком это необходимо для объяснения механики криминального поведения. В этом плане учение о преступлении, а через него и все уголовное правоведение можно небеспочвенно отнести к одному из направлений бихевиоризма, изучающего все поведение с позиции рефлексов и реакций на определенные стимулы в среде.

Еще одним доказательством возвеличивания волевого элемента и нивелирования сознания выступает теория квалификации преступления, имеющая ключевое значение в практической деятельности органов юстиции. Согласно определению В.Н. Кудрявцева, «квалифицировать — значит относить некоторое явление по его качественным признакам, свойствам к какому-либо разряду, виду, категории. В области права квалифицировать — значит выбрать ту правовую норму, которая предусматривает данный случай, иными словами — подвести этот случай под некоторое общее правило. Квалифицировать преступление — значит дать ему юридическую оценку, указать соответствующую уголовно-правовую норму, содержащую признаки преступления»²⁸.

Это определение, как следует из его содержания, переполнено глаголами. Каждая часть дефиниции содержит указание на действие. Правоприменителю надлежит «отнести», «выбрать», «предусмотреть», «подвести», «дать», «оценить», «указать» и т.д. Определение и раскрывающее его учение не отвечают на вопросы о том, как правоохранитель должен «отнести» некоторое явление к какому-либо разряду; каким образом «выбрать» правовую норму; каким способом «предусмотреть» данный случай и «подвести» его под общее

правило; за счет чего «дать» юридическую оценку и с помощью каких средств «указать» на уголовно-правовую норму, соответствующую признакам преступления.

В дефиниции правоведа, как видно, акцент сделан на волевые акты. Процесс квалификации у него полностью ассоциирован с обезличенным набором действий. Только в одном случае ученый сослался на «изучение» обстоятельств дела, которое в некоторой мере можно связать с ушедшим на второй план сознательным элементом. Вовлеченность сознания в процесс квалификации и способность его влияния на эту процедуру не отмечается. Как будто рассматриваемый процесс совершается неким машинным способом. Как будто процесс квалификации совершается вне сознания, без сознания и не для сознания как для единственно истинного субъекта правоведения, правотворчества и правоприменения. Как будто установление признаков преступления осуществляется без знания о запрещающем его законе, вне знания о событии происшествия и не для получения знания о наказуемости лица. Как будто возможно что-либо определить в юридическом пространстве и тем более квалифицировать без применения средств познания личности виновного и его отношения к содеянному, без изучения объекта посягательства и степени его значения для общества. Или как будто теория и все законодательство не являются результатом познания социальной реальности.

На фоне обозначенных «как будто» многое проясняется. Прежде всего то, что в дефинициях, выполненных по правилам волевой теории, упущен факт зависимости процесса квалификации не только от череды действий, порожденных мускульным движением и центробежным нервным током, но и от того, кто их совершает, каким он располагает знанием и какие методы познания применяет на месте происшествия. Становится также очевидным, что в уголовном правоведении до сих пор сильны позиции Э. Ферри. Он утверждал, что «человек действует так, как он чувствует, а не так, как он думает». Более того, ученый не видел разницы между человеком и животным, в связи с этим предлагал искусственно не привносить ее в право. «Тут не может быть и речи, — настаивал мыслитель, — об исключительной привилегии человечества, о вмешательстве силы нравственной свободы, которая являлась бы чудесным исключением в общем строе происходящих в мире деятельности»²⁹.

Право и Жизнь

Ограниченный потенциал волевой теории и порочность основанных на ней правовых концепций постепенно признается. Прославленная человеческая воля, отмечал Г.В. Мальцев, не все может

²⁷ Шопенгауэр А. Изречения. Афоризмы житейкой мудрости / пер. с нем. Ф. Черниговцев, Р. Кресин. Минск, 2011. С. 400.

²⁸ Кудрявцев В.Н. Избр. труды по социальным наукам: в 3 т. М., 2002. Т. 1. С. 237.

²⁹ Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. С. 296.

и не на все способна, чем «обесценивает многие иллюзии и предрассудки нашего времени, особенно те, которые сложились давно под влиянием веры в могущество воли и духа человека»³⁰. За пределами действующей концепции воли, подтверждал Д.А. Керимов, «остается множество поведенческих актов и сопровождающих их психических состояний, имеющих весьма существенное значение, в особенности для правоведения и юридической практики»³¹. Из них «ускользнуло» самое важное и наиболее сложное, а именно: процесс трансформации («оборачиваемости») переживаний в сферу, или, как принято ныне выражаться, «правовой механизм» этого процесса. Этот тонкий «механизм» еще ждет своего тщательного исследования»³².

Но дальше констатации необходимости переоценки воли юристы не пошли. Они не предложили варианты замещения того научно-познавательного пространства, которое высвобождается в результате сжатия «раздутых» представлений о воле. Вместе с тем опыт показывает, что криминал продолжает пробиваться в жизнь, проявляться и существовать в ней в разных формах, даже укрепляться и процветать, массово восприниматься в качестве ее неотъемлемой части. Эта настойчивость и целенаправленность свидетельствует о сознательности и избирательности большинства проявлений криминала. Наличие упомянутых качеств обуславливает необходимость поиска связи — в первую очередь между сознаниями виновного и потерпевшего, а затем уже между их волевыми актами. Здесь уголовно-правовая наука должна отступить от провозглашенного А. Шопенгауэром принципа и начать исследовать не только действие, но и мысль человека каким бы сложным этот процесс ни оказался. Именно мыслью человек отличается от животного.

Иначе говоря, потребность в более глубокой и пристальной работе с сознанием вытекает из природы самого преступления и преступности в целом. Они существуют не в биологической или физиологической данности, а в мире человеческих ценностей. Названные данности, конечно, никто не отменял, но их присутствие в системе распознавания «преступление — не преступление» вторично и фоновое. Эта система, или точнее система ценностей, формируется исключительно на уровне сознания и за счет его же механизмов поддерживается в актуальном состоянии. Именно аксиологические императивы, несмотря на укорененное положение преступления в жизни, не отменяют его деструктивного существа и не легализуют в социуме. Оно

продолжает находиться в статусе непрощеного и изгоняемого гостя, поскольку не порождает, а подрывает или вовсе уничтожает жизнь.

На необходимость обращения к сознанию указывает не только преступление, но и ценности, охраняемые уголовным правом. Испокон веков и до сих пор защищаемые правом блага в основополагающей своей части не менялись и всегда мотивировали индивида двигаться по цивилизованному пути созидания, предпосылая его и все общество к становлению Человеком и Человечеством. В предусмотренном и наличном виде этих ценностей никогда не было. Например, уважение к чужой жизни, свободе и собственности не возбуждается витально и не удовлетворяется физиологически. Такого рода идеалы могут только мыслиться человеком и через духовное освоение прививаться ему, а в последующем поддерживаться в нем на достаточном уровне за счет его нравственного усердия и правового старания, чтобы не скатиться к криминальному насилию как способу социального бытия.

Схожего убеждения придерживался Э. Дюркгейм, объяснявший наличие преступности «существованием неискоренимого злонравия людей». Социолог высказался о нетерпимости к преступности, которую нужно уголовными законами поддерживать в обществе на уровне для минимизации криминальной активности. «Для того чтобы исчезли убийства, — писал мыслитель, — отвращение к пролитию крови должно стать большим в тех социальных слоях, из которых рекрутируются убийцы; однако прежде всего это отвращение должно с новой силой охватить все общество в целом»³³.

Несмотря на очевидную и банальную разнополярность права и преступления, теории обоих феноменов умудряются не замечать их диаметрально противоположность и длительное время продолжают выстраивать уголовное право на учениях о преступлении и о наказании как его основных постулатах. На таком подходе, надо полагать, сказалось стремление его авторов сделать теорию максимально реалистичной, в результате чего была утрачена связь с должным как с нечто отвлеченным. Вместе с тем должное и реальное (сущее) не есть нечто разнородное и несвязное. Они взаимообусловлены жизнью. В жизни должное рождается вместе с реальностью и для реальности. Сразу после появления должное противопоставляется реальности для того, чтобы она не превратилась в нереальность и не ушла в небытие.

Жизнь на основе печального опыта и с помощью неравнодушного мышления выделила в себе «должное», под которым подразумевается «мир без

³⁰ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2013. С. 203.

³¹ Керимов Д.А. Избр. произв.: в 3 т. М., 2007. Т. 2. С. 228.

³² Там же.

³³ Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (современные буржуазные теории). М., 1966. С. 39–44.

преступления». Затем жизнь вверила этот идеальный мир уголовному праву для сохранения жизни и производных от нее жизненных благ. По этой причине убийство низвергает не только жизнь в ее физиологическом эквиваленте. Оно также попирает право, которое жизнь утверждает вместе с собой в качестве своего нетленного символа. Она оставляет право вместо себя для провозглашения и закрепления первоценности жизни как элементарной и фундаментальной истины. В целях охраны зарождающейся и развивающейся жизни, а также в память о безвременно и невинно ушедшей жизни право остается в социальном бытии, где на символическо-практическом уровне заявляет о ее непоколебимости и метазначимости для всего мироздания.

* * *

Таким образом, только за счет введения в различные юридические концепции «должного» очевидное в праве становится действительно зримым. Начинает просматриваться, что криминальный акт, несмотря на обладание им «постоянной прописки», пока еще не добился повсеместного и общественного признания. Продукты его производства — убийство, изнасилование или терроризм — в цивилизованных обществах не считаются нормой жизнедеятельности. Но расслабляться нельзя. Преступное в человеке и преступность в социуме не оставляют стремлений расширить пределы влияния, продолжают борьбу за существование и за полное покорение своих носителей, их сознания. В этом плане жизнь последних представляет собой перманентную тяжбу за должное как нравственно-правовой идеал — ориентир для индивидуального и общественного сознания. То есть за то, каким этому должному быть и в каком направлении вслед за ним развиваться сознанию.

Все сказанное свидетельствует, что преступление — это не только и не столько статическая данность, зафиксированная законодателем. Оно есть прежде всего и всегда особенное состояние сознания, допускающее обращение к крайним формам поведения, которые, как правило, несовместимы с жизнью. Диапазон этих форм подвижен и зависит от социального мировоззрения. Преступное продолжит оставаться в нем «непрощеным гостем» до тех пор, пока индивид не перешагнет посвящать свою жизнь становлению Человеком. Современный опыт, правда, показывает, что озвученное условие, традиционное по характеру и нравственно-правовое по природе, является не единственным. С позиции протекающих в западном обществе тенденций и экспериментов (в сферах, например, мультикультурализма, генетики и гендера) к названному условию можно добавить еще два. Преступление сохранит свой статус, если индивид

не утратит способность рождаться человеком и не забудет о своей принадлежности к человеческому роду. При изменении названных обстоятельств преступление и его субъект вполне могут стать источником представлений о должном и норме поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров А.И.* Философия зла и философия преступности. СПб., 2013.
2. *Богдановский А.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 2.
3. *Богородский С.О.* Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. Киев, 1862. Т. 1. С. 13.
4. *Будзинский С.* Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 5, 6.
5. *Герцен А.И.* Былое и думы. Часть шестая. Англия (1852—1864). С. 43.
6. *Гессен С.И.* Философия наказания // Логос. М., 1912—1913. Кн. 1, 2.
7. *Дубовик О.Л.* Фундаментальное исследование преступления и наказания в истории и культуре России (Рецензия на книгу: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2014. Ч. 1. 752 с., Ч. II. 656 с.) // Политика и общество. 2014. № 6. С. 651—658.
8. *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 82, 83.
9. *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности (современные буржуазные теории). М., 1966. С. 39—44.
10. *Жалинский А.Э.* Современные проблемы развития учения о составе преступления // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения к 85-летию со дня рождения В.Н. Кудрявцева. М., 2009. С. 124.
11. *Керимов Д.А.* Избр. произв.: в 3 т. М., 2007. Т. 2. С. 228.
12. *Коробеев А.И.* Отзыв на книгу профессора И.М. Рагимова «О нравственности наказания» // Рагимов И.М. О нравственности наказания / пред. Х.Д. Аликперова. СПб., 2016. С. 214.
13. *Кудрявцев В.Н.* Избр. труды по социальным наукам: в 3 т. М., 2002. Т. 1. С. 237.
14. *Кургузкина Е.Б.* Понимание преступного // Философские науки. 2008. № 5. С. 77—92.
15. *Лагутова А.С.* Серая реальность. URL: <https://stihi.ru/2021/10/12/6535> (дата обращения: 06.11.2022).
16. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2013. С. 203.
17. *Наумов А.В.* Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2014.
18. *Наумов И.М.* Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813. С. 7.

19. *Нейман И.* Начальные основания уголовного права. СПб., 1814.
20. *Поздняков Э.А.* Философия преступления. М., 2001. С. 435.
21. *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть. 2-е изд. М., 1912. С. 1.
22. *Рагимов И.М.* Философия преступления и наказания. СПб., 2013.
23. *Розин В.М.* Проблемы преступности на фоне кризиса права и социальности // Философские науки. 2008. № 8. С. 41.
24. *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. ст., сост. и прим. В.В. Сапова. М., 2006. С. 128.
25. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 27.
26. *Ферри Э.* Уголовная социология. М., 1908. С. 296.
27. Философия уголовного права / сост., ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика. СПб., 2004. С. 9–11.
28. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремным ведением. М., 2000.
29. *Франк А.Д.* Философия уголовного права в популярном изложении / пер. с франц. Д. Слонимского. СПб., 1868.
30. *Шопенгауэр А.* Изречения. Афоризмы житейской мудрости / пер. с нем. Ф. Черниговцев, Р. Кресин. Минск, 2011. С. 400.
31. *Dicristina B.* The Epistemology of Theory Testing in Criminology // Philosophy, Crime, and Criminology / ed. by A.A. Bruce and R.W. Christopher. University of Illinois, 2006. P. 134 (Critical Perspectives in Criminology).
32. *Duff A.* Theories of Criminal Law // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2013 Ed.) / E.N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2013/entries/criminal-law/>
33. *Durkheim Émile.* On the division of labor in society: being a translation of his *De la division du travail social*. 1933.
34. *Günther L.* Die Idee der Wiedervergeltung in der Geschichte und Philosophie des Strafrechts: ein Beitrag zur universalhistorischen Entwicklung desselben; in 3 Abteilungen 1966, Scientia Verlag in German / Deutsch.
35. *Popper-Lynkeus J.* Philosophie des Strafrechts. 1924, R. Löwit in German / Deutsch.
36. *Makarewicz J.* Einführung in die Philosophie des Strafrechts auf entwicklungsgeschichtlicher Grundlage. 1906, F. Enke in German / Deutsch.
37. The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law / J. Deigh and D. Dolinko (eds.). Oxford, 2011.
38. The Philosophy of Criminal Law // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / ed. by J.L. Coleman, K.E. Himma and S.J. Shapiro. 2004. Jan.
39. *Bogdanovsky A.* The development of concepts of crime and punishment in Russian law before Peter the Great. M., 1857. P. 2 (in Russ.).
40. *Bogorodsky S.O.* An essay on the history of Criminal Law in Europe since the beginning of the XVIII century. Kiev, 1862. Vol. 1. P. 13 (in Russ.).
41. *Budzinsky S.* The beginning of Criminal Law. Warsaw, 1870. Pp. 5, 6 (in Russ.).
42. *Herzen A.I.* The past and the Duma. Part six. England (1852–1864). P. 43 (in Russ.).
43. *Hessen S.I.* Philosophy of punishment // Logos. M., 1912–1913. Books 1, 2 (in Russ.).
44. *Dubovik O.L.* Fundamental research of crime and punishment in the history and culture of Russia (Book review: Naumov A.V. Crime and punishment in the history of Russia. In 2 parts. M.: Yurlitinform, 2014. Part I. 752 pp., Part II. 656 pp.) // Politics and Society. 2014. No. 6. Pp. 651–658 (in Russ.).
45. *Durkheim E.* Norm and pathology // The frontier. The Almanac of Social Research. 1992. No. 2. Pp. 82, 83 (in Russ.).
46. *Durkheim E.* Norm and pathology // Sociology crime (modern bourgeois theories). M., 1966. Pp. 39–44 (in Russ.).
47. *Zhalinsky A.E.* Modern problems of the development of the doctrine of the composition of crime // Modern problems of the theory and practice of combating crime. The first Kudryavtsev readings for the 85th anniversary of the birth of V.N. Kudryavtsev. M., 2009. P. 124 (in Russ.).
48. *Kerimov D.A.* Selected works: in 3 vols. M., 2007. Vol. 2. P. 228 (in Russ.).
49. *Korobeev A.I.* Review of the book by Professor I.M. Ragimov “On morality punishments” // Ragimov I.M. On the morality of punishment / preface H.D. Alikperov. SPb., 2016. P. 214 (in Russ.).
50. *Kudryavtsev V.N.* Selected works on social sciences: in 3 vols. M., 2002. Vol. 1. P. 237 (in Russ.).
51. *Kurguzkina E.B.* Understanding the criminal // Philosophical sciences. 2008. No. 5. Pp. 77–92 (in Russ.).
52. *Lagutova A.S.* Gray reality. URL: <https://stihi.ru/2021/10/12/6535> (accessed: 06.11.2022) (in Russ.).
53. *Maltsev G.V.* Social foundations of law. M., 2013. P. 203 (in Russ.).
54. *Naumov A.V.* Crime and punishment in the history of Russia: in 2 parts. M., 2014 (in Russ.).
55. *Naumov I.M.* Separation of crimes against Civil Law and against Criminal Law. St. Petersburg, 1813. P. 7 (in Russ.).
56. *Neiman I.* The initial foundations of Criminal Law. St. Petersburg, 1814 (in Russ.).
57. *Pozdnyakov E.A.* Philosophy of crime. M., 2001. P. 435 (in Russ.).
58. *Poznyshev S.V.* The basic principles of the science of Criminal Law. The General part. 2nd ed. M., 1912. P. 1 (in Russ.).
59. *Ragimov I.M.* Philosophy of crime and punishment. SPb., 2013 (in Russ.).
60. *Rozin V.M.* Problems of crime against the background of the crisis of law and sociality // Philosophical Sciences. 2008. No. 8. P. 41 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Aleksandrov A.I.* Philosophy of evil and philosophy of crime. SPb., 2013 (in Russ.).

24. *Sorokin P.A.* Crime and punishment, feat and reward: a sociological study on the main forms of social behavior and morality / introductory article, comp. and note by V.V. Sapov. M., 2006. P. 128 (in Russ.).
25. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law. The part is common. Tula, 2001. Vol. 1. P. 27 (in Russ.).
26. *Ferry E.* Criminal sociology. M., 1908. P. 296 (in Russ.).
27. Philosophy of Criminal Law / comp., ed. and introduction by Yu. V. Golik. SPb., 2004. Pp. 9–11 (in Russ.).
28. *Foynitsky I. Ya.* The doctrine of punishment in connection with prison studies. M., 2000 (in Russ.).
29. *Frank A.D.* Philosophy of Criminal Law in a popular presentation / transl. from French by D. Slonimsky. St. Petersburg, 1868 (in Russ.).
30. *Schopenhauer A.* Sayings. Aphorisms of everyday wisdom / transl. from German by F. Chernihiv, R. Kresin. Minsk, 2011. P. 400 (in Russ.).
31. *Dicristina B.* The Epistemology of Theory Testing in Criminology // Philosophy, Crime, and Criminology / ed. by A.A. Bruce and R.W. Christopher. University of Illinois, 2006. P. 134 (Critical Perspectives in Criminology).
32. *Duff A.* Theories of Criminal Law // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2013 Ed.) / E.N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2013/entries/criminal-law/>
33. *Durkheim Émile.* On the division of labor in society: being a translation of his *De la division du travail social*. 1933.
34. *Günther L.* Die Idee der Wiedervergeltung in der Geschichte und Philosophie des Strafrechts: ein Beitrag zur universalhistorischen Entwicklung desselben; in 3 Abteilungen 1966, Scientia Verlag in German / Deutsch.
35. *Popper-Lynkeus J.* Philosophie des Strafrechts. 1924, R. Löwit in German / Deutsch.
36. *Makarewicz J.* Einführung in die Philosophie des Strafrechts auf entwicklungsgeschichtlicher Grundlage. 1906, F. Enke in German / Deutsch.
37. The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law / J. Deigh and D. Dolinko (eds.). Oxford, 2011.
38. The Philosophy of Criminal Law // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / ed. by J.L. Coleman, K.E. Himma and S.J. Shapiro. 2004. Jan.

Сведения об авторе

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BOCHKAREV Sergey A. —
Doctor of Law,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

УДК 340

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ГЕНЕЗИСА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

© 2024 г. В. И. Жуков*, М. В. Раттур**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: vigs1947@mail.ru*

***E-mail: rattur@yandex.ru*

Поступила в редакцию 22.07.2024 г.

Аннотация. В статье на основе значительного корпуса источников и исследований осуществлен историографический анализ генезиса русской цивилизации в историко-правовой парадигме. Историографическая концепция учитывает основные цивилизационные признаки, позволяя анализировать особенности и разнообразие цивилизационных моделей, отраженных в трудах различных авторов, в том числе представителей национальных школ. Историографический подход позволил сопоставить взгляды различных авторов по целому ряду историко-правовых проблем в отношении генезиса российской цивилизации, которые носят дискуссионный характер. Особое внимание уделяется соотношению понятий «цивилизация», «государство-цивилизация», «цивилизационное пространство»; анализируются взгляды ученых, политиков, общественных деятелей на особенности развития российской цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, государство-цивилизация, цивилизационное пространство, историография, идентичность, суверенитет, политико-правовой дискурс, верификация.

Цитирование: Жуков В. И., Раттур М. В. Историографическая концепция генезиса российской цивилизации в отечественной политико-правовой мысли // Государство и право. 2024. № 9. С. 63–76.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтom государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224090055

HISTORIOGRAPHIC CONCEPT OF THE GENESIS OF RUSSIAN CIVILIZATION IN DOMESTIC POLITICAL AND LEGAL THOUGHT

© 2024 V. I. Zhukov*, M. V. Rattur**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: vigs1947@mail.ru

**E-mail: rattur@yandex.ru

Received 22.07.2024

Abstract. The article on the basis of a significant body of sources and research carried out a historiographic analysis of the genesis of Russian civilization in the historical and legal paradigm. The historiographic concept takes into account the main civilizational signs, allowing you to analyze the features and diversity of civilizational models reflected in the works of various authors, including representatives of national schools. The historiographic approach made it possible to compare the views of various authors on a number of historical and legal problems regarding the genesis of Russian civilization, which are debatable. Particular attention is paid to the ratio of the concepts of “civilization”, “state-civilization”, “civilization space”; the views of scientists, politicians, public figures on the peculiarities of the development of Russian civilization are analyzed.

Key words: civilization, state-civilization, civilization space, historiography, identity, sovereignty, political and legal discourse, verification.

For citation: Zhukov, V.I., Rattur, M.V. (2024). Historiographic concept of the genesis of Russian civilization in domestic political and legal thought // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 63–76.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

В историко-правовой науке историография позволяет систематизировать и сгруппировать по направлениям совокупность исследований, посвященных либо проблеме, либо государству, либо цивилизации, либо эпохе. Среди работ крупнейших отечественных ученых, заложивших основы историографии как специальной исторической дисциплины, следует прежде всего выделить труды М.В. Нечкиной, Е.М. Жукова, В.В. Иванова¹ и др.

В правоведении вопросы теории и методологии историографии политико-правовой мысли начали разрабатываться относительно недавно, хотя историко-правовое направление занимает значительное место в юриспруденции².

¹ См., напр.: Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. М., 1965; Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980; Иванов В.В. Методология исторической науки. М., 1985.

² См.: Савенков А.Н. Значение идей Н.Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. 2023. № 10. С. 7–16; Его же. Философия права в России как идейно теоретическая основа национальной правовой

Актуальность историографической проблематики в политико-правовом пространстве вызывается рядом обстоятельств: логикой развития историко-правовой науки, появлением новых историографических теоретических обобщений, нуждающихся в истолковании; недостаточной исследованностью темы в целом или ее отдельных составных частей; возникновением новых аспектов в трактовке, казалось бы, изученных проблем.

Общая цель историографического труда состоит в выявлении закономерностей и тенденций развития науки. В связи с этим задачами

идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23; Горбань В.С. «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки // Журнал рос. права. 2023. Т. 27. № 12. С. 68–84; Его же. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91–101; Горбань В.С., Груздев В.С. О значении и отдельных аспектах современной историографии и историософии политико-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 11–30.

историографического исследования являются: установление новых теоретических положений и освоение политико-правовой науки от неоправдавших себя ложных и односторонних выводов и заключений; формирование в формате правовых знаний историографической концепции генезиса цивилизации; рассмотрение преемственности и поступательности развития научной историко-правовой мысли.

В процессе разработки историографической концепции решается триединая задача: а) освещаются проблемы, успешно исследованные предшественниками; б) выделяются вопросы, поставленные, но не решенные или изученные недостаточно; в) определяются области борьбы различных течений, а также выделяются отклонения и в ряде случаев фальсификация историко-правовых сведений. Определенное внимание уделяется обоснованию места российской цивилизации в общем контексте мировой истории.

Следует отметить, что при обосновании новизны своего исследования подавляющее большинство используют историографический конструкт и излагают, когда та или иная проблема вызвала научный интерес, кто и в каких условиях первым к этой тематике обратился, какое место в теории познания он или они занимают и какой вклад в разработку проблематики тот или иной мыслитель внес. Историографический конструкт является неперенным атрибутом, поскольку он является одним из способов объективизации описываемых явлений и процессов. Применительно к истории государства и права историография способна: противостоять субъективизму и конъюнктурной сообразительности, изложению угодной для власти концепции; не допускать превращения научного знания в вольное художественное творчество; использовать исторические источники и документы, в том числе мемуарную литературу для возвышения одних ученых и минимизировать вклад в науку других; вооружать исследователей методами сравнительного анализа, техникой юридической компаративистики; предотвращать трансформацию информации в информационный шум, в пропагандистские фейки.

Новый и мощный импульс развитию современных историко-правовых знаний придает Указ Президента РФ В.В. Путина от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». В этом документе подчеркивается, что «основой исторического просвещения в России является научное историческое знание и образование». В методологическом отношении особое значение имеет констатация того, что «Россия — великая страна с многовековой историей,

государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации».

Эти установки требуют глубокого анализа накопленных историко-правовых знаний, а также более глубокого обоснования отвечающих национальным интересам России правовых историографических концепций. Это тем более важно, что в просвещении наблюдаются разновекторные суждения и сформировались три модели реконструкции отечественной истории: либерально-компрадорская, леворадикальная, отечественная патриотическая. Особое место в этом отношении занимает просветительская деятельность традиционных религиозных конфессий.

Патриотизм, традиционные семейные ценности, национальное достоинство и другие качества в этнополитическом отношении базируются на психологии этнического ядра цивилизации — русском народе, который сейчас воспринимается как многонациональный государствообразующий русский народ, что нашло отражение в тексте Конституции РФ (ч. 1 ст. 68).

Используя новую для отечественной историографии лексику, В.В. Путин укрепил современное восприятие таких дискредитированных либералами понятий, как «Россия — государство-цивилизация», «российское цивилизационное пространство», «традиционные семейные ценности» и др.

I

История правовых знаний представлена большим корпусом источников и различного рода исследований. К источникам юридических знаний относится нормативно-правовая база, начиная с Основного Закона страны, Указов главы государства, законов федерального и регионального уровней, распоряжений правительства и ведомств. Именно эта часть массива может стать основой историографической модели, на базе которой анализируются накопившиеся исследования в виде монографий, справочников, энциклопедий, атласов, статей и т.д.

Как правило, исследователи ограничиваются перечислением (иногда беглым анализом) трудов

тех, кого они считают своими предшественниками. Таким образом, историография зачастую представлена библиографическим и не всегда полным списком основной использованной литературы и источников. Между тем в задачи правовой историографии входит не только описательная, но и аналитическая часть, систематизирующая литературу по различным принципам (особенностям национальных научных школ, политическим симпатиям и философским предпочтениям, соответствием достигнутому уровню цивилизационного прогресса, принадлежности к формационным укладам различных типов государственного устройства). Свою роль играет и субъективный фактор, т.е. отношение исследователя к тому или иному деятелю или событию.

От политических учений историографическая модель отличается нацеленностью на критический анализ и определение того влияния, которое те или иные доктрины оказали на прогресс (или регресс) цивилизационного процесса. Например, нацизм и расизм — типы доктрин, учений, а их влияние на развитие земной цивилизации носило разрушительный характер. Социализм в китайском его понимании — учение, возвысившее китайскую цивилизацию, а либерально-демократическая доктрина на десятки лет заблокировала позитивное развитие русской цивилизации.

Для восприятия модели политико-правовых историографических знаний и возможных вариантов их применения в части, касающейся противодействия идеологическим искажениям цивилизационного прогресса, нужно иметь научное представление о сущности базовых понятий: «цивилизация», «государство-цивилизация», «историографическая концепция» и др.

Правовая историографическая модель — это совокупность правовых доктрин, отраженных в теоретической модели как общность представлений авторов, объединенных мировоззрением, а также философскими, социологическими, психологическими и историко-правовыми школами. Историографическая модель объединяет исследователей по признакам, примыкающим либо к правящим политическим силам, либо к оппозиционным доктринам, либо к ученым, считающим себя независимыми ни от власти, ни от оппозиции.

Очевидно, что в основе историографической модели лежат определенные ценности. Так, в Указе Президента РФ В.В. Путина от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» говорится: «Традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые

от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

В.В. Путин дал ясные и четкие установки как для создания политического образа, так и многогранной практики по воплощению перечисленных в Указе ценностей в жизнь. В частности, он подчеркнул: «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять бережение народа России и развитие человеческого потенциала».

Осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность».

Многие традиционные ценности во многом стали отвергаться в агрессивной форме. При этом используются самые разные, в том числе и варварские, способы. Важно отметить, что в своей внешнеполитической деятельности США содействуют моральному разложению европейской морали и культуры, но сами в основном сохраняют традиционные устои, добродетельные традиции, семейные и нравственные ценности. При этом следует заметить, что направленность на их возрождение не является преимущественным трендом в общественной жизни населения.

Составной частью историографической модели политико-правовых знаний являются работы авторов, не конъюнктурно, а традиционно разделяющих как правовые нормы, так и социальные подходы к организации общественной жизни. Такой методологический принцип характерен как для российской цивилизации, так и для глобального международного пространства.

Важнейшая миссия историографической модели развития правовых знаний — воссоздание достоверной истории генезиса зарождения и дальнейшего развития всех признаков, отделяющих варварство от прогресса. К сожалению, во многих случаях тон в принижении славянской цивилизации по сравнению с другими задавали не только зарубежные авторы, но и отечественные мыслители.

Неуважительное отношение к своей собственной стране как в прошлом, так и в настоящем, является отличительной чертой той части интеллигенции, которая прославляет европейскую цивилизационную модель. Например, К.Н. Батюшков в 1810 г. писал: «Я за все русские древности не дам гроша. То ли дело Греция? То ли Италия?».

П.Я. Чаадаев советовал: «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство — вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного памятника, который говорил бы вам о прошлом, который воспевал бы его перед вами живо и картинно».

Ему вторил А.И. Герцен: «Никакое почитание, никакая реликвия, не в состоянии остановить нас. Что же касается наших памятников, то их придумывали, основываясь на убеждении, что в порядочном государстве должны быть свои памятники».

Великий В.Г. Белинский в 1834 г. писал: «У нас до Петра Великого ничего не могло развиваться, как у народа, который сам не развивался, который мирно прозябал за своими столами дубовыми и скатертями браными, на своих постелях пуховых»³.

В ходе многочисленных исследований⁴ стало понятно, что высокомерно-пренебрежительное отношение к славянам, времени их появления, ареале расселения и степени влияния на мировой процесс требует опровержения. Это возможно на основе академического подхода к феномену и системного изложения исследовательского материала, достоверно и аргументированно отражающего славянский вклад в формирование взаимодействия народов в планетарном масштабе.

³ Цит. по: *Жарникова С.В.* Золотая нить. Вологда, 2003. С. 212, 213.

⁴ См., напр.: *Жуков В.И.* Основы современной цивилизации. Воронеж, 1993; *Его же.* Глобализация. Глобализм. Россия. Доклад на Втором международном социальном конгрессе «Россия в системе глобальных социальных координат». М., 2002; Социальные изменения российского общества в контексте глобального кризиса / *В.И. Жуков, Л.В. Аргунова, Н.А. Бабенко* и др. М., 2010; *Жуков В.И., Жукова Г.С.* Методология проблемы гармонизации социальной реальности // Ученые записки РГСУ. 2011. № 1 (89). С. 4–8; *Жуков В.И.* Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: в 3 т. М., 2012; *Его же.* Российская цивилизация: историко-правовой анализ феномена. М., 2023.

Историко-правовая наука, педагогика юридического образования и просвещения развиваются в направлениях, которые в редких случаях совпадают по мировоззренческим параметрам. Это объясняется тем, что наука опирается на фундаментальную источниковую базу и анализирует процесс с ориентацией на историзм и достоверность, на соблюдение объективности. Учебники, по которым ведется образовательный процесс, содержат значительный заряд политической конъюнктурной сообразительности.

Для исследования проблем в развитии просвещения актуален, в частности, Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В нем В.В. Путин определил основные направления развития страны. В их числе: устойчивое экономическое и социальное развитие Российской Федерации; укрепление государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета; увеличение численности населения страны и повышение уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека; социальная справедливость и равенство возможностей; обеспечение безопасности государства и общественной безопасности; открытость внешнему миру.

Это актуализирует историко-правовое осмысление всего комплекса проблем, без чего нельзя добиться «сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов».

Принципиальное значение имеет то, что Россия наполнена многообразием языков, верований, традиций и той самобытностью, благодаря которой на едином государственном пространстве развивается единое цивилизационное целое. Это характерная черта не только нашего прошлого. Так, рядовой боец, участвующий в специальной военной операции, говорит: «Я — пуштун, афганец, русский солдат». Русские солдаты, проживающие в Башкирии, в обычном башкирском селе, говорят: «Мы — боевые башкиры, а башкиры не отступают». Точнее других эту мысль выразил величайший поэт и мыслитель Расул Гамзатов, который любил повторять: «В Дагестане — я аварец, в Москве — дагестанец, за рубежом — я русский».

Новый мир, новая система взаимоотношений и взаимодействия строятся с пониманием того, что Россия находится сейчас в авангарде формирования более справедливого мироустройства. Без суверенной, сильной России никакой прочный,

стабильный миропорядок невозможен. Возможно другое: создание на базе русской цивилизации справедливого союза суверенных государств.

II

Результаты историографического анализа свидетельствуют, что само слово «цивилизация» употребляется в самых разных ситуациях порой без представления о том, какой смысл в это понятие вкладывают ученые.

Уже в силу этого следует попытаться определить содержание понятия «цивилизация» и ограничить область его применения.

Полемика в отношении генезиса российской цивилизации в историографии во многом обусловлена методологическими подходами и весьма обширна⁵.

Идея цивилизации как социальной упорядоченности, которая несвойственна природе и варварству, уходит корнями в самые ранние политико-правовые представления Древнего мира. Структурирование социального пространства позволяло формировать общественную упорядоченность, что в конечном счете привело к государственной форме жизнеустройства. Цивилизация как характеристика исключительно городской жизни стремительно раздвигала пространственные и временные границы, включая в свою орбиту все более обширные человеческие общности. Устойчивость цивилизации во многом обеспечивалась (и обеспечивается до сих пор) коллективной идентичностью, которая содержит представления общности о себе и своем месте в пространстве и времени⁶.

Цивилизация как теория возникает во Франции в XVIII в. в результате развития представлений о прогрессе, которые задавали направление для формирования политико-правовых идей эпохи Просвещения. Стремление выстроить новую систему ценностей взамен религиозных стало одной из причин противопоставления «цивилизованного» и «естественного» состояний. Так, Ж.-Ж. Руссо, характеризуя первобытность, отмечал, что «не было ни образования, ни прогресса, бесполезно множились поколения: целые столетия протекали в той же первобытной грубости»⁷.

⁵ См.: Никонов В.А. Российская цивилизация. М., 2021. С. 7, 8.

⁶ См.: Раттур М.В. К вопросу об общероссийской идентичности в системе конституционных ценностей: от конструкта к концепту // Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности: сб. науч. тр. Всеросс. науч.-практ. конф., Sterlitamak, 26 апреля 2023 года. Sterlitamak, 2023. С. 49–52.

⁷ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 69.

Представления просветителей о поступательном прогрессивном развитии человечества стали причиной того, что цивилизация стала восприниматься как некое идеальное состояние. Идея эволюционного развития способствовала формированию политико-правовых представлений о Европе как образцовой цивилизации. Идея превосходства вписывалась в колониальные подходы, реализуемые европейцами.

В результате сформировалось нормативное понимание цивилизации как абсолютной ценности. Впоследствии оно воплотилось в представлениях о линейной форме протекания социальных процессов (развития, функционирования, упадка). Сторонники эволюционизма (О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, Н. Луман и др.) и формационного подхода в широком его понимании (К. Маркс, Э. Хосбаум, Э. Томсон, И. Валлерстайн и др.) занимались, в основном, темой развития. Эволюционизм непосредственно связан с теориями модернизации, отстаивающими развитие от простого к сложному с последующей дифференциацией.

Так, для Э. Дюркгейма цивилизация есть «совокупность социальных феноменов, которые не являются связанными с определенным социальным организмом»⁸.

Н. Луман, разрабатывая системные механизмы цивилизационных изменений, полагал, что варьирование возникает при излишке возможностей, порождая селекцию – выбор альтернативы, после чего наступает рестабильзация, характеризующаяся решением проблемы⁹.

Для историко-правовой науки в XX в. характерно отождествление понятий «общественно-историческая общность людей» (формация) и «цивилизация». При этом термин «цивилизация» используется, как правило, для бытовавших культурных сообществ людей. Связано это с тем, что в парадигме «цивилизация» сложнее анализировать мало присущие ей идеи классовой борьбы или учение о диктатуре пролетариата.

В парадигме формационного порядка и в рамках философии исторического материализма проще выстраивать триаду: как социальный феномен – класс, как стадия развития – формация, как источник прогресса – классовая борьба.

В сочетании с одной партией, построенной на демократическом централизме, прикрываемого «коллективностью» руководства, место для

⁸ Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение: сб. / пер. с франц. М., 1995. С. 25.

⁹ См.: Луман Н. Эволюция / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2005. С. 4.

пространных рассуждений о цивилизационном прогрессе не остается.

В варианте, близком к общепринятому для историографии советского периода и его рецидивов в XXI в., закономерность общественного развития представляется как «закон развития и смены общественно-экономических формаций от низшей формации к высшей в соответствии с развитием производительных сил и изменением способа производства во взаимосвязи с интеллектуальным и нравственным развитием человеческой личности»¹⁰.

Некоторые представители этого направления истории предлагали выделить такую закономерность, как «развитие этносов в течение многих сотен лет или тысячелетий в конкретных географических и геополитических условиях», что, по их мнению, формировало определенный тип цивилизации, «обеспечивающий жизнедеятельность и развитие общества в природной среде обитания, а также сохранение своей идентичности от воздействия народов других цивилизаций»¹¹.

Мир-системная теория И. Валлерстайна изложена в его четырехтомном труде «Мир-система Модерна». В истории человечества он выделяет два типа цивилизационных систем: мини-система и мир-система. Важно отметить, что первые встречаются «только в очень простых аграрных или охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах»¹². После их исчезновения единственным видом социальной системы (цивилизации) является мир-система как «общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем»¹³.

Существенным является то, что если мир-империй И. Валлерстайн выделяет несколько (например, Древний Рим, Российская Империя, Османская империя), то мир-экономика едина для всего человечества. При этом развитый центр и отсталая периферия для мир-экономики неизбежны.

Для сторонников эволюционного подхода соответствует следующее определение цивилизации: «достижения человечества, которые обеспечивают его прогресс, то есть восхождение от животного состояния, а затем от стадии дикости и варварства к истинно человеческим формам жизни»¹⁴.

В результате идея цивилизации проявилась как идеология, оправдывающая и закрепляющая превосходство одних обществ над другими. Тенденция к унификации мира проявилась в форме экспансий, колониализма и войн. Ныне осуществляется попытка насаждения ценностей, моральных императивов и политических институтов путем ведения гибридных войн.

Характерной чертой доктрины ведения гибридных войн, основными компонентами которой, по словам бывшего командующего силами НАТО в Европе Ф. Бридлафа, служат: дипломатия, ин-формация, вооруженные силы и экономика¹⁵.

Историческое понимание цивилизации связано с именем Н.Я. Данилевского. Именно его работа «Россия и Европа» положила начало признанию того факта, что понятие «цивилизация» можно использовать во множественном числе¹⁶. Он поставил под сомнение тождественность европейской и общечеловеческой цивилизаций, полагая, что культурно-исторические типы обладают собственными признаками, которые не транслируются в другие. Изначально воспринятая современниками как «литературный курьез», книга Н.Я. Данилевского является важной вехой в историографии моделей цивилизационного развития.

При этом следует отметить, что идеи нелинейности в формировании цивилизаций прослеживаются и в более ранних работах. Примерами могут служить труды Ф. Гизо и Ж. де Гобино¹⁷. Развитие же идеи Н.Я. Данилевского об обособленности процесса формирования и развития культурно-исторических типов мы можем наблюдать у О. Шпенглера, выделившего восемь культур¹⁸, и А. Тойнби, обозначившего 23 цивилизации в разных частях света и на различных временных отрезках¹⁹.

Понятие социальный (исторический) цикл связано с концепцией социодинамики культуры П. Сорокина²⁰. Основываясь на ее положениях, можно сформулировать вывод не только о способности цивилизации создавать ценности и поддерживать их в пространстве и времени, но и о возможности передачи достижений от одной цивилизации другой.

¹⁰ Олштынский Л.И., Чемоданов М.П., Корнеев В.В. Советское общество. История строительства социализма в России. Кн. 2. Становление советского социалистического общества и его борьба с фашизмом (1921–1945 гг.). М., 2015. С. 11.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 24.

¹³ Там же.

¹⁴ Степин В.С., Толстых В.И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 4.

¹⁵ См.: Историческая социология: глобальные процессы. М., 2020. С. 176.

¹⁶ См.: Данилевский Н. Россия и Европа. СПб., 2023.

¹⁷ См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007; де Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2001.

¹⁸ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

¹⁹ См.: Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2010.

²⁰ См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

При этом среди наследуемых социальных, материальных и духовных ценностей исследователи выделяют наличие идейной основы, отвечающей на основные мировоззренческие вопросы (о смысле жизни, Боге, бессмертии души и т.д.)²¹.

Выделение стадий в жизненном цикле цивилизаций (рост — развитие — смерть) позволяет говорить об общности их историогенеза. Одной из причин смерти цивилизации исследователи называют прекращение продуцирования ценностей. Здесь возникает методологическая проблема, которая в историографии не решена и по сей день. Речь идет о соотношении культуры и цивилизации. При признании факта старшинства культуры имеется существенное различие в национальных научных традициях.

Так, в немецкой парадигме, в отличие от представлений английских и французских мыслителей, данные понятия разведены. И. Кант полагал, что цивилизация — это материальный, экономический и технологический уровни развития общества. А вот нравственность, мораль и духовные ценности — вотчина культуры. Н. Элиас отмечает, что противопоставление терминов производно от противостояния немецкой аристократии, освоившей сугубо внешние признаки культуры, и интеллигенции, выступающей в качестве «носителя духа»²².

О. Шпенглер считал, что цивилизация сменяет культуру. Прекращение выработки культурных феноменов при их тиражировании происходит как раз на стадии старения цивилизации. Для А. Вебера цивилизация — «область целесообразно и полезно освещенного и целесообразно и полезно сформированного существования»²³.

Развитие представлений о цивилизации в русле обоих подходов закономерно привело к размыванию значения данного понятия. Множественность трактовок не позволяет сфокусироваться на сути феномена.

Например, в Вебстерском энциклопедическом словаре английского языка дается семь толкований термина «цивилизация»: наиболее развитое состояние человеческого общества с высоким уровнем развития культуры, науки, промышленности; люди или нации, достигшие такого состояния; тип культуры общества и т.д., например, греческая цивилизация; действие или процесс цивилизации;

культурное совершенствование, утонченность мыслей и культурной оценки; города или населенные пункты в противопоставлении незаселенным; современные удобства и блага, достигнутые благодаря развитию науки и техники²⁴.

Представления о генезисе российской цивилизации можно обнаружить уже на страницах памятников политико-правовой мысли, составляющими золотой фонд древнерусской литературы.

Так, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона обосновывается самостоятельность Российского государства буквально с первых дней его существования и равноправность христианских народов. Успехи Руси у Илариона обусловлены не только воинской храбростью, но и распространением знаний и книжной культуры. В «Сказании о Великих князьях Владимирских Великой Руси», которое датируется началом XVI в. князь Владимир Мономах доказывает боярам самостоятельность и значимость Руси среди других государств²⁵.

Вектор цивилизационного развития России обозначает и старец псковского Елеазарова монастыря Филофей, сформулировавший политико-правовую идею о том, что Москва является третьим Римом. На складывание отечественных цивилизационных представлений существенно повлияли как идея патриарха Никона о том, что «священство выше царства», так и представления его противника протопопа Аввакума о необходимости праведных дел и чувства долга в отношении ближних и государства.

Н.М. Карамзин в трактате «О древней и новой России», напечатанном лишь спустя век после написания, рассуждая о цивилизационном пути России, отметил, что деятельность Петра Великого стало причиной того, что «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России»²⁶. Представляется важным отметить, что Н.М. Карамзин использует оборот «в некоторых случаях». Трактат написан в 1811 г. Чуть меньше года оставалось до Отечественной войны, в ходе которой гражданственность россиян проявится в полной мере.

П.Я. Чаадаев, находясь во власти нормативного подхода к цивилизации, в первом философическом письме отмечал, что «одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем

²¹ См.: Цивилизационная структура современного мира / ред. Ю.Н. Пахомов, Ю.В. Павленко. Киев, 2006. Т. 2. С. 442.

²² Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 59–65.

²³ Вебер А. Принципиальные замечания к социологии культуры // Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1998. С. 25. С. 7–40.

²⁴ См.: Палютина З.Р. Цивилизационный подход к терминологии. Уфа, 2002. С. 11, 12.

²⁵ См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века / пер. Л.А. Дмитриева. М., 1984. С. 422–435.

²⁶ Карамзин Н.М. О древней и новой России // Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2004. С. 999.

истины, давно уже ставшие избитыми в других местах...»²⁷.

Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» отмечает цивилизационную особенность России. Она заключается в том, что «выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно»²⁸.

Для В.О. Ключевского колонизация государства как основной факт русской истории стала основой для понимания формирования и развития российской цивилизации²⁹. По его мнению, российский цивилизационный тип сформировался среди соседей, находившихся на одном со славянами, а зачастую, и на более низком по сравнению с ними уровне культурного развития. В то время как европейцы имели возможность непосредственно соприкасаться с древнеримской культурой.

Развитие цивилизационных идей у русских философов В.В. Зеньковский связывал с самостоятельными построениями, обусловленными «не только логикой идей, но и с запросами и условиями русской жизни»³⁰.

Достижения «евразийцев» по формированию представлений о российской цивилизации в концентрированном виде содержатся в работах Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого³¹. В частности, Г.В. Вернадский особое внимание уделял месту русского народа в истории человечества.

Концепция Л.Н. Гумилева, построенная на реконструкции отечественной истории с опорой на системные связи, позволила «подробно обрисовать историко-географический фон, на котором сталкивались различные культурные влияния»³².

Е.Ф. Шмурло в труде «История России (IX–XX вв.)» удалось «свести русский исторический процесс к общим началам и понять его как целое»³³.

²⁷ Чаадаев П.Я. Философические письма. М., 2006. С. 17.

²⁸ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб., 2017. С. 137.

²⁹ См.: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2004. С. 38.

³⁰ Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Ростов н/Д., 1999. Т. 1. С. 11.

³¹ См.: Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000; Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 285–310.

³² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2003. С. 11.

³³ Шмурло Е.Ф. История России (IX–XX вв.). М., 2005. С. 9.

Подобный подход характерен и для юриста Б.Э. Нольде, рассмотревшего правовые проблемы единства Российской Империи, используя «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами»³⁴.

Н.А. Бердяев, характеризуя российскую цивилизацию, отмечает, что «русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России»³⁵. При этом философ обращает внимание на то, что «Культура родилась из культа. Истоки ее сакральны. Вокруг храма зачалась она... Цивилизация не имеет такого благородного происхождения... Ее происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа... Культура имеет душу. Цивилизация же имеет лишь методы и орудия»³⁶.

С евразийских позиций дает определение российской цивилизации М.П. Мчедлов. По его мнению, она «из наиболее крупных по территории цивилизаций, сформировавшаяся на пространствах Восточной Европы и Северной Азии, самобытность которой обуславливается взаимодействием специфических географических, климатических, этнических, конфессиональных, политических, исторических факторов»³⁷.

И.Б. Орлова при характеристике особенностей цивилизационного развития России особое внимание обращает на его дискретный характер: «петровское время отрицает допетровское, революция 1917 года отрицает весь монархический период; перестройка 90-х разрушает идеалы 70-ти советских лет»³⁸.

Монографическое исследование И.Н. Ионов посвящено анализу динамики цивилизационных представлений³⁹. В работе в хронологической последовательности представлены этапы формирования цивилизационного сознания в контексте развития знаний о прошлом.

Таким образом, представители отечественной политико-правовой мысли не только сформировали представления о генезисе российской цивилизации, но и внесли вклад в разработку цивилизационных теорий.

³⁴ Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / отв. ред. В.А. Тишков. СПб., 2013.

³⁵ Бердяев Н.А. Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. СПб., 2022. С. 11.

³⁶ Бердяев Н.А. О культуре // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 523–526.

³⁷ Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 490.

³⁸ Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998. С. 86.

³⁹ См.: Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007.

III

Общество уже не одно десятилетие обеспокоено степенью солидарности многонационального и многоконфессионального, социально и имущественно расслоенного населения. В условиях нависшей над суверенитетом государства-цивилизации угрозы с особой актуальностью воспринимаются слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Русский мир включает в себя и все народы, принадлежащие к другим религиям, но разделяющие одни ценности общественной жизни вместе с русским народом»⁴⁰. Это в полной мере может служить определением того, что относится к цивилизационному пространству России.

Таким образом, в русское цивилизационное пространство входят представители разных народов, по разным причинам иногда утратившие официальную связь с государством-цивилизацией, получившие иное гражданство, но сохраняющие многие черты той цивилизации, которой принадлежат их предки. Значительные слои населения других государств с симпатиями относятся к русскому цивилизационному пространству, поскольку здесь находятся могилы их предков и значимые для них памятники духовной и материальной культуры. Во многих случаях их связывают с государством-цивилизацией не только духовные, но и финансовые, научно-исследовательские, образовательные и другие интересы.

Оплот русского государства-цивилизации — семья. Именно она является главной опорой тех, кто придерживается традиционных взглядов на божественное предназначение Мужчины и Женщины и понимает, какой ущерб и демографии, и нравственности наносит искусственное прерывание беременности, внутриутробная казнь невинных.

В ряде случаев (например, после распада СССР) гражданами других государств поневоле стали представители русской нации. Россия как государство-цивилизация вынуждена защищать интересы соотечественников, если они, находясь в русском цивилизационном пространстве, в этом нуждаются. При этом важно заметить, что контуры российского цивилизационного пространства не затрагивают суверенные права тех стран, где проживают выходцы из России, равно как государственные границы не являются препятствием для защиты соотечественников, если в этом появляется необходимость.

Историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что как историко-правовой феномен «цивилизационное пространство» в историографии пока представлен крайне фрагментарно. Необходимо

учитывать и то, что тема вряд ли может быть раскрыта фронтально, а лишь проблемно, выборочно, с учетом особой актуальности и дискуссионности этапов цивилизационного развития.

Одной из задач является реализация конституционного положения о противостоянии фальсификации истории России. Учеными она услышана, но на сегодняшний день к этому не в полной мере готовы, прежде всего политики. Например, из источников победы в Великой Отечественной войне, как и из истории советской цивилизации в целом, исключаются влиятельные, сыгравшие решающую роль факторы: ВКП(б), ее лидеры и руководители государства⁴¹. В литературе не часто встретишь одобрительную оценку действиям немецких коммунистов, Коминтерна. Между тем нацизму противостоял именно коммунизм. Не случайно первый концентрационный лагерь, лагерь смерти, носивший название Дахау, был создан для истребления коммунистов немецкой национальности. ВКП(б) — стержень противостояния нацизму, направила на фронт более половины своего состава. С войны не вернулись около трех миллионов членов ВКП(б)⁴². Количество комсомольцев, отдавших свои жизни за разгром нацизма, вообще никто не подсчитывал. Не допустим большой погрешности, если скажем, что количественные параметры Холокоста и масштабы истребления коммунистов вполне сопоставимы.

Наша память о войне перегружена политическими симпатиями и антипатиями. Уже в течение ряда лет 9 мая идут по Красной площади столицы парадные расчеты, представляющие военные учреждения им. Ю.А. Гагарина, С.М. Буденного, других прославленных героев, но нет ни одной организации, носящей имя Маршала Победы Г.К. Жукова (Академия противовоздушной обороны, носившая его имя, не так давно была ликвидирована). С 1966 г. почти ежегодно на трибунах мавзолея можно было видеть всех членов Политбюро ЦК КПСС, многих прославленных военачальников, но до 1973 г. был жив человек, сыгравший решающую роль в победе над нацизмом, гениальный полководец Г.К. Жуков, которого в дни парадов на Красной площади не видели ни разу.

История свидетельствует, что Россия не раз спасала европейскую цивилизацию от гибели, но тем самым порождала лишь европейское высокомерие. Следует отметить, что выводов из этой, веками существующей, истины никак не усвоили те, кто по воле случая или в результате игры темных сил оказались возведенными к вершинам власти в России.

⁴¹ См.: Историография социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны / В.И. Жуков, Н.В. Старостенков, В.В. Прилуцкий и др. М., 2011.

⁴² См.: Человеческий капитал в годы Великой Отечественной войны: особенности формирования и развития / М.В. Раттур, В.И. Жуков, Н.В. Старостенков и др. М., 2011.

⁴⁰ URL: <http://moseparh.ru/doklad-svyatejshego-patriarxa-kirilla-na-plenarnom-zasedanii-xxv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora.html> (дата обращения: 05.01.2024).

Выдвижение национальных лидеров происходит только тогда, когда над российской цивилизацией нависает опасность утраты национальной идентичности и государственного суверенитета. И сегодняшний день не является исключением.

В Нюрнберге, Токио и Хабаровске Международные трибуналы⁴³ юридически точно квалифицировали злодеяния нацистов всех национальностей — от германских до румынских, венгерских, польских, украинских, японских и других. На скамье подсудимых оказались не только военные преступники, именовавшиеся гитлеровцами: судили агрессоров, в числе которых была зараженная нацизмом Европа. Официальными союзниками гитлеровской Германии были Чехия, Австрия, Италия, Финляндия, Словакия, Хорватия, Венгрия, Румыния и добровольцы из всех европейских стран от крохотного Люксембурга до Польши, Испании и Болгарии.

Ключевое значение для обеспечения суверенитета как базового элемента цивилизационного прогресса имеет демографическая составляющая. Преодолеть демографические вызовы невозможно только с помощью денежных пособий, отдельных программ. Важнейшее условие укрепления суверенитета России, ее восприятия как государства-цивилизации, имеет и кардинальное изменение кадровой политики.

Цивилизация начинается с осознания каждым человеком принадлежности к своей стране, ее истории, традициям и вере, к стране, которую мировое сообщество уважает и с ее интересами считается. На протяжении многих столетий так и было. Разлом наступил после провала (или успеха?) политики «перестройки», разрушения СССР и итогов радикальных либеральных реформ, проведенных в 90-х годах XX в.

В XXI в. начался мучительный и противоречивый процесс возрождения экономики, оборонной мощи, восстановления торгово-экономических отношений России с рядом стран. Одновременно с этим стали нарастать усилия США и их союзников, направленные на изоляцию России, подрыв ее экономики, ослабление влияния в мире.

Ситуация стала приобретать опасный для суверенитета России характер: военные угрозы возникли практически по всему периметру ее границ; страна окружена военными базами; войска НАТО размещены почти во всех сопредельных с Россией государствах; гражданская война на Украине перерастает в военные столкновения между Россией и блоком НАТО.

Цивилизация подошла к той черте, за которой маячит мировая война, означающая ее гибель.

⁴³ См., напр.: Зягинцев А. Г. Палачи ада. Уроки Хабаровского процесса. М., 2020; Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020; Его же. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.

В этих условиях ответственность правоведов, специалистов в области истории и теории государства и права, международного права, прав человека и других отраслей юридической науки возрастает.

К числу актуальных входит создание российской историографической модели политико-правовых знаний и их применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Душа России // Бердяев Н. А. Судьба России. СПб., 2022. С. 11.
2. Бердяев Н. А. О культуре // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 523–526.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 24.
4. Вебер А. Принципиальные замечания к социологии культуры // Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1998. С. 25. С. 7–40.
5. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб., 2000.
6. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007.
7. де Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2001.
8. Горбань В. С. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91–101.
9. Горбань В. С. «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки // Журнал рос. права. 2023. Т. 27. № 12. С. 68–84.
10. Горбань В. С., Груздев В. С. О значении и отдельных аспектах современной историографии и историософии политико-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 11–30.
11. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2003. С. 11.
12. Данилевский Н. Россия и Европа. СПб., 2023.
13. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб., 2017. С. 137.
14. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение: сб. / пер. с франц. М., 1995. С. 25.
15. Жарникова С. В. Золотая нить. Вологда, 2003. С. 212, 213.
16. Жуков В. И. Глобализация. Глобализм. Россия. Доклад на Втором международном социальном конгрессе «Россия в системе глобальных социальных координат». М., 2002.
17. Жуков В. И. Основы современной цивилизации. Воронеж, 1993.
18. Жуков В. И. Российская цивилизация: историко-правовой анализ феномена. М., 2023.
19. Жуков В. И. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: в 3 т. М., 2012.

20. Жуков В.И., Жукова Г.С. Методология проблемы гармонизации социальной реальности // Ученые записки РГСУ. 2011. № 1 (89). С. 4–8.
21. Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980.
22. Звягинцев А.Г. Палачи ада. Уроки Хабаровского процесса. М., 2020.
23. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Ростов н/Д., 1999. Т. 1. С. 11.
24. Иванов В.В. Методология исторической науки. М., 1985.
25. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007.
26. Историография социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны / В.И. Жуков, Н.В. Старостенков, В.В. Прилуцкий и др. М., 2011.
27. Историческая социология: глобальные процессы. М., 2020. С. 176.
28. Карамзин Н.М. О древней и новой России // Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2004. С. 999.
29. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2004. С. 38.
30. Луман Н. Эволюция / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2005. С. 4.
31. Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. М., 1965.
32. Никонов В.А. Российская цивилизация. М., 2021. С. 7, 8.
33. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / отв. ред. В.А. Тишков. СПб., 2013.
34. Ольштынский Л.И., Чемоданов М.П., Корнеев В.В. Советское общество. История строительства социализма в России. Кн. 2. Становление советского социалистического общества и его борьба с фашизмом (1921–1945 гг.). М., 2015. С. 11, 12.
35. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998. С. 86.
36. Палютина З.Р. Цивилизационный подход к терминологии. Уфа, 2002. С. 11, 12.
37. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века / пер. Л.А. Дмитриева. М., 1984. С. 422–435.
38. Раттур М.В. К вопросу об общероссийской идентичности в системе конституционных ценностей: от конструкта к концепту // Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности: сб. науч. тр. Всеросс. науч.-практ. конф., Стерлитамак, 26 апреля 2023 года. Стерлитамак, 2023. С. 49–52.
39. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 490.
40. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 69.
41. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.
42. Савенков А.Н. Значение идей Н.Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. 2023. № 10. С. 7–16.
43. Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.
44. Савенков А.Н. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.
45. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 285–310.
46. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
47. Социальные изменения российского общества в контексте глобального кризиса / В.И. Жуков, Л.В. Аргунова, Н.А. Бабенко и др. М., 2010.
48. Степин В.С., Толстых В.И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 4.
49. Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2010.
50. Цивилизационная структура современного мира / ред. Ю.Н. Пахомов, Ю.В. Павленко. Киев, 2006. Т. 2. С. 442.
51. Чаадаев П.Я. Философические письма. М., 2006. С. 17.
52. Человеческий капитал в годы Великой Отечественной войны: особенности формирования и развития / М.В. Раттур, В.И. Жуков, Н.В. Старостенков и др. М., 2011.
53. Шмурло Е.Ф. История России (IX–XX вв.). М., 2005. С. 9.
54. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
55. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 59–65.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. The Soul of Russia // Berdyaev N.A. The Fate of Russia. SPb., 2022. P. 11 (in Russ.).
2. Berdyaev N.A. On Culture // Berdyaev N.A. Philosophy of Creativity, Culture and Art.: in 2 vols. M., 1994. Vol. 1. Pp. 523–526 (in Russ.).
3. Wallerstein I. Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World. SPb., 2001. P. 24 (in Russ.).
4. Weber A. Principled remarks to the sociology of culture // Weber A. Selected: the crisis of European culture. St. Petersburg, 1998. Pp. 7–40 (in Russ.).
5. Vernadsky G.V. Outline of Russian History. SPb., 2000 (in Russ.).
6. Guizot F. History of Civilization in Europe. M., 2007 (in Russ.).
7. de Gobino J.A. Experience on the Inequality of Human Races. M., 2001 (in Russ.).
8. Gorban V.S. New historiography of political and legal thought as an urgent task of legal sciences // Vestnik of Kutafin University (MSLA). 2023. No. 4 (104). Pp. 91–101 (in Russ.).
9. Gorban V.S. “Pure” doctrines of law: their diversity in the history of legal thought and influence on the nature of modern legal science // Journal of Russian law. 2023. Vol. 27. No. 12. Pp. 68–84 (in Russ.).

10. *Gorban V.S., Gruzdev V.S.* On the significance and some aspects of modern historiography and historiosophy of political and legal thought // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2023. Vol. 18. No. 6. Pp. 11–30 (in Russ.).
11. *Gumilev L.N.* Ancient Russia and the Great Steppe. M., 2003. P. 11 (in Russ.).
12. *Danilevsky N.* Russia and Europe. SPb., 2023 (in Russ.).
13. *Dostoevsky F.M.* Diary of a writer. SPb., 2017. P. 137 (in Russ.).
14. *Durkheim E.* Sociology: its subject, method, purpose. Collection / transl. from the French. M., 1995. P. 25 (in Russ.).
15. *Zharnikova S.V.* Golden thread. Vologda, 2003. Pp. 212, 213 (in Russ.).
16. *Zhukov V.I.* Globalization. Globalism. Russia: Report on the Second International Social Congress “Russia in the System of Global Social Coordinates”. M., 2002 (in Russ.).
17. *Zhukov V.I.* Fundamentals of Modern Civilization. Voronezh, 1993 (in Russ.).
18. *Zhukov V.I.* Russian civilization: historical and legal analysis of the phenomenon. M., 2023 (in Russ.).
19. *Zhukov V.I.* Social Development of Russia: historical and sociological comparative studies: in 3 vols. M., 2012 (in Russ.).
20. *Zhukov V.I., Zhukova G.S.* Methodology of the problem of harmonization of social reality // *Scientific Notes of the Russian State Social University*. 2011. No. 1 (89). Pp. 4–8 (in Russ.).
21. *Zhukov E.M.* Essays on the methodology of history. M., 1980 (in Russ.).
22. *Zvyagintsev A.G.* Executioners of Hell. Lessons of the Khabarovsk process. M., 2020 (in Russ.).
23. *Zenkovsky V.V.* History of Russian philosophy: in 2 vols. Rostov-on-Don, 1999. Vol. 1. P. 11 (in Russ.).
24. *Ivanov V.V.* Methodology of historical science. M., 1985 (in Russ.).
25. *Ionov I.N.* Civilizational consciousness and historical knowledge: problems of interaction. M., 2007 (in Russ.).
26. *Historiography of the social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War / V.I. Zhukov, N.V. Starostenkov, V.V. Prilutsky et al.* M., 2011 (in Russ.).
27. *Historical sociology: global processes.* M., 2020. P. 176 (in Russ.).
28. *Karamzin N.M.* About ancient and new Russia // *Karamzin N.M. History of the Russian state.* M., 2004. P. 999 (in Russ.).
29. *Klyuchevsky V.O.* Russian History. Full course of lectures. M., 2004. P. 38 (in Russ.).
30. *Luman N.* Evolution / transl. from German. A. Antonovsky. M., 2005. P. 34 (in Russ.).
31. *Nechkina M.V.* History of History (some methodological issues of the history of historical science) // *History and historians.* M., 1965 (in Russ.).
32. *Nikonov V.A.* Russian civilization. M., 2021. Pp. 7, 8 (in Russ.).
33. *Nolde B.E.* History of the formation of the Russian Empire / ed. by V.A. Tishkov. SPb., 2013 (in Russ.).
34. *Olshynskiy L.I., Chemodanov M.P., Korneev V.V.* Soviet society. History of the construction of socialism in Russia. Book 2. Formation of Soviet socialist society and its struggle against fascism (1921–1945). M., 2015. Pp. 11, 12 (in Russ.).
35. *Orlova I.B.* Eurasian civilization. Socio-historical retrospective and perspective. M., 1998. P. 86 (in Russ.).
36. *Palutina Z.R.* Civilizational approach to terminology. Ufa, 2002. Pp. 11–12 (in Russ.).
37. *Monuments of Literature of Ancient Russia. The end of the XV – the first half of the XVI century / transl. by L.A. Dmitriev.* M., 1984. Pp. 422–435 (in Russ.).
38. *Rattur M.V.* To the question of All-Russian identity in the system of constitutional values: from construct to concept // *Science, culture, education in the context of the priorities of modernity: collection of scientific papers of the All-Russian scientific-practical conference, Sterlitamak, April 26, 2023. Sterlitamak, 2023.* Pp. 49–52 (in Russ.).
39. *Russian civilization. Ethno-cultural and spiritual aspects.* Encyclopedic Dictionary. M., 2001. P. 490 (in Russ.).
40. *Rousseau J.-J.* Treatises. M., 1969. P. 69 (in Russ.).
41. *Savenkov A.N.* State and law in the period of crisis of modern civilization. M., 2020 (in Russ.).
42. *Savenkov A.N.* The importance of N. Ya. Danilevsky’s ideas for the formation of modern Philosophy of Law // *State and Law*. 2023. No. 10. Pp. 7–16 (in Russ.).
43. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021 (in Russ.).
44. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law in Russia as an ideological and theoretical basis of the national legal ideology: history, modernity and prospects // *State and Law*. 2023. No. 8. Pp. 7–23 (in Russ.).
45. *Savitsky P.N.* Geopolitical notes on Russian history // *Outline of Russian history.* SPb., 2000. Pp. 285–310 (in Russ.).
46. *Sorokin P.A.* Man. Civilization. Society. M., 1992 (in Russ.).
47. *Social changes in Russian society in the context of the global crisis / V.I. Zhukov, L.V. Argunova, N.A. Babenko et al.* M., 2010 (in Russ.).
48. *Stepin V.S., Tolstykh V.I.* Democracy and the Fate of Civilization // *Questions of philosophy.* 1996. No. 10. P. 4 (in Russ.).
49. *Toynbee A.* The comprehension of history / transl. from English by E.D. Zharkov. M., 2010 (in Russ.).
50. *Civilizational Structure of the Modern World / ed. by Yu. N. Pakhomov, Yu.V. Pavlenko.* Kiev, 2006. Vol. 2. P. 442 (in Russ.).
51. *Chaadayev P. Ya.* Philosophical Letters. M., 2006. P. 17 (in Russ.).
52. *Human capital in the years of the Great Patriotic War: features of formation and development / M.V. Rattur, V.I. Zhukov, N.V. Starostenkov et al.* M., 2011 (in Russ.).
53. *Shmurlo E.F.* History of Russia (IX–XX centuries). M., 2005. P. 9 (in Russ.).
54. *Spengler O.* The Decline of Europe. M., 1993 (in Russ.).
55. *Elias N.* On the Process of Civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies: in 2 vols. SPb., 2001. Vol. 1. Pp. 59–65 (in Russ.).

Сведения об авторах

ЖУКОВ Василий Иванович —
академик РАН,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
философии права, истории и теории
государства и права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

РАТТУР Мария Владимировна —
кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник сектора философии права,
истории и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUKOV Vasily I. —
Academician of the RAS,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Chief Researcher of the Sector of Philosophy
of Law, History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

RATTUR Maria V. —
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Researcher of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА П.И. НОВГОРОДЦЕВА В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

© 2024 г. В. Ю. Васечко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.08.2024 г.

Аннотация. Автор обращается к проблеме взаимодействия между философским и правовым сознанием, избрав в качестве предмета рецепцию философско-правовых идей Канта и Гегеля русским мыслителем эпохи Серебряного века П.И. Новгородцевым (1866–1924). Философско-правовую концепцию Новгородцева предлагается трактовать как вполне самостоятельную, оригинальную систему, хотя и претерпевшую, как всякий живой организм, определенную историческую эволюцию. Статья включает в себя три структурных блока. Во-первых, выясняются особенности той интерпретации Новгородцевым теоретико-методологических принципов Канта и Гегеля, которую он проделал в своей докторской диссертации (1902). Во-вторых, рассматривается влияние этих принципов на содержание и проблематику самого известного труда Новгородцева – «Об общественном идеале» (1917–1921). В-третьих, прослеживается метафизический (кантовско-гегелевский) бэкграунд статьи Новгородцева, вошедшей в послереволюционный сборник «Из глубины» (1918). Прделанная автором работа показывает, что именно в плоскости соприкосновения между правом и философией обнаруживаются наиболее острые и потому наиболее значимые эпистемологические проблемы. Регулярная актуализация этих проблем и напряженная научно-теоретическая работа по их разрешению мыслителями масштаба П.И. Новгородцева призваны объяснить неослабевающий интерес академической общественности к сочинениям немецких классиков.

Ключевые слова: Кант, Гегель, П.И. Новгородцев, категорический императив, философия права, естественное право, органическая теория государства, теория общественного идеала, рационалистический утопизм.

Цитирование: Васечко В. Ю. Становление теории общественного идеала П.И. Новгородцева в контексте творческой рецепции немецкой философско-правовой мысли // Государство и право. 2024. № 9. С. 77–87.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институт государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224090061

THE FORMATION OF P.I. NOVGORODTSEV'S THEORY OF THE SOCIAL IDEAL IN THE CONTEXT OF THE CREATIVE RECEPTION OF GERMAN PHILOSOPHICAL AND LEGAL THOUGHT

© 2024 V. Yu. Vasechko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Received 30.08.2024

Abstract. The author addresses the problem of interaction between philosophical and juridical consciousness, choosing as a subject the reception of philosophical and legal ideas of Kant and Hegel by the Russian thinker of the Silver Age Pavel I. Novgorodtsev (1866–1924). It is proposed to interpret Novgorodtsev's philosophical and legal concept as a completely independent, original system, although it has undergone a certain historical evolution, like any living organism. The article includes three building blocks. First, the peculiarities of Novgorodtsev's interpretation of the theoretical and methodological principles of Kant and Hegel, which he made in his doctoral dissertation (1902), are clarified. Secondly, the influence of these principles on the content and problems of Novgorodtsev's most famous work, "On the Social Ideal" (1917–1921), is considered. Thirdly, the author traces the metaphysical (Kant-Hegelian) background of Novgorodtsev's article, which was included in the post-revolutionary collection "From the Depths" (1918). The author's work is intended to show that it is in the plane of contact between law and philosophy that the most acute and therefore the most significant epistemological problems are found. The regular actualization of these problems and the intense scientific and theoretical work on their solution by thinkers of P.I. Novgorodtsev's caliber, in turn, explain the unflagging interest of the academic community in works of German philosophers.

Key words: Kant, Hegel, P.I. Novgorodtsev, the categorical imperative, the Philosophy of Law, natural law, the organic theory of the state, the theory of the social ideal, rationalist utopianism.

For citation: Vasechko, V. Yu. (2024). The formation of P.I. Novgorodtsev's theory of the social ideal in the context of the creative reception of German philosophical and legal thought // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 77–87.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924), столетие со дня смерти которого отмечается в текущем году — один из замечательной плеяды русских мыслителей эпохи Серебряного века, признанный глава идеалистической школы в русской философии права, среди учеников которого — И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, Г.В. Флоровский, Н.Н. Алексеев и многие другие известные деятели, прославившие отечественную гуманитарную науку и культуру. После долгих десятилетий замалчивания, а порой и сознательных искажений, его идеи, как и сама его многогранная личность, начиная с 1990-х годов, постоянно находятся в поле зрения обществоведов. Предметом исследования становятся различные аспекты его жизни и деятельности, ведь за свою сравнительно недолгую жизнь он успел состояться и как правовед, и как политик, и как общественный деятель, и как педагог, и еще во многих разных ипостасях.

Нельзя сказать, что его творчество как философа, и прежде всего как философа права, не пользуется вниманием у современных авторов — как уже ушедших, так и ныне живущих. Пример тому — серьезные работы, в которых философское измерение творчества П.И. Новгородцева рассматривается либо в контексте отечественной философии права в целом (А.П. Альбов, Ю.Я. и Д.А. Баскины, В.С. Нерсисянц, Н.А. Шавеко и др.)¹, либо как нечто, заслуживающее специального изучения само по себе (В.Н. Жуков, С.В. Крамарук,

¹ См: Альбов А.П. Проблема соотношения права и нравственности в немецкой классической философии и русской философии права. М., 2014; Баскин Ю.Я., Баскин Д.А. Павел Иванович Новгородцев (из истории русского либерализма). СПб., 1997; Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 528–531; Шавеко Н.А. Правовой идеал: кантианская традиция в учениях о справедливости XX века. М., 2021.

А.С. Куницын, А.Н. Литвинов, Т.В. Новичихина, Е.А. Фролова и др.)². Тем не менее следует признать, что в этом вопросе нет пока полной ясности, и характеристика собственно философской составляющей мировоззрения нашего мыслителя требует известного уточнения.

Полагаем, правомерно рассматривать философию права Новгородцева как *вполне самостоятельную персональную систему воззрений* ее автора, пусть и претерпевшую, как всякий живой организм, определенную историческую эволюцию. Будучи системой взглядов именно этого конкретного мыслителя, она несет на себе отпечаток его личности и потому сохраняет на протяжении трех десятилетий (примерно столько длилась его творческая деятельность) свою определенность как некая субстанция. Испытывая влияния извне, осваивая уже наработанные другими знания, методы и ценности и изменяясь при этом сама, она всегда сохраняла свой уникальный характер. Поэтому главное, что нас должно интересовать, это не то, кто повлиял или что повлияло на формирование и развитие философско-правовой концепции Новгородцева, а каким образом эти внешние воздействия преломились в *его собственном мышлении*, как именно им они были усвоены, переработаны, осмыслены, оценены и использованы.

Среди такого рода экстернатальных по отношению к персональному сознанию нашего героя факторов особое место занимают теоретические построения классиков немецкого идеализма — Канта и Гегеля, прежде всего. Та их *рецепция* (= их восприятие, переосмысление и применение) П.И. Новгородцевым и то их *снятие* (= то самое гегелевское *Aufheben*, преодоление с сохранением всего лучшего и ценного), которое он осуществил, и будут предметом настоящей статьи.

² См.: Жуков В.Н. П.И. Новгородцев: консервативный либерал и религиозный философ права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4 (44); Крамарук С.В. Право и правовая культура в русской культурологической мысли — П.И. Новгородцев и Б.А. Кистяковский: дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 2008; Куницын А.С. Павел Иванович Новгородцев как «воодушевленный проповедник возрождения естественного права» и наш современник // Государство и право. 2018. № 6; Литвинов А.Н. Рождение концепции «возрожденного естественного права» в русской философии права (молодой Павел Новгородцев, 1896–1903) // Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский. М., 2018. С. 16–32; Новичихина Т.В. П.И. Новгородцев как философ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижневартовск, 1999; Фролова Е.А. П.И. Новгородцев о праве и государстве. М., 2001; Шавеко Н.А. П.И. Новгородцев об общественном идеале // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 9.

Философия права Канта и Гегеля в интерпретации П.И. Новгородцева: формальные антитезы и их опосредование

Возникновение особого интереса у молодого юриста Новгородцева к немецкой философской классике (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) следует отнести ко времени его заграничных командировок 1890-х годов, общее время которых составило примерно четыре года. Именно тогда, работая в библиотеках европейских столиц, и прежде всего в Берлине, он проникается мыслью, что подлинно научная теория права немыслима без философского фундамента, и если мы задаемся целью выстроить здание такой юридической концепции, которая претендует на высокую и тем более предельную степень общности, то без обращения к некоторым метафизическим предпосылкам нам не обойтись. Таким метафизическим основанием для теории права может быть в настоящее время лишь немецкий классический идеализм, поскольку ни до чего более прочного и глубокого человечество пока не додумалось.

Поэтому совсем не случайно главными фигурами его докторской диссертации, защищенной в 1902 г. на основе изданной годом раньше одноименной монографии, становятся философы *par excellence*: «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». Именно в их работах Новгородцев ищет аргументы против как не приемлемого для него юридического позитивизма («философии легального деспотизма», как он еще его называет), так и позитивизма социологического. Он уверен, что назрела необходимость радикальной перестройки науки о государстве, основанной на признании того, что «над государством стоят некоторые высшие нормы, которым оно должно подчиняться, из которых оно черпает и свое оправдание, и свои руководящие начала. По отношению к этим нормам государство является лишь органом, а не творцом: оно так же мало создает оно драгоценные металлы, из которых чеканит монету»³. В истории человеческой мысли эти нормы эксплицированы прежде всего в различных вариантах концепции естественного права, и особенно в учениях представителей немецкой классической философии — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, из которых Новгородцев выделяет в первую очередь первого и последнего.

П.И. Новгородцев не ограничивается теми работами немецких философов, где предметом их анализа становится непосредственно право — первой частью «Метафизики нравов» Канта (1797),

³ Новгородцев П. Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75 (V). С. 510, 511.

посвященной учениям о праве, и «Философией права» Гегеля (1821). Он совершает различные экскурсии и в другие философские сферы, будучи убежденным, что по-настоящему осознать ценность идей Канта и Гегеля можно лишь при условии овладения всем их методологическим инструментарием — и онтологическим, и гносеологическим, и логическим. Философия права для Новгородцева не отгорожена ни от конкретных юридических дисциплин (например, отраслей позитивного права), ни от дисциплин философских, и он полностью разделяет здесь интенции и принципиальные установки мэтров немецкой философской классики.

Если говорить о том перевороте, который произвела критическая философия *Канта*, обратившись к социальным проблемам вообще и к метафизике права в частности, то речь следует вести прежде всего о *категорическом императиве*. Этот императив как требование всякого практического разума оказывается критерием состоятельности, проверки на прочность не только любого человеческого установления (правил обычая, например, или этикета), но и всякого позитивного закона. В обеих своих формулировках — и в той, где подчеркнут момент слияния личного и общечеловеческого, и в той, где всякая личность рассматривается как самоцель и самоценность⁴ — категорический императив призван служить, помимо прочего, и мерой оценки действующего законодательства. Только действуя в соответствии с категорическим императивом, мы являемся существами не просто *мыслящими*, но и *свободными*, сохраняя свою нравственную *автономию*. Напротив, когда мы поступаем по принципу *гипотетического (условного) императива*, то эту автономию утрачиваем, наше поведение оказывается несвободным и потому морально несостоятельным. И эта дихотомия, дихотомия автономной и гетерономной этики, подчеркивает П.И. Новгородцев, полностью работает при описании человеческого поведения, регулируемого законодательным порядком, достаточно жестко разбивая законы на два класса:

1) законы *естественные*, обязательность которых признается разумом помимо всякого внешнего принуждения — это те, где объект правового регулирования выступает одновременно как его субъект и законодатель, как самоцель. Они вполне соответствуют категорическому императиву, и потому человек

исполняет их свободно, как свои собственные, родные ему, как идентичные его личным интересам⁵;

2) законы *положительные*, в которых субъект склонен усматривать действие некоей внешней, чуждой воли. Он либо понимает, либо хотя бы чувствует, что здесь скрыт какой-то эгоистический или корпоративный интерес — интерес тех людей, которые имеют от исполнения данных законов собственную выгоду. Да, он согласен соблюдать и эти законы, но уже по другим причинам, *на своих условиях* и, как правило, лишь там, где налицо силовое принуждение. Как только эта внешняя сила исчезает, он с легкостью готов такой закон нарушить и не чувствует при этом угрызений совести. Как во времена Канта, так и сейчас юристы могли бы привести немало примеров таких «неработающих» законов.

Полностью разделяя аргументацию Канта, П.И. Новгородцев специально выписывает соответствующее место из «Метафизики нравов»: «Законы свободы..., в отличие от законов природы, называются моральными. Поскольку они относятся к поступкам и определяют известный внешний образ действий, они считаются юридическими; если же, сверх того, они требуют и соответствующих мотивов, они называются этическими»⁶. И далее разъясняет Канта: «При таком понимании юридический закон является лишь частным последствием категорического императива или нравственного закона разума... Закон разума есть закон чисто внутренний, а юридическое законодательство... опирается на внешние мотивы и имеет внешний характер»⁷.

Власть и право, признает вслед за Кантом русский мыслитель, — это необходимые условия человеческой культуры и всякой социальной жизни, но — только условия, и притом внешние. Цель заключается не в них: «Кант готов даже сказать, что настоящая культура, долженствующая воспитать человека и гражданина, еще и не началась как следует»⁸. По сути, вся человеческая история (по крайней мере история цивилизации) пронизана противоречием между установками права позитивного и права естественного: «право по идее должно быть справедливым и никогда не может стать им вполне; оно должно вечно стремиться к усовершенствованию и никогда не может достигнуть полного

⁴ 1) «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»; 2) «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» (см.: Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4 (1). С. 260, 270).

⁵ «Гражданская свобода состоит в том, чтобы не повиноваться никакому другому закону, кроме того, на который гражданин дал согласие» (см.: Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 204).

⁶ Там же. С. 178.

⁷ Там же. С. 179.

⁸ Там же. С. 218.

совершенства. Идеал лежит в бесконечной дали; нам дано только приближаться к нему»⁹.

Категорический императив как предельно общее выражение естественно-правовых требований есть перманентное напоминание всякой политической власти о ее несовершенстве, о том, что в законах, которые она устанавливает и на которые опирается, всегда остается нечто, заслуживающее и даже требующее моральной и рациональной критики. Пускай действующее законодательство все больше соответствует интересам человека, цивилизуется, облагораживается, гуманизируется — все равно всегда остается зазор между нравственностью и правом/политикой, между тем, что должно быть, и тем, что реально есть: «В этом именно духе Кант говорит, что стремиться к идеальному государственному строю есть обязанность всякого существующего правительства, и всякое устройство, отклоняющееся от идеальных начал, может иметь лишь временную цену. Окончательное значение принадлежит устройству, основанному на началах разума»¹⁰. И хотя по прошествии ста лет очевидно, что методология Канта далека от текущих задач современной юриспруденции, мы обязаны помнить, что именно его точка зрения способствовала пониманию юридической стороны государства в ее самостоятельности и чистоте»¹¹.

Переходя к философии права Гегеля, П.И. Новгородцев демонстрирует как преемственность его взглядов по сравнению с кантовскими, так и их принципиальное отличие от тех идей, которые развивались Кантом. По сути, как и во всех других случаях, где Гегель касается критической философии, здесь он также, безусловно признавая новизну, правомерность и справедливость поставленных Кантом вопросов, регулярно выражает неудовлетворенность кантовскими их решениями и параллельно дает свои собственные.

Основной посыл критики Гегеля — преодоление кантовского дуализма и формирование монистической картины мира, включая монистическую систему онтологии морали и права. Право наряду с моралью и нравственностью, которые Гегель различает, есть этап развертывания Абсолютного Духа — третьей, после Логики и Природы, и высшей ипостаси Абсолютной Идеи. С точки зрения Гегеля, Кант остался в плену формального противопоставления должного и сущего. Свобода в кантовой философии — не что иное, как «формальная самодеятельность»¹², и потому его наука о моральности остается

в границах «пустого формализма» — она не может определить идею добра применительно к субъекту иначе, как тавтологию долга ради долга: «Кантовской философии, — говорит Гегель, — принадлежит заслуга выдвинуть это значение обязанности и указать ее корень в чистом и безусловном самоопределении воли. Но поскольку эта философия остается на почве субъективной морали и не переходит к общественной нравственности, она низводит свое приобретение к пустому формализму и нравственную философию к разглагольствованию о долге ради долга. Вывести отсюда конкретные обязанности невозможно»¹³.

Гегель не может согласиться с тем, чтобы должное оставалось «бессильным, не имеющим возможности реализоваться умствованием». Должное для него есть не абстрактная норма, но живая сила, проявляющая себя в действительности, и потому стоит на том, что противопоставлять друг другу идеальные принципы и действительные явления теоретически и методологически недопустимо. Для Гегеля вся сила нравственности — в ее осуществлении, и он «готов поэтому называть кантовское учение ложным и даже безнравственным — за неопределенность его указаний относительно конкретных действий и за случайность, на которую оно обрекает осуществление нравственных норм в жизни». В соответствии с этой установкой он «формулирует задачу нравственной философии как “постижение настоящего и действительного, а не установление чего-то, находящегося вне действительности и Бог знает где долженствующего быть”»¹⁴.

Преодолевая кантовский дуализм, Гегель стремится раскрыть неизбежную и бесспорную связь личности со средой, причем связь эта приобретает у него характер высшей нравственной правды. Свобода лиц, понятая как их право на субъективное самоопределение, только тогда становится настоящей и получает реальное значение, когда они вступают в действительное обладание своим собственным существом, т.е. имеют возможность реализовать себя в социуме, включиться в систему наличных общественных отношений, *включая отношения правовые*. Именно с Гегеля поэтому «ведет свое начало социально-философская метода, рассматривающая отдельные стороны общественной жизни в совокупном единстве»¹⁵. В частности, *государство* у него — не объект для критики вечно неудовлетворенного субъективного сознания, а вполне наличная, субстанциальная форма, в которой воплощается нравственная идея.

⁹ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 219.

¹⁰ Там же. С. 230.

¹¹ См.: там же. С. 236.

¹² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 80.

¹³ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 318. Ср.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 175—177.

¹⁴ Там же. С. 273, 300. Ср.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 53.

¹⁵ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 298.

Гегель придает глубокое значение органическому строению общества, проявляющемуся в развитии общинной и корпоративной жизни. На всех этапах триады нравственности как стадии развития *объективного духа* (семья — гражданское общество — государство) на первом плане — *синтез, сочетание, взаимодействие* того, что у Канта строго противопоставляется друг другу: должного и сущего, частного и общего, свободы и закона, личности и государства/общества.

Правительственная власть не просто должна оставлять неприкосновенной органическое устройство общества: в организации самой власти, особенно в законодательной ее функции, должно отражаться органическое строение народа. Глубина и сила государства — в развитии духа общественности. Именно внутренняя и самобытная жизнь общества обеспечивает государству его нравственный и правомерный характер. «Государство объемлет собою отдельные группы, устанавливает между ними связь и сводит все частные цели к одной высшей и безусловной... Это — действительность нравственной идеи, это — нравственный дух, как проявившаяся и ясная для себя субстанциональная воля, которая мыслит и знает себя и осуществляет то, что она знает»¹⁶.

Сравнивая подходы двух философов, П.И. Новгородцев констатирует, что если у Канта идеал — это бесконечная, абсолютная *цель*, то «Гегель, напротив, сосредоточивает свое внимание на этих *средствах*, рискуя утратить из вида бесконечную цель. Он берет совершенно другую сторону нравственности — ее воплощение в жизни, в объективных формах общественного процесса»¹⁷. Но для формирования адекватного взгляда на мораль и право, равно как и на сущность и динамику эволюции всего социального организма, необходима не констатация взаимоотношения и взаимоисключения доктрин Канта и Гегеля (или категорическое требование сделать однозначный выбор, чтобы придерживаться затем только одной из них), а работа по их взаимовосполнению, опосредованию, синтезу. Обе они нуждаются друг в друге и нуждаются в *снятии* — в вычленении, определении и осмыслении того момента абсолютного содержания, которое имеется в каждой из них.

Как Гегель, критикуя Канта и упрекая его в односторонности, «не отвергает его субъективной точки зрения, а дополняет ее новым рядом вопросов», так и мы должны относиться диалектически к обеим этим этическим концепциям. «Это — два основных типа этической мысли,

которые являются классическими даже в своих недостатках... Правильное отношение состоит в их сосуществовании и взаимном признании. Только при этом условии проблемы, чуждые для известной области, не вторгаются в нее в качестве случайных элементов, а получают надлежащую постановку на собственной и родной для них почве»¹⁸. Субъективизм нормативной этики Канта с ее игнорированием необходимости общественного прогресса нравственности, акцентом на личных индивидуальных усилиях, будет теоретически и методологически конструктивным лишь в сочетании с объективизмом этики Гегеля и ее постоянными напоминаниями о том, что нравственному субъекту уже есть на что опереться в наличном социальном, государственном и правовом бытии.

Теория общественного идеала П.И. Новгородцева как органический синтез доктрин Канта и Гегеля

Можно с уверенностью утверждать, что тот социально-философский фундамент, который был заложен в мировоззрении П.И. Новгородцева в ходе освоения и творческого переосмысления философии права этих двух классиков немецкого идеализма, и предопределял в целом его персональное видение тех сложных социальных и политических процессов, свидетелем и участником которых он оказался, а также тот нравственный и тактический выбор, который ему приходилось делать в конкретной ситуации. Теоретический опыт и диалектические навыки, которые он приобрел, готовя свою докторскую диссертацию, не могли пройти бесследно: и Кант, и Гегель, а точнее оба они вместе, сопряженно постоянно присутствуют в его поисках, рефлексиях и оценках, даже когда имена их прямо не называются.

Это демонстрирует внимательный анализ тех оппозиций, которые рассматривает П.И. Новгородцев в своей наиболее известной и цитируемой работе «Об общественном идеале», написанной в годы Первой мировой войны и впервые изданной летом 1917 г. Примечательно, что сам ее автор в предисловиях и дополнениях к последующим изданиям 1918 и 1921 гг. не считает что-либо нужным пересматривать в своей позиции: он убежден, только что пережитые Россией и Европой бурные события лишь подтвердили верность его принципиальных установок, включая их метафизический, фундированный кантовской и гегелевской философией бэкграунд.

Профессор Московского университета (с 1918 г. уже бывший), концептуализируя те процессы, наблюдателем и действующим лицом которых он

¹⁶ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 344, 345, 335. Ср.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 279.

¹⁷ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 304, 305.

¹⁸ Там же. С. 351—353.

явился, обнаруживает одну антитезу за другой: моральный релятивизм — моральный консерватизм, индивидуализм — коллективизм, радикализм — реформизм, утопизм — реализм и др. И каждый раз оказывается (если вдуматься), что где-то на заднем плане за этими крайностями и односторонностями, за этими тупиками мысли маячат те парадигмальные представления, которые восходят либо к нормативизму Канта, либо к органицизму Гегеля, либо же представляют собой эклектическую комбинацию их обоих. Те противоположные уклоны, те смещенные акценты, которые имели место в спекулятивных конструкциях классиков немецкого идеализма, то и дело дают себя знать в теориях и идеях, выдвигаемых современниками П.И. Новгородцева.

Различные версии «земного рая» суть при тщательном рассмотрении превращенные формы либо гегелевской апологии сущего, наивной веры в то, что вымышленный нами идеал где-то совсем на пороге осуществления, либо категорического кантовского неприятия наличной реальности, отрицания того, что есть, во имя мифического светлого будущего, которому должно быть. Сама история европейского социализма, вдохновленного идеями Маркса, которую П.И. Новгородцев подробно исследует в гл. II, со всеми его успехами и неудачами, расколами и примирениями есть самое наглядное свидетельство, что попытки реализовать утопический идеал изначально обречены на провал, а если где-то и удастся чего-то достичь на практике, то лишь ценой переосмысления этого идеала и отказа от слишком далеко идущих целей.

По сути, в каждой из противоборствующих и исключающих друг друга концепций есть свое рациональное зерно, своя правда — и в вере, например, в *совершенное* правовое государство, характерной для либерального способа мышления, и в вере социалистов и анархистов, *критикующих* и *отрицающих* современное государство. В каждой из них «заключено жизненное начало», которое «должно признать беспристрастное исследование»¹⁹. И мы лишь тогда окажемся на ложном пути, когда вообразим, будто только на одной стороне вся истина, без остатка, истина полная и абсолютная, а на другой, противоположной, стороне ее нет и в помине. Другое дело, что синтез этих противоположностей всегда должен осуществляться не посредством отвлеченных логических спекуляций, а применительно к конкретной жизненной ситуации и вполне определенной, ясно сформулированной и четко поставленной проблеме (политической, нравственной, правовой и т.д.).

На примере идеи *коллективизма* П.И. Новгородцев старается показать, как правильная в общем-то мысль, перейдя границы своей меры, превращается в опасную химеру. Так, Гегель в своем понимании государства, продолжая традицию, заложенную Платоном и Августином, называет его осуществлением нравственной идеи, земным богом, и в самом по себе этом тезисе еще нет принципиальной ошибки, пока мы «признаем над обществом высшее и мировое начало добра, к которому совершенное общение возводит человека»²⁰. На позициях ложного, извращенного, «абсолютного» коллективизма мы окажемся лишь тогда, когда вслед за Фейербахом, Марксом и Контом вообразим себе, что «общество само становится богом и само по себе своим внутренним совершенством спасает личность»²¹. Отсюда уже один шаг до идеи земного рая, которая, будучи в идеалистических системах частью более широких метафизических построений, является вполне оправданной, становится в абсолютном коллективизме мифическим «прыжком в царство свободы», эпилогом истории, лишаящим смысла все предшествующее развитие²², а на практике ведет к бесплодным и жестоким социальным экспериментам. Есть свое жизненное основание и в столь популярном в начале XX в. *индивидуализме*. Конечно, в своем законченном и абсолютном выражении — в восходящей к М. Штирнеру идее сверхчеловека Ницше и крайнем атеизме — он не может быть принят. Последовательный индивидуалист, предполагающий, что его не знающая никаких внешних ограничений личность не нуждается в обществе, что все значимое он может найти в себе самом, получает не столько освобождение от всех связей, сколько внутреннее опустошение и полное безразличие. Но есть своя правда и в том негативизме и демонизме, которые проповедует ницшевский Заратустра: «Это — правда человека, отрешившегося от общественных преданий и связей и идущего своей дорогой во имя высшего закона личности»²³. Идеал сверхчеловека имеет и свою положительную сторону, и это — «протест против всепоглощающей власти общества, против одностороннего определения личности через общественность»²⁴. А ведь не кто иной, как Кант, неизменно стоял за неотъемлемые права личности. И потому сколько бы ни отрекся Ницше от «тонких козней старого моралиста», от «благонравного тартюфа»,

²⁰ Там же. С. 131.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 136, 137.

²³ Там же. С. 149.

²⁴ Там же. С. 151.

¹⁹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 2010. С. 7.

от «великого китайца из Кёнигсберга»²⁵, для объективного и честного наблюдателя нет сомнений, что в глубине этого бунта и эпатажа лежит тот же интерес личности и тот же принцип нравственной автономии, которые когда-то воодушевляли Канта.

Так что в каждой из этих апологий, абстрактно противостоящих друг другу (общество versus личность), заключено свое бесспорное начало, черпаемое из всей совокупности исторического опыта. В обеих предполагается некий идеал как неотъемлемая принадлежность человеческого призвания. Истина — в их синтезе и опосредовании с помощью знающего свои цели и свою силу разума: «Абсолютный индивидуализм и абсолютный коллективизм должны найти сочетание в некотором высшем взгляде... Тот высший взгляд, которого требует нравственное сознание, должен быть укреплен на более прочной связи с объективным законом добра. Выход может быть только один: искать связи и личности, и общества с миром в объективном и безусловном разуме»²⁶.

К самому Гегелю, полагает П.И. Новгородцев, также следует относиться без излишнего пиетета. Безусловно, следует соглашаться с ним, когда он подчеркивает объективную функцию общественной нравственности — стадии развития того самого «объективного духа» — как неперменной опоры и поддержки для личной морали, которая без этого оплота вырождается в пустой формализм, разглагольствование о долге ради долга. Гегель прав и тогда, когда, определяя задачу истории как «прогресс в сознании свободы», выводит это определение именно из понятия личности и при этом «рассматривает общество как источник твердых определений, которые только и могут дать конкретное направление нравственному прогрессу»²⁷. Однако Гегель незаметно для себя впадает в преувеличение, когда начинает принимать общественное развитие за самодовлеющий процесс, господствующий над личным сознанием, и забывает, что именно субъективность есть необходимая почва для бытия свободы. И в силу такого своего выдвижения на передний план абсолютного значения общественной организации и социальных институтов Гегель, по сути, не видит ценности в нравственных потенциях отдельной личности: у него «понятие личности не получило... должного признания: момент самобытности и особенности лиц был поглощен моментом их общности и единства»²⁸.

Для самого Новгородцева очевидно, что у нас нет необходимости однозначно становиться на какую-то одну сторону в конфронтации между нравственным объективизмом и нравственным субъективизмом: «Личность есть начало безусловное, но не самодовлеющее: общество, которое ей противопоставляется, ведь это другие лица, которые могут быть не средствами, а только целями для данной личности. Являясь лицом и притязая на безусловное нравственное значение, я должен и в других лицах признать такую же безусловную ценность»²⁹. Личность всегда остается суверенной духовной монадой, остается своеобразной и незаменимой, и о полном согласовании ее со средой можно говорить только с точки зрения бесконечной перспективы. Но различные общественные формы — это тоже неотъемлемая часть духовной жизни личности, это «тот скрепляющий цемент, та зиждательная связь, без которой не может быть ни общественного строительства, ни индивидуального развития»³⁰.

Синтезом идущего от Канта лично-субъективного начала и идущего от Гегеля начала социально-объективного становится у П.И. Новгородцева *принцип свободного универсализма* (= идея свободной солидарности всех), в котором выражены одновременно и равенство, и свобода лиц, и всеобщность их объединения³¹. Принцип этот есть тот предел, к которому вообще тяготеет мысль Нового времени. Он вбирает в себя и гегелевскую идею частичной реализованности социально-нравственного идеала в практической действительности, и кантовский критицизм с его перманентным призывом к чему-то более высокому и совершенному. Свободный универсализм предполагает как знание о той идеальной цели, к которой мы хотим приблизиться, обязательное удержание ее в поле нашего зрения, так и знания о тех прикладных *средствах*, с помощью которых будет осуществляться наше поступательное движение.

Бесспорным подтверждением, что все это — не благодущные измышления кабинетных теоретиков, а вполне реальный исторический процесс, для П.И. Новгородцева оказывается история последних десятилетий социал-демократического движения на родине Канта и Гегеля. Он обстоятельно прослеживает, как немецкие социалисты все более решительно освобождались от революционно-утопических установок. Взгляд на современное государство не как на орудие классового угнетения, а как на орган, действующий в интересах социума как целого, установился у лидеров немецкой социал-демократии, В. Либкнехта, А. Бебеля,

²⁵ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 244, 335.

²⁶ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 155.

²⁷ Там же. С. 163.

²⁸ Там же. С. 171.

²⁹ Там же. С. 188.

³⁰ Там же. С. 192, 193.

³¹ Там же. С. 101, 102, 194.

а затем и К. Каутского, благодаря идейному влиянию слишком рано ушедшего Ф. Лассалья. Главная же заслуга последнего в том, что он смог соединить социалистические идеи с теорией правового государства Гегеля и Руссо³².

Но и идеи Канта, считает П.И. Новгородцев, не остались здесь забытыми. Ясный ориентир нынешнего реформистского руководства германских социалистов — это «теория правового государства, которая по следам Руссо и Канта не раз воспроизводилась в немецкой политической науке и находила отзвук и в политических программах» и которая «отправляется от идеи усовершенствования государства и права, а не от предположения о возможности их разрушения»³³.

Роль и судьба русской интеллигенции сквозь призму немецкого идеализма

Революционные события 1905 года, и особенно катастрофа 1917 года, не могли не отразиться на философско-правовой концепции П.И. Новгородцева. В своей статье «О путях и задачах русской интеллигенции», вошедшей в создававшийся в полулегальных условиях красной Москвы сборник «Из глубины» (1918), он пытается разобраться в той роли, которую сыграла интеллигенция в том, что случилось с Россией.

Диалектически разлагая единое на противоположные начала, П.И. Новгородцев констатирует, что в русском интеллигентском сознании сосуществуют на протяжении многих десятилетий и веков две взаимоисключающих традиции, два полярных типа:

тип *деструктивный* — те, кто сосредоточен на критике, разоблачении, поругании *святынь* — религиозных, политических, народных и т.д. Эти люди проповедуют разрушение ради разрушения, предлагая взамен лишь абстрактные, искусственные фикции, назначение которых сугубо прагматическое — увлечь и обмануть массы, посеять хаос и смуту. «Безрелигиозное отщепенство от государства», «рационалистический утопизм, стремление устроить жизнь по разуму, оторвав ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка»³⁴ — так можно

охарактеризовать подобное умонастроение, свойственное не только закоренелым революционерам типа народников, социалистов и анархистов, но и поверхностно мыслящим либеральным деятелям. Все они — и либералы с их односторонним индивидуализмом, и социалисты с их популистскими лозунгами — воплощают собой отрицание связи человека с Богом, отпадение человеческого разума от разума Божественного;

тип *конструктивный* — те, кто ощущает живую связь настоящего с прошлым, «великую силу духовного сцепления, которая образуется около святынь народных», «силу того Божьего дела, которое осуществляет в своей истории народ»³⁵. Это люди, которые ценят «святыни государственные, религиозные и национальные не в смысле общеобязательных догматов и единообразных форм... а в общем значении руководящих начал, пред которыми преклоняется индивидуальное сознание, которые оно признает над собою господствующими». И они всегда помнят: «Для того чтобы государство представляло собою прочное духовное единство, оно должно утверждаться на общем уважении и общей любви к своему общенародному достоянию, и оно должно в глубине своей таить почитание своего дела, как дела Божия»³⁶.

Но была у старой России и другая беда. Те люди, которые стояли во главе ее, оказались, по сути, недостойными своей высокой миссии: «Старая Россия... не сумела возвести русскую государственную идею на ту высоту, которая представляет сочетание твердых национально-государственных основ с идеями равенства и свободы. Формула старой русской государственности: “самодержавие, православие и народность” — давала этим необходимым основам государственного бытия догматическое и обособляющее истолкование»³⁷. Не усвоив уроков диалектики, русское просвещенное общество оказалось в заколдованном круге, из которого так и не смогло выбраться: «узкое понимание государственности сверху, полное отрицание государственности снизу»³⁸.

В новых условиях сохраняют свое непреходящее значение фундаментальные социально-правовые идеи немецких классиков. Это и кантовское утверждение самоценности каждой человеческой личности, недопущение превращения ее в средство и материал для утопических экспериментов. Данное напоминание тем более важно, что современные эпигоны и вульгаризаторы Канта, как показывает П.И. Новгородцев, в своем пресловутом радикализме сплошь

³² Лассаль «не отрицает того бесспорного факта, что в государстве происходит классовая борьба и смена различных классов, но вслед за Гегелем он признает, что государство стоит выше всех этих явлений общественной жизни, что оно представляет собою “единство личностей в одном нравственном целом”, “вековечный священный огонь цивилизации”» (см.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 314).

³³ Там же. С. 354.

³⁴ Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 207, 208.

³⁵ Там же. С. 215.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 216.

³⁸ Там же. С. 217.

и рядом сводят его критический метод к функции примитивно-тотального отрицания основ социального и государственного бытия.

Это и гегелевские идеи о связи общественно-порядка с высшими объективными началами истории, о высшем разуме, проходящем через всю историю и ведущем общество через возрастающие противоречия, через борьбу противоположных начал к высшей сложности³⁹. Русская революция показала, что неоднократно звучавшие обвинения Гегеля в консерватизме и оправдании любой наличной политической системы безосновательны и вызваны нежеланием понять его принципиальную мысль о том, что сила государства — не в тех или иных временных целях, а в той вечной идее, которой оно служит, в его призвании сделать идеал действительностью, дать нравственному закону и личной свободе истинное осуществление.

Заключение

Между разными сферами социально-гуманитарной науки нет непроходимых разграничительных барьеров. В принципе все их можно рассматривать как систему сообщающихся сосудов, непрерывно обменивающихся знаниями, методами и всякого рода новациями. Нет таких барьеров и между философией и правосознанием. Сохраняя собственную специфику, каждая из этих форм постижения мира способна плодотворно и глубоко взаимодействовать с другой, и сам феномен философии права — веское тому подтверждение. И не где-нибудь, а как раз в плоскости соприкосновения между правом и философией, в зоне их непосредственного сотрудничества и диалога, следует ожидать наиболее значимых концептуальных прорывов.

Именно это вполне осознанное стремление к междисциплинарному синтезу позволило в свое время и Канту, и Гегелю сформулировать такие проблемы, которые определили их место в философско-правовой науке и вызывают неослабевающее внимание к их трудам вплоть до настоящего времени. И именно это стремление позволило П.И. Новгородцеву, актуализировавшему примерно век спустя идейный потенциал двух гениев немецкой мысли, выйти на такие горизонты, которые сделали его звездой первой величины не только отечественной, но и мировой гуманитаристики.

Русский мыслитель дал нам яркий пример бережного и одновременно творческого отношения к идейному наследию прошлого, пример освоения и переосмысления теоретических открытий и методологических наработок немецких философов, и потому исследование им рецепции немецкого классического идеализма представляет не только

сугубо академический, но и практический интерес. Оно необходимо как для философов, ищущих выход на социально-политические реалии и проблемы повседневной жизни, так и для юристов, не замыкающихся в кругу своей узкопрофессиональной деятельности и помнящих, что без опоры в конечном счете на прочные метафизические и нравственные предпосылки их рассуждения и изыски не могут претендовать на сколько-нибудь долговременную научную значимость и культурную ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбов А.П. Проблема соотношения права и нравственности в немецкой классической философии и русской философии права. М., 2014.
2. Баскин Ю.Я., Баскин Д.А. Павел Иванович Новгородцев (из истории русского либерализма). СПб., 1997.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 53, 80, 175–177, 279.
4. Жуков В.Н. П.И. Новгородцев: консервативный либерал и религиозный философ права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4 (44).
5. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4 (1). С. 260, 270.
6. Крамарук С.В. Право и правовая культура в русской культурологической мысли — П.И. Новгородцев и Б.А. Кистяковский: дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 2008.
7. Куницын А.С. Павел Иванович Новгородцев как «воодушевленный проповедник возрождения естественного права» и наш современник // Государство и право. 2018. № 6.
8. Литвинов А.Н. Рождение концепции «возрожденного естественного права» в русской философии права (молодой Павел Новгородцев, 1896–1903) // Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский. М., 2018. С. 16–32.
9. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 528–531.
10. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 244, 335.
11. Новгородцев П. Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75 (V). С. 510, 511.
12. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 178, 179, 204, 218, 219, 230, 236, 273, 298, 300, 304, 305, 318, 335, 344, 345, 351–353.
13. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 207, 208, 215.
14. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 2010. С. 7, 101, 102, 131, 136, 137, 149, 151, 155, 163, 171, 188, 192–194, 314, 354.
15. Новичихина Т.В. П.И. Новгородцев как философ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижневартовск, 1999.
16. Фролова Е.А. П.И. Новгородцев о праве и государстве. М., 2001.

³⁹ Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции. С. 218.

17. *Шавеко Н.А.* П.И. Новгородцев об общественном идеале // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 9.
18. *Шавеко Н.А.* Правовой идеал: кантианская традиция в учениях о справедливости XX века. М., 2021.
8. *Litvinov A. N.* The birth of the concept of “Revived Natural Law” in the Russian Philosophy of Law (Young Pavel Novgorodtsev, 1896–1903) // Philosophy of Law: P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitzky, B.A. Kistyakovsky. M., 2018. Pp. 16–32 (in Russ.).
9. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law. M., 1997. Pp. 528–531 (in Russ.).
10. *Nietzsche F.* On the other side of good and evil // Nietzsche F. Essays: in 2 vols. M., 1990. Vol. 2. Pp. 244, 335 (in Russ.).
11. *Novgorodtsev P.* State and Law. M., 1904. Book 75 (V) (in Russ.).
12. *Novgorodtsev P.I.* Kant and Hegel in their teachings on Law and the State. SPb., 2000 (in Russ.).
13. *Novgorodtsev P.I.* On the ways and tasks of the Russian intelligentsia // From the depths: collection of articles on the Russian Revolution. M., 1990. Pp. 207, 208, 215–218 (in Russ.).
14. *Novgorodtsev P.I.* On the public ideal. M., 2010. Pp. 7, 101, 102, 131, 136, 137, 149, 151, 155, 163, 171, 188, 192–194, 314, 354 (in Russ.).
15. *Novichikhina T.V.* P.I. Novgorodtsev as a philosopher: abstract ... Candidate of Philosophical Sciences. Nizhnevartovsk, 1999 (in Russ.).
16. *Frolova E.A.* P.I. Novgorodtsev on Law and State. M., 2001 (in Russ.).
17. *Shaveko N.A.* P.I. Novgorodtsev on the public ideal // Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice. 2016. No. 9 (in Russ.).
18. *Shaveko N.A.* Legal ideal: Kantian tradition in the teachings of Justice in the 20th century. M., 2021 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Albov A. P.* The problem of correlation of law and morality in German classical philosophy and Russian Philosophy of Law. M., 2014 (in Russ.).
2. *Baskin Yu. Ya., Baskin D.A.* Pavel Ivanovich Novgorodtsev (from the History of Russian Liberalism). SPb., 1997 (in Russ.).
3. *Gegel G.V.F.* Philosophy of Law. M., 1990. Pp. 53, 80, 175–177, 279 (in Russ.).
4. *Zhukov V.N.* P.I. Novgorodtsev: conservative liberal and religious Philosopher of Law // Herald of Kutafin University (MSAL). 2018. No. 4 (44) (in Russ.).
5. *Kant I.* Fundamentals of metaphysics of morality // Kant I. Essays: in 6 vols. M., 1965. Vol. 4 (1). Pp. 260, 270 (in Russ.).
6. *Kramaruk S.V.* Law and legal culture in Russian cultural thought – P.I. Novgorodtsev and B.A. Kistyakovsky: dis. ... PhD in Cultural Studies. Nizhnevartovsk, 2008 (in Russ.).
7. *Kunitsyn A.S.* Pavel Ivanovich Novgorodtsev as “inspired preacher of the revival of natural law” and our contemporary // State and Law. 2018. No. 6 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВАСЕЧКО Вячеслав Юрьевич —
доктор философских наук, доцент,
научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VASECHKO Vyacheslav Yu. —
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Researcher at the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342.56

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ ЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

ЧАСТЬ 4. ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ И ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ (Окончание)¹

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 17.05.2024 г.

Аннотация. В финальной, четвертой, части статьи, публикуемой в 2024 г. в журнале «Государство и право», подводятся определенные итоги проблем, рассмотренных в первых ее трех частях (часть 1 — «Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 г. — конституционная или дисциплинарная ответственность?» (№ 3); часть 2 — «О проблемах дисциплинарной ответственности руководителей судов» (в двух разделах) (№ 4, 5); часть 3 — «О дисциплинарной ответственности судей, пребывающих в отставке» (№ 6)). Делаются выводы о несовершенстве названного механизма с приведением конкретных примеров правоприменительной (и особенно — судебной) практики, в том числе вызванные несовершенством законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений. Анализируется опыт работы Дисциплинарного судебного присутствия в 2009–2014 гг. Вносятся конкретные, в том числе радикальные, предложения, направленные на совершенствование и повышение эффективности как в целом названного механизма, так и отдельных его звеньев.

¹ Начало см.: Государство и право. 2024. № 7. С. 115–125; № 8. С. 61–73.

Ключевые слова: суд, судья, дисциплинарный проступок, дисциплинарная ответственность судьи, конституционная ответственность судьи, этическая ответственность судьи, специальный орган.

Цитирование: Клеандров М. И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы
Часть 4. Подходы к совершенствованию и повышению эффективности организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности судей (Окончание) // Государство и право. 2024. № 9. С. 88–102.

DOI: 10.31857/S1026945224090072

ON CURRENT PROBLEMS OF THE MECHANISM OF LIABILITY OF JUDGES FOR DISCIPLINARY MISCONDUCT: LAW ENFORCEMENT PRACTICE, GENERAL APPROACHES

PART 4. APPROACHES TO IMPROVING AND IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF JUDGES (The end)²

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 17.05.2024

Abstract. In the final, fourth, part of the article, published in 2024 in the journal “State and Law”, certain results of the problems considered in its first three parts are summed up (part 1 – “Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 – constitutional or disciplinary responsibility?” (No. 3); part 2 – “On problems of disciplinary responsibility of court heads” (in two sections) (No. 4, 5); part 3 – “On the disciplinary responsibility of retired judges” (No. 6)). Conclusions are drawn about the imperfection of this mechanism with specific examples of law enforcement (and especially judicial) practice, including those caused by the imperfection of legislation in the area of public relations under consideration. Specific, including radical, proposals are being made aimed at improving and increasing the effectiveness of both the named mechanism as a whole and its individual links.

Key words: court, judge, disciplinary offense, disciplinary responsibility of a judge, constitutional responsibility of a judge, ethical responsibility of a judge, special body.

For citation: Kleandrov, M.I. (2024). On modern problems of the mechanism of responsibility of judges for disciplinary misconduct: law enforcement practice, general approaches
Part 4. Approaches to improving and improving the efficiency of the organizational and legal mechanism of disciplinary responsibility of judges (The end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 88–102.

Полагаем, нужна более глубокая научная проработка проблемы понимания дисциплинарного проступка судей, его квалифицирующих признаков, его негативных последствий и т.д. Это поможет сократить неопределенность в его понимании.

Представляется необходимым раскрыть законодательно такой квалифицирующий признак дисциплинарного проступка судьи, как умаление

авторитета судебной власти. Дело в том, что этот квалифицирующий признак довольно расплывчатый, это чисто оценочная категория, что нежелательно в качестве объективной стороны состава дисциплинарного проступка судьи. Если подойти к этому вопросу формально, то здесь должно быть установлено: а) какой был авторитет судебной власти (в целом, в масштабе государства, до совершения конкретным судьей инкриминируемого ему дисциплинарного проступка; б) какой стал авторитет судебной власти после совершения этим

² For the beginning see: State and Law. 2024. No. 7, pp. 115–125; No. 8, pp. 61–73.

судей данного проступка. Разница между этими двумя оценками и будет являться «умалением авторитета судебной власти». Но ведь не существует механизма исчисления этого авторитета ни «до», ни «после», ни вообще. А у разных людей, участвующих с правом решающего голоса в процессе рассмотрения материалов дисциплинарного проступка судьи, свое представление о понимании авторитета судебной власти, причем в предельно широком диапазоне: от мнения необычайно высокого авторитета судебной власти, который конкретный проступок судьи не в силах поколебать, до мнения отсутствия у судебной власти хоть какого-либо авторитета (и такое встречается). Можно, конечно, ориентироваться на письменные обращения граждан, на СМИ и т.п., но ведь и там выраженные мнения являются субъективными.

Следует также разобраться в вопросах дисциплинарной ответственности судьи за грубую (и т.д.) судебную ошибку. Само понимание «грубая» — оценочное, поэтому квалифицирующим признаком здесь могла бы быть ситуация вынесения судебного акта, создающего реальную угрозу жизни или серьезного вреда правам, свободам и здоровью лица, в отношении которого данный судебный акт принят. Знаковым в вопросе понимания дисциплинарной ответственности судьи за допущенную им судебную ошибку является правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная им в Постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П по жалобе А.В. Матюшенко. Там сказано следующее. Устанавливая в качестве общего правила запрет на привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и вынесенные судебные акты, федеральный законодатель исходил из того, что при осуществлении судебной деятельности возможны ошибки, не дискредитирующие априори лиц, их допустивших, которые возникают в ходе разрешения конкретного дела при толковании и применении норм материального или процессуального права и подлежат исправлению вышестоящими судебными инстанциями. Такие неумышленные судебные ошибки ординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания.

Соответственно, законодатель имплицитно выделяет другой тип судебных ошибок, которые являются следствием некомпетентности или небрежности судьи, т.е. недобросовестного исполнения им функций по отправлению правосудия, приводящего к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и грубому нарушению прав участников процесса. Вынесение неправосудного

судебного акта, хотя оно и не подпадает под признаки состава преступления, тем не менее может свидетельствовать либо о явной небрежности судьи, либо о его неспособности исполнять свои профессиональные обязанности, недопустимой при отправлении правосудия, а следовательно, являться основанием для применения к нему мер дисциплинарной ответственности как за однократное грубое нарушение, допущенное в процессе рассмотрения дела и вынесения судебного акта, так и за систематические нарушения, которые могут и не носить характера грубых, но в совокупности давать основания для вывода о явной недобросовестности или профессиональной некомпетентности судьи. Таким образом, исходя из конституционно-правового статуса судьи и природы осуществляемой им деятельности по отправлению правосудия, п. 1 и 2 ст. 3 и п. 1 ст. 12¹ Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в их системной взаимосвязи не предполагают привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за судебную ошибку, если судья действовал в рамках судебного усмотрения и не допустил грубого нарушения при применении норм материального или процессуального права.

Необходимо и корректное определение как разновидности дисциплинарного проступка в случаях, подобных следующему: мировая судья, работавшая в северном регионе, около 30 дел не рассматривала в 2007–2008 гг. Гражданские и уголовные дела (примерно поровну) были в феврале 2015 г. обнаружены в шкафу под сапогами судьи без каких-либо судебных актов. Причем обнаружены были эти дела в ходе проверки по жалобе на судью, не рассмотревшей в течение 11 лет дело по взысканию алиментов³.

Другой схожий по неопределенности пример. Мировая судья одного из Северо-Кавказских регионов проработала два десятка лет, но при попытке оспорить досрочное прекращение своих полномочий выяснилось, что у нее отсутствует диплом о высшем образовании. Некоторые иные варианты изначальной невозможности назначения судьями (например — отсутствие соответствующего профессионального стажа; выявление у действующего судьи факта привлечения его в прошлом, до обретения им статуса судьи, к уголовной ответственности с прекращением производства по делу по нереабилитирующим основаниям и др. И здесь в самой острой форме встает вопрос о том, как быть с судьбой сотен и тысяч судебных актов, вынесенных этими судьями, которые однозначно, без вариантов, не могли быть назначены судьями и не имели

³ См.: Труханова Марина // Сайт Право.ру (дата обращения: 01.09.2015).

права вообще вершить правосудие) рассмотрены были автором этих строк в 2016 г.⁴

Интересна и правоприменительная ситуация в случаях, если судья, в ходе судебного процесса либо до его начала, не заявляет самоотвод, когда это явно необходимо. Кстати, одним из видов дисциплинарных нарушений судьи в Республике Сербия, как это вытекает из ст. 61 Закона от 22 декабря 2008 г. № 116/2008-11 (в ред. от 15.05.2017) «О судьях»⁵, является как раз и неприменение самоотвода судьей в случае его необходимости.

Представляется также необходимым развести в целях отделения юридической (дисциплинарной) ответственности судьи от неюридической (этической) ответственности оба механизма этих видов ответственности. В законодательной сфере это означает исключение из ядра формулы дисциплинарного проступка судьи, закрепленного в п. 1 ст. 12¹ Закона о статусе судей (в ред. Федерального закона от 02.07.2013 № 179), где сказано: «в результате которого были нарушены положения настоящего кодекса и (или) кодекса судейской этики...», слов «и (или)».

Правоприменительная практика отчетливо свидетельствует: смешение названных двух видов ответственности нередки. К названным выше в качестве примеров можно добавить следующие нарушения чисто этических норм судьей З., который вынес приговор, где допустил использование вульгарных слов и выражений, в том числе ненормативной лексики, неприемлемых не только в официально-деловом стиле, но и в общении между гражданами. ККС области Решением от 28 января 2022 г. № 2/6 отметила, что это повлекло умаление авторитета судебной власти, так как процессуальный документ, содержащий такие выражения, не может быть постановлен от имени государства. И указав, что в действиях судьи З., «не соответствующих требованиям ст.ст. 4, 11 Кодекса судейской этики к компетентности и недобросовестности судьи, а также влекущих умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, усматривает признаки дисциплинарного проступка, за совершение дисциплинарного проступка (именно. — М.К.) наложил соответствующее дисциплинарное взыскание»⁶. Важно здесь то, что ККС не усмотрела в действиях судьи З. признаков дисциплинарного проступка, предусмотренных ст. 12–1 Закона о статусе судей, а усмотрела эти признаки исключительно из нарушения положений Кодекса судейской этики,

чем отождествила дисциплинарную (юридическую) и этическую (не юридическую) ответственность.

Схожей является ситуация с судьей С., которая непосредственно после ДТП с ее участием в присутствии должностных лиц ГИБДД и представителей СМИ употребила оскорбительные высказывания и нецензурные выражения⁷.

Но это отнюдь не означает, что судья, допустивший этический проступок, тем паче грубый, может уйти от ответственности. Только эта ответственность должна быть корректной, адекватной содеянному и быть, в данном случае этической. Да, ее пока нет, нет вообще механизма этической ответственности судьи, который остро необходим, проблема формирования которого автором этих строк рассмотрена в 2017 г.⁸

Актуальность этого вопроса с тех пор лишь обострилась, поэтому некоторые корректировки внесенных в названной монографии предложений требуется внести. В деталях — это дело будущего, а пока — контурно — обозначим абрис механизма этической ответственности судей.

Главная здесь трудность — сформулировать понятие этического проступка судьи. Эта трудность заключается в том, что такие проступки столь разнообразны, что далеко не все из них вписываются, да и по определению не могут вестись в Кодекс судейской этики, несмотря на то что положения его довольно пластичны, широки и многие из них сформулированы так, что могут пониматься и восприниматься многовариантно. И вряд ли любое совершенствование Кодекса судейской этики, если, конечно, не доводить его до абсурда, может данную ситуацию исправить, хотя, конечно, стремиться к этому нужно, и наука (не только юридическая) способна многое в этом процессе достичь.

Как бы то ни было, выход уже сейчас есть: это создание специального органа судейского сообщества, целью и задачей которого было бы решение вопросов этической ответственности судьи — от рассмотрения заявлений, иных обращений, публикации в СМИ и т.д. о совершении конкретным судьей конкретного этического проступка, далее — установление фактических обстоятельств дела и, в завершение, вынесение решения о применении к этому судье адекватной меры этической ответственности.

Кадровой основой такого органа вполне может быть комиссия по этике, создаваемая и действующая (и неплохо) как в Совете судей РФ, так и в советах судей субъектов Российской Федерации.

⁴ См.: Клеандров М.И. Судья или не судья: об институте ничтожности судебного акта // Росс. правосудие. 2016. № 12 (128). С. 29–38.

⁵ См.: Официальный вестник Республики Сербия. 2008. 22 дек.

⁶ См.: Вестник ВККС РФ. 2022. № 5 (85). С. 17–19.

⁷ См.: Вестник ВККС РФ. 2024. № 1 (93). С. 39, 40.

⁸ См.: Клеандров М.И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М., 2017.

Образец выделения и обретения самостоятельности органа судейского сообщества есть — это двухуровневые комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи, которые раньше входили, структурно, в состав ККС. Дело — за наполнением комиссий (федеральной и субъектов Российской Федерации) по этической ответственности судей членами с большим жизненным опытом, глубоко разбирающимися в морально-нравственно-этических вопросах. Процедурные аспекты деятельности этих комиссий разработать и нормативно закрепить в Положении, очевидно, проблем не составит.

Что касается мер этической ответственности судьи, то они ни в коей мере не должны даже близко приближаться к мерам дисциплинарной ответственности. За конкретный этический проступок, к примеру, судье названным органом судейского сообщества может быть назначен один из следующих видов этической ответственности: беседа судьи, совершившего этический проступок, со старшим (по возрасту либо по судейскому стажу, либо по стажу работы в данном суде) судьей в конфиденциальном режиме; объявление судье, совершившему этический проступок, товарищеского порицания от имени органа, «присудившего» эту меру этической ответственности, руководителем этого органа или по его поручению руководителем суда, в котором работает данный судья; обсуждение проступка судьи в судебном составе суда, судебной коллегии суда, коллективе судей (на общем собрании судей суда), трудовом коллективе суда, в котором работает судья, совершивший этический проступок; направление судье, совершившему этический проступок, органом, выносящим решение по завершении производства этого поступка, конфиденциального письма; официальное от имени органа, вынесшего эту меру этической ответственности, предупреждение судье о недопустимости впредь совершения подобного этического проступка; официальное от имени органа, вынесшего эту меру этической ответственности, обращение внимания судьи, совершившего незначительный этический проступок, руководителем суда; официальное обязывание названным органом судьи принести публичное извинение за совершенный им этический проступок, например, гражданину в случае хамского по отношению к нему поведения судьи; официальное объявление органом, применившим эту меру этической ответственности, среди судей либо среди всего коллектива суда о завершении производства о конкретном этическом проступке судьи, установлении самого факта этого проступка и сопутствующих ему обстоятельств и предложении каждому судье (каждому работнику суда) отреагировать в данном случае индивидуально, по собственному усмотрению.

Результат может осуществляться в следующих общеизвестных формах: тотальный или избирательный бойкот, отказ от рукопожатия, обструкция, остракизм и др.; предложение коллективу суда бойкотировать в личном общении в течение определенного срока судью, совершившего тяжкий этический проступок либо нетяжкие этические проступки неоднократно, невзирая на предупреждение (и на иные более мягкие меры этической ответственности, применяемые к нему). Однако здесь нужно принимать во внимание то, что такое коллективное воздействие на индивидуума погранично с моббингом — психологическим насилием в виде травли сотрудника в коллективе, а он обладает огромной разрушительной силой: от занижающей самооценки до появляющихся проблем со сном, нервных срывов; от раздражительности до депрессии и панических состояний; случающихся инфарктов и т.д.

Некоторые практикуемые в настоящее время меры воздействия на судью с определенной мерой условности можно отнести к мерам этической ответственности. Как иначе квалифицировать оставление решением ККС при проведении квалификационной аттестации конкретного судьи по ее результатам в прежнем квалификационном классе (когда им «потолок» в системе этих классов не достигнут)? Оставление в прежнем квалификационном классе судьи, т.е. отказ от присвоения очередного класса, — явно не мера дисциплинарной ответственности судьи хотя бы потому, что ее нет в закрытом перечне таких мер, закрепленного в ст. 12¹ Закона о статусе судей. И уж, конечно, это не мера административной ответственности судьи. По своему психологическому и эмоциональному воздействию это жесткая мера именно этической ответственности судьи, но: 1) налагаемая ККС, которой это не присуще; 2) налагаемая не за конкретный этический проступок. Данный вопрос требует научной проработки.

Но еще более серьезной и глубокой научной проработки требует ситуация с совершением судьей этического (не юридического в любой форме) проступка, мерзость которого превосходит все границы и этическое наказание за него не может быть не чем иным, как изгнанием судьи из судейского корпуса.

Глубинная суть здесь заключается в чрезвычайной сложности (но необходимости) выделить мерзкий этический проступок судьи из широкого понимания дисциплинарного проступка, как бы это ни хотелось. С одной стороны, здесь должен действовать своеобразный судейский иммунитет от привлечения судьи к дисциплинарной ответственности и применения к нему дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения его

полномочий при ситуации, когда налицо лишь этический — грубейший и мерзкий в высшей степени, но именно этический проступок судьи. С другой — судья за совершение этого этического проступка должен нести «высшую меру наказания» — досрочное прекращение его полномочий, но именно и исключительно в этическом сегменте.

Похоже, единственным вариантом здесь может стать расширение редакции присяги судьи, включение в него положений (и определенный пафос здесь не будет лишним) типа «клянусь соблюдать этические требования, предъявляемые к судье» и далее: «и пусть меня настигнет справедливая суровая кара в случае совершения мной грубого этического проступка, несовместимого со статусом судьи».

В этом случае вполне естественной будет являться крайняя мера этической ответственности судьи за мерзкий (но не дисциплинарный) проступок судьи в виде досрочного прекращения его полномочий с формулировкой «нарушение (либо несоблюдение) присяги судьи». О том, что какой-либо ответственности за нарушение (несоблюдение) судьей присяги, принесенной им в соответствии со ст. 8 Закона о статусе судей (в ред. Федерального закона от 08.12.2020 № 426-ФЗ), не существует.

Решение проблемы (или хотя бы приближение к ее решению) совершенствования отечественного механизма дисциплинарной ответственности судей практически малопродуктивно без рассмотрения предыдущего опыта в этом деле. Любопытно отметить (а может быть, это непознанная закономерность?), что судебной реформой Российской Империи 1864 г. ответственность судей за внеслужебные действия предусмотрена не была⁹. Довольно широкой (по «ассортименту») уже в пореформенный (1864 г.) период была установлена дисциплинарная ответственность судей в виде: предостережения, замечания, выговор без внесения в послужной список, вычет из жалования (ст. 413–415 Уложения о наказаниях), арест не более чем на семь дней (!? — М.К.), перемещение на низшую должность¹⁰.

При этом А.Э. Яковлевым отмечено: к дисциплинарной ответственности в Российской Империи судьи привлекались редко, например, с 1885 по 1905 г. Высшее дисциплинарное присутствие Сената рассмотрело 345 дел, в среднем по 15 дел в год, при этом в период с 1886 по 1894 г. было

отстранено от должности за предосудительный образ действий всего двое судей. Лавники, мировые и гминные судьи тоже нечасто привлекались к ответственности: в последней четверти XIX в. дисциплинарные производства возбуждались в отношении указанных категорий судей в среднем одно в пять лет¹¹.

В советский период (в начале 1920 г.) была создана в СССР система дисциплинарных судов во главе с Главным дисциплинарным судом при ВЦИК (т.е. это была полностью самостоятельная судебная система, но не суды над судьями), которая в современной юридической литературе подверглась жесткой критике: «Созданные под благим предлогом разгрузить народные суды от малозначительных дел, ускорить рассмотрение дел о различных нарушениях своих обязанностей сотрудниками государственных органов, повысить эффективность борьбы с бюрократизмом дисциплинарные суды для нечистоплотных чиновников превратились в лазейку, позволявшую им уйти от уголовной ответственности, поскольку туда все чаще стали передавать дела о серьезных преступлениях по должности. Серьезной критике деятельность этих судов подверглась на XV съезде ВКП(б), на котором было предложено их упразднить»¹².

Согласно Положению о дисциплинарной ответственности судей, утвержденному Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г.¹³, дисциплинарное взыскание на судью могло быть наложено за нарушение трудовой (! — М.К.) дисциплины, за упущение в судебной работе вследствие небрежности или недисциплинированности судьи, за совершение поступков, недостойных советского судьи (т.е. это явно не дисциплинарные проступки. — М.К.).

Но наиболее интересным в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы, без сомнения, является совсем свежий опыт создания и деятельности специального судебного органа — моносуда.

Предложение о создании Дисциплинарного судебного присутствия (далее — ДСП) впервые прозвучало 2 декабря 2008 г. на VII Всероссийском съезде судей. Вот как это описал А.П. Фоков, в то время главный редактор журнала «Российский судья»: «Президент РФ Д. Медведев на съезде судей озвучил целый ряд предложений, укрепляющих не только авторитет судебной власти, но и призванных законодательно обеспечить “создание

⁹ См.: Рыжов Д. С. Высшее дисциплинарное присутствие Правительствующего Сената как орган надзора за судебными учреждениями в пореформенной России // Право и политика. 2007. № 9. С. 110.

¹⁰ См.: Корчагин А. Ю. Институт ответственности судей в дореволюционной России // Платон. 2014. № 4. С. 7.

¹¹ См.: Яковлев А. Э. Исторические аспекты дисциплинарной ответственности судей // Росс. юстиция. 2007. № 10. С. 68.

¹² Яковлев В. Ф., Семигин Г. Ю. Коммерческое правосудие в России. Т. 3. Правовое разрешение экономических споров в СССР. М., 2005. С. 166.

¹³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. № 31.

единого дисциплинарного органа, который бы мог рассматривать конфликты, связанные с применением дисциплинарного воздействия в отношении судей». Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев в докладе поддержал предложение о том, что создание «института дисциплинарной ответственности судей» будет одной из важных мер, «направленных на повышение качества судебных кадров». Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванов в своем докладе не затронул вопросов, связанных с созданием нового судебного органа, но и не высказал возражений»¹⁴.

А.П. Фоков указал: «Таким образом, важным условием для повышения реальной независимости судей, считал В.Д. Зорькин (Председатель Конституционного Суда РФ. — М.К.), является создание специального дисциплинарного суда для рассмотрения вопросов о привлечении судей к дисциплинарной ответственности». Далее А.П. Фоков отметил: «После VII Всероссийского съезда судей прошло достаточно много времени, когда Президент РФ Д. Медведев внес на рассмотрение Государственной Думы законопроект “О Дисциплинарном судебном присутствии”»¹⁵.

Поскольку финальную роль в механизме дисциплинарной ответственности судей в нашей стране играют суды, следует внимательно присмотреться к такому ныне не существующему судебному органу, как ДСП. Естественно, с учетом статуса и судебной практики постреформенного (1864 г.) Высшего дисциплинарного присутствия Российской Империи, образованного «для разрешения подведомственных Правительствующему Сенату дисциплинарных дел о должностных лицах судебного ведомства»¹⁶.

Этот федеральный узкоспециализированный судебный орган был создан Федеральным конституционным законом от 9 ноября 2009 г. № 4-ФКЗ «О Дисциплинарном судебном присутствии»¹⁷.

Одним из базовых оснований его создания, как следует из Пояснительной записки к его Проекту, послужило то, что действующим законодательством соответствующими полномочиями по рассмотрению жалоб и пересмотру решений ККС о прекращении полномочий судей в связи с совершением ими дисциплинарных проступков в отношении судей Высшего Арбитражного Суда РФ, всей системы арбитражных судов наделяется «Верховный Суд РФ (исходя из равенства конституционного статуса

судей общих и арбитражных судов), что представляется достаточно уязвимым».

В Пояснительной записке также указано: «При этом следует учесть, что создание специальных органов для применения дисциплинарных санкций и механизмов в отношении судей оговорено в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 13 октября 1994 г. № R (94) 12 “О независимости, эффективности и роли судей” (принцип VI)», и такие органы созданы и успешно действуют в ряде стран.

Состав этого судебного органа указанным Федеральным конституционным законом трактуется так: ДСП является судебным органом, рассматривающим дела по жалобам на решения ВККС РФ и ККС субъектов Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков и обращениям на решения ВККС РФ и ККС субъектов Российской Федерации об отказе в досрочном прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков.

Состав этого судебного органа был таков. Он формировался из числа судей Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ (за исключением Председателя Верховного Суда РФ, Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ и их заместителей, а также судей, входящих в состав ВККС РФ и в состав Совета судей РФ в количестве шести членов). Члены ДСП избирались исходя из следующей нормы представительства: три судьи от Верховного Суда РФ и три судьи от Высшего Арбитражного Суда РФ.

Важно при этом, что член ДСП осуществлял свои полномочия без освобождения от должности судьи Верховного Суда РФ или Высшего Арбитражного Суда РФ, но он освобождался от исполнения обязанностей по осуществлению правосудия по основному месту работу на период подготовки и проведения заседаний ДСП в порядке, установленном Регламентом ДСП. Срок полномочий члена ДСП — три года, и в период осуществления своих полномочий член ДСП не мог быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

Было установлено, что Регламент ДСП утверждался совместным постановлением Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ.

Названным Федеральным конституционным законом закреплены следующие полномочия ДСП. Оно рассматривает: 1) жалобы граждан, судебские полномочия которых досрочно прекращены решением ВККС РФ или решением ККС субъекта Российской Федерации за совершение ими дисциплинарных проступков, на указанные решения ККС; 2) обращения

¹⁴ Фоков А. П. Навстречу VII Всероссийскому съезду судей // Росс. судья. 2009. № 1. С. 11.

¹⁵ Фоков А. П. О Дисциплинарном судебном присутствии // Росс. судья. 2010. № 1.

¹⁶ См.: ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. V. № 2959, ст. III.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2009. № 45, ст. 5261.

Председателя Верховного Суда РФ или Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ о досрочном прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков в тех случаях, когда ВККС РФ или ККС субъектов Российской Федерации отказано в удовлетворении представлений председателей федеральных судов о прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков.

А по результатам рассмотрения жалоб и обращений ДСП принимал следующие мотивированные решения: а) об удовлетворении жалобы и отмене решения соответствующей ККС; б) об удовлетворении обращения и о прекращении полномочий судьи; в) об отказе в удовлетворении жалобы или обращения.

Данным Федеральным конституционным законом были закреплены и процессуально-процедурные вопросы правосудной деятельности ДСП. Так, было установлено, что жалобы и обращения рассматриваются ДСП после изучения представленных ВККС РФ или ККС субъектов Российской Федерации материалов по указанным жалобам или обращениям, а также сведений, характеризующих заявителя, в порядке, установленном Регламентом ДСП. ДСП в пределах своих полномочий мог провести проверку указанных материалов, направить запросы в соответствующие суды о предоставлении дополнительных материалов, заслушать объяснения заявителя, председателей или представителей ВККС РФ, ККС субъектов Российской Федерации, представителей иных органов судебного сообщества, а также председателей соответствующих судов об обстоятельствах совершения дисциплинарного проступка заявителем. Жалобы и обращения должны были быть рассмотрены ДСП в течение двух месяцев со дня их поступления в ДСП. А если в отношении заявителя имеются сведения, требующие дополнительной проверки, то рассмотрение его жалобы приостанавливалось ДСП до окончания указанной проверки, но не более чем на шесть месяцев.

Заседания ДСП проводились председательствующим, который избирался из числа членов ДСП на каждом заседании в соответствии с Регламентом ДСП. Оно считалось правомочным, если на нем присутствовало не менее пяти членов ДСП. Решение ДСП по жалобе или обращению принимается открытым голосованием большинством голосов членов ДСП. При равном количестве голосов жалоба считается удовлетворительной, а обращение — отклоненным. При этом члены ДСП были не вправе воздерживаться от голосования. И это голосование по принимаемому решению осуществлялось в отсутствие заявителя, приглашенных и иных лиц. Решение ДСП оформлялось в письменном виде, подписывалось членами ДСП, рассматривавшими соответствующие жалобу или обращение,

оглашалось в порядке, установленном Регламентом ДСП, и публиковалось в порядке, установленном законодательством РФ. А член ДСП был вправе изложить в письменном виде свое особое мнение, которое приобщалось к решению ДСП. Жестко закреплялось: решение ДСП является окончательным и обжалованию не подлежит.

В юридической литературе периода существования ДСП обращалось внимание на его место в судебной системе Российской Федерации¹⁸, на его правовую природу в связке с проблемами взаимодействия трудового и гражданского процессуального права¹⁹.

Серьезное внимание уделялось также проблематике процессуальных вопросов его правосудной деятельности. Так, А. В. Юдин в числе процессуальных особенностей рассмотрения дел ДСП выделял следующие: 1) специальная (узкоограниченная компетенция ДСП); 2) особые средства обращения в суд и особый круг субъектов, имеющих право на обращение; 3) абсолютный иммунитет членов ДСП от привлечения к дисциплинарной ответственности; 4) вероятность наложения разных юрисдикционных процедур при рассмотрении дел ДСП (с одной стороны, оно имеет статус федерального конституционного закона и содержит в том числе особые правила, относящиеся к порядку производства по делу; с другой — допускает и даже предписывает закрепление порядка рассмотрения дел при помощи Регламента ДСП, утверждаемого совместным постановлением пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ). Таким образом, наблюдается существенный разрыв в иерархии правовых актов, закрепляющих порядок разбирательства дел ДСП; 5) ДСП — субъект активной доказательственной деятельности; 6) окончательность решения ДСП²⁰. Важной представляется точка зрения этого автора, высказанная им в указанной работе: «Таким образом, создан новый орган судебной власти, функционирующий по правилам, установленным для другой разновидности судов»²¹.

И. А. Алешкова считает, что особенности производства ДСП характеризуются: его полномочиями; субъектами, имеющими право на обращение

¹⁸ См.: *Воронов А. В.* О Дисциплинарном судебном присутствии, судебной системе, видах судопроизводства и разделении властей // *Законодательство*. 2010. № 10. С. 66–72.

¹⁹ См.: *Ерёмина С. Н., Джаникян М. В.* Правовая природа Дисциплинарного судебного присутствия: проблемы взаимодействия трудового и гражданского процессуального права // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2011. № 6. С. 2–6.

²⁰ См.: *Юдин А. В.* Процессуальные аспекты функционирования Дисциплинарного судебного присутствия // *Вестник ВАС РФ*. 2010. № 2. С. 40–46.

²¹ Там же. С. 41.

в ДСП; критериями допустимости жалоб (обращений), связанными с содержанием жалобы (обращения), с прохождением определенных досудебных процедур рассмотрения спора и др.; предметом, критериями и пределами проверки; юридической силой итогового решения; другими особенностями, связанными с государственной пошлиной, процессуальными сроками, числом голосующих за принятие итогового решения судей²².

И. Н. Поляков предложил отнести к подведомственности ДСП все дела об оспаривании судьями постановлений о приостановлении и прекращении их полномочий, о приостановлении и прекращении их отставки, включая дела о прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков²³. Он вообще полагал, что наличие в Российской Федерации двух судебных структур, уполномоченных рассматривать дела с участием судей, нельзя признать правильным. И. Н. Поляков считает: если законодательная власть решила создать специализированный суд для рассмотрения дел о дисциплинарных проступках судей, то к его ведению следовало бы отнести и иные дела (кроме уголовных) с участием судей, т.е. все те дела, которые в настоящее время отнесены к компетенции судов субъектов Российской Федерации и Верховного Суда РФ. Что же касается уголовных дел, говорил он, то право на их рассмотрение по-прежнему должно быть сохранено за Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ²⁴.

В другой своей работе И. Н. Поляков отмечал: будучи специализированным судом общей юрисдикции, ДСП должно рассматривать дела, отнесенные ст. 1 Федерального конституционного закона о ДСП к его ведению, по правилам гражданского судопроизводства с учетом процессуальных особенностей, указанных в Гражданском процессуальном кодексе РФ и Регламенте ДСП. Анализ этих особенностей, подчеркивал указанный автор, дает основания утверждать, что в современном гражданском процессе Российской Федерации к исковому, особому, приказному и другим видам гражданского судопроизводства добавился еще один вид производства, предназначенный для рассмотрения дел о дисциплинарной ответственности судей²⁵.

²² См.: *Алешкова И. А.* Особенности производства в Дисциплинарном судебном присутствии // *Росс. правосудие.* 2011. № 2 (58). С. 55–63.

²³ См.: *Поляков И. Н.* Недостатки правового регулирования процедуры рассмотрения дел о дисциплинарной ответственности судей // *Росс. судья.* 2012. № 5. С. 38–41.

²⁴ См.: там же. С. 38.

²⁵ См.: *Поляков И. Н.* Производство в Дисциплинарном судебном присутствии — новый вид гражданского судопроизводства // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2012. № 2.

Была высказана и точка зрения, согласно которой правовая природа ДСП — это не самостоятельный федеральный суд, состоящий из постоянно назначаемых в него судей, а именно судебное присутствие — особая совместная коллегия Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, состоящая из судей этих судов, временно привлекаемых к дополнительным обязанностям по рассмотрению дисциплинарных дел. Причем такое понимание судебного присутствия как особой коллегии имеет свои исторические корни в российской истории — в 1877 и 1884 гг. в Сенате были учреждены соединенное присутствие первого и кассационных департаментов, а затем — Высшее дисциплинарное присутствие²⁶.

Некоторые авторы вообще обращали внимание на тот факт, что Федеральный конституционный закон о ДСП не соответствует Конституции РФ. В. В. Осин, например, считал, что «такой специальный суд, предназначенный обслуживать только избранных граждан страны (имелся в виду судейский корпус. — *М. К.*), имеет все черты чрезвычайного суда. Но в статье 118 Конституции РФ отмечается, что создание чрезвычайных судов не допускается»²⁷.

И действительно, возникают определенные вопросы, в частности: судьи ДСП осуществляли правосудие в нем параллельно, в другом высшем суде Российской Федерации, т.е. в ДСП осуществляли правосудие иные судьи, не назначенные на эту должность Советом Федерации по представлению Президента РФ. В ДСП его судьи вознаграждение за правосудную деятельность не получают. Тогда как рассматривать их статус? Как совместительство (правда, и в этом случае должно быть вознаграждение, к тому же п/п. 1 п. 1 ст. 3 Закона о статусе судей запрещает судье замещать иные государственные должности, должности государственной службы) или как общественная нагрузка (поручение)?

Вместе с тем к вопросу о том, что в момент создания ДСП о нем в Конституции РФ не было ничего сказано и поэтому его конституционность находится под вопросом, следует отнестись с большой осторожностью и немалым скепсисом. Потому что, во-первых, в 2009 г. ч. 3 ст. 118 Конституции РФ не содержала перечень судов и судебных систем в государстве, ограничившись лишь провозглашением: «Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов

²⁶ См.: *Дряхлов С. К., Калиновский К. Б.* Привлечение судей к дисциплинарной ответственности по новому российскому законодательству // *Росс. правосудие.* 2010. № 2 (46). С. 37.

²⁷ *Осин В. В.* О Дисциплинарном судебном присутствии и защите прав граждан // *Адвокат.* 2010. № 2.

не допускается». И с учетом этого конституционного положения говорить о том, что отсутствие упоминания ДСП в Конституции РФ означает неконституционность ДСП, даже с учетом того, что в Конституции имелись отдельные статьи о трех высших судах страны — Конституционном, Верховном и Высшем Арбитражном, не приходится, во-вторых, только после конституционных нововведений 2020 г. ч. 3 ст. 118 Конституции РФ приобрела иной, более расширенный вид: «Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается».

Закрит этот перечень судебных органов? Оснований считать, что не закрыт, нет, иначе перечень оканчивался бы словом «и другие». За то, что он закрыт, говорит и то, что в нем не названы конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, а другие нефедеральные суды названы — это мировая юстиция. Так вот, после этих конституционных нововведений 2020 г. вследствие того, что в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ конституционные (уставные) суды не названы, их достаточно быстро упразднили — в тех субъектах, где они были созданы. Упоминание о них «стерли» и в Федеральном конституционном законе о судебной системе страны.

Однако в этом перечне нет и военных судов. А их никто и не собирается упразднять, и считать их судами общей юрисдикции оснований нет прежде всего потому, что статус каждого из них определяется своим собственным федеральным конституционным законом. Более того, военные суды — это автономная судебная система, аналогичная ныне, с 2014 г., системе арбитражных судов, только первая — двухзвенная, а вторая — трехзвенная, но обе замыкаются на отдельные коллегии Верховного Суда РФ. Поэтому вопрос: если бы сейчас принималось решение о воссоздании ДСП, необходимо ли было бы корректировать ч. 3 ст. 118 Конституции РФ? Не факт.

И наконец, третье, определяющее важное, — позиция Конституционного Суда РФ по этому вопросу, рассмотревшего обращение о неконституционности ДСП.

Так, судья районного суда Д., которую региональная ККС 20 мая 2010 г. лишила судейских полномочий и квалификационного класса за совершение дисциплинарного проступка, обратилась

в ДСП, которое своим Решением от 28 июля 2010 г. отказало в удовлетворении ее жалобы.

После чего Д. обратилась в Конституционный Суд РФ с жалобой, в которой оспорила конституционность Федерального конституционного закона от 9 ноября 2009 г. № 4-ФКЗ о ДСП в целом, а также части 9 его ст. 8.

Д. в этом своем обращении утверждала, что Федеральный конституционный закон о ДСП не соответствует Конституции РФ, ее ст. 2, 15 (ч. 1, 4), 17 (ч. 1, 2), 18, 45, 46, 47 (ч. 1), 55 (ч. 2, 3), 118, 125–127, поскольку учреждает ДСП как чрезвычайный суд для судей, не предусмотренный Конституцией РФ, устанавливает, что его решения окончательны и не подлежат обжалованию, тем самым лишая ее права на обжалование решения ДСП в кассационном и надзорном порядке, и является по отношению к ней дискриминационным.

Конституционный Суд РФ в своем Определении от 1 марта 2011 г. № 283-О-О по данной жалобе Д. указал следующее. Конституция РФ непосредственно ДСП не учреждает и его правовое положение в качестве судебного органа не определяет. В то же время ею закреплено, что в ведении Российской Федерации находится установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности и судостроительство (п. «г», «о» ст. 71): по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 76), и что полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и иных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом (ч. 3 ст. 128).

Из названных конституционных положений в их системном единстве и во взаимосвязи с иными положениями Конституции РФ вытекает право федерального законодателя посредством принятия и изменения федеральных конституционных законов учреждать в судебной системе Российской Федерации наряду с судами, непосредственно предусмотренными Конституцией РФ, и иные виды федеральных судов, в том числе специализированные суды по рассмотрению отдельных категорий дел.

Осуществляя указанное право, федеральный законодатель принял оспариваемый заявителем Федеральный конституционный закон, которым было учреждено ДСП как судебный орган, определены его полномочия, порядок образования и деятельности. Федеральным конституционным законом от 9 ноября 2009 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “Об арбитражных судах в Российской Федерации”

и статьи 4 и 15 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»» ч. 3 ст. 4 оспариваемого Федерального конституционного закона была дополнена положением об отнесении ДСП к федеральным судам.

Частью 1 ст. 6 Федерального конституционного закона от 9 ноября 2009 г. № 5-ФКЗ о ДСП определено, что ДСП реализует свои полномочия в порядке, предусмотренном гл. 23 и 25 ГПК РФ, с учетом особенностей, установленных данным законом и Регламентом ДСП, а это означает, что ДСП осуществляет судебную власть посредством гражданского судопроизводства (в части производства по делам, возникающим из публичных правоотношений). Ведь КАС РФ тогда вообще не существовал. Таким образом, вопреки утверждению заявительницы, ДСП учреждено в соответствии с Конституцией РФ и конкретизирующим ее законодательством о судебной системе. А согласно ч. 9 ст. 8 указанного Закона, решение ДСП по жалобе является окончательным и обжалованию не подлежит. Такое регулирование исключает возможность пересмотра решений ДСП в иных судебных инстанциях (ординарных, надзорных).

Своим Определением Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы *Д.*, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона от 9 ноября 2009 г. № 5-ФКЗ о Конституционном Суде РФ, в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд РФ признается допустимой. И вторым пунктом резолютивной части названного Определения было указано: «Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит». Это как бы дополнительный довод (а вообще-то традиционное указание в актах Конституционного Суда РФ) к тому, что в судебной системе нашей страны есть суды (и судебные инстанции), судебные акты которых не обжалуются.

Кстати, немного позднее Конституционный Суд РФ по данному вопросу вынес отдельное Определение. Оно касалось жалобы гражданки *С.*, оспаривающей конституционность ч. 9 ст. 8 Федерального конституционного закона от 9 ноября 2009 г. № 5-ФКЗ о ДСП, согласно которой решение ДСП является окончательным и обжалованию не подлежит. По мнению *С.*, оспариваемое ею законоположение исключает возможность обжалования решений ДСП в кассационном и надзорном порядке, что нарушает ее права, гарантированные ст. 19, 45 и 46 Конституции РФ.

В Определении от 21 апреля 2011 г. № 553-О-О Конституционный Суд РФ по этому обращению *С.* указал следующее.

Как следует из представленных материалов, решением Дисциплинарного судебного присутствия *С.* отказано в удовлетворении жалобы на решение региональной ККС о досрочном прекращении полномочий заявительницы как федерального судьи.

Конституционный Суд РФ, изучив представленные *С.* материалы, не нашел оснований для принятия ее жалобы к рассмотрению, сославшись на свое Определение от 1 марта 2011 г. № 283-О-О. Далее Конституционный Суд РФ отметил: из приведенных положений не вытекает обязательность установления в судебной системе страны судебных инстанций, наделенных полномочиями по проверке судебных актов ДСП. Следовательно, федеральный законодатель, закрепляя правовое положение ДСП, вправе исключить возможность обжалования его решений в иных судебных инстанциях. Вместе с тем данное регулирование не может быть произвольным, что предполагает законодательное установление таких мер, которые гарантировали бы конституционное право граждан на судебную защиту, эффективность осуществляемого ДСП судопроизводства при отсутствии института обжалования его решений в иных судебных инстанциях. К числу названных мер относится, в частности, процедура пересмотра решений ДСП им самим по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 20 Регламента ДСП).

Поверхностное ознакомление с рядом решений (не выборочными) ДСП за 2010 г., когда оно работало «в полную силу» и приобрело определенный опыт правосудной деятельности, позволяет высказать следующее.

Круг вопросов, которые ДСП пришлось рассматривать и выносить по ним решения, был широк, а решения вполне обоснованные (с личной точки зрения автора данных строк). Например, при рассмотрении жалобы *М.*, лишенным полномочий судьи за совершение дисциплинарного проступка, ДСП решением по делу № ДСП 10-87 от 30 сентября 2010 г. жалобу *М.* удовлетворило, придя к выводу, что в действиях *М.* «отсутствует событие дисциплинарного проступка». При рассмотрении жалоб *Р.* (Решение по делу ДСП 10-102 от 25.10.2010 г.), *Д.* (Решение по делу № ДСП 0-98 от 15.09.2010 г. и *М.* (Решение по делу № ДСП 10-15 от 27.04.2010 г.), которые за совершение дисциплинарных проступков, выразившихся в вынесении незаконных судебных актов, были лишены полномочий судьи, ДСП судебские полномочия *Р.* и *Д.* им восстановило, указав, что ККС не наделена правом проверять и устанавливать незаконность судебных актов. При этом в Решении ДСП по делу *М.*, которому ККС инкриминировала излишнюю мягкость выносимых им приговоров по уголовным делам, что находится, по мнению ККС, в прямой причинной

связи с ростом рецидивной преступности и количеством уголовных дел данной категории, возбужденных в районе, где осуществлял правосудие судья М., было отмечено, что не может быть признан обоснованным данный вывод ККС; при рассмотрении жалобы К. было установлено нарушение самой ККС установленных процедур при рассмотрении материалов и вынесении решения о лишении судейских полномочий К. (Решение по делу № ДСП 10-78 от 17.09.2010 г.).

А при рассмотрении жалобы Ш., которую лишили полномочий, в частности, за то, что при передаче 47 гражданских дел от Ш. другому судье в 45 отсутствовали протоколы судебных заседаний (Решение по делу № ДСП 10-88 от 25.10.2010 г.); Г., которого ККС лишила судейских полномочий за ведение процесса по уголовному делу в состоянии алкогольного опьянения (Решение по делу № ДСП 10-136 от 13.12.2010 г.), в удовлетворении их жалоб было ДСП отказано с соответствующим обоснованием. Одно из последних решений ДСП — это Решение от 13 июня 2013 г. № ДСП 13-42, которым было отказано в удовлетворении обращения Председателя Верховного Суда РФ об отмене решения ККС одного из субъектов Российской Федерации от 27 февраля 2013 г. № 3 об отказе в удовлетворении представления руководителя суда этого субъекта Российской Федерации и привлечении мирового судьи Г. к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи с лишением четвертого квалификационного класса.

Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2009 г. № 5-ФКЗ был признан утратившим силу п. 2 ст. 10 Федерального конституционного закона от 12 марта 2014 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации» и прокуратуре Российской Федерации» и признании утратившим силу Федерального конституционного закона «О Дисциплинарном судебном присутствии»²⁸.

7 августа 2014 г. Пленум Верховного Суда РФ Постановлением № 5 утвердил Положение о дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ²⁹.

Из сказанного выше применительно к рассматриваемой в настоящей работе проблеме можно сформулировать несколько выводов.

1. Наименование ДСП означает, что оно, по существу, по всем канонам — государственный

судебный орган со всеми вытекающими из этого последствиями.

2. Создание ДСП в качестве специализированного федерального моносуда не нарушило никаких положений действующей тогда Конституции РФ.

3. В процессуальном плане ДСП — одноинстанционный судебный орган, и вынесенный им судебный акт окончателен и обжаловать его невозможно. Если же будет создана двухуровневая (федерального и, к примеру, судебных округов) система узкоспециализированных судебных органов (это уже не федеральный моносуд), то судебный акт федерального уровня так же будет окончательным и обжалованию не подлежащим.

4. Можно считать, что если бы не был ликвидирован Высший Арбитражный Суд РФ, то не было бы и ликвидировано ДСП, которое заняло свою собственную нишу в системе судебных органов страны и функционировало эффективно. Но все это было до конституционных нововведений 2020 года, а с ними положение изменилось, причем в значительной мере, как сказано выше.

Если рассматривать перечень судебных органов, закрепленный теперь в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ, как закрытый (а иначе его рассматривать попросту невозможно), то теперь наличие данного конституционного положения требует сделать в плане исследуемой здесь проблемы следующие выводы:

1) для создания нового, не входящего в данный перечень, узкоспециализированного федерального моносуда типа ДСП, а равно двух- и более звеной узкоспециализированной судебной системы со своим высшим судом, не входящей в этот перечень, необходима соответствующая корректировка Конституции РФ;

2) названное выше Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2011 г. № 283-О-О на отношения относительно создания специализированных федеральных моносудов, не названных в Конституции РФ, где было сказано, что оно не противоречит Конституции РФ, после конституционных нововведений (новой редакции ч. 3 ст. 118 Конституции РФ) не действует;

3) тем не менее само ДСП и в материальном, и в процессуально-правовом смыслах, и с точки зрения эффективности и других базовых оснований — неплохой образец судебного органа, призванного решать вопросы дисциплинарной ответственности судей, и не только действующих, но и судей, пребывающих в отставке, а также руководителей судебных органов (разумеется, при соответствующей, а в отдельных звеньях существенной корректировке этого организационно-правового узкоспециализированного механизма правосудия);

²⁸ См.: СЗ РФ. 2014. № 11, ст. 1088.

²⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

4) в юридической литературе после ликвидации ДСП отмечается: «Следует заметить, что по сравнению с Федеральным конституционным законом от 9 ноября 2009 г. “О Дисциплинарном судебном присутствии”, где на уровне органического закона закреплялись особенности судебной процедуры в сфере привлечения судей к дисциплинарной ответственности, в Законе от 5 февраля 2014 г. (речь идет о Федеральном конституционном законе от 05.02.2014 г. “О Верховном Суде Российской Федерации”, которым была образована Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ, призванная выполнять функции судебного контроля в отношении решений ККС всех уровней, при этом положение о ней утверждается Пленумом Верховного Суда РФ. — М.К.) гарантии независимости судей снижены, а вопросы, связанные со статусом судей, получают определение в актах судебного нормотворчества»³⁰.

Известно, что в одну и ту же реку дважды войти невозможно. Поэтому и воссоздавать ДСП с любой корректировкой его статуса не следует. Однако решать самым радикальным образом вопрос о создании более эффективного организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности судей необходимо. И он должен быть конституционным, а его федеральный орган, обладая при этом не только правом законодательной инициативы, должен быть наделен возможностями издания обязательных к исполнению правовых предписаний в рамках своих полномочий.

Почему это именно сейчас особенно важно? Во-первых, потому что даже мелкие законодательные лакуны в этих правоотношениях заполнять некому, а они есть. Так, в Отчетном докладе Председателя ВККС РФ Н.В. Тимошина X Всероссийскому съезду судей было сказано: обобщение практики рассмотрения вопросов, связанных с неприкосновенностью судей, обнаруживает некоторую «пробельность» законодательной регламентации. Речь идет о ситуациях, когда, с одной стороны, квалификационная коллегия, установив отсутствие связи уголовного преследования судьи с его профессиональной деятельностью, обязана дать согласие на возбуждение уголовного дела, однако, с другой стороны, уголовное дело не может быть возбуждено в силу закона. Например, если истекли сроки давности или издан акт амнистии, при этом судья согласен на прекращение уголовного преследования по этим нереабилитирующим основаниям. Но орган следствия просит дать согласие на уголовное преследование, чтобы затем решался вопрос, возбуждать уголовное дело

в отношении судьи или нет. Полагаем, что в подобных ситуациях обращение следственного органа в квалификационную коллегия за получением разрешения на возбуждение уголовного дела вместо отказа в его возбуждении по указанным основаниям свидетельствует о продолжении уголовного преследования судьи исключительно в связи с его статусом, и коллегия, исходя из ее предназначения, не может дать такое согласие³¹. А во-вторых, потому что только он, этот орган, был бы способен определять стратегию совершенствования и развития всего механизма судебной власти, отдельным звеном которого и является механизм дисциплинарной (и иной) ответственности судей.

Абрис конструкции и статуса такого органа автор этих строк рассматривал в 2016 г. и после конституционных нововведений 2020 года — в 2023 г.³²

И нет сомнений в том, что любое совершенствование механизма ответственности судей, включая в первую очередь дисциплинарную, это «игра в догонку». Без радикального модернизационного преобразования всего механизма правосудия это в лучшем случае — тактические усовершенствования, а необходимы стратегические прорывные, комплексные решения. Без них будет по большому счету «топтание на месте», и даже еще хуже.

Потому что глубинные проблемы дисциплинарной (как минимум) ответственности судей усугубляются, и это объективный факт. Стратегия же здесь — создание механизма, при котором не будут совершаться судьями дисциплинарные проступки (либо их будет минимум), т.е. нужно решать базовые причины совершения дисциплинарных проступков.

О чем идет речь? В Российской Федерации 2210 судов общей юрисдикции с 24 553 судьями (штатной численности, но вакансий — 15,4%), военных судов — 11 с 880 судьями (по штату, но вакансий — 20%), 7733 мировых судей (по штату, вакансий — 9%), арбитражных судов — 115 с 4493 судьями (по штату, вакансий — 14%). Эти данные были представлены делегатом X Всероссийского съезда судей в декабре 2022 г. Вроде бы судейский корпус численно весьма внушителен.

Но в постановлении того же X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» было сказано: «В 2021 году по первой инстанции было рассмотрено более 39 млн дел, в ККС за период между съездами с 2017 по 2022 г. поступило

³¹ См.: Вестник ВККС РФ. 2023. № 1 (87). С. 32.

³² См.: Клеандров М.И. О Совете судебной власти в Российской Федерации. М., 2016; Его же. О Высшем органе судебной власти Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 8. С. 51–63.

³⁰ Бурдина Е.В. Форма дисциплинарного органа для судей: дисциплинарный суд или орган судейского сообщества // Lex russica. 2014. № 11 (т. XCVI). С. 1365.

327 946 жалоб»³³. И эти показатели неуклонно растут, что, с одной стороны, свидетельствует о росте доверия общества к судебной системе, но с другой — о все возрастающей нагрузке на судебский корпус, усугубляемый большим количеством судебных вакансий, а также отвлечением действующих судей в ККС для разбора жалоб и заявлений граждан.

А принимаемые на разных площадках решения о разработке нормативов нагрузки на судей до сих пор ни к какому результату не привели и, по мнению автора данных строк, в том числе потому, что не на тех площадках такие решения принимались (по сути, это были призывы, хотя нередко принимающие форму «крика души»).

Поэтому и очевидно, что создание специального федерального органа типа ДСП корни усугубляемой проблемы с дисциплинарной ответственностью судей не устранят, это будет паллиатив. Радикальным же решением этой проблемы (и многих иных) станет создание Совета судебной власти, находящемся в одном ряду с двухпалатным Федеральным Собранием — для законодательной власти, и Правительством — для власти исполнительной. И это потребует разработки и принятия новой Конституции РФ (без чего — никак, к тому же позволит избавить Совет Федерации от органически несвойственной законодательному органу функции квазисудебного органа в механизме ответственности судей, возложенного на него конституционными нововведениями 2020 года) и, разумеется, предварительной многоплановой научно-фундаментальной проработки ее положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аleshkova И.А. Особенности производства в Дисциплинарном судебном присутствии // Росс. правосудие. 2011. № 2 (58). С. 55–63.
2. Бурдина Е.В. Форма дисциплинарного органа для судей: дисциплинарный суд или орган судейского сообщества // Lex russica. 2014. № 11 (т. XCVI). С. 1365.
3. Воронов А.В. О Дисциплинарном судебном присутствии, судебной системе, видах судопроизводства и разделении властей // Законодательство. 2010. № 10. С. 66–72.
4. Дряхлов С.К., Калиновский К.Б. Привлечение судей к дисциплинарной ответственности по новому российскому законодательству // Росс. правосудие. 2010. № 2 (46). С. 37.
5. Ерёмина С.Н., Джаникян М.В. Правовая природа Дисциплинарного судебного присутствия: проблемы взаимодействия трудового и гражданского процессуально-

го права // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 6. С. 2–6.

6. Клеандров М.И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М., 2017.
7. Клеандров М.И. О Высшем органе судебной власти Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 8. С. 51–63.
8. Клеандров М.И. О Совете судебной власти в Российской Федерации. М., 2016.
9. Клеандров М.И. Судья или не судья: об институте ничтожности судебного акта // Росс. правосудие. 2016. № 12 (128). С. 29–38.
10. Корчагин А.Ю. Институт ответственности судей в дореволюционной России // Платон. 2014. № 4. С. 7.
11. Осин В.В. О Дисциплинарном судебном присутствии и защита прав граждан // Адвокат. 2010. № 2.
12. Поляков И.Н. Недостатки правового регулирования процедуры рассмотрения дел о дисциплинарной ответственности судей // Росс. судья. 2012. № 5. С. 38–41.
13. Поляков И.Н. Производство в Дисциплинарном судебном присутствии — новый вид гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 2.
14. Рыжов Д.С. Высшее дисциплинарное присутствие Правительствующего Сената как орган надзора за судебными учреждениями в пореформенной России // Право и политика. 2007. № 9. С. 110.
15. Фоков А.П. Навстречу VII Всероссийскому съезду судей // Росс. судья. 2009. № 1. С. 11.
16. Фоков А.П. О Дисциплинарном судебном присутствии // Росс. судья. 2010. № 1.
17. Юдин А.В. Процессуальные аспекты функционирования Дисциплинарного судебного присутствия // Вестник ВАС РФ. 2010. № 2. С. 40–46.
18. Яковлев А.Э. Исторические аспекты дисциплинарной ответственности судей // Росс. юстиция. 2007. № 10. С. 68.
19. Яковлев В.Ф., Семигин Г.Ю. Коммерческое правосудие в России. Т. 3. Правовое разрешение экономических споров в СССР. М., 2005. С. 166.

REFERENCES

1. Aleshkova I.A. Peculiarities of proceedings in the Disciplinary court presence // Russ. Justice. 2011. No. 2 (58). Pp. 55–63 (in Russ.).
2. Burdina E.V. The form of a disciplinary body for judges: a disciplinary court or a body of the judicial community // Lex russica. 2014. No. 11 (vol. XCVI). P. 1365 (in Russ.).
3. Voronov A.V. On Disciplinary judicial presence, the judicial system, types of legal proceedings and separation of powers // Legislation. 2010. No. 10. Pp. 66–72 (in Russ.).
4. Dryakhlov S.K., Kalinovsky K.B. Bringing judges to disciplinary responsibility under the new Russian legislation // Russ. Justice. 2010. No. 2 (46). P. 37 (in Russ.).
5. Eremina S.N., Janikyan M.V. The legal nature of disciplinary judicial presence: problems of interaction between La-

³³ См.: Вестник ВККС РФ. 2023. № 1 (87). С. 7, 19.

- bor and Civil Procedural Law // Arbitration and Civil Procedure. 2011. No. 6. Pp. 2–6 (in Russ.).
6. *Kleandrov M. I.* Mechanism of ethical responsibility of a judge: problems of formation. M., 2017 (in Russ.).
 7. *Kleandrov M. I.* On the Supreme body of judicial power of the Russian Federation // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 51–63 (in Russ.).
 8. *Kleandrov M. I.* On the Council of Judicial Power in the Russian Federation. M., 2016 (in Russ.).
 9. *Kleandrov M. I.* Judge or not judge: on the institute of nullity of a judicial act // Russ. Justice. 2016. No. 12 (128). Pp. 29–38 (in Russ.).
 10. *Korchagin A. Yu.* Institute of judicial responsibility in pre-revolutionary Russia // Platon. 2014. No. 4. P. 7 (in Russ.).
 11. *Osin V. V.* On the disciplinary judicial presence and protection of the rights of citizens // Lawyer. 2010. No. 2 (in Russ.).
 12. *Polyakov I. N.* Shortcomings of the legal regulation of the procedure for considering cases of disciplinary responsibility of judges // Russ. judge. 2012. No. 5. Pp. 38–41 (in Russ.).
 13. *Polyakov I. N.* Proceedings in the Disciplinary Court Presence – a new type of civil proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2012. No. 2 (in Russ.).
 14. *Ryzhov D. S.* The supreme disciplinary presence of the Governing Senate as a body overseeing judicial institutions in post-reform Russia // Law and Politics. 2007. No. 9. P. 110 (in Russ.).
 15. *Fokov A. P.* Towards the VII All-Russian Congress of Judges // Russ. judge. 2009. No. 1. P. 11 (in Russ.).
 16. *Fokov A. P.* On the disciplinary court presence // Russ. judge. 2010. No. 1 (in Russ.).
 17. *Yudin A. V.* Procedural aspects of the functioning of the Disciplinary Court Presence // Herald of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. No. 2. Pp. 40–46 (in Russ.).
 18. *Yakovlev A. E.* Historical aspects of disciplinary responsibility of judges // Russ. Justice. 2007. No. 10. P. 68 (in Russ.).
 19. *Yakovlev V. F., Semigin G. Yu.* Commercial justice in Russia. Vol. 3. Legal settlement of economic disputes in the USSR. M., 2005. P. 166 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович —
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 главный научный сотрудник
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. —
 Corresponding Member of RAS,
 Doctor of Law, Professor,
 Chief Researcher of the Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 34 (075.8)

ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, СОДЕРЖАНИЕ И СУБЪЕКТЫ НОТАРИАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ ПРАВУ

© 2024 г. Е. В. Михайлова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

Аннотация. В статье исследуется природа и основные характеристики нотариального правоотношения. Нотариальное правоотношение рассматривается как разновидность общественного отношения, связанного с организацией и функционированием нотариата в России. Соответственно, нотариальное правоотношение может рассматриваться как в узком (отношения между нотариусом и лицами, обратившимися за совершением нотариального действия), так и в широком смысле, включающем в себя также отношения между нотариусами и нотариальными палатами. На основе сравнительно-правового метода автор анализирует теоретические основы гражданского процессуального и нотариального правоотношения. Доказано, что нотариальное правоотношение имеет публично-правовой характер и материально-правовую природу, в силу чего оно не может быть отнесено к процессуальной деятельности, и вместе с тем не может рассматриваться как гражданское правоотношение. Обязательным субъектом нотариального правоотношения (в узком смысле) выступает нотариус, совершающий нотариальное действие. Содержанием нотариального правоотношения являются права и обязанности, регламентированные российским законодательством о нотариате и Регламентом совершения нотариальных действий.

Ключевые слова: нотариат, нотариальное правоотношение, правовой статус нотариуса, полномочия нотариуса, права и обязанности нотариуса, содержание нотариального правоотношения.

Цитирование: Михайлова Е. В. Понятие, правовая природа, содержание и субъекты нотариального правоотношения по российскому праву // Государство и право. 2024. № 9. С. 103–111.

DOI: 10.31857/S1026945224090083

THE CONCEPT, LEGAL NATURE, CONTENT AND SUBJECTS OF NOTARIAL LEGAL RELATIONS UNDER RUSSIAN LAW

© 2024 E. V. Mikhailova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Received 11.12.2023

Abstract. The article examines the nature and main characteristics of the notarial legal relationship. The notarial legal relationship is considered as a kind of social relationship associated with the organization and functioning of the notary in Russia. Accordingly, a notarial legal relationship can be considered both in a narrow sense (relations between a notary and persons who applied for a notarial action), and in a broad sense, which also includes relations between notaries and notary chambers. Based on the comparative legal method, the author analyzes the theoretical foundations of civil procedural and notarial legal relations. It is proved that the notarial legal relationship is of a public law nature and of a substantive nature, due to which it cannot be attributed to procedural activities, and at the same time cannot be considered as a civil legal relationship. The obligatory subject of a notarial legal relationship (in the narrow sense) is a notary who performs a notarial act. The content of the notarial legal relationship is the rights and obligations regulated by Russian legislation on notaries and the Regulations for performing notarial acts.

Key words: notaries, notarial legal relationship, legal status of a notary, powers of a notary, rights and obligations of a notary, content of a notarial legal relationship.

For citation: *Mikhailova, E.V. (2024). The concept, legal nature, content and subjects of notarial legal relations under Russian law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 103–111.*

Введение

В науке цивилистического процесса теория гражданских процессуальных правоотношений разработана на высоком уровне. Общеизвестно, что в качестве таковых выступают общественные отношения, урегулированные нормами процессуального права, связывающие государственный суд, участвующих в деле лиц, а также иных участников процесса, направленные на осуществление правосудия по гражданскому делу.

Ученые единодушно признают гражданские процессуальные правоотношения властеотношениями, поскольку их обязательный субъект — суд — является органом государственной власти, а правосудие — разновидностью государственной деятельности по защите нарушенных или оспоренных гражданских прав, свобод и законных интересов. Еще Е.В. Васьковский указывал, что в судебном процессе существуют два отношения: между судом и истцом и между судом и ответчиком, при этом сами стороны между собой в процессуальном правоотношении не состоят, поскольку процессуальным правам одной стороны не соответствуют процессуальные обязанности другой¹. С ним соглашалась Н.А. Чечина: в гражданском процессуальном

правоотношении может быть только два субъекта с корреспондирующими правами и обязанностями, один из которых — обязательно суд, который в процессе занимает руководящее положение; в силу этого гражданские процессуальные правоотношения — это властеотношения².

Однако помимо суда функцию по защите и восстановлению прав в сфере гражданской юрисдикции также осуществляет нотариат. Несмотря на многочисленные научные работы, посвященные исследованию его природы, место нотариата в системе органов, осуществляющих защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав и законных интересов, по-прежнему четко не определено.

Представляется, что эта задача может быть выполнена лишь в том случае, если на доктринальном уровне будет определена сущность и содержание нотариального правоотношения.

Для достижения этой цели нужно рассматривать нотариальное правоотношение в соотношении с гражданским процессуальным правоотношением. В случае выявления процессуальной природы нотариального правоотношения, оно будет отнесено к области процессуального права, если же будет установлена материально-правовая его основа,

¹ См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 179.

² См.: Чечина Н.А. Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 20–25.

то нотариальное правоотношение необходимо рассматривать как гражданско-правовое. Этот вывод повлияет и на место нотариата в системе правовой охраны и защиты гражданских прав и законных интересов, и на правовые последствия нотариального действия. Прежде всего, будет выявлено наличие или отсутствие оснований для придания нотариальным действиям исполнительной силы и альтернативного — в сравнении с судебной защитой — характера.

Правовая природа нотариального правоотношения

Начать следует с того, что право традиционно подразделяется на материальное и процессуальное. Эта классификация не умозрительна, она имеет большое практическое значение. Процессуальное право регулирует юридическую процедуру, имеющую совершенно определенный результат — защиту права.

Конечно, любое юридическое отношение представляет собой определенную деятельность его участников. Например, в рамках договора купли-продажи продавец передает вещь, покупатель ее осматривает, оплачивает и т.д. При этом не любая деятельность, урегулированная правовой нормой или договором, представляет собой процесс.

Действующее отечественное законодательство нечасто оперирует термином «процессуальное». Однако все отмеченные в ст. 118 Конституции РФ судопроизводства регулируются положениями кодексов, в названии которых присутствует слово «процессуальный»: Гражданский процессуальный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс. Кодекс административного судопроизводства РФ не имеет в названии термина «процессуальный», но это вызвано лингвистическими особенностями, в тексте Кодекс использует это понятие, например, в ст. 44, посвященной процессуальному правопреемству. Из этого можно сделать вывод о том, что категории «судопроизводство» и «процесс» являются тождественными и должны пониматься единообразно.

С этой точки зрения нотариальная деятельность не обладает процессуальным характером. Ни один из процессуальных законов порядок совершения нотариальных действий не регулирует, и в рамки судопроизводства она не включается.

В то же время третейское разбирательство гражданских дел (арбитраж) тоже нормами процессуального законодательства не регулируется. Тем не менее процедура рассмотрения и разрешения гражданских дел третейским судом представляет собой процессуальную деятельность, что подтверждается как положениями закона о третейском разбирательстве, так и нормами гражданского процессуального и арбитражного процессуального

законодательства, в соответствии с которыми государственный компетентный суд выдает исполнительный лист на решение третейского суда, предварительно проверив его соответствие требованиям законодательства, в том числе — в части соблюдения процедуры рассмотрения дела.

В советский период ведущими процессуалистами была предпринята попытка введения в научный оборот широкого понимания гражданской процессуальной формы. М.С. Шакарян и А.К. Сергун указывали, что «выдвигается положение, согласно которому процессуальное право регулирует не только процессуальные отношения, но еще и материальные правоотношения, реализуемые в процессе»³. При этом авторы не соглашались с этим подходом и писали, что его апологетам не удалось его доказать.

Возвращаясь к третейскому разбирательству, следует отметить, что, действительно, оно правосудием не является, а третейский суд не входит в судебную систему и органом государственной власти, подобно нотариату, не является. Однако ключевое отличие арбитража от нотариальной деятельности состоит в том, что на решение третейского суда может быть выдан исполнительный лист, а на нотариально удостоверенный документ — нет.

Таким образом, третейское разбирательство гражданских дел в определенном смысле интегрировано в гражданское судопроизводство — посредством законодательно закрепленной возможности получить на решение третейского суда исполнительный лист. Этого же нельзя сказать о нотариальных документах.

Как уже было отмечено, понятие «процесса» законодателем прочно связывается с категорией «судопроизводство», поэтому широкая его трактовка возможна лишь при условии, что та или иная процедура или ее результат включаются в судопроизводственную деятельность.

Соответственно, нотариальное правоотношение не имеет процессуальной природы. В силу этого, за неимением третьего варианта, оно относится к материальному праву.

Поэтому применительно к нотариальной деятельности не имеют смысла и практического значения вопросы, характерные исключительно для процессуального права. Так, например, пишут о доказывании в нотариальной деятельности, распространяя на нее действие доказательственного права⁴. Такой подход свидетельствует о неверном понимании теории процессуального, в том числе

³ Шакарян М.С. Избр. труды. СПб., 2014. С. 60.

⁴ См.: Погосян Е.В. Сущность и особенности доказывания в нотариальной деятельности // Вестник СПбУ. Право 2022. Т. 13. Вып. 1. С. 125–141.

доказательственного права. Как бы стороны материального правоотношения ни полемизировали с нотариусом, правового значения это не имеет, поскольку законность или незаконность нотариального действия никак не связывается законодательством с дискуссией нотариуса и клиента.

Однако материальные правоотношения тоже не одинаковы. Они могут иметь публично-правовую либо частноправовую (гражданскую) природу.

Природа материального правоотношения определяется правовым статусом его участников. Это закреплено в правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, который указал, что публичные правоотношения характеризуются отсутствием равенства его субъектов, один из которых реализует в отношении другого властную функцию⁵.

Тем самым правовой статус нотариуса, совершающего нотариальное действие в рамках нотариального правоотношения, будет главным фактором, определяющим природу этого правоотношения. Но как раз на данный вопрос и нет ответа ни в законодательстве, ни в научных исследованиях.

Некоторые авторы предлагают нотариальное правоотношение рассматривать как «самостоятельный вид общественных отношений, обладающих индивидуальными отличительными признаками», к которым относят их волевой характер, нормативную регламентацию, публично-правовые полномочия нотариуса и т.п.⁶

Широко распространено мнение о дуалистической природе нотариата. Например, отмечают, что «механизм деятельности нотариуса основан на единстве частного и публичного, субъективного и объективного правовых компонентов. В силу этого правомочия нотариуса корреспондируют его непосредственным обязанностям перед клиентом, нарушение которых также носит частный или публичный характер»⁷.

Между тем едва ли дуалистический подход способен привести к успеху в решении вопроса о природе нотариального правоотношения. Для определения природы нотариального правоотношения, применимых способов и процессуальных форм

защиты прав их субъектов необходима точная квалификация.

Согласно ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате нотариальные действия совершаются от имени Российской Федерации. Это дает основания некоторым ученым говорить о том, что государство «делегировало» нотариату часть своих функций, в силу чего нотариусы являются носителями публично-правовых полномочий.

С точки зрения положений современного законодательства такой подход имеет право на существование. В.Е. Чиркин указывает, что по российским законам целый ряд органов государственной власти и местного самоуправления прямо именуются юридическими лицами — речь идет о так называемых «юридических лицах публичного права»⁸. Таким образом, наделение публичными полномочиями субъектов частного права является одним из способов реализации государственных интересов.

В.А. Болдырев, оппонируя В.Е. Чиркину, подчеркивает, что «реализация властных функций не требует от субъекта, наделенного властью, статуса юридического лица»⁹. Согласимся и с этим в разрезе рассматриваемой темы — нотариат в целом не является юридическим лицом, выполняя при этом публично-правовую функцию. Однако нотариальные палаты имеют статус юридического лица (ст. 24 Основ законодательства РФ о нотариате). При этом нотариальные действия в рамках нотариального правоотношения осуществляют нотариусы.

Существенным пробелом Основ законодательства РФ о нотариате является то, что они не содержат определения правового статуса нотариата, ограничиваясь указанием на его задачи и функции. Для сравнения: в отношении адвокатуры законодатель более четок и определяет ее как профессиональное сообщество адвокатов, институт гражданского общества, который не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления (ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Можно говорить о том, что нотариат выступает особым субъектом частного права, институтом гражданского общества, который выполняет публично-правовую функцию, направленную на правовую охрану и защиту субъективных гражданских прав и законных интересов. Значит, нотариальное правоотношение имеет публично-правовую природу.

⁵ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

⁶ См.: *Моисеева О.В.* Правовая природа нотариальных правоотношений и их позиция в структуре механизма правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 3. С. 101–108.

⁷ *Москаленко А.И.* Нотариальная деятельность в контексте реализации защиты права: общетеоретический подход // Евразийская адвокатура. 2019. № 2 (39). С. 97–102.

⁸ *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права // Журнал рос. права. 2005. № 5. С. 16–26.

⁹ *Болдырев В.А.* О «юридических лицах» публичного права // Журнал рос. права. 2008. № 11. С. 127–134.

Здесь нужно подчеркнуть, что нотариус, вступая с клиентом в нотариальное правоотношение, не осуществляет функцию прямого принуждения. Но автономия воли как у него, так и у клиента в данном случае отсутствует: нотариус руководствуется только положениями действующего законодательства и несет за это специальную (имущественную) ответственность.

Итак, нотариальное правоотношение — это публично-правовое материальное правоотношение.

Как любое юридическое отношение, нотариальное правоотношение имеет свой предмет, посредством которого можно вывести общее определение нотариального правоотношения. Не вдаваясь в общетеоретическую дискуссию о понятии и соотношении предмета и объекта правоотношения, нужно исходить из общепринятого понимания предмета правовой отрасли, которым является обособленная группа общественных отношений, регулируемая теми или иными правовыми нормами. Соответственно, предметом нотариального правоотношения выступают нотариальные действия. Именно в целях совершения нотариальных действий субъекты нотариального права вступают в нотариальное правоотношение.

Однако нотариальное правоотношение возможно рассматривать и в широком смысле.

Отдельные, самостоятельные юридические отношения связывают нотариусов и нотариальные палаты. Эти отношения не связаны с выполнением нотариальных действий, но способствуют функционированию института нотариата в целом. Как указал Конституционный Суд РФ, «осуществление нотариальных функций от имени государства предопределяет публично-правовой статус нотариусов и обуславливает необходимость организации государством эффективного контроля за их деятельностью, включая деятельность нотариусов, занимающихся частной практикой. В связи с этим Основами законодательства Российской Федерации о нотариате предусматривается создание во всех субъектах Российской Федерации нотариальных палат — некоммерческих организаций, представляющих собой профессиональные объединения, которые основаны на обязательном членстве нотариусов, занимающихся частной практикой, и организуют работу на принципах самоуправления в соответствии с федеральным законодательством, законодательством соответствующего субъекта Российской Федерации и своим уставом»¹⁰.

¹⁰ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2021 № 2123-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мурыгина Сергея Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьей 6.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате и Кодексом профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

Исходя из этой позиции, нотариальные палаты публично-правовыми полномочиями не наделены, а имеют скорее организационные полномочия. Это же следует из содержания ст. 24 Основ.

В соответствии с этим правоотношения, связывающие частнопрактикующих нотариусов и нотариальные палаты, имеют частноправовой характер.

Содержание и субъекты нотариального правоотношения

Любое юридическое отношение состоит из обязательных элементов, к числу которых относятся его субъекты и содержание правоотношения.

Подобно гражданским процессуальным правоотношениям, обязательным субъектом нотариального правоотношения выступает нотариус.

Правовой статус нотариуса произведен от статуса нотариата в целом — точно так же, как статус судьи произведен от статуса суда как органа государственной власти. Как суд действует в лице судей, так и нотариат реализует свои функции посредством совершения нотариусами нотариальных действий.

Ученые пишут, что нотариусы имеют публично-правовой статус¹¹. Однако не следует забывать, что нотариат не входит в систему органов государственной власти. Учитывая взаимосвязь правового положения нотариата и правового статуса нотариуса, говорить о публично-правовом статусе нотариуса некорректно — он не является должностным лицом, государственным или муниципальным служащим.

При этом нотариус реализует, как было показано выше, публично-правовую функцию, совершая нотариальное действие от имени Российской Федерации. Аналогичным образом суды выносят постановления от имени государства.

Таким образом, нотариус как обязательный субъект нотариального правоотношения имеет частноправовой статус, но реализует публично-правовую функцию. Прямое подчинение лиц, обратившихся за совершением нотариального действия, нотариусу отсутствует, но, как справедливо говорит В.В. Долинская, «в каждом конкретном случае необходимо установить природу и характер отношений, а не ограничиваться констатацией факта, что это отношения властного подчинения»¹².

¹¹ Ткаченко Е.В., Фомичева Р.В. К вопросу о правовом статусе нотариуса Российской Федерации // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Политические науки и право. 2016. Вып. 1 (5). С. 54–59.

¹² Долинская В.В. Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестник МГОУ. 2020. № 1. С. 7–19.

Итак, поскольку нотариус как сторона нотариального правоотношения применяет по отношению к другим его участникам нормативные правовые акты и реализует публично-правовые полномочия, нотариальное правоотношение является публично-правовым. Это подтверждается правовой позицией Конституционного Суда РФ, который еще в 1998 г. постановил, что «осуществление нотариальных функций от имени государства предопределяет публично-правовой статус нотариусов»¹³.

В этой связи содержание прав и обязанностей нотариуса в рамках нотариального правоотношения имеет то же теоретическое основание, что и права и обязанности суда, рассматривающего гражданское дело.

Представляется, что по отношению к лицам, обратившимся за совершением нотариального действия, нотариус обладает прямо урегулированными законом полномочиями. Их нельзя приравнивать к гражданским правам и обязанностям, поскольку последние предполагают равенство субъектов, координацию и автономию их воли.

В литературе применительно к правовому статусу нотариуса категории «полномочия», «права и обязанности» часто употребляются бессистемно, хаотично. Например, пишут о том, что в своей профессиональной деятельности нотариус реализует полномочия, которыми его наделил закон, хотя фактически ведут речь о его обязанностях¹⁴.

В контексте нотариального правоотношения правильно вести речь именно о «полномочиях» нотариуса. Основы законодательства РФ о нотариате говорят именно о правах и обязанностях нотариуса. Но в ст. 15 Основ фактически перечислены нотариальные действия, которые осуществляют нотариусы. Говорить же о правах и обязанностях любого субъекта права требуется в привязке к правоотношению, поскольку они существуют относительно противоположной его стороны.

Если говорить об обязанностях нотариуса, то они названы в тексте ст. 16 Основ и касаются не противоположной стороны нотариального правоотношения, а скорее государства, перед лицом которого нотариус отвечает за реализуемые им функции и совершаемые действия.

¹³ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Филиппова О. В. Правовые основы деятельности частных нотариусов в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 5. С. 86, 87.

Думается, что нужно четко разграничивать полномочия нотариуса и его права и обязанности. Полномочиями нотариус обладает, как носитель публично-правовых полномочий. Права и обязанности нотариуса существуют в рамках нотариального правоотношения по отношению к другим его участникам. При этом, как и относительно суда, права и обязанности нотариуса часто трудно разграничить. Как суд вправе принять исковое заявление и возбудить производство по делу, и в то же время обязан это сделать при условии, что соблюдены все основания и условия предъявления иска, так и нотариус обязан совершить нотариальное действие и в то же самое время имеет право на его совершение. Н. М. Коркунов отметил, что «в публичном праве ярче и определеннее всего выступают именно правообязанности»¹⁵.

Права и обязанности нотариус реализует и в рамках иных правоотношений, в частности трудовых¹⁶. Однако следует иметь в виду, что, выступая в качестве работодателя, нотариус становится участником не нотариального, а трудового правоотношения.

Ответственность нотариуса наступает как перед лицом государства, так и перед лицами, обратившимися за совершением нотариального действия. При этом государство участником нотариального правоотношения не является; в нем участвует лишь нотариус и обратившиеся за совершением нотариального действия лица. Однако, говоря о полномочиях нотариуса, следует учитывать, что ими его наделяет именно государство.

В этом смысле О. В. Моисеева правильно пишет об уголовной ответственности нотариусов за злоупотребление ими своими полномочиями¹⁷, к которой нотариуса привлекает государство.

Перед лицом других участников нотариального правоотношения (лиц, обратившихся за совершением нотариального действия) нотариус несет полную имущественную ответственность. Причем государство не отвечает за вред, причиненный частнопрактикующими нотариусами; в случае же причинения вреда государственными нотариусами вред возмещается за счет казны¹⁸. Этим еще раз

¹⁵ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 180.

¹⁶ См.: Саликова Н. М., Батухтина Е. М. Особенности трудового правового статуса нотариуса // Росс. право: образование, практика, наука. 2018. № 5. С. 31–37.

¹⁷ См.: Моисеева О. В. Особенности правоприменительной практики привлечения нотариусов к ответственности в результате злоупотребления полномочиями // Право: история и современность. 2019. № 3 (8). С. 70–80.

¹⁸ См.: Бегичев А. В. Соотношение правового статуса государственных и частных нотариусов // Евразийская адвокатура. 2017. № 2 (27). С. 83–86.

подтверждается, что государство участником нотариального правоотношения не является.

Содержание нотариального правоотношения составляют права и обязанности его участников. Как указывала Т.Е. Абова, «субъект права» — не то же самое, что «субъект правоотношения»¹⁹.

С этим, безусловно, нужно согласиться. Права и обязанности как абстрактные объективные дозволения закреплены законом. Однако только в рамках правоотношения они получают реализацию. Именно в силу того, что объективные права и обязанности преобразуются в субъективные посредством совершения субъектами права юридических действий, в сфере правоотношений возникают правовые конфликты.

Субъекты права могут неверно понимать содержание правовой нормы или же сознательно искажать его в свою пользу. Соответственно, их фактические действия могут не соответствовать букве закона. Поэтому в содержание правоотношений иногда включают не только права и обязанности их участников, но и совершаемые ими действия.

Говоря о гражданском судопроизводстве, ученые часто относят к нему не только и не столько процессуальные права и обязанности их участников, сколько совершаемые ими процессуальные действия. Это понятно: процессуальное законодательство наделяет участников судопроизводства широким спектром разнообразных правовых возможностей, но в процессе рассмотрения и разрешения судом конкретного дела они их реализуют, разумеется, не все одновременно. По этой причине действительно целесообразно рассматривать содержание гражданских процессуальных правоотношений с точки зрения процессуальных действий их субъектов.

Что касается нотариального правоотношения, то последовательность совершения юридических действий в процессе реализации нотариального действия четко и исчерпывающе регулируется законом. В соответствии с положением ст. 39 Основ порядок совершения нотариальных действий устанавливается Основами, иными законодательными актами Российской Федерации, а также Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий.

Невозможно, чтобы нотариус, совершая то или иное нотариальное действие, выполнил не все предписания закона или Регламента. Поэтому в содержание нотариального правоотношения нужно включать все права и обязанности его участников.

Выводы

Нотариат является одним из юрисдикционных органов, осуществляющих функцию правовой

охраны и защиты субъективных гражданских прав и законных интересов. Описывая его функции, законодатель использует категорию «защита права», что сближает нотариат и судебные органы.

Онтологическая связь нотариата и суда заключается прежде всего в том, что исторически те действия, которые сегодня имеют нотариальный характер, осуществляли суды, и с течением времени в целях процессуальной экономии эти функции были переданы нотариусам.

Однако, строго говоря, нотариат защиту прав и интересов не осуществляет, поскольку не имеет дела с правовыми конфликтами. Его прерогатива — правовая превенция.

Тем не менее нотариат включается в систему защиты гражданских прав, свобод и законных интересов — ведь и суды в порядке особого производства рассматривают бесспорные дела. Тем более что государство делегировало нотариату часть своих функций, и все нотариальные действия осуществляются от имени Российской Федерации.

Несмотря на 30-летнюю историю действия Основ законодательства РФ о нотариате, правовой статус самого нотариата и, как следствие, статус нотариуса до сих пор четко не определены. Господствующим в юридической науке является дуалистический подход, в соответствии с которым нотариат рассматривается как орган гражданского общества, реализующий публичные полномочия.

Однако в целях определения применимых для защиты субъектов нотариального права способов и форм защиты, требуется достичь устойчивых выводов в определении понятия, видов, природы нотариального правоотношения, их субъектного состава и содержания.

Во-первых, нотариальное правоотношение можно понимать в широком и узком смыслах. В широком смысле под нотариальным правоотношением следует понимать отношения как складывающиеся между нотариусами и лицами, обратившимися за совершением нотариального действия, так и связывающие частнопрактикующих нотариусов и нотариальные палаты.

Если между нотариусом и лицами, обратившимися за совершением нотариального действия, формируется публично-правовое отношение, то отношения между частнопрактикующим нотариусом и нотариальной палатой имеют организационный, частноправовой характер.

В первом случае нотариальное правоотношение — это общественное отношение, направленное на реализацию нотариального действия; во втором — это общественные отношения, связанные

¹⁹ Абова Т.Е. Субъекты гражданского права. М., 2000. С. 32.

с организацией и функционированием института нотариата в России.

Во-вторых, нотариальные правоотношения — это материальные правоотношения. Нотариат никаким образом не включен в процессуальную сферу. В отличие от него третейское разбирательство гражданских дел (арбитраж) — часть гражданского судопроизводства (в широком смысле), поскольку на решения третейских судов в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства компетентный государственный суд выдает исполнительные листы.

В-третьих, нотариальные правоотношения являются публично-правовыми и в силу этого не могут рассматриваться и как часть гражданских правоотношений.

В-четвертых, обязательным субъектом нотариального правоотношения является нотариус. Подобно суду, нотариус реализует публично-правовые полномочия, за надлежащее исполнение которых отвечает перед лицом государства (в том числе уголовно-правовым способом). Перед лицами, обратившимися за совершением нотариального действия, нотариус несет имущественную ответственность.

В-пятых, содержанием нотариального правоотношения являются юридические действия, регламентированные нормативно-правовыми актами Российской Федерации, а также Регламентом совершения нотариальных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абова Т.Е.* Субъекты гражданского права. М., 2000. С. 32.
2. *Бегичев А.В.* Соотношение правового статуса государственных и частных нотариусов // Евразийская адвокатура. 2017. № 2 (27). С. 83–86.
3. *Болдырев В.А.* О «юридических лицах» публичного права // Журнал рос. права. 2008. № 11. С. 127–134.
4. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 179.
5. *Долинская В.В.* Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестник МГОУ. 2020. № 1. С. 7–19.
6. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 180.
7. *Моисеева О.В.* Особенности правоприменительной практики привлечения нотариусов к ответственности в результате злоупотребления полномочиями // Право: история и современность. 2019. № 3 (8). С. 70–80.
8. *Моисеева О.В.* Правовая природа нотариальных правоотношений и их позиция в структуре механизма правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 3. С. 101–108.
9. *Москаленко А.И.* Нотариальная деятельность в контексте реализации защиты права: общетеоретический

подход // Евразийская адвокатура. 2019. № 2 (39). С. 97–102.

10. *Погосян Е.В.* Сущность и особенности доказывания в нотариальной деятельности // Вестник СПбУ. Право. 2022. Т. 13. № 1. С. 125–141.
11. *Саликова Н.М., Батухтина Е.М.* Особенности трудового статуса нотариуса // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5. С. 31–37.
12. *Ткаченко Е.В., Фомичева Р.В.* К вопросу о правовом статусе нотариуса Российской Федерации // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Политические науки и право. 2016. Вып. 1 (5). С. 54–59.
13. *Филиппова О.В.* Правовые основы деятельности частных нотариусов в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 5. С. 86, 87.
14. *Чечина Н.А.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 20–25.
15. *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права // Журнал рос. права. 2005. № 5. С. 16–26.
16. *Шакарян М.С.* Избр. труды. СПб., 2014. С. 60.

REFERENCES

1. *Abova T.E.* Subjects of Civil Law. M., 2000. P. 32 (in Russ.).
2. *Begichev A.V.* Correlation of the legal status of public and private notaries // Eurasian Advocacy. 2017. No. 2 (27). Pp. 83–86 (in Russ.).
3. *Boldyrev V.A.* About “legal entities” of public law // Russian Law Journal. 2008. No. 11. Pp. 127–134 (in Russ.).
4. *Vaskovsky E.V.* Textbook of civil process / ed. by V.A. Tomsinov. M., 2003. P. 179 (in Russ.).
5. *Dolinskaya V.V.* Interaction of private and public law as a system direction of development // Herald of Moscow State Regional University. 2020. No. 1. Pp. 7–19 (in Russ.).
6. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 180 (in Russ.).
7. *Moiseeva O.V.* Peculiarities of law enforcement practice of bringing notaries to responsibility as a result of abuse of powers // Law: History and Modernity. 2019. No. 3 (8). Pp. 70–80 (in Russ.).
8. *Moiseeva O.V.* Legal nature of notarial legal relations and their position in the structure of the mechanism of legal regulation // Problems of economics and legal practice. 2020. Vol. 16. No. 3. Pp. 101–108 (in Russ.).
9. *Moskalenko A.I.* Notarial activity in the context of the realisation of the protection of the right: general theoretical approach // Eurasian Advocacy. 2019. No. 2 (39). Pp. 97–102 (in Russ.).
10. *Pogosyan E.V.* The essence and features of proving in notarial activity // Herald of Saint Petersburg University. Law. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 125–141 (in Russ.).
11. *Salikova N.M., Batukhtina E.M.* Features of the labour law status of a notary // Russian law: education, practice, science. 2018. No. 5. Pp. 31–37 (in Russ.).
12. *Tkachenko E.V., Fomicheva R.V.* To the question of the legal status of the notary of the Russian Federation // Herald of

- Tambov University. Series: Political Science and Law. 2016. No. 1 (5). Pp. 54–59 (in Russ.).
13. *Filippova O.V.* Legal bases of private notaries' activity in the Russian Federation // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. No. 5. Pp. 86, 87 (in Russ.).
14. *Chechina N.A.* Selected works on civil procedure. SPb., 2004. Pp. 20–25 (in Russ.).
15. *Chirkin V.E.* Legal entity of public law // Russian Law Journal. 2005. No. 5. Pp. 16–26 (in Russ.).
16. *Shakaryan M.S.* Selected works. SPb., 2014. P. 60 (in Russ.).

Сведения об авторе

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна —
доктор юридических наук, доцент,
и.о. заведующей сектором процессуального
права Института государства и права РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MIKHAILOVA Ekaterina V. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Acting Head of the Procedural Law Sector
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 343

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИ УЧЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ (некоторые размышления о новой монографии профессора И.М. Рагимова¹)

© 2024 г. Х. Д. Аликперов

Центр правовых исследований, г. Баку, Азербайджанская Республика

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Поступила в редакцию 14.06.2024 г.

Аннотация. В статье отмечается неоспоримая научная ценность новой монографии профессора И.М. Рагимова, богатой неординарными мыслями, которая проявляется и в том, что с ее страниц автор говорит не только и не столько *о чём-то* в рамках предмета исследования, а главным образом *что-то* смыслообразующее в рассматриваемой сфере. Достоинство монографии видится также в том, что автор, рассматривая те или иные теологические или исторические аспекты преступления и наказания, открывает читателю ранее не исследованные грани этих учений в Священных Писаниях, демонстрируя блестящее знание как фундаментальных положений Ветхого и Нового Заветов, Корана, Веды и Трипитака, так и таких памятников правовой культуры древности, как Законы Хаммурапи, Кодекс Ур-Намму, Законы Ману и т.д., выдержки из которых гармонично вплетены в ткань текста работы. При этом, анализируя те или иные нравственные и правовые воззрения Библии, И.М. Рагимов исходит не только из собственного разума, но и из постулатов общего, сравнительного и догматического богословия, что свидетельствует о широких познаниях автора в сфере схоластического церковного учения о Всевышнем и догматов веры. Еще одна отличительная черта рецензируемой книги заключается в том, что при всей наукоемкости названия ее содержание намного шире и богаче. В частности, в ней значительное внимание уделено и сугубо криминологическим аспектам, в том числе роли авраамических религий в предупреждении отдельных видов преступлений, минимизации в социуме девиантного поведения, формировании идеи о соразмерности кары за содеянное и т.д.

Ключевые слова: Ветхий и Новый Заветы, Коран, иудаизм, христианство, ислам, философия, теология, преступление, наказание, криминология, уголовное право.

Цитирование: Аликперов Х.Д. Теологические грани учения о преступлении (некоторые размышления о новой монографии профессора И.М. Рагимова) // Государство и право. 2024. № 9. С. 112–120.

DOI: 10.31857/S1026945224090094

THEOLOGICAL FACETS OF THE DOCTRINE OF CRIME (some thoughts on the new monograph by Professor I.M. Ragimov²)

© 2024 Kh. J. Alikperov

The Center for Legal Studies, Baku, Republic of Azerbaijan

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Received 14.06.2024

¹ См.: Рагимов И.М. Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. СПб.: Ассоциация «Юридический центр», 2023. 303 с.

² See: Ragimov I.M. Crime and punishment in world religions. Historical, religious, legal and philosophical aspects. St. Petersburg: Association "Law Center", 2023. 303 p.

Abstract. The article notes the undeniable scientific value of the new monograph by Professor I.M. Ragimov, rich in extraordinary thoughts, which is also manifested in the fact that from its pages the author speaks not only and not so much *about something* within the scope of the subject of research, but mainly *something meaningful* in the field under consideration. The advantage of the monograph is also seen in the fact that the author, considering certain theological or historical aspects of crime and punishment, reveals to the reader previously unexplored facets of these teachings in the Scriptures, demonstrating his brilliant knowledge of both the fundamental provisions of the Old and New Testaments, the Koran, the Vedas and the Tripitaka, as well as such monuments of the legal culture of antiquity, like the Laws of Hammurabi, the Code of Ur-Nammu, the Laws of Manu, etc., excerpts from which are harmoniously woven into the fabric of the text of the work. At the same time, analyzing certain moral and legal views of the Bible, I.M. Ragimov proceeds not only from his own understanding, but also from the postulates of general, comparative and dogmatic theology, which testifies to the author's extensive knowledge in the field of scholastic church teaching about the Almighty and the dogmas of faith. Another distinctive feature of the reviewed book is that, for all the scientific intensity of the title, its content is much broader and richer. In particular, considerable attention is paid to purely criminological aspects, including the role of Abrahamic religions in preventing certain types of crimes, minimizing deviant behavior in society, forming the idea of proportionality of punishment for what they have done, etc.

Key words: Old and New Testaments, Koran, Judaism, Christianity, Islam, philosophy, theology, crime, punishment, criminology, Criminal Law.

For citation: Alikperov, Kh. J. (2024). Theological facets of the doctrine of crime (some thoughts on the new monograph by Professor I.M. Ragimov) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 112–120.

«Имей мужество пользоваться собственным умом».
Иммануил Кант

I. Архитектоника и логика исследования (*общая характеристика работы*). Новая монография широко известного далеко за пределами постсоветского пространства ученого-новатора, одного из основоположников современной азербайджанской школы уголовного права и криминологии, доктора юридических наук, профессора, иностранного члена Российской академии наук, заслуженного юриста Азербайджанской Республики, президента Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона И.М. Рагимова «Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты» композиционно состоит из шести глав, в рамках которых он последовательно рассматривает особенности религиозно-правовых воззрений иудаизма, христианства, ислама, буддизма, индуизма и конфуцианства³ на преступление (зло) и наказание (воздаяние).

В каждой из них есть своя «изюминка», которая до выхода в свет этого концептуального исследования не подвергалась системному анализу ни в теории уголовного права, ни в криминологии⁴. В частности, во всех разделах книги присутствуют своя частица правовой новеллы (например, «преступлениям обязательно предшествует уклонение человека от Бога» — гл. I)

³ По мнению библеистов, конфуцианство не религия, так как Конфуций никогда ничего не говорил ни о богах, ни о необходимости с почитанием относиться к высшим силам. Сказанное можно повторить и относительно даосизма, который тоже не религия, а скорее метод самосовершенствования и путь к духовной свободе. В строгом смысле слова и учение Будды не религия и даже не идеалистическая философия, а особого рода мировоззрение и психологическая практика, метод избавления от страданий (см.: Коваль Т.Б. Отношение к человеческой личности в основных религиях мира. М., 2014).

⁴ Как справедливо отмечает проф. А.Н. Савенков в своей рецензии на новую книгу И. Рагимова, «до сих пор ни в одной из имеющихся работ по уголовному праву проблемы отражения преступления и наказания в мировых религиях в целом не рассматривались» (см.: Савенков А.Н. Первоосновы уголовного права: новое направление исследований (по страницам книги И.М. Рагимова «Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. СПб.: Ассоциация «Юридический центр», 2023. 303 с.)) // Государство и право. 2024. № 3).

и зерно конструктивных гипотез о сущности преступления и наказания, которые по мере изложения авторской позиции развиваются и вливаются (переплетаются) в друг друга, в итоге в совокупности образуя интеллектуальный родник теологических и светских воззрений на проблемы преступности, преступления и наказания⁵.

При этом часть из них благодаря своей самобытности дивергируется с устоявшимися в теологии и теории права догмами об этих системообразующих уголовно-правовых институтах в силу их отрицания или некоторых собственных прибавлений к ним, ретранслированных автором из личных мировоззренческих ценностей и духовно-нравственных императивов, а также из аксиологических скрепов естественного и позитивного права. К примеру, по мнению проф. И.М. Рагимова, вряд ли можно считать поступок Адама и Евы (съели запретный плод в райском саду) прообразом первого преступления в истории человечества (с. 17).

Автор сквозь призму духовно-нравственных императивов и философско-правовых воззрений иудаизма, христианства и ислама, а также античных памятников правовой культуры с поразительной последовательностью и безупречной логикой рассматривает эволюцию институтов преступления и наказания⁶, при этом напоминая читателю о том, что «в преступном деянии всегда остается нечто загадочное и таинственное, пребывающее на глубинных уровнях, непроницаемых для криминологического анализа»⁷.

⁵ Учитывая содержание, масштабность предметного поля и глубину исследования, эту фундаментальную работу проф. И.М. Рагимова я назвал бы *гиперэнциклопедией* теологических и светских воззрений на преступление и наказание, вину и виновность, умысел и неосторожность и т.д.

⁶ Как известно, преступление и наказание существовали в человеческом обществе и до возникновения религии. Об этом свидетельствуют, к примеру, Кодекс Ур-Намму (приблизительно в 2100–2050 гг. до н.э.), Законы Хаммурапи (конец XX — начало XVI в. до н.э.) и другие памятники правовой культуры древности. Но как самостоятельные институты они начали формироваться в авраамических религиях, о чем подробно сказано в рецензируемой монографии.

⁷ См.: Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб., 2013. С. 19.

Этим самым он демонстрирует, что в нашем повседневном бытии «есть вещи, которые мы никогда не сможем полностью понять только разумом» (И. Кант), в силу чего «то, что мы знаем, ничтожно по сравнению с тем, что мы не знаем» (П. Лаплас), да и вряд ли узнаем большую часть из этого в среднесрочной перспективе⁸. Дело в том, что повседневное бытие природы, общества и Homo sapiens достаточно многолико и непредсказуемо, наполнено неожиданностями и неизведанными тайнами, а их неисчерпаемая энергия и безграничные возможности а priori всегда окажутся куда более объемнее и богаче, чем лучшее творение человеческого гения, в том числе и в сфере преступноведения.

Такая оригинальная методика исследования заставляет читателя в процессе знакомства с работой не только «думать, но и мыслить логически» (Н. Бор), погружаться в состояние философской рефлексии, уводящее его в неисследованные просторы генезиса преступности и тайны бытия наказания, что открывает перед ним непознанные до этого теологические грани преступности и природы отдельных видов преступления, а это, в свою очередь, подсознательно мотивирует его на углубленные размышления о данном извечном социально-правовом явлении.

Этому во многом способствуют и высокая читабельность монографии, четкость ее словесной конструкции и ясность изложения мысли, их строгая последовательность и безупречная база аргументов, а также интересные авторские отступления, в том числе философско-правового, ретроспективного, духовно-нравственного и компаративного характера.

Представляется, что многие из этих интересных рефлексивных мыслей проф. И. М. Рагимова являются продуктом его «чистого разума» (т.е. «разума, не смешанного с опытом»⁹). Так, углубленный анализ отдельных философских рассуждений и оригинальных правовых мыслемудрств автора говорит о том, что они есть не только результат его непосредственных чувственных впечатлений¹⁰ (т.е. посредством органов чувств) или следствие накопленного им профессионального и жизненного опыта (знания), так как, во-первых, «не все элементы познания имеют своим источником опыт. С ним мы имеем дело лишь со случайными и единичными фактами» (И. Кант). Во-вторых, посредством органов чувств и в рамках данностей практически невозможно генерировать столь глубинные мысли, нескончаемой вереницей представленные в монографии¹¹.

На мой взгляд, это возможно лишь на уровне умопостижения, т.е. на рациональной ступени мышления, которая, будучи гармонично вплетена в бесконечное пространство Вселенной (а она, как известно, непознаваемая вещь

в себе) и неудержимый поток времени, с одной стороны, «размывает замкнутость» (М. Мамардашвили) и раскрепощает представления Homo sapiens, а с другой — на время абстрагирует его от данностей, существующих в системе научных знаний (не будем забывать, что истинно великое часто рождается «не по правилам» — А. Шнитке), в силу чего функционирует независимо от накопленных нами опыта или чувственных впечатлений, причем непременно посредством «синтетического суждения»¹².

Столь своеобразный когнитивный метод исследования позволил автору с гораздо большей степенью ясности проникнуть в глубинные пласты проблем преступления и наказания в контексте религиозных воззрений на преступление и наказание, рационально осмыслить их природу, в том числе и посредством «преодоления непреодолимого предела» (М. Бланио), куда органы чувственного познания Homo sapiens не способны проникнуть.

Все эти методологические инструментари, с помощью которых автор распахивает предметное поле своего исследования, придают работе особый шарм и необычайный магнетизм. Книга привлекает к себе читателя и подсознательно пробуждает у него непреодолимое желание все глубже и глубже вникнуть в философские, духовно-нравственные и сугубо правовые рассуждения автора по тем или иным ключевым аспектам изучаемой проблемы.

При этом И. М. Рагимов, рассматривая те или иные теологические или исторические аспекты преступления и наказания, демонстрирует свое блестящее знание как фундаментальных положений Ветхого (особенно Пятикнижия Моисея) и Нового Заветов¹³, Корана, Веды, Трипитака, археологических артефактов и других исторических наследий вероучения, так и таких памятников правовой культуры древности, как Законы Хаммурапи, Кодекс Ур-Намму, Законы Ману и т.д., выдержки из которых гармонично вплетены в ткань текста работы.

Благодаря такому комплексному подходу автору удалось представить на суд читателей целостное исследование, отличающееся фундаментальностью, информативностью и широким спектром нестандартных суждений о генезисе преступления и этиологии наказания сквозь призму мировых религий и накопленного опыта по противостоянию преступности на различных этапах исторического развития общества.

Еще одна позитивная черта рецензируемой монографии мне видится в том, что профессор Рагимов, рассматривая те или иные воззрения Священных Писаний на преступление и наказание, не обходит стороной ряд «чувствительных моментов» в Ветхом и Новом Заветах, а также в Коране, в том числе проблему коллективной ответственности за грех (преступление), причины многочисленных совпадений

⁸ В интервью, опубликованном в 1930 г. в книге «Проблески великого» Дж. С. Вьерекы (Viereck G.S. Glimpses of the Great. Duckworth, 1930. Pp. 372, 373), А. Эйнштейн заявил, что человеческий разум, независимо от того, как хорошо он обучен, не может понять Вселенную в силу слабости нашего интеллектуального осознания природы и нашего собственного бытия.

⁹ Кант И. Критика чистого разума. М., 2023.

¹⁰ По мнению А. Н. Муравьева, «чувственность не идет дальше представления множества явлений в пространстве и времени. Она лишь знакомит нас с тем, что случается, но знакомство — это еще не познание явлений, не раскрытие их необходимости. Для этого требуется деятельность рассудка, второй способности человеческой души» (см.: Муравьев А. Н. Иммануил Кант. Лекция. URL: <https://philosophiya.ru/Immanuel-Kant#close> (дата обращения: 06.05.2024)).

¹¹ Как писал А. де Сент-Экзюпери, «зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь» (см.: Сент-Экзюпери А. де Маленький принц. М., 1986. С. 34).

¹² Термин введен в научный оборот И. Кантом. По его мнению, синтетические суждения — это суждения, противопоставленные их как расширяющие и умножающие познание аналитическим суждениям, которые лишь выявляют и поясняют в результате логического анализа уже заключенное в них содержание. Ни одна вещь не дается человеку целиком ощущениями. Ощущения доставляют ему лишь случайный набор впечатлений, которые он сам относит к одному предмету, локализует в пространстве и времени, благодаря которым (времени и пространству) как априорным формам чувственности мы создаем из хаоса ощущений одну вещь за другой и рядом с другой (см. подр.: Кант И. Соч. М., 1965. Т. 4 (1). С. 80).

¹³ Так, анализируя те или иные положения Библии, объясняя ее отдельные нравственные и правовые воззрения, И. Рагимов исходит не только из собственного разумения и текста Священного Писания, но и из постулатов общего, сравнительного и догматического богословия.

текста книги Бытия со словесной конструкцией тех или иных норм Законов Хаммурапи, принятых за несколько веков до появления Ветхого Завета, морально-нравственные вопросы новозаветного принципа непротивления, чрезмерную суровость наказания за отдельные виды преступления (греха) в Коране и т.д.

Говоря о самобытности логики рецензируемого исследования, нельзя обойти вниманием еще два знаковых момента. Первый из них связан с библиографией. Это, во-первых, впечатляющий объем использованной в монографии литературы (об этом свидетельствуют многочисленные подстрочные сноски в книге), во-вторых, многовекторность ее тематики (философия и теология, социология и психология, история и право и т.д.), в-третьих, географические координаты авторов (в книге представлены труды, изданные не только на постсоветском пространстве, но и в странах Европы и Северной Америки, Азии и Ближнего Востока), на произведения которых И.М. Рагимов неоднократно ссылается в своей новой работе.

Этот компонент исследования свидетельствует о масштабах огромной предварительной работы автора над своей монографией. Ведь его задача заключалась не только в том, чтобы этот огромный массив литературных источников предварительно прочесть, осмыслить их суть, сделать необходимые выписки и т.д., но и творчески использовать их в своей книге, гармонично вплетая в структуру текста исследования, не нарушая при этом внутренней логики авторского замысла.

Значимость рассматриваемого момента исследования видится и в том, что тем самым И. Рагимов не только обогащает себя новыми знаниями, реципированными из различных источников научной мысли, но и предоставляет такую возможность читателю. Отсюда еще одно достоинство анализируемой работы: она является источником просвещения молодого поколения юристов по вопросам соотношения религии и права, в том числе о роли Священных Писаний в становлении учений о преступлении и наказании.

Второй момент, связанный с общей характеристикой рецензируемой монографии, — это тональность заочного общения с авторами, к трудам которых он обращается в своем исследовании. Профессор И.М. Рагимов с присущими ему высокой культурой коммуникации и безупречной научной этикой достаточно корректно относится к мнению своих оппонентов, к взглядам которых он обращается при рассмотрении тех или иных сложных теологических или светских вопросов преступления и наказания. При этом, как показывает содержание книги, он достаточно толерантен даже в тех случаях, когда те или иные его воззрения принципиально расходятся с позицией цитируемых авторов.

Естественно, все эти особенности процесса подготовки рукописи рецензируемой монографии, выстраивания ее концепции и архитектуры и т.д. оценит по достоинству лишь тот, кто «сам посвятил свою жизнь аналогичным целям, сумеет понять, что вдохновляет таких людей и дает им силы сохранять верность поставленной перед собой цели» (А. Эйнштейн).

Еще одна предварительная ремарка. После выхода в свет рассматриваемая монография была принята юридической общественностью весьма позитивно, о чем свидетельствуют появившиеся в авторитетных юридических изданиях

постсоветского пространства позитивные рецензии на этот труд проф. И.М. Рагимова¹⁴.

В своих размышлениях о новой книге И.М. Рагимова будут затронуты лишь те ее положения, которые не были предметом анализа в уже опубликованных рецензиях.

II. Ветхий Завет о преступлении. В данном разделе своей работы автор, следуя принципу от общего к частному, детально рассматривает правовые воззрения Ветхого Завета (Танах) на преступление (*зло, оскорбление божества*) и наказание (*очищение от греха, искупление вины*¹⁵), закрепленные главным образом в Пятикнижии Библии, которое в теологической и светской литературе часто называют Моисеевым законом (Торой).

Подобный метод построения архитектуры исследования вполне оправдан, если учесть, что многие принципиальные положения Священных для христианства и ислама Писаний основаны на матрице Ветхого Завета¹⁶, которая содержит базисные параметры для учений и событий, излагаемых в Новом Завете и Коране. В силу этого в литературе иудаизм, христианство и ислам в своей совокупности традиционно именуются авраамическими религиями¹⁷.

Анализируя божественно-правовые воззрения Ветхого Завета на преступление и наказание, автор в этом разделе своего исследования за основу взял главным образом такие книги Ветхого Завета, как Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие¹⁸. Так, в книге Бытия вопросы преступления и наказания рассматриваются с позиции послушания прародителями

¹⁴ В частности, в журнале «Государство и право» за 2024 г. опубликован отзыв члена-корр. РАН А.Н. Савенкова, в котором он подверг системному анализу содержание данной монографии и дал ей высокую оценку (см.: Савенков А.Н. Указ. соч.).

¹⁵ По мнению И.М. Рагимова, наказание по Ветхому Завету — это возмездие, которое несет в себе доброту, сострадание и излечение, создает условия, предупреждающие совершение нового преступления (с. 90).

¹⁶ Напомним, что в состав Ветхого Завета входят пять книг Моисеевых — Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие; Иисус Навин, Судьи, Руфь, четыре книги Царств; две Паралипоменон, Псалмы Давида, Притчи Соломоновы (книга Премудрости), Екклесиаст, Песнь песней, Иов; пророки: Исаия, Иеремия и 12 в одной книге, Даниил, Иезекииль, Ездра, которые писались разными авторами на разных языках в течение более одного века (см. подр.: URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1079446239666262> (дата обращения: 17.05.2024)).

¹⁷ Общеизвестно, что это связано с тем, что христианство, иудаизм, ислам и их ответвления — это религии, которые восходят к древним семитским традициям, своими истоками, уходящими к патриарху семитских племен Аврааму, с которым Всевышний заключил завет (особый договор) на богоизбранность народа Авраама, право на землю Ханаан и пр. На основе иудаизма появилось христианство, которое не отрицало истинности написанного в священных текстах, но не рассматривало исключительную богоизбранность иудеев, полученную ими от Исаака, сына Авраама. Затем самобытно, но в тесной связи с христианством и иудаизмом (они были в VI–VII вв. и в Аравии) появляется ислам, который также не отрицает ничего из выше представленного, только считает, что богоизбранность передана от Авраама не к Исааку, а к Исмаилу (Исмаилу — исламский пророк, старший сын и первенец пророка Авраама от египтянки Хаджар), рассматриваемому в качестве предка арабов.

¹⁸ Автор ставит под сомнение целесообразность названия первых пяти книг Ветхого Завета Законом Моисея. По его мнению, «называя Божий Закон “Законом Моисея”, мы тем самым ставим под сомнение его Божественное происхождение. Поэтому является также ошибочным называть учение Христа “Новым Законом Иисуса Христа”, ибо Он не только не является автором Евангелия, но и не может претендовать на соавторство. И Моисей, и Христос так же, как и Пророк Мухаммед, исполняли волю Всевышнего, доводя Его слова до людей. Мусульмане всегда считали и сейчас считают, что Коран — это Закон Аллаха, и никто никогда не слышал, чтобы эту Священную книгу называли “Законом Мухаммеда”» (с. 28).

человечества — Адамом и Евой — Божьего указания не есть плод с древа познания добра и зла («В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Бытие. 2:17). Однако, как известно, они не последовали этому указанию Господа и вкусили запретный плод, что ознаменовало собой начало человеческой истории и обвинения прародителей человечества в совершении первородного греха.

С древних времен некоторые библеисты и правоведы квалифицируют это деяние Адама и Евы не только как первородный грех, но и как первое преступление в истории человечества. В этой связи проф. И. М. Рагимов ставит в монографии ряд крайне интересных и логически обоснованных вопросов, в частности и такой: «А является ли это послушание серьезным проступком, чтобы называть его преступлением?»

Данная фундаментальная теолого-правовая и духовно-нравственная проблема за истекшие несколько тысячелетий истории человечества так и не нашла своего однозначного решения, в силу чего с момента зарождения авраамических религий в теологической и светской литературе отсутствует единство во мнении по данному вопросу. И это притом, что за рассматриваемый период ей посвящены сотни тысяч религиозных и мирских исследований, изданы десятки тысяч монографий, опубликованы миллионы научных статей, написано безмерное количество романов и повестей и т.д.

Так, анализ древних и современных библиографических источников по рассматриваемой проблематике (*Талмуд, Сунна, решения Вселенских Соборов по вопросам верования и законодательства и т.д.*) показывает, что одна из причин неразрешенности этого исторического вопроса кроется в том, что между иудеями, христианами и мусульманами существуют принципиальные разногласия по тем или иным положениям, закрепленным в Ветхом Завете, в том числе по восприятию Бога, окружающего мира и человеческого бытия. В результате этого некоторые постулаты Священных Писаний и смысл отдельных проявлений божественных предначертаний порой характеризуются вольными интерпретациями или сопровождаются амбивалентными рассуждениями, досужими домыслами либо церковно-конъюнктурными соображениями.

Свою отрицательную роль в рассматриваемом вопросе сыграли и ошибки при бесчисленном переписывании Священных Писаний как иудеев, так и христиан¹⁹. Этой участи не избежала и Священная книга мусульман (Коран²⁰).

Обо всем этом подробно говорится в рецензируемой монографии. Знакомство с ее содержанием показывает, что одни исследователи считают, что анализируемое деяние Адама и Евы является первым преступлением, другие придерживаются противоположного мнения. Так, В. Г. Беспалько считает, что «термин “преступление”, являющийся одним из важных в науке уголовного права, своими корнями восходит к грехопадению Адама и Евы, ибо первое преступление было не чем иным, как преступлением заповеди

Божьей. Оно стало архетипом всех последующих преступлений, совершенных и совершаемых людьми»²¹.

Митрополит Черниговский (Петр Петрович Негож) называет грехопадение Адама не иначе, как «мятеж ничтожный», устроенный Сатаной, который хотел дать падшему человеку «другой закон», а святитель Игнатий (Бренганинов) считает, что поведение Адама — попытка человека стать равным Богу²².

Немецкий библеист Б. Зальцман поведение Адама и Евы расценивает как кражу собственности Бога²³, Г. П. Чистяков, в свою очередь, усматривает в действиях Адама и Евы не нарушение запрета, а «безответственность, но не первородный грех»²⁴.

Схожие позиции (в том числе и диаметрально противоположные) высказаны и другими авторами, что также отражено в рецензируемой работе. Их анализ, в том числе и высказанных некоторыми авторами аргументов в пользу признания библейского деяния Адама и Евы в качестве преступления (первородного греха), вызвал у проф. И. М. Рагимова ряд принципиальных вопросов: «В чем, собственно говоря, выражается общественная опасность деяния Адама и Евы?»; «Кому причинен вред в результате их деяния?» (с. 17).

Полностью поддерживаю постановку этих вопросов. Считаю, что они обусловлены как в духовно-нравственном, так и в социально-правовом смысле, нацелены на поиск исторической истины по рассматриваемой проблеме, в том числе обоснованности возложения на прародителей первородного греха, и утверждений в том, что «человечество заражено грехом, в результате чего отделено от своего Творца и не способно восстановиться с Ним отношения»²⁵.

На мой взгляд, вышеперечисленные вопросы, поставленные И. М. Рагимовым в своей работе, носят не только и не столько религиозно-правовой характер, а имеют куда более глубокий смысл и далеко идущие цели, так как непосредственно затрагивают духовно-нравственные скрепы прародителей человечества, сотворенных по образу и подобию Творца и являющихся венцом Его творения (Бытие. 1:26)²⁶. Это, во-первых.

Во-вторых, ни в иудаизме, ни в Коране, как, впрочем, и в отдельных христианских конфессиях (к примеру, баптисты, Ассамблея Божья и т.д.), данный поступок Адама и Евы не расценивается как первородный грех и не рассматривается в качестве глобальной катастрофы для всего человечества. К примеру, «для иудеев с исторических времен

²¹ По его мнению, тяжесть их грехопадения кроется не столько в опасности их поступка, выразившегося вонне, сколько в их душевном помрачении, достигшем уровня неслыханной для религиозного общества дерзости — послушания воли Божьей (см.: *Беспалько В. Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея*. СПб., 2015. С. 30).

²² См.: *Игнатий (Бренганинов)*. Жизнь и смерть: Слово о человеке. Слово о смерти. М., 2007. С. 101, 102.

²³ См.: *Зальцман Б.* Криминальные истории в Библии / пер. с нем.; сост. Б. Зальцман. М., 2005. С. 72.

²⁴ *Чистяков Г. П.* Пятикнижие: дорога к свободе. М., 2011. С. 48, 49.

²⁵ Что не так с Библией? Видеолекция. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1079446239666262> (дата обращения: 17.05.2024).

²⁶ Более того, «Бог вдохнул в них жизнь — причем не просто животную жизнь, но то дыхание жизни, как говорится в Библии, которое его делает способным познать Бога, полюбить Его, прислушиваться к Нему, входить в гармонию с Ним» (см.: *Православная энциклопедия*. Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/auth/?reflink=https%3A%2F%2Fazbyka.ru> (дата обращения: 07.05.2024)).

¹⁹ Об этом см. подр.: Ошибки при переписывании Библии. URL: <https://lavka-obitel.ru/blog/perepysyvanie-byblyu-specyfyka-processa-yrachyny-oshybok> (дата обращения: 15.05.2024).

²⁰ См.: *Боков Олег*. Коран и Библия — разоблачение мифов и неожиданная правда. Видеолекция. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fX2Tex6npHU> (дата обращения: 12.05.2024).

доктрина первородного греха неприемлема по той простой причине, что человек входит в мир свободным от греха, с чистой, невинной и незапятнанной душой»²⁷. Иными словами, «духовное начало, вднутое в наши тела, понимается иудейскими учителями как исходящее от Бога, а потопно абсолютно чистое»²⁸.

В-третьих, если даже гипотетически признать, что деяние, совершенное прародителями человечества в Эдемском саду, все же является преступлением, то возникает ряд принципиально важных вопросов правового и нравственного характера. Так, в Ветхом Завете читаем: *«И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло»* (Бытие. 3: 1–5).

Из приведенной выше библейской цитаты ни прямо, ни косвенно не вытекает, что Адам присутствовал при общении Евы со змеем.

Читаем дальше Ветхий Завет: *«И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел»* (Бытие. 3:6).

Как видим, плоды с дерева познания добра и зла сорвала именно Ева, и эти свои действия она предварительно не согласовывала с Адамом. Более того, судя по хронологии ветхозаветных событий, сорванное яблоко сперва вкусила она и лишь затем дала мужу своему (*«Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел»*) (Бытие. 3:12).

Следовательно, если руководствоваться духом и буквой Ветхого Завета, то можно сделать вывод, что никакого предварительного сговора между Евой и Адамом относительно совершения описанного выше деяния не было.

Такой императивный вывод вытекает непосредственно из динамики описанного в Ветхом Завете рассматриваемого события, где нет даже намек на то, что Адам дал на то Еве свое согласие, причем как в вербальной, так и конклюдентной (молчаливой) форме, жестом или мимикой либо иным образом. Следовательно, Адам не был осведомлен о намерениях Евы вкусить плод с дерева познания добра и зла, об этом он узнал постфактум, в силу чего его нельзя назвать соучастником Евы, если даже это ее деяние признать преступлением²⁹.

Приведенная выше цитата из анализируемого Священного Писания имеет еще одно принципиальное значение, руководствуясь которым, можно безошибочно установить мотивы, побудившие Еву сорвать яблоко с дерева познания. Здесь я имею в виду ту завершающую часть цитаты, где сказано: *«Оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание»*.

Эта выдержка из текста Бытия показывает, что деяние Евы было продиктовано опредмеченной потребностью — обрести новые знания, на основе которых можно

познать, что такое доброе и что такое зло, в том числе и такие моральные ориентиры, как нравственность, стыд и т.д. Об этом красноречиво свидетельствует текст Ветхого Завета: *«И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания»* (Бытие. 3:7).

Одним словом, не хлебом единым жили прародители человечества в Эдемском саду. Напротив, с момента своего порождения наши предки стремились познать тайны окружающего мира, овладеть такими богоугодными духовно-нравственными качествами, как совестливость и стыдливость, благочестивость и добродетель, обрести новые знания и т.д. Думаю, в силу сказанного не стоит их клеймить, ведь, к примеру, лишь благодаря Еве «человек научился вкушать от древа познания» (*Ницше*).

В-четвертых, в рассматриваемой ситуации указанное опредмеченное желание Евы, как это ни кажется парадоксальным, было не только духовно-нравственно оправдано и являлось следствием витальной необходимости, но и имело особый аксиологический смысл (*тяготение к просветлению*)³⁰, идущий вразрез с тем, как это традиционно преподносится многими теологами и библеистами, философами и социологами, лингвистами и правоведами.

Так, сторонники признания за прародителями человечества первородного греха в качестве доказательства истинности своих позиций ссылаются на 5-ю главу Послания к римлянам, где речь идет о наследовании греха и смерти: *«Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили. Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие»* (Рим. 5: 12–19).

Ознакомившись с этим Посланием, читатель легко установит, что его содержание противоречит воли Господней, закрепленной в Ветхом Завете (Быт. 8:21). Поэтому эти, как и другие изъязы Послания Павла, требуют критического подхода. Как указывают специалисты в области религиоведения, «Павел небеспристрастен»³¹ и непосредственно вовлечен в упоминаемые события, поэтому при чтении Послания необходимо принимать во внимание его склонность к той или иной интерпретации фактов. Поэтому приводимые в Деяниях речи Павла нельзя считать безусловно подлинными»³².

А если к сказанному добавить и тот веер тяжких грехов, которые Павел (при рождении — Савл) неоднократно совершил в отношении последователей раннего христианства³³,

³⁰ При этом характерно, что об этих стремлениях Евы знал и Создатель наш. Ведь сказано же: «Господь знает все дела людей и начинания их, и помышления их, и сердца их» (Третья книга Ездры. 16:55).

³¹ К примеру, по Павлу, даже если Бог пошлет ангела с благовестием через нового пророка, то и этот ангел должен быть проклят (см. подр.: Полосин А. В. Евангелие глазами мусульманина. Два взгляда на одну историю. Изд-во «Islamhouse.com», 2009).

³² Апостол Павел. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB_%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB#cite_ref-%D0%92%D0%A2-D0%91%D0%AD%D0%90%D0%9D_1-0 (дата обращения: 15.05.2024).

³³ Как сказано в Священном Писании христиан, воинствующий фарисей Савл (в миру — Павел) участвовал в преследовании первых последователей Христа (позднее прозванных «христианами»), заточая их в тюрьмы. Он выпросил у первосвященника письма в Дамаск к синагогам, чтобы там арестовывать последователей учения Иисуса Христа (см. подр.: Деяния святых апостолов (22:6–11)). Уместно отметить, за все это Павел поплатился жизнью: был схвачен в Иерусалиме и доставлен

²⁷ Об этом см. подр.: Коваль Т. Б. Указ. соч.

²⁸ Там же. Как отмечает Т. Б. Коваль, «это один из краеугольных камней иудаизма — то, в чем впоследствии разойдется христианское понимание природы человека и иудейское».

²⁹ В свете сказанного возникает вопрос: «Почему в Священных Писаниях иудеев и христиан все черные стрелы по обсуждаемой проблеме нацелены именно на Адама?».

то возникает резонный вопрос: «А был ли он вправе, сам являясь носителем тяжкого греха (соучастником заплечных дел мастера в отношении ранних последователей Христа³⁴), обвинять прародителей человечества в первородном грехе, который Сам Господь Бог не считал таковым³⁵ (об этом подробно скажем чуть ниже)?».

В-пятых, обвиняя Адама и Еву в совершении тяжкого деяния, содержание которого носило абсолютно иной духовно-нравственный смысл, апостол Павел не принял во внимание, что в описываемый период не существовало такого понятия, как «преступление», «первородный грех» и т.д. Поэтому в данном вопросе вступает в силу не только древнеримский принцип «Nulla poena sine lege», но и закреплённый в Ветхом Завете принцип вины: «Если дашь обет Господу Богу твоему, немедленно исполни его, ибо Господь Бог твой взыщет его с тебя, и на тебе будет грех; если же ты не дал обета, то не будет на тебе греха» (Второзаконие. 23:21–22). А как известно из Ветхого Завета, ни Адам, ни Ева не давали Господу такого обета (*т.е. обдуманного обещания*).

Наконец, в-шестых, рассматриваемый вопрос приобретает особую остроту и принципиально иную морально-нравственную и религиозно-правовую окраску, поскольку «действие проклятия Адамового, как гнева Божьего на человечество, как вины перед Всевышним, с момента потопа Бог прекратил»³⁶.

Это важное положение закреплёно в Ветхом Завете: «И сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека (Адама), потому что помышление сердца человеческого (Адамового) — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделаю» (Быт. 8:21)³⁷.

Из приведенной цитаты видим, что по истечении определенного времени Всевышний не только пересмотрел свою прежнюю суровую оценку ослушания Адама и Евы Его воли и кардинально смягчил свой вердикт за данное деяние, но и снял с них проклятие, что автоматически означает аннулирование клейма первородного греха как с них, так и бесчисленного множества их потомков (взрослых и детей, мужчин и женщин).

по его просьбе в Рим, где по приговору суда был обезглавлен 29 июня 64 г. (возможно — 68) н.э. — в день, когда распяли апостола Петра (см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907).

³⁴ В Новом Завете о Павле сказано: «Я даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин, и женщин...» (Деяния. 22:4).

³⁵ По мнению библеистов, понятия «зло» и «грех» не тождественны. «Зло есть неосознанное, или непреднамеренное, нарушение божественного закона — воли Отца. Зло является также мерой несовершенства подчинения воле Отца. Грех является осознанным, сознательным и преднамеренным нарушением божественного закона» (подробнее об этом см.: Что такое Грех и Зло? URL: <https://www.urantia.org/ru/print/kniga-urantii/chasto-zadavaemye-voprosy/chto-takoe-greh-i-zlo> (дата обращения: 05.05.2024)).

³⁶ Будаков Олег. Формирование учения о первородном грехе в I–V веках // Богословські роздуми: Східноєвропейський журнал богослов'я. 2004. № 3. С. 85.

³⁷ По мнению библеистов, в данном контексте Всесильный говорит не об Адаме как о человеческой личности, а об Адаме как о роде людском. Такое понимание основывается на том, что слово «адам» с еврейского буквально переводится как «человек». Лишь 4 раза в еврейском оригинале имя Адам употребляется как имя собственное (Быт. 4:1; 4:25; 5:1; 5:3), в остальных случаях это имя нарицательное — просто человек, род людской, «Нечто», заключающее в себе все человечество (см.: там же. С. 86).

Поэтому утверждение апостола Павла о том, что «*поэтому, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили*», оскорбляет человечество, почитающее прародителей, в том числе религиозно-нравственные чувства правоверных мусульман, которые считают Адама первым Пророком в Исламе и величают его не иначе, как «отец человечества».

Как видим, с незапамятных времен церковнослужители использовали миф о первородном грехе наших прародителей, который, как было показано выше, они в действительности не совершали, в качестве своеобразного инструмента для культивации в социуме чувства исторической вины человечества, удержания верующих в страхе перед «гневом Господним», направления их мыслей и стремлений в нужное, выгодное этим религиозным деятелям русло, с упором заставить их уверовать, что они несут ответственность за «грех» прародителей.

К сожалению, ограниченные рамки статьи не позволяют более детально остановиться на других глубинных пластах рассматриваемой проблемы. Но думаю, что и приведенных выше аргументов достаточно для признания правоты выводов проф. И.М. Рагимова о том, что рассматриваемый поступок Адама и Евы не образует состав преступления, в силу чего это деяние прародителей человечества «нельзя считать прообразом первого преступления в истории человечества» (с. 17).

По его мнению, преступлением можно признать лишь «*виновно совершенное вменяемым лицом противоправное общественно опасное посягательство, причиняющее или создающее угрозу причинения вреда (ущерба) охраняемым Уголовным кодексом интересам личности, общества или государства*»³⁸.

Полагаем, что в силу всего вышеизложенного Католическая и Православная церкви могли бы пересмотреть свою позицию по данному вопросу и принять определенные меры к стиранию из исторической памяти человечества сказания о первородном грехе наших прародителей, а Послание к римлянам (Рим. 5:12–19) убрать из Нового Завета, т.е. исключить из библейского канона или перевести в ряд «неканонических» книг Священного Писания.

* * *

Естественно, как и любое фундаментальное исследование, монография проф. И.М. Рагимова не лишена отдельных спорных моментов и некоторой фрагментарности при раскрытии тех или иных сторон предмета исследования.

1. Так, к примеру, в книге не использованы некоторые исторические памятники правовой культуры Востока и Запада. Речь, в частности, идет о таких законодательных актах древности, Средневековья и эпохи Возрождения, как Постановление Агуэнского Собора (Кавказская Албания, IV в.), Сасанидский Судебник (Сасанидская империя, 620 г.), Каролина (Германия, 1532 г.), Кодекс Наполеона

³⁸ При этом автор под общественно опасным посягательством подразумевает как внешний активный физический акт осознанно-волевого поведения лица (*действие*), так и волевое пассивное поведение (*бездействие*), а также носящее конкретную информацию суждение (мысль, утверждение и т.д.), публично высказанное в устной форме, которое запрещено Уголовным кодексом (к примеру, клевета), и незаконное проникновение в разум человека посредством несанкционированного вторжения в его сознание (например, с применением гипноза к потерпевшему) (подробнее об этом см.: Рагимов И.М. Иной взгляд на понятие и признаки преступления // Государство и право. 2024. № 1).

(Франция, 1804 г.) и т.д., в которых, как показывает их содержание, широко использованы правовые воззрения Ветхого и Нового Заветов.

Вполне возможно, что это связано с ограниченностью объема исследования, в рамках которого, как известно, невозможно в деталях рассмотреть все грани исследуемой проблемы. Поэтому было бы целесообразно в дальнейших исследованиях проблем влияния Священных Писаний на становление и развитие учений о преступности, преступлении и наказании автору использовать и эти уникальные правовые артефакты.

2. Знакомство с книгой показывает, что в ней криминологический потенциал Священных Писаний в минимизации в обществе преступности рассмотрен лишь в постановочном плане, хотя, как показывает накопленная веками практика, роль Библии и Корана, а также исповедуемых ими духовно-нравственных воззваний в минимизации в обществе девиантных и делинквентных проявлений, в том числе и такого их опасного проявления, как преступление, неопценима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апостол Павел. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB_%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB#cite_ref-%D0%92%D0%A2-D0%91%D0%AD%D0%90%D0%9D_1-0 (дата обращения: 15.05.2024).
2. Беспалько В. Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. СПб., 2015. С. 30.
3. Бокков Олег. Коран и Библия – разоблачение мифов и неожиданная правда. Видеолекция. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fX2Tex6npHU> (дата обращения: 12.05.2024).
4. Будаков Олег. Формирование учения о первородном грехе в I–V веках // Богословські роздуми: Східноєвропейський журнал богослов'я. 2004. № 3. С. 85, 86.
5. Зальцман Б. Криминальные истории в Библии / пер. с нем.; сост. Б. Зальцман. М., 2005. С. 72.
6. Игнатий (Бренганинов). Жизнь и смерть: Слово о человеке. Слово о смерти. М., 2007. С. 101, 102.
7. Кант И. Критика чистого разума. М., 2023.
8. Кант И. Соч. М., 1965. Т. 4 (1). С. 80.
9. Муравьев А. Н. Иммануил Кант. Лекция. URL: <https://philosophiya.ru/Immanuel-Kant#close> (дата обращения: 06.05.2024).
10. Ошибки при переписывании Библии. URL: <https://lavka-obitel.ru/blog/perepysyvaneye-byblyu-specyfyka-processa-y-prychyny-oshybok> (дата обращения: 15.05.2024).
11. Полосин А. В. Евангелие глазами мусульманина. Два взгляда на одну историю. Изд-во “Islamhouse.com”, 2009.
12. Православная энциклопедия. Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/auth/?reflink=https%3A%2F%2Fazbyka.ru> (дата обращения: 07.05.2024).
13. Рагимов И. М. Иной взгляд на понятие и признаки преступления // Государство и право. 2024. № 1.
14. Рагимов И. М. Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. СПб., 2023. С. 17, 28, 90.
15. Рагимов И. М. Философия преступления и наказания. СПб., 2013. С. 19.
16. Савенков А. Н. Первоосновы уголовного права: новое направление исследований (по страницам книги И. М. Рагимова «Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. СПб.: Ассоциация “Юридический центр”, 2023. 303 с.») // Государство и право. 2024. № 3.
17. Сент-Экзюпери А. де Маленький принц. М., 1986. С. 34.
18. Чистяков Г. П. Пятикнижие: дорога к свободе. М., 2011. С. 48, 49.
19. Что не так с Библией? Видеолекция. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1079446239666262> (дата обращения: 17.05.2024).
20. Что такое Грех и Зло? URL: <https://www.urantia.org/ru/print/kniga-uranti/chasto-zadavaemye-voprosy/chto-takoe-greh-i-zlo> (дата обращения: 05.05.2024).
21. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907.
22. Viereck G. S. Glimpses of the Great. Duckworth, 1930. Pp. 372, 373.

REFERENCES

1. The Apostle Paul. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB_%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB#cite_ref-%D0%92%D0%A2-D0%91%D0%AD%D0%90%D0%9D_1-0 (accessed: 15.05.2024) (in Russ.).
2. Bepalko V. G. The Old Testament roots of Criminal Law in the Pentateuch of Moses. SPb., 2015. P. 30 (in Russ.).
3. Bokov Oleg. The Koran and the Bible are the unmasking of myths and the unexpected truth. Video lecture. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fX2Tex6npHU> (accessed: 12.05.2024) (in Russ.).
4. Budakov Oleg. Formation of the doctrine of original sin in the I–V centuries // Bogoslovsky rozdumi: The Great European Journal of theology. 2004. No. 3. Pp. 85, 86 (in Russ.).
5. Zaltsman B. Criminal stories in the Bible / transl. from German; comp. B. Zaltsman. M., 2005. P. 72 (in Russ.).
6. Ignatius (Brenaganinov). Life and death: A word about a person. The word about death. M., 2007. Pp. 101, 102 (in Russ.).
7. Kant I. Criticism of pure reason. M., 2023 (in Russ.).
8. Kant I. Essays. M., 1965. Vol. 4 (1). P. 80 (in Russ.).
9. Muraviev A. N. Immanuel Kant. Lecture. URL: <https://philosophiya.ru/Immanuel-Kant#close> (accessed: 06.05.2024) (in Russ.).
10. Errors in rewriting the Bible. URL: <https://lavka-obitel.ru/blog/perepysyvaneye-byblyu-specyfyka-processa-y-prychyny-oshybok> (accessed: 15.05.2024) (in Russ.).
11. Polosin A. V. The Gospel through the eyes of a Muslim. Two views on the same story. Publishing house “Islamhouse.com”, 2009 (in Russ.).
12. Orthodox Encyclopedia. The ABC of Faith. URL: <https://azbyka.ru/auth/?reflink=https%3A%2F%2Fazbyka.ru> (accessed: 07.05.2024) (in Russ.).
13. Ragimov I. M. A different view on the concept and signs of crime // State and Law. 2024. No. 1 (in Russ.).
14. Ragimov I. M. Crime and punishment in world religions. Historical, religious, legal and philosophical aspects. SPb., 2023. Pp. 17, 28, 90 (in Russ.).
15. Ragimov I. M. Philosophy of crime and punishment. SP., 2013. P. 19 (in Russ.).
16. Savenkov A. N. The fundamentals of Criminal Law: a new direction of research (based on the pages of the book by I. M. Ragimov “Crime and punishment in world religions. Historical, religious, legal and philosophical aspects. St. Petersburg: Association “Law Center”, 2023. 303 p.”) // State and Law. 2024. No. 3 (in Russ.).
17. Saint-Exupery A. de. Little Prince. M., 1986. P. 34 (in Russ.).

18. *Chistyakov G.P.* The Pentateuch: the road to freedom. M., 2011. Pp. 48, 49 (in Russ.).
19. What is wrong with the Bible? Video lecture. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1079446239666262> (accessed: 17.05.2024) (in Russ.).
20. What is Sin and Evil?. URL: <https://www.urantia.org/ru/print/kniga-urantii/chasto-zadavaemye-voprosy/chto-takoe-greh-i-zlo> (accessed: 05.05.2024) (in Russ.).
21. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. St. Petersburg, 1907 (in Russ.).
22. *Viereck G.S.* Glimpses of the Great. Duckworth, 1930. Pp. 372, 373.

Сведения об авторе

АЛИКПЕРОВ Ханлар Джафарович —
доктор юридических наук, профессор,
директор Центра правовых исследований;
г. Баку, Азербайджанская Республика

Authors' information

ALIKPEROV Khanlar J. —
Doctor of Law, Professor,
Director of the Center for Legal Research;
Baku, Azerbaijan Republic

УДК 349

НОВАЯ НОМЕНКЛАТУРА НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© 2024 г. М. М. Бринчук

Московский государственный университет геодезии и картографии

E-mail: brinchuk@gmail.com

Поступила в редакцию 30.08.2023 г.

Аннотация. В статье исследованы отрицательные последствия для науки экологического и природо-ресурсного права решения Минобрнауки России о новой номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Показано, как это решение негативно отразится и на развитии самого права в стране. Позиции автора основаны на положениях Конституции РФ, общей теории права, теории публичного права. Исследование выполнено в контексте потребностей решения острых проблем охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования в стране, как и преодоления цивилизационного кризиса.

Ключевые слова: номенклатура научных специальностей, публичное право, частное право, экологическое и природоресурсное право, природопользование, Конституция РФ, общая теория права, новая парадигма в праве, экоправо.

Цитирование: Бринчук М.М. Новая номенклатура научных специальностей: эколого-правовой аспект // Государство и право. 2024. № 9. С. 121–129.

DOI: 10.31857/S1026945224090101

NEW NOMENCLATURE OF SCIENTIFIC SPECIALITIES: ECOLOGICAL-LEGAL ASPECT

© 2024 M. M. Brinchuk

Moscow State University of Geodesy and Cartography

E-mail: brinchuk@gmail.com

Received 30.08.2023

Abstract. The article examines the negative consequences for the science of Ecological and Natural Resource Law of the decision of the Ministry of Education and Science of Russia on the new nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded. It is shown how this decision will have a negative impact on the development of the law itself in the country. The author's positions are based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the General theory of law, the theory of public law. The study was carried out in the context of the needs of solving acute problems of environmental protection and ensuring rational use of natural resources in the country, as well as overcoming the civilizational crisis.

Key words: nomenclature of scientific specialties, public law, private law, Ecological and Natural Resource Law, nature use, the Constitution of the Russian Federation, General theory of law, a new paradigm in law, Ecological Law.

For citation: Brinchuk, M.M. (2024). New nomenclature of scientific specialties: ecological-legal aspect // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 121–129.

«Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету».
Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

Новая номенклатура научных специальностей, по которым отныне присуждаются ученые степени, была утверждена приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118¹. В соответствии с п. 5.1 названы пять групп таких научных специальностей, из которых принципиальной новизной обладают две:

5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»;

5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки».

При исследовании вопроса, вынесенного в заголовки статьи, речь, по существу, идет не только о перспективах развития правовой науки России, но и о ее нынешнем состоянии.

Очевидно, что оценивать достоинства новой номенклатуры научных специальностей важно прежде всего по ее возможной полезности. Мы будем делать это также и в свете вынесенных в эпиграф слов маленького, но мудрого принца. Не начинать же день в стране с уголовно-правовых мер.

Самостоятельного места эколого-правовым наукам в номенклатуре не нашлось. Позднее были приняты паспорта научной специальности по включенным в нее группам, в которых в отношении правовых наук в экологической сфере был закреплён, вероятно, наихудший для них вариант.

Согласно Паспорту научной специальности 5.1.2 публично-правовые (государственно-правовые) науки включают публично-правовое регулирование охраны окружающей среды, *природопользования*, земельных отношений и градостроительства, обеспечения экологической безопасности (п. 27).

По Паспорту научной специальности 5.1.3 частноправовые (цивилистические) науки включают *частноправовые аспекты земельных отношений, природопользования (недропользования, водопользования, лесопользования и др.)* (п. 13).

Очевидно, что такой правовой документ, как номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, является судьбоносным не только для развития отечественной науки. Учитывая роль науки в развитии общества и государства, о которой, как правило, принято говорить на торжественных, официальных научных собраниях и встречах, действие этого документа будет соответствующим образом отражаться и на самом развитии общества и государства. Особенно это касается правовой сферы жизни общества и государства,

в которой в соответствии с общей теорией права учет научных положений является одним из принципов правоустановительной деятельности. Как утверждает В.С. Нерсесянц, «правоустановительная деятельность должна опираться на научно осмысленный отечественный и зарубежный опыт в этой сфере, на результаты научного изучения современного состояния действующего права и тенденций его развития, на идеи, концепции и практические рекомендации современной юридической науки по вопросам правоустановительного процесса и системы позитивного права»².

По поводу исследуемых решений Минобрнауки России не в пользу этого органа исполнительной власти уже высказались авторитетные ученые. Как справедливо оценивают Е.Ю. Грачева и Н.А. Власенко, «спешное изменение Номенклатуры и Паспорта научных специальностей может негативно отразиться на системе подготовки научных кадров, эффективной работе диссертационных советов и развитии отечественной юриспруденции в целом»³. Ученые высказывают свою позицию в связи с конкурентным правом, формулируя при этом обоснованный общий вывод: «Авторы считают, что конкурентное право не может претендовать на статус новой отрасли права по причине того, что проблема антимонопольной деятельности государства последовательно регламентируется гражданским и административным правом. Предложение считать конкурентное право новой научной специальностью юриспруденции также преждевременно. Вопросы предлагаемой специальности содержатся в Паспорте специальностей 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право), а также 12.00.14 (административное право; административный процесс)». Авторы статьи приходят к выводу, что дифференциация научного знания в юридической науке достигла определенного уровня, ее дальнейшая детализация может негативно сказаться на формировании единой правовой картины в стране. В связи с этим **«предлагается сохранить сложившуюся систему научных специальностей по праву на обозримый период времени»**⁴.

² Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. для вузов. М., 2002. С. 420.

³ Грачева Е.Ю., Власенко Н.А. Конкурентное право и Номенклатура специальностей научных работников по юридическим наукам // Журнал рос. права. 2018. № 2. С. 142–148.

⁴ Там же. О негативных последствиях, связанных с этим решением Минобрнауки России, в более широком контексте конституционной модели публично-властной организации в современной России пишет Ю.В. Ким: «Не вдаваясь в глубокий анализ произошедшей метаморфозы (этот вопрос не является предметом настоящей публикации), следует лишь заметить, что разрушительные последствия предпринятой перегруппировки научных специальностей, в основе которой умозрительность и эклектика, не замедлят сказаться. Урон наносится не только научной

¹ См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.04.2021.

Это суждение о ценности и качествах новой номенклатуры научных специальностей, по которым отныне будут присуждаться ученые степени, навевает на тревожные мысли. Они отчасти касаются и тех обстоятельств, при которых разрабатывался и принимался этот правовой документ. Можно предположить как очевидное, что даже ВАК России, по каждой диссертации принимающая решения, не имела возможности повлиять на Минобрнауки России. Приведенное радикальное суждение принадлежит Е.Ю. Грачевой, председателю комиссии по праву в ВАК России. Другой автор этой статьи — авторитетный теоретик права в современной правовой науке страны. По их убеждению, «предлагается сохранить сложившуюся систему научных специальностей по праву на обозримый период времени». Эта принципиальная оппонентская позиция свидетельствует о том, что до принятия Минобрнауки России названного документа они не были продуманы и учтены.

Принципиально соглашаясь с предложением сохранить сложившуюся систему научных специальностей по праву — на том, в частности, основании, что, по убеждению автора, эффективность права в России определяется не названными пятью группами, а прежде всего теми отраслями, которые образуют систему права. А то, что предлагается Минобрнауки России, в определенной мере подрывает эффективное действие публичного и частного права.

Именно в свете таких тревожных оценок решения Минобрнауки России мы пишем статью о правовых основах экологической сферы в системе права России, которые, хотя и не всегда последовательно, занимают достойное место в общей теории права.

Речь, очевидно, идет не только о месте природоресурсного права, не только о юриспруденции, имея в виду связь науки с правоустановительной деятельностью. Это решение Минобрнауки России, несомненно, негативно отразится на эффективности права России в целом.

Номенклатура научных специальностей изначально является важным ресурсом развития науки в России. Вопрос в том, каким отныне будет это развитие? В части отсутствия в ней эколого-правовой науки как существенного правового направления обратим в этой связи внимание на положения федерального законодательства в данной сфере. Так, регулируя деятельность по поводу науки и научно-технической

политики, Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁵ уже в ст. 2, определяющей основные понятия, применяемые в нем, устанавливает нормативное и методологическое положение, касающееся *существа научной (научно-исследовательской) деятельности*, существенное и для научной статьи о месте и роли экологического и природоресурсного права как научной специальности. Определяя научную (научно-исследовательскую) деятельность как **деятельность, направленную на получение и применение новых знаний**⁶, федеральный законодатель обоснованно приоритетно выделяет в ее структуре *фундаментальные научные исследования*, которые представляют собой экспериментальную или теоретическую деятельность, направленную на получение *новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды*.

Имея в виду то существенное обстоятельство, что написание и защита кандидатских и докторских диссертаций, за которые присуждаются искомые научные степени, происходит именно в фундаментальной науке как теоретической, теоретико-прикладной деятельности, эта структура *новых знаний — об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды* — имеет в том числе и непосредственное отношение к исследуемому в статье вопросу — о **номенклатуре научных специальностей в области права**. Названные в приказе Минобрнауки России специальности имеют свои специфические объекты исследования в праве, всегда опосредованные через государство-суверена, фундаментального субъекта, заинтересованного и призванного обеспечивать его эффективное функционирование. Согласимся, что для всех отраслей в правовой системе объектом и предметом всех наших научных правовых исследований *всегда являются человек, общество, государство*. В то же время *законодатель по справедливости и научно обоснованно в этом ряду называет и окружающую среду*. Причем в данном случае имеем в виду в том числе и конституционную норму

⁵ См.: СЗ РФ. 1996. № 35, ст. 4137.

⁶ Положение Закона о научной (научно-исследовательской) деятельности как деятельности, направленной на получение и применение новых знаний, имеет существенное не только теоретическое, но и прикладное значение в свете цитированного выше общетеоретического суждения В.С. Нерсисянца о правоустановительной деятельности, которая должна опираться на научно осмысленный отечественный и зарубежный опыт в этой сфере.

В то же время мы, научные работники, имели возможность наблюдать высокую меру игнорирования научных положений в законодательной деятельности на федеральном уровне в области правового регулирования отношений в экологической сфере.

методологии построения системы права и ее отраслей, но и выработанным на ее основе приемам систематизации законодательства. Безусловно, издержки теоретико-методологического плана понесет и наука конституционного права. Думается, что этот вопрос требует специального и обстоятельного обсуждения» (см.: Ким Ю.В. Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 25–34).

о природе (окружающей среде) как основе жизни и деятельности народов (ст. 9 Конституции РФ)⁷.

Соответственно эта методологическая позиция законодателя уже как правовая норма, как императив подлежит надлежащему учету при установлении новой номенклатуры научных правовых специальностей.

В этой связи исследование эколого-правовых проблем, как в контексте положений общей теории права, экологических норм Конституции РФ, так и вытекающих из новой номенклатуры научных специальностей, мы будем вести в контексте главной задачи экологического и природоресурсного права. По мнению автора статьи, такой **главной задачей является обеспечение суверенитета экологического и природоресурсного права как эффективной суперотрасли публичного права**. Уважаемый читатель, возможно, согласится, что лишь посредством эффективного экологического и природоресурсного права может последовательно обеспечиваться *повседневное «приведение в порядок планеты»*. Иными словами, поддержание не только экологического правопорядка, но и обеспечение интересов экологического благополучия как вида публично-правовых интересов⁸. Как мы видели, в соответствии со стандартами специальностей по новой номенклатуре предусмотрено неправомерное отчленение части традиционного предмета природоресурсного права в отношениях природопользования и передача его гражданскому праву.

Основываясь на единстве природы, постоянной органичной, естественной взаимосвязи и взаимодействии ее отдельных частей — земли и других природных ресурсов, **экологическое и природоресурсное право мы рассматриваем как суперотрасль в правовой системе России**.

Это суждение подтверждается и научной позицией Ю.А. Тихомирова, выражающей не только теоретико-практический, но и системно-экологический, цивилизационный взгляд: *«Экологическая сфера в широком смысле слова — это сфера природоохранная и сфера природоресурсная, которые становятся очень существенными для понимания, изучения, регулирования общественного бытия. <...> экологическая сфера... представляет собой общую базу, базис развития страны, государства и, естественно, жизнедеятельности людей (выделено нами. — М.Б.)»*⁹. Это подчеркнутое ученым обстоятельство — «сфера природоохранная и сфера

природоресурсная... становятся очень существенными для понимания, изучения, регулирования общественного бытия» — мы рассматриваем в контексте сформулированной главной задачи. В Конституции РФ это обстоятельство трансформируется отчасти в норму: земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как *основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории* (ст. 9). Мы сказали «отчасти» потому, что в научно обоснованном суждении Ю.А. Тихомирова заложены существенно более широкие задачи, стоящие по поводу экологической сферы как перед доктриной, так и перед правом, правовой системой в целом. Подчеркнем, эти задачи непосредственно связаны с решением Минобрнауки России по новой номенклатуре научных специальностей.

Сейчас обратим лишь внимание уважаемого читателя, что вопреки очевидному — норме Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» о новых знаниях, выделяя знания об окружающей среде в структуре фундаментальных научных исследований, которая была проигнорирована Минобрнауки России; норме Конституции РФ о земле и других природных ресурсах как основе жизнедеятельности общества, как и каждого отдельного человека; положению теории публичного права, согласно которому «сфера природоохранная и сфера природоресурсная... становятся очень существенными для понимания, изучения, регулирования общественного бытия», — *в новой номенклатуре эколого-правовые науки не выделены отдельным блоком*. Исследуя эту ситуацию, мы будем видеть опасные, если не катастрофические для природы, общества и государства, а прежде всего для природоресурсного права последствия принятого Минобрнауки России решения.

В сформулированной главной задаче экологического и природоресурсного права можно видеть, вычленив два элемента. Один — формирование и функционирование эффективного **экологического и природоресурсного законодательства и права, генеральной стратегической задачей которого является поддержание, сохранение, восстановление благоприятного состояния природы**¹⁰: **именно благоприятное состояние земли и других природных ресурсов служит здоровой, надлежащей основой жизни и деятельности человека и общества**. Другой — исключение противоправных вмешательств в регулирование отношений в экологической сфере со стороны других отраслей, прежде всего гражданского права. О последствиях подобного вмешательства уже

⁷ К этому вопросу мы вернемся ниже.

⁸ См.: Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал рос. права. 2001. № 5.

⁹ Тихомиров Ю.А. Теоретико-практический взгляд на водное право // Водное законодательство и экологические вызовы: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 15 июня 2012 г.) / сост. С.А. Боголюбов, Д.О. Сиваков, О.А. Золотова. М., 2012. С. 25, 26.

¹⁰ В свете ст. 42 Основного Закона каждый имеет право на благоприятную окружающую среду.

неоднократно говорилось в правовой печати¹¹. Сейчас же по воле Минобрнауки России гражданское право получило «законное» основание для вмешательства.

Важность сформулированной нами главной задачи экологического и природоресурсного права — согласимся, что она, как отвечающая интересам человека и общества, является научно обоснованной, заключается — в частности, в том, что методологически она служит и юридическим критерием принимаемых решений в сфере экологического развития страны и государства, в том числе и решения, принятого Минобрнауки России.

В своей статье Е.Ю. Грачева и Н.А. Власенко, возражая против выделения конкурентного права, которое по решению Минобрнауки России относится как к публично-, так и к частноправовым наукам, называют существенный научный мотив, подчеркивая, что «дифференциация научного знания в юридической науке достигла определенного уровня, ее дальнейшая детализация может негативно сказаться на формировании единой правовой картины в стране».

Иная, более серьезная и опасная, чем с конкурентным правом, ситуация создана в отношении земельного и остального природоресурсного права. Дифференциация научного знания (в отношении, в частности, земельного права), произошла давно. В общей теории права в далекие 1960-е годы, когда еще велись активные дискуссии о выделении отраслей в системе права, было обособлено «земельное право как определенная самостоятельная отрасль»¹². И в современной общей теории права экологическое и природоресурсное права занимают определенное место. В.С. Нерсисянц относит земельное право и природоохранное право к **основным отраслям российского права**¹³.

¹¹ В частности, см.: Бринчук М.М. Гражданское право не может самостоятельно регулировать отношения в экологической сфере // Экологическое право. 2018. № 4. С. 12—18.

¹² Александров Н.Г., Калинычев Ф.И. и др. Теория государства и права: учеб. М., 1968. С. 589, 590.

¹³ Там же. С. 439.

На фоне такой позиции общей теории права важно обратить внимание, какая судьба земельного права видится в отраслевой науке.

Еще в середине 1990-х годов, по утверждению В.А. Дозорцева, «земельные отношения распались на регулируемые гражданским и административным правом, и основания для признания земельного права самостоятельной отраслью перестали существовать. Оно должно быть квалифицировано как комплексная отрасль законодательства. Это влечет за собой многочисленные практические последствия и, прежде всего, распространение на имущественные земельные отношения норм общей части гражданского права, отнесение регулирования этих отношений к компетенции федерации и т.п.». Утверждалось так, как будто земельное право уже перестало существовать (см.: Дозорцев В.А. Проблемы совершенствования

Заметим, что называется лишь земельное право как основная отрасль. С учетом сущности и специфики, многофункциональной роли и других природных ресурсов, вполне сравнимых с землей, несомненно, и другие природоресурсные отрасли — горное, водное, лесное и иные — достойны иметь аналогичный правовой статус в системе права¹⁴.

При этом действующий Гражданский кодекс РФ изобилует земельно-правовыми нормами. Совершенно прав Н.А. Сыродоев, многолетний работник Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, неоднократно утверждающий, что Гражданский кодекс РФ в ряде статей, включая статьи из гл. 17, содержит нормы, регулирующие земельные отношения, которые «даже при самом богатом воображении нельзя отнести к гражданско-правовым»¹⁵.

И в самом природоресурсном законодательстве имеется немало норм с отсылками к гражданскому законодательству, не согласованных со ст. 72 Конституции РФ и противоречащих ее положениям. Так, в аспекте исследования порядка заключения договора водопользования Д.О. Сиваков пишет: «Согласно ст. 12 ВдК РФ 2006 г. договорные отношения при пользовании водными объектами *подпадают под действие гражданского законодательства* (положения об аренде)»¹⁶. С какой стати при пользовании Байкалом, Волгой, Селигером, юридически, несомненно, находящимися в собственности государства, такие договорные отношения должны подпадать под действие гражданского законодательства?!

Оценка созданной Минобрнауки России ситуации и последствия для развития эколого-правовой науки

Если Основной закон страны и государства устанавливает, что земля и другие природные ресурсы — основа жизни и деятельности народов, что, согласимся, истинно в философском

гражданского права Российской Федерации при переходе к рыночной экономике // Государство и право. 1994. № 1. С. 26).

¹⁴ Об этом свидетельствует, в частности, утверждение Конституционного Суда РФ, касающееся леса: «лесной фонд ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимости обеспечения устойчивого развития и рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов представляет собой публичное достояние многонационального народа России, как таковой является федеральной собственностью особого рода и **имеет специальный правовой режим**» (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 1-П по делу о проверке конституционности Лесного кодекса РФ // СЗ РФ. 1998. № 3, ст. 429).

¹⁵ Сыродоев Н.А. Земельное право: курс лекций: учеб. пособие. М., 2011. С. 11, 46.

¹⁶ Сиваков Д.О. § 2. Договорные способы регулирования водопользования // Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность. М., 2018.

и цивилизационном смыслах, то суть этого конституционного положения мы воспринимаем и в контексте статуса не только экологического, но и природоресурсного права — земельного, горного, водного, лесного и других как основных отраслей в системе права России. Этот статус природоресурсного права можно видеть и в суждении авторитетного теоретика публичного права Ю.А. Тихомирова, выражающего не только теоретико-прикладной взгляд, но и системно-экологический, цивилизационный: «Экологическая сфера не должна рассматриваться как одна из “рядовых” сфер воздействия государства, как одна из сфер правового регулирования.

<...> экологическая сфера в этом смысле не является такой узкоспециализированной, поскольку представляет собой общую базу, базис развития страны, государства и, естественно, жизнедеятельности людей. Это очень важный момент, потому что возникают некие универсальные экологические императивы, в том числе и правовые, обязательные для других, если не всех, отраслей права.

Раньше мы видели два главных императива — международный и конституционный; в настоящее время экологические правовые императивы выдвигаются на передний план, причем это доступно взгляду не только специалиста-отраслевика, но и каждого человека, живущего на планете, которая становится все более и реальнее уязвимой, требующей к биосфере особого отношения (курсив наш. — М.Б.)»¹⁷.

Высказанные ученым основополагающие и взаимосвязанные научные позиции свидетельствуют об одном — публично-правовой сути как экологического, так и всего природоресурсного права как единого по предмету продукта «дифференцированного научного знания» в общей теории права.

В части развития и совершенствования системы права дифференциацию научного знания в юридической науке можно считать одним из важнейших направлений общей теории права. Дифференциация научного правового знания в той или иной особой сфере общественной жизни, результатом которой становится выделение отрасли права, что в силу специфики является признанием в общей теории права ее особой важности. Выделение отрасли права становится свидетельством развития и прогресса системы права. Спешное решение Минобрнауки России о новой номенклатуре научных специальностей можно рассматривать как процесс, нарушающий прогресс развития науки и самой системы права.

Автор данной статьи не находит очевидного научного мотива, обоснования и достоинства в решении Минобрнауки России в принципиальном отказе от прежней модели формирования диссертационных советов на основе признанных в общей теории отраслей. Выделение в номенклатуре научных специальностей пяти групп не послужит прогрессу развития правовой науки в силу уже того, что основу системы права образуют не столько названные пять групп, сколько отрасли, выделенные в общей теории права.

«Растворение» признанных научных специальностей по отраслям права в группах публичного и частного права негативно скажется на эффективности как самой науки, так и на системе права. По нашему убеждению, эффективность системы права определяется не этими группами, а максимальной полезностью каждой из отраслей.

Аналогию можно видеть, скажем, в суде, функционально состоящем из ряда самостоятельных систем, агрегатов, но связанных с другими. Надежное функционирование суда определяется эффективной работой отдельных систем. Известно немало случаев, когда из-за слабой работы отдельной системы погибает все судно.

Создалась неадекватная ситуация. Научные степени будут отныне присуждаться не по предмету признанного «дифференцированного научного правового знания», отражающего видение системы права в общей теории права, а по сформулированной Минобрнауки России научной специальности, в частности по публично-правовым или частноправовым наукам. В решениях ВАК будет указано, что тот или иной ученый, защитивший диссертацию по экологическому или природоресурсному праву, является специалистом в той или другой названной науке, специалистом в которой он в действительности не является.

В процессе исполнения исследуемого решения Минобрнауки России, предполагаем, объективно будет происходить дискриминация своей более узкой специальности. При этом будет ущемляться не только профессиональная персонификация ученого.

Заметим, что каждый в своем научном статусе является кандидатом или доктором юридических наук, представляющим свою *определенную область науки*, в большинстве сейчас не названных в приказе Минобрнауки России, которая в рамках правовой системы является отраслью права. И в науке права в целом каждый ассоциируется именно с отраслью. Даже если М.И. Васильева писала докторскую об экологическом интересе как публичном интересе, она воспринимается в научном сообществе России как известный специалист не в публично-правовых науках, а исключительно в науке экологического права. С.А. Боголюбов

¹⁷ Тихомиров Ю.А. Теоретико-практический взгляд на водное право. С. 25, 26.

имеет множество работ, написанных в контексте Конституции РФ. Он так же не воспринимается как представитель публично-правовой науки. Он — авторитетный ученый в области экологического и природоресурсного права.

Но это лишь часть большой и более серьезной проблемы. Решение о новой номенклатуре негативным образом отражается и в вопросе о подготовке научных кадров в аспирантуре (докторантуре).

Большой вред развитию правовой науки в стране будет причинен коренным изменением в планировании подготовки научных кадров через аспирантуру. Очевидно, программы подготовки научных и научно-педагогических кадров по правовым вопросам экологической сферы в аспирантуре будут формироваться в соответствии с паспортами научной специальности по публично-правовым (государственно-правовым) наукам и частноправовым (цивилистическим) наукам.

В свете новой номенклатуры большим дефектом можно видеть сам подход к становлению ученого на этапе аспирантуры. Очевидно, что в значительной степени формирование, становление ученого в части накопления дифференцированного знания объективно происходит посредством подготовки к кандидатскому экзамену. Если ранее суть этой подготовки сводилась исключительно к овладению системным научным, теоретическим знанием по экологическому и природоресурсному праву, то сейчас такая подготовка, с одной стороны, «усложняет научную жизнь» аспиранта, а с другой — не представляет особой научной ценности для него как ученого. Аспирант принуждается к изучению отдельных важных вопросов по отраслям права, входящих в группы публично-правовой и частноправовой науки¹⁸, включая наряду с ними и такие же фрагментарные знания по экологическому и природоресурсному праву.

Природоресурсное право еще не переживало в своей истории такой печальной и опасной ситуации, как она сложилась сейчас по воле Минобрнауки России в связи, как пишут Е. Ю. Грачева и Н. А. Власенко, со «спешным изменением Номенклатуры и Паспорта научных специальностей». По поводу новой Номенклатуры и Паспорта научных специальностей автор данной статьи не только разделяет научное суждение авторитетных ученых о том, что **«спешное изменение Номенклатуры и Паспорта научных специальностей может негативно отразиться на системе подготовки научных кадров, эффективной работе диссертационных советов и развитии отечественной юриспруденции в целом»**¹⁹.

¹⁸ Уже изучавшиеся им в вузовской программе.

¹⁹ Грачева Е. Ю., Власенко Н. А. Указ. соч.

Очевидно, негативно отразится не только на юриспруденции, имея в виду связь науки с правоустановительной деятельностью. Это решение Минобрнауки России, несомненно, пагубно повлияет на эффективность российского права в целом.

Если в отношении конкурентного права правовые позиции Минобрнауки России вызовут названные последствия, то применительно к природоресурсному праву — катастрофические. Если Минобрнауки России, принимая решение по новой номенклатуре, имел целью преодолеть трудности в развитии науки, то применительно к природоресурсному праву этот орган исполнительной власти достигает противные цели, разрушая его.

За этим решением мы с очевидностью можем наблюдать деструктивные связи, имеющие крайне неблагоприятные для судьбы природоресурсного права и, соответственно, правовой системы России последствия. Передача отношений по природопользованию предмету науки частного права методологически означает отнесение этих отношений к гражданско-правовому регулированию. Это, в частности, вытекает из ранее приведенного принципа общей теории права о началах правоустановительной деятельности в утверждении В. С. Нерсисянца.

Таким образом, по воле Минобрнауки России земельное, горное, водное, лесное и другие отрасли оказываются разорванными между природоресурсным правом как публичным и гражданским, частным правом.

При этом если природопользование закономер-но является предметом каждой из отраслей природоресурсного права, то к предмету гражданского права оно не имеет равным счетом никакого отношения²⁰. Хотя нельзя исключить, что сейчас,

²⁰ Отношения, регулируемые гражданским законодательством, определены ст. 2 ГК РФ. В соответствии с ней, гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск, деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.

получив «законные» основания в виде приказа Минобрнауки России, в Гражданском кодексе РФ не появится новая норма.

Обратим особое внимание уважаемого читателя, что, системно регулируя отношения по природопользованию, в земельном, горном, водном и ином природоресурсном законодательстве имеется норма о предоставлении соответствующего природного ресурса гражданам и юридическим лицам как субъектам соответствующих отраслей природоресурсного права для осуществления специального природопользования, включая ведение экономической, предпринимательской деятельности.

В природоресурсном праве традиционно учитываются жизненные и правовые потребности всех и каждого. Интересы *каждого* принимаются во внимание и обеспечиваются посредством регулирования общего природопользования. Соответствующие нормы содержатся в земельном и другом отраслевом природоресурсном законодательстве и праве. Право общего природопользования регулируется в том числе и через установление сервитутов, традиционно предусматриваемых земельным законодательством применительно к частным и публичным землям. Другое дело, что цивилистическая наука не хочет замечать этого.

Как пишет В.П. Мозолин, «длительное время в советском праве и в юридической литературе сервитутное право было предано забвению. Считалось, что оно в принципе может применяться лишь в условиях существования в обществе частной собственности на землю. В подобном утверждении содержалась только часть правды. Действительно, в связи с отсутствием частной собственности на землю сервитуты в их традиционном понимании существовать не могли. Вместе с тем в отношениях между владельцами и пользователями государственных земель возникли многие не регулируемые законом вопросы, связанные с правом прохода, пользованием водой и т.д. Другими словами, в условиях существования государственной монополии на землю была необходимость иметь категорию вещных прав, аналогичных (но не тождественных) сервитутному праву, не говоря уже о личных сервитутах, потребность в которых была еще более острой»²¹.

Относя решением Минобрнауки России природопользование к предмету науки частного права, возникает существенный вопрос: «умеет» ли гражданское (частное) право регулировать природопользование, как это делается в земельном, водном, лесном и другом природоресурсном праве?! Чтобы быть эффективным, регулирование природопользования, как и всех других природоресурсных отношений, исходно

имеющих публично-правовую природу, изначально должно осуществляться на единых началах — как Целое. Дробление на публичное и частное ослабляет. Как государственная власть, призванная служить благоприятному развитию общества, едина и регулируется в рамках своего предмета нормами конституционного и другого публичного права, так и природа, единая изначально, в ее «служении» обществу как его основа жизни и деятельности, должна регулироваться одной, специализированной отраслью экологического и природоресурсного права, находясь в составе публичного права, в интересах всех и каждого, как и осуществляемая публичная власть.

Принятое Минобрнауки России нормативно-правовое решение непосредственно затрагивает устоявшиеся, давно сформулированные коренные положения общей теории, касающиеся основ ее основополагающего вопроса — отраслевой структуры системы права России. Сейчас же, учитывая научные рекомендации теории частного права, на «законных» основаниях федеральный законодатель будет разрушительно вмешиваться в природоресурсное право.

Можно сказать, что не имеющий прямого отношения ни к природе, к земле и другим природным ресурсам, ни к предмету экологического и природоресурсного права этот орган исполнительной власти своим решением, с очевидностью можно ожидать, вызовет катастрофические последствия в экологической сфере, разрушая последовательно устанавливавшийся с 1970-х годов порядок.

Соответственно, сейчас на «законных» основаниях в диссертационном совете по частному праву будут принимать и проводить защиты диссертаций по 06-й специальности. Тем самым доктрина частного права, с 1990-х годов стремившаяся к обладанию природными ресурсами в сфере регулирования гражданского права, может двояким путем продолжать свою деструктивную работу против природы и природоресурсного права. Это может происходить и в самих диссертациях по частному праву, содержащих природоресурсные положения. Диссертационные советы по частному праву в угоду интересам доктрины гражданского права вправе требовать от соискателей по 06-й специальности «убедительных» концепций отнесения природоресурсных отношений к частному праву. Как и ранее, сейчас можно ожидать активности в исследованиях вопросов природоресурсного права в самой частноправовой доктрине.

Можно предположить, что в аспирантуре и докторантуре по гражданско-правовым основам природопользования будет требоваться особое научное обоснование отнесения тематики природоресурсных отраслей к частному праву. В ущерб науке природоресурсных отраслей. Все это будет способствовать развитию нездоровой, разрушительной для науки экологического и природоресурсного права конкуренции

²¹ Мозолин В.П. Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике. М., 1992. С. 32.

между публичным и частным правом. Особенно со стороны частного права.

С этим мы уже сталкивались в условиях дефицита диссертационных советов по 06-й специальности. Даже при очевидной принадлежности предмета исследования к публичному праву соискатель был вынужден подстраиваться под интересы совета по гражданскому праву, который был в регионе.

Присуждение ученых степеней по группам научных специальностей, названных Минобрнауки России, а не по специальностям, соответствующих дифференцированным правовым знаниям, признанным в общей теории права, будет иметь системные неблагоприятные последствия.

(Окончание в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н.Г., Калинычев Ф.И. и др. Теория государства и права: учеб. М., 1968. С. 439, 589, 590.
2. Бринчук М.М. Гражданское право не может самостоятельно регулировать отношения в экологической сфере // Экологическое право. 2018. № 4. С. 12–18.
3. Грачева Е.Ю., Власенко Н.А. Конкурентное право и Номенклатура специальностей научных работников по юридическим наукам // Журнал рос. права. 2018. № 2. С. 142–148.
4. Дозорцев В.А. Проблемы совершенствования гражданского права Российской Федерации при переходе к рыночной экономике // Государство и право. 1994. № 1. С. 26.
5. Ким Ю.В. Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 25–34.
6. Мозолин В.П. Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике. М., 1992. С. 32.
7. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. для вузов. М., 2002. С. 420.
8. Сиваков Д.О. § 2. Договорные способы регулирования водопользования // Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность. М., 2018.

9. Сыродоев Н.А. Земельное право: курс лекций: учеб. пособие. М., 2011. С. 11, 46.
10. Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал рос. права. 2001. № 5.
11. Тихомиров Ю.А. Теоретико-практический взгляд на водное право // Водное законодательство и экологические вызовы: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 15 июня 2012 г.) / сост. С.А. Боголюбов, Д.О. Сиваков, О.А. Золотова. М., 2012. С. 25, 26.

REFERENCES

1. Aleksandrov N.G., Kalinichev F.I., et al. Theory of state and law: textbook. M., 1968. Pp. 439, 589, 590 (in Russ.).
2. Brinchuk M.M. Civil Law cannot independently regulate relations in the environmental sphere // Environmental Law. 2018. No. 4. Pp. 12–18 (in Russ.).
3. Gracheva E. Yu., Vlasenko N.A. Competition Law and the Nomenclature of specialties of researchers in legal sciences // Journal of Russ. law. 2018. No. 2. Pp. 142–148 (in Russ.).
4. Dozortsev V.A. Problems of improving the Civil Law of the Russian Federation in the transition to a market economy // State and Law. 1994. No. 1. P. 26 (in Russ.).
5. Kim Yu. V. The constitutional model of public authority organization in modern Russia // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 6. Pp. 25–34 (in Russ.).
6. Mozolin V.P. Property law in the Russian Federation during the transition to a market economy. M., 1992. P. 32 (in Russ.).
7. Nersesyants V.S. General theory of law and the state: textbook for universities. M., 2002. P. 420 (in Russ.).
8. Sivakov D.O. § 2. Contractual methods of regulating water use // Avkhadeev V.R., Astashova V.S., Andrichenko L.V. et al. The contract as a general legal value. M., 2018 (in Russ.).
9. Syrodov N.A. Land Law: a course of lectures: textbook. M., 2011. Pp. 11, 46 (in Russ.).
10. Tikhomirov Yu. A. Public law regulation: dynamics of spheres and methods // Journal of Russ. law. 2001. No. 5 (in Russ.).
11. Tikhomirov Yu.A. Theoretical and practical view of Water Law // Water legislation and environmental challenges: collection of materials of Scientific and Practical Conference (Moscow, June 15, 2012) / comp. S.A. Bogolyubov, D.O. Sivakov, O.A. Zolotova. M., 2012. Pp. 25, 26 (in Russ.).

Сведения об авторе

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости Московского государственного университета геодезии и картографии; 105064 г. Москва, Гороховский пер., д. 4

Authors' information

BRINCHUK Mikhail M. — Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Land Law and State Registration of Real Estate, Moscow State University of Geodesy and Cartography; 4 Gorokhovskiy Lane, 105064 Moscow, Russia

УДК 347

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СМЕЖНЫХ ПРАВ: РЕТРОАКТИВНЫЙ АСПЕКТ

© 2024 г. О. А. Ястребов*, Д. А. Лепешин**, П. И. Петкилев***

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва

*E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

**E-mail: lepeshine@mail.ru

***E-mail: petkilev-pi@rudn.ru

Поступила в редакцию 04.06.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена вопросам возникновения смежных прав сквозь призму ретроактивного аспекта. В работе использованы исторический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. На основе анализа законодательства СССР и актуальной судебной практики выявлено, что в отношении смежных прав аксиома «закон не имеет обратной силы» действует без каких-либо изъятий. Смежные права на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности могли возникнуть лишь после внесенных в гражданское законодательство изменений в 1991 г. Определена проблема защиты авторов и правообладателей смежных прав в случае появления новой информационно-телекоммуникационной сети, предложены варианты разрешения данной проблемы.

Ключевые слова: смежные права, авторское право, советское законодательство, интеллектуальная собственность, лицензионный договор.

Цитирование: Ястребов О.А., Лепешин Д.А., Петкилев П.И. Возникновение смежных прав: ретроактивный аспект // Государство и право. 2024. № 9. С. 130–137.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

DOI: 10.31857/S1026945224090113

THE EMERGENCE OF RELATED RIGHTS: THE RETROACTIVE ASPECT

© 2024 O. A. Yastrebov*, D. A. Lepeshin**, P. I. Petkilev***

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

*E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

**E-mail: lepeshine@mail.ru

***E-mail: petkilev-pi@rudn.ru

Received 04.06.2024

Abstract. The article is devoted to the issues of the emergence of related rights through the prism of the retroactive aspect. The work uses historical, comparative legal and formal legal methods. Based on the analysis of the legislation of the USSR and current judicial practice, it was revealed that in relation to related rights, the axiom “the law has no retroactive effect” is valid without any exceptions. Related rights to the relevant results of intellectual activity could arise only after the amendments made to civil legislation in 1991. The problem of protecting authors and copyright holders of related rights in the event of the emergence of a new information and telecommunications network is identified, and options for its resolution are proposed.

Key words: related rights, copyright, Soviet legislation, intellectual property, license agreement.

For citation: Yastrebov, O.A., Lepeshin, D.A., Petkilev, P.I. (2024). The emergence of related rights: the retroactive aspect // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp.130–137.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

*Главное для меня — истечение времени.
Хотя время пролетает не мимо меня, а сквозь меня.
Оно выхватывает куски.
Трудно пропускать сквозь себя время.*
М.М. Жванецкий

Введение

Основания возникновения гражданских прав и обязанностей определяются в современном Гражданском кодексе РФ¹ в отдельной статье. В некоторой степени этот пример иллюстрирует повышенный интерес законодателя к подробному закреплению догм гражданского права в тексте Гражданского кодекса РФ. При этом в отечественном праве норма, посвященная разновидностям оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, содержалась еще в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г.² (ст. 4). Возможно, поэтому подобная норма есть и в Гражданском кодексе Республики Беларусь³ (ст. 7), и Гражданском кодексе Республики Казахстан⁴ (ст. 7). Допустимо заявить, что наблюдается некоторая историческая и территориальная преемственность по этому вопросу в законодательной технике.

Действующая редакция ст. 8 ГК РФ делит основания возникновения гражданских прав и обязанностей на два вида. Первый вид — основания, предусмотренные правовыми актами. Второй — действия граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

Анализ гражданских кодексов таких государств, как, например, Германия⁵ и Австрия⁶, свидетельствует о том, что отдельной общей нормы (конкретной статьи) о разновидностях оснований возникновения гражданских прав и обязанностей эти акты не содержат. Из чего следует, что не каждый гражданский кодекс содержит подобные правила.

Вопросы возникновения гражданских прав могут осложняться темпоральным аспектом. Как

отмечается В.Г. Голубцовым и О.А. Кузнецовой, «проблематика типологии темпорального действия права усиливается в периоды интенсивного реформирования законодательства...»⁷. Представляется, что появление новых правовых институтов можно отнести к такому реформированию⁸.

Одним из относительно новых для отечественного права институтов является институт прав, смежных с авторскими (смежных прав). Отнести к новым его допустимо, поскольку в отечественном праве смежные права появились лишь в 1991 г. Длящиеся по поводу объектов смежных прав правоотношения на границе названного исторического отрезка предопределили отдельные споры в судах сегодня.

Анализ таких споров и правоприменительных актов к ним представляет не только практический интерес, но и дает ответы на теоретические вопросы, связанные с действием закона во времени и основанием возникновения прав и обязанностей субъектов гражданского права.

Дело о запрете незаконного использования в сети Интернет монологов М.М. Жванецкого

Судами общей юрисдикции рассмотрено дело, ярко иллюстрирующее сложность вопросов темпорального аспекта возникновения смежных прав.

Фабула дела изложена на основании решения Московского городского суда по делу № 3-814/2023 от 23 августа 2023 г.⁹ Наследница М.М. Жванецкого заключила лицензионный договор (исключительная лицензия) с истцом, по условиям которого он приобрел право на использование созданных М.М. Жванецким объектов интеллектуальной собственности, включая литературные произведения. Лицензиату предоставлено право на доведение произведений до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места в любое время по собственному выбору (доведение до всеобщего сведения), а также право на их переработку.

Контрагент наследницы (истец) выявил, что в сети Интернет на страницах сайтов, принадлежащих ответчику, до всеобщего сведения доводились звукозаписи литературных произведений М.М. Жванецкого в исполнении автора.

⁷ Голубцов В.Г., Кузнецова О.А. Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 349.

⁸ См.: Мамычев А.Ю., Фролова Е.Е., Ким А.А. «Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов // Advances in Law Studies. 2020. Vol. 8. Special issue. P. 11. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17

⁹ В официальных источниках опубликовано не было.

¹ См.: Росс. газ. 1994. № 238–239.

² См.: Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

³ См.: Ведомості Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 7–9. ст. 101.

⁴ См.: Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 2, ст. 187.

⁵ См.: Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (дата обращения: 01.05.2024).

⁶ См.: Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch für die gesamten deutschen Erbländer der Oesterreichischen Monarchie. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10001622> (дата обращения: 01.05.2024).

Ответчик пояснил, что в 1986 г. была осуществлена звуковая запись литературных произведений М.М. Жванецкого на виниловых пластинках в исполнении автора. Запись была осуществлена на основании п. 2 ст. 495 ГК РСФСР, согласно которому без согласия автора, но с указанием его фамилии и с выплатой авторского вознаграждения допускается запись в целях публичного воспроизведения или распространения выпущенных в свет произведений на пленку, пластинку, магнитную ленту или иное устройство, за исключением использования произведений в кино, по радио или телевидению.

Изготовитель звукозаписей (Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия») утратил свою правоспособность в качестве юридического лица, и его права перешли правопреемнику. Правопреемник изготовителя звукозаписей предоставил другому лицу право использования звукозаписей (фонограмм) на основании лицензионного договора (неисключительная лицензия), а последний предоставил те же права ответчику.

В связи с чем для верного разрешения спора суду следовало среди прочего ответить на вопрос о том, насколько правомерно были созданы спорные звукозаписи. Суд посчитал, что поскольку запись была осуществлена на основании п. 2 ст. 495 ГК РСФСР, то у лица возникли права на фонограммы. А значит, на сайте ответчика до всеобщего сведения доводились объекты смежных прав как самостоятельные объекты интеллектуальной собственности, правообладателем и/или обладателем исключительной лицензии в отношении которых истец не является, поскольку обладает лишь правами на литературные произведения.

Иной подход нашел свое отражение в определении Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 7 февраля 2024 г. по тому же спору¹⁰.

Апелляционная инстанция обратила внимание на то, что доказательств заключения между изготовителем звукозаписей или его правопреемником договоров с автором спорных литературных произведений М.М. Жванецким или его наследником о приобретении прав на использование литературных произведений в сети Интернет материалы дела не содержат.

Согласно выводам суда апелляционной инстанции, понятие и основания возникновения смежных прав на звуко- и видеозаписи у лица, создавшего соответствующую звуко- или видеозапись, вводится ст. 141 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.¹¹ При этом, согласно п. 3 постановления Верховного Совета

СССР «О введении в действие Основ гражданского законодательства союза ССР и республик»¹². Основы гражданского законодательства 1991 г. применяются к гражданским правоотношениям, возникшим после введения в действие основ, т.е. с января 1992 г.

Таким образом, положения Основ гражданского законодательства 1991 г. не имеют обратной силы. С введением Основ гражданского законодательства 1991 г. возникновение смежного права у создателя звуко- или видеозаписей обуславливалось получением от автора произведения согласия на использование произведения (ч. 1 ст. 138) и на основании заключенного договора с автором и исполнителем произведения.

Аналогичным образом не имеют обратной силы положения Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах»¹³, в том числе ст. 38 (возникновение исключительных прав на использование фонограммы у производителя фонограммы), принятого вместо прекративших действие положений разд. IV Основ гражданского законодательства 1991 г. (Авторское право, в том числе ст. 138–141) (п. 2 постановления Верховного Совета РФ от 09.07.1993 № 5352-1 «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “Об авторском праве и смежных правах”»¹⁴).

При этом отсутствие соответствующего договора само по себе не свидетельствует о незаконности осуществления соответствующей записи ФГУП «Мелодия», поскольку на момент ее создания (1986 г.) запись произведения допускалась без согласия автора, однако способы и условия использования такой записи ограничивались объемом прав, прямо предусмотренных ч. 2 ст. 495 ГК РСФСР 1964 г. (ред. от 18.12.1974).

Апелляционная инстанция пришла к выводу о том, что истцом не предоставлены доказательства возникновения у изготовителя записи права на использование спорных литературных произведений (их аудиозаписей в исполнении автора М. Жванецкого, а также Р. Карцева и В. Ильченко) путем доведения произведений до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведениям из любого места и в любое время по собственному выбору (доведение до всеобщего сведения) ответчиком не представлено, данные права не могли перейти к правопреемнику, затем не могли быть впоследствии переданы ответчику. Следовательно, данный способ использования литературных произведений в составе фонограмм произвольно, без наличия на это

¹⁰ В официальных источниках опубликовано не было.

¹¹ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26, ст. 733.

¹² См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26, ст. 734.

¹³ См.: Росс. газ. 1993. № 147.

¹⁴ См.: там же.

правовых оснований, включен в текст лицензионных договоров, что не может служить основанием для признания законного использования объектов авторского права.

История возникновения смежных прав в России

Первые смежные права на наднациональном уровне возникли в связи с принятием в 1961 г. Международной конвенции об охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций¹⁵. Появление смежных прав — следствие развития новых технологий. Примером такой технологии является фонограф, который принято считать созданным в 1877 г. Т. Эдисоном¹⁶.

В отечественном законодательстве права, смежные с авторскими, нашли отражение лишь в 1991 г., в связи с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик. В названном акте ст. 141 определялись права исполнителей, создателей звуко- и видеозаписей, организаций эфирного вещания. В совокупности и по отдельности эти права стали именоваться смежными правами.

Уже в 1993 г. был принят Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах», в котором отдельный разд. (III) касался смежных прав. Раздел состоял из девяти статей и помимо того, что более подробно регулировал вопросы смежных прав по сравнению с Основами гражданского законодательства, изменился состав объектов смежных прав. Звуко- и видеозаписи были заменены фонограммой. При этом фонограмма представляет собой запись звуков, что позволяет прийти к выводу о том, что видеозапись была в целом исключена из перечня объектов смежных прав.

В дальнейшем соответствующие правоотношения регулировались частью четвертой ГК РФ¹⁷, которая была введена в действие с 2008 г.¹⁸

Обратная сила законодательства о смежных правах

Правовая аксиома *lex retro non agit* означает, что закон обратной силы не имеет. Такая аксиома может иметь исключения.

С.С. Алексеев справедливо писал о том, что «обратная сила закона — это такое его действие, которое возможно на основе компетентного нормативного решения (выраженным, как правило, при принятии нормативного акта или при

установлении порядка введения его в действие)»¹⁹. В контексте Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик правовед приводил пример обратной силы положений наследственного права на наследства, открытые до введения в действие соответствующих основ и самого Гражданского кодекса²⁰.

При этом правил о том, что законодательство о смежных правах распространяется на 1986 г. в нормативных правовых актах, не содержится. Постановление Верховного Совета СССР от 31 мая 1991 г. № 2212-І «О введении в действие Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик»²¹ в п. 3 устанавливало общее правило о том, что Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик применяются к гражданским правоотношениям, возникшим после введения в действие основ (с 1 января 1992 г.).

Обращает на себя внимание, что в силу п. 11 названного акта и в отношении объектов авторского права устанавливалось правило: на произведения, ранее не признававшиеся объектами авторского права, действие разд. IV Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик распространяется, если произведение выпущено в свет после 1 января 1992 г. Иными словами, законодателем прямо подчеркивалось, что обратная сила закона на правовой режим объектов авторского права не распространяется.

Аналогичного правила в отношении объектов смежных прав не содержалось. Вероятно, это было вызвано тем, что примерный перечень произведений в связи с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик стал отличаться от ранее действовавшего примерного перечня. Например, в законе возникли произведения дизайна. Тогда как объекты смежных прав были введены в законодательство впервые. Иными словами, в отношении правового режима объектов смежных прав и прав на них дополнительных уточнений не требовалось, действовало общее правило п. 3 постановления Верховного Совета СССР от 31 мая 1991 г. № 2212-І «О введении в действие Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик» — обратная сила отсутствовала.

Не содержал правил об обратной силе и Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» в силу п. 2 постановления Верховного Совета РФ от 9 июля 1993 г. № 5352-І «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “Об авторском праве и смежных правах”».

¹⁵ См.: Бюллетень по авторскому праву. 1996. № 1.

¹⁶ См.: Рунге В. Ф. История дизайна, науки и техники: учеб. пособие: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 108.

¹⁷ См.: Росс. газ. 2006. № 289.

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 3: Проблемы теории прав: курс лекций. М., 2010. С. 518.

²⁰ См.: там же. С. 516.

²¹ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26, ст. 734.

Аналогично определялось распространение Закона РФ «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных»²² на отношения, связанные с созданием и использованием программ для электронных вычислительных машин и баз данных, возникшие после введения в действие указанного Закона согласно п. 3 постановления Верховного Совета РФ от 23 сентября 1992 г. № 3524-1 «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных”»²³.

Два важных правила о действии закона во времени содержит Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: четвертая часть ГК РФ применяется к правоотношениям, возникшим после введения ее в действие, и права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, охраняемые на день введения в действие части четвертой ГК РФ, продолжают охраняться в соответствии с правилами части четвертой ГК РФ. В отношении смежных прав закон изъятий в этой части не содержит.

На основании чего можно сделать следующий вывод: отечественное законодательство о смежных правах не содержало и не содержит правил о том, что нормы этого института имеют обратную силу.

Ретроактивность смежных прав применительно к «делу Жванецкого»

Согласно изложенному, законодательство о смежных правах не является ретроактивным. При этом фактически фонограммы в России создавались и до того момента, когда правовой режим этого объекта был определен в законодательстве, т.е. до 1991 г., поскольку сама технология фонографа возникла раньше. Иными словами, фонограммы существовали, но в качестве объектов смежных прав фонограмм право не знало, поскольку самих смежных прав еще не было.

Соответствующий пример является иллюстрацией определенной дихотомии юридического и неюридического языков. А язык, как отмечают исследователи этого вопроса, «посредник, посредством которого право действует»²⁴. Проявляется такая дихотомия в том, что понятие, закрепленное в законе, по своему значению может отличаться от общепринятого употребления.

Например, из ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁵ следует, что одним из конститутивных признаков социальной сети является доступ к сайту и (или) странице сайта в сети Интернет в количестве более 500 тыс. пользователей сети Интернет, находящихся на территории Российской Федерации.

То есть если количество пользователей будет составлять 499 тыс., или часть от 500 тыс. пользователей будет находиться не на территории Российской Федерации, то по смыслу закона такой сайт и (или) страница сайта в сети Интернет не будет признаваться социальной сетью. При этом бытовое, общепринятое понимание социальной сети не основывается на твердом количественном критерии.

Ровно так же фонограмма как объект права и как некий фактический объект не тождественны друг другу. А значит нет противоречий в том, что фонограммы могли существовать до того, как право закрепило их своими средствами в социальной реальности на нормативном уровне. Как правило, правотворец реагирует на уже созданные объекты реальной действительности, а не осуществляет регулирование отношений по поводу еще не существующих (хотя бы в общественном сознании) объектов.

Тем не менее этот временной разрыв между фактическим появлением объекта и определением его правового режима на уровне закона может быть «заполнен» правотворцем путем специального указания об обратной силе закона или о том, как регулируются отношения по поводу соответствующих объектов после вступления закона в силу, если эти отношения возникли ранее.

Законодатель, как справедливо указал суд апелляционной инстанции по делу о запрете незаконного использования в сети Интернет монологов М.М. Жванецкого, подобных правил в отношении фонограмм не установил. Тем самым должно действовать общее правило *lex retro non agit*.

Поскольку на основании закона смежных прав возникнуть не могло, следует вопрос о том, могли ли возникнуть права на основании договора.

Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений характеризуется различными чертами, среди которых можно выделить и черту правонаделения²⁶. До 1991 г. изготовители фонограмм не были наделены законом правами и обязанностями в отношении такого объекта смежных прав.

²² См.: Росс. газ. 1992. № 229.

²³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 42, ст. 2326.

²⁴ См.: Бикс Б. Право, язык и правовая определенность / пер. с англ. В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева. М., 2024. С. 15.

²⁵ См.: Росс. газ. 2006. № 165.

²⁶ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2022. С. 123–137.

Равно как право собственности «базируется непосредственно на законе»²⁷, так и исключительное право изготовителя фонограмм основывается на законе. И именно такое исключительное право является основой возникновения других субъективных гражданских прав. Поскольку право использования фонограммы, по общему правилу, основывается на выраженном в установленной законом же форме согласии правообладателя.

Тем самым становится очевидно, что субъекты вправе реализовывать собственные интеллектуальные права на основании договора, но само содержание интеллектуальных прав и их объем определяется законом. Иными словами, субъекты самостоятельно не могли определить в договоре смежные права, которые еще не возникли в законе. Они могли распорядиться ими, когда смежные права нашли свое отражение в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик. Одно из оснований такого распоряжения – быть правообладателем, обладать соответствующими правами. Поскольку у изготовителя аудиозаписей произведения М.М. Жванецкого прав на фонограмму возникнуть до вступления в силу основ гражданского законодательства не могло, то и распорядиться ими было невозможно, поскольку возникновение первично. Несмотря на то что римское право интеллектуальных прав не знало, оно выработало ряд универсальных аксиом, среди которых *nemo plus iuris transferre potest quam ipse habet* (никто не может передать больше прав, чем имеет сам).

Прав на фонограммы у изготовителя записей не могло возникнуть ни на основании закона, ни на основании договора до вступления в силу основ гражданского законодательства.

Соответствующая аргументация полностью применима и к презумпции изготовителя фонограммы, по которой изготовителем фонограммы признается лицо, имя или наименование которого указано обычным образом на экземпляре фонограммы и (или) его упаковке либо иным образом в соответствии со статьей 1310 ГК РФ. Представляется, что лицо не может признаваться изготовителем фонограммы, если само указание имени или наименования было осуществлено до возникновения института смежных прав в отечественном законодательстве именно в силу черты правонаделения гражданско-правового метода. Такой юридический состав не мог повлечь возникновение или изменение правоотношений, поскольку не существовало закона, который связывал бы с соответствующими юридическими фактами какие-либо последствия в вопросах возникновения или изменения смежных прав.

²⁷ Яковлев В.Ф. Указ. соч. С. 133.

Проблема способов использования объекта интеллектуальной собственности

Рассмотренная проблематика предопределяет необходимость анализа еще одного вопроса, связанного с распоряжением интеллектуальными правами и развитием технических средств с течением времени.

Известно, что, например, по лицензионному договору в силу ст. 1235 ГК РФ передается право использовать результат интеллектуальной деятельности в пределах тех способов, которые предусмотрены лицензионным договором. Стороны не ограничены в том, чтобы заключить договор о передаче права использования любыми способами.

Вместе с тем технологические решения имеют свойство совершенствоваться. Те авторы или иные правообладатели, заключавшие, например, лицензионный договор, по которому лицензиат приобретал право использования результата интеллектуальной деятельности любыми способами, очевидно, вряд ли могли себе помыслить, что в будущем появится некая глобальная информационно-телекоммуникационная сеть, по которой передача информации может проводиться фактически вне зависимости от расстояния между субъектами.

Повлияло бы наличие знания о том, что такая Сеть появится, на то, на каких условиях заключался бы договор и заключался бы вообще? Представляется, что ответ должен быть положительным, если не во всех, то в некотором количестве случаев.

Если вслед за сетью Интернет придет нечто новое, о чем помыслить правообладатели сегодня не могут, то у таких правообладателей, как представляется, должны быть механизмы изменить или прекратить договорные правоотношения.

Отечественному праву известен механизм изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Согласно абз. 2 п. 1 ст. 451 ГК РФ изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был ими заключен бы или был заключен на значительно отличающихся условиях. В этом случае законодатель предоставляет заинтересованной стороне возможность изменить или расторгнуть договор в установленном названной статьей порядке.

Анализ судебной практики убедительно свидетельствует о том, что не всякое событие даже глобального характера само по себе будет являться существенным изменением обстоятельств. Например, не является существенным изменением обстоятельств изменение покупательского спроса

в связи с пандемией COVID-19²⁸, равно как не является существенным изменением обстоятельств и повышение курса валют²⁹. Что в совокупности свидетельствует о следующем. Возникновение новой информационно-телекоммуникационной сети в контексте договоров с правообладателями еще не было предметом рассмотрения судов сквозь призму применения ст. 451 ГК РФ, поскольку сама такая сеть еще не возникла.

На основании чего видится перспективным оценивать лицензионные договоры при возникновении новых информационно-телекоммуникационных сетей сквозь призму ст. 451 ГК РФ. Либо законодатель может прямо внести правило о том, что в случае, если лицензионный договор был заключен до момента возникновения новых информационно-телекоммуникационных сетей, для использования результата интеллектуальной деятельности в такой сети требуется согласие правообладателя.

Выводы

Проведенный анализ ретроактивного аспекта возникновения смежных прав позволил прийти к ряду теоретически обоснованных и практически полезных выводов.

Смежные права могли возникнуть у субъектов лишь после законодательного закрепления этого института в отечественном праве в 1991 г. Исключений из принципа *lex retro non agit* в отношении смежных прав не усматривается.

Возникновение смежных прав у субъектов — пример правонаделения (черта гражданско-правового метода регулирования общественных отношений).

Возможное появление новых информационно-телекоммуникационных сетей предопределяет необходимость защиты интересов авторов и иных правообладателей (лицензиаров). Один из механизмов, который может использовать правоприменитель — это ст. 451 ГК РФ. Иной подход может основываться на введении правила о том, что в случае, если лицензионный договор был заключен до момента возникновения новых информационно-телекоммуникационных сетей,

для использования результата интеллектуальной деятельности в такой Сети требуется согласие правообладателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С. С.* Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 3: Проблемы теории прав: курс лекций. М., 2010. С. 518.
2. *Бикс Б.* Право, язык и правовая определенность / пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева. М., 2024. С. 15.
3. *Голубцов В. Г., Кузнецова О. А.* Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 349.
4. *Мамычев А. Ю., Фролова Е. Е., Ким А. А.* «Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов // *Advances in Law Studies*. 2020. Vol. 8. Special issue. P. 11. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17
5. *Рунге В. Ф.* История дизайна, науки и техники: учеб. пособие: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 108.
6. *Яковлев В. Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2022. С. 123–137.

REFERENCES

1. *Alekseev S. S.* Collected works: in 10 vols. [+ Reference volume]. Vol. 3: Problems of the theory of law: course of lectures. M., 2010. P. 518 (in Russ.).
2. *Bix B.* Law, language and legal certainty / transl. from English by V. V. Oglezneva, V. A. Surovtseva. M., 2024. P. 15 (in Russ.).
3. *Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A.* Types of action of the norms of law in time // *Herald of the Perm University. Legal sciences*. 2022. Iss. 57. P. 349 (in Russ.).
4. *Mamychev A. Yu., Frolova E. E., Kim A. A.* "The Future" as an attractor of modern political, legal and socio-economic transformations: an overview of the main problems and approaches // *Advances in Law Studies*. 2020. Vol. 8. Special iss. P. 11. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17 (in Russ.).
5. *Runge V. F.* History of design, science and technology: textbook: in 2 books. M., 2006. Book 1. P. 108 (in Russ.).
6. *Yakovlev V. F.* Civil law method of regulating public relations. M., 2022. Pp. 123–137 (in Russ.).

²⁸ В официальных источниках опубликовано не было.

²⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

Сведения об авторах**Authors' information****ЯСТРЕБОВ Олег Александрович —**

доктор юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
ректор Российского университета дружбы
народов им. Патриса Лумумбы;
117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0003-4943-6940
ScopusID: 57191850794

YASTREBOV Oleg A. —

Doctor of Law,
Doctor in Economics,
Professor, Rector,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia;
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

ЛЕПЕШИН Дмитрий Александрович —

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
и процесса и международного частного права
Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы; 117198 г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ScopusID: 57612053400

LEPESHIN Dmitry A. —

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of Civil Law
and Procedure and International Private Law,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia;
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

ПЕТКИЛЕВ Петр Игоревич —

стажер-исследователь кафедры
гражданского права и процесса
и международного частного права
Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы; 117198 г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0001-9569-6706
ScopusID: 58819976900

PETKILEV Petr I. —

Intern Researcher at the Department of Civil Law
and Procedure and International Private Law,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia;
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

УДК 349.2

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

© 2024 г. С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

Аннотация. Рассматриваются проблемы применения междисциплинарного подхода для защиты трудовых и социальных прав. Правовое регулирование труда, неразрывно связанного с личностью работника, требует опоры на знания наук о человеке и обществе. Правовой институт охраны труда, формируемый вопреки или без учета технических норм, не позволит достичь цели создания безопасных условий труда. Отраслевые трудовые средства защиты для эффективного достижения результата в сфере трудовой миграции, создания комплексной системы охраны жизни и здоровья работника в период трудовой жизни, защиты работников при несостоятельности работодателя, реализации конституционной гарантии уважения человека труда и пр. должны достичь межотраслевой и междисциплинарной гармонизации. При этом автор исходит из того, что трудовое право как оказывает междисциплинарное воздействие на иные отрасли права, так и самосовершенствуется под их влиянием. Трудовые и социальные нормы должны проходить междисциплинарную проверку еще на стадии их формирования законодателем. Предлагается сделать обязательным обсуждение всех законопроектов, содержащих нормы, регулирующие трудовые и социальные отношения, в Комитете Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов и Комитете Совета Федерации по социальной политике, а также в Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, даже если в целом эти проекты имеют иную отраслевую принадлежность.

Ключевые слова: трудовая миграция, охрана труда, руководитель организации, исполнительный орган, спортсмен, тренер, профессиональный спорт, уважение человека труда, трудовой спор, Конституция.

Цитирование: Чуча С. Ю. Защита трудовых и социальных прав: опыт междисциплинарного подхода // Государство и право. 2024. № 9. С. 138–146.

DOI: 10.31857/S1026945224090125

PROTECTION OF LABOR AND SOCIAL RIGHTS: EXPERIENCE OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

© 2024 S. Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Received 11.12.2023

Abstract. The problems of using an interdisciplinary approach to protect labor and social rights are considered. Legal regulation of labor, which is inextricably linked with the personality of a worker, requires reliance on knowledge of the sciences about man and society. The legal institution of labor protection, formed contrary to or without taking into account technical standards, will not achieve the goal of creating safe working conditions. Sectoral labor legal protections for effectively achieving results in the field of labor migration, creating a comprehensive system for protecting the life and health of an employee during working life, protecting workers in the event of an employer's insolvency, implementing the constitutional guarantee of respect for the working person, etc. must achieve intersectoral and interdisciplinary harmonization. At the same time, the author proceeds from the fact that Labor Law both has an interdisciplinary impact on other branches of law and itself is improved under their influence. Labor and social standards must undergo interdisciplinary verification at the stage of their formation by the legislator. It is proposed to make it mandatory to discuss all bills containing norms regulating labor and social relations in the State Duma Committee on Labor, Social Policy and Veterans Affairs and the Federation Council Committee on Social Policy, as well as in the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations, even if in general these projects belong to a different industry.

Key words: labor migration, labor protection, head of the organization, executive body, athlete, coach, professional sports, respect for working people, labor dispute, Constitution.

For citation: Chucha, S. Yu. (2024). Protection of labor and social rights: experience of an interdisciplinary approach // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 138–146.

Современное развитие общества и экономики базируется на междисциплинарных конвергентных фундаментальных исследованиях, интегрированных в технологическое освоение полученных результатов. При этом естественный ход развития науки состоит в переносе акцентов в исследованиях на живую природу: биоинформатика, нейрофизиология, нейроэкономика и т.д., с формированием природоподобных технологий, исключающих лишний расход материалов, энергии и человеческого труда¹.

Не стоят в стороне от этого процесса и юридические науки. Исследования проводятся в области правового регулирования биомедицинских²,

геномных³, цифровых⁴ и иных технологий, искусственного интеллекта⁵ и т.д. Возникают новые направления на стыке юридических и естественных

³ См.: Лапаева В.В. Концепция совершенствования российского законодательства, регулирующего развитие исследований в области генома человека // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 2. С. 111–134. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-2-lapaeva; Её же. Социальные риски генетической революции: с позиций правового подхода // Государство и право. 2023. № 4. С. 100–110. DOI: 10.31857/S102694520024856-2; и др.

⁴ См.: Савенков А.Н., Россинская Е.Р. Вектор развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 100–110. DOI: 10.31857/S102694520025650-6; Соловьяненко Н.И. Проблемы реализации и защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства // Государство и право. 2023. № 2. С. 188–193. DOI: 10.31857/S102694520024344-9; и др.

⁵ См.: Жуков В.И., Жукова Г.С. Естественный и искусственный интеллект: диалектика взаимодействия и правовые регуляторы девиаций // Государство и право. 2023. № 6. С. 136–148. DOI: 10.31857/S102694520025956-2; Филипова И.А. Искусственный интеллект, трудовые отношения и право: влияние и взаимодействие // Государство и право. 2019. № 11. С. 69–77. DOI: 10.31857/S013207690007472-1; Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в правосудии: юридико-психологические аспекты правоприменения // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 2. С. 116–124. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).116-124; и др.

¹ См.: Ковальчук М.В. Выступление в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 30 сентября 2015 г. URL: <https://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> (дата обращения: 27.03.2020).

² См.: Биомедицинское право в России и за рубежом. М., 2019; Пестрикова А.А., Сморчкова Л. Правовой режим биологического материала человека: теоретическое осмысление // Государство и право. 2021. № 6. С. 173–182. DOI: 10.31857/S102694520015047-2; и др.

наук, обладающие потенциалом превращения в самостоятельные полноценные отрасли права⁶.

Но и традиционные отрасли права всегда имели и будут иметь пересечение с естественно-научными знаниями. Например, правовые нормы института охраны труда в трудовом праве обусловлены техническими нормами и, фактически, законами естественных наук, законами природы. Правовое регулирование вопреки или без учета этих технических норм не позволит достичь цели создания безопасных условий труда. Да и сама организация труда, не соответствующая технологии производства, не позволит создать эффективно работающее предприятие.

Поэтому крайне необходимым представляется обсуждение правовых проблем в этих областях знаний юристами с участием представителей естественных и гуманитарных наук на междисциплинарных конференциях⁷, выполнение совместных междисциплинарных исследований⁸.

Правовое регулирование труда, который неразрывно связан с личностью работника, требует опоры на знания биологии, психологии и иных наук о человеке и обществе⁹. Эффективное право-

вое регулирование не может быть достигнуто, если оно осуществляется вопреки или без учета экономических законов.

С этой точки зрения, в рыночной экономике не может быть устойчивого дефицита какого-либо ресурса — спрос и предложение выравнивается за счет изменения цены ресурса, изменения соотношения участия в создании новой стоимости рабочей силы, капитала и природной ренты. Поэтому устойчивый дефицит кадров — не рыночное явление и представляет собой отсутствие желающих предоставлять свой труд за нерыночную цену, предлагаемую работодателем.

Выход видится или в изменении государством налоговой политики, позволяющей работодателю увеличить расходы на труд, или в привлечении работодателем капитала для автоматизации и механизации процессов в целях замены человеческого труда, либо в привлечении работников на национальный рынок из-за его предела — с глобального рынка труда. Выбор соответствующих мер предполагает применение междисциплинарного подхода.

Ситуация, связанная с сезонной нехваткой сельскохозяйственных рабочих в южных губерниях Российской Империи в период проведения полевых работ, была характерна и столетие назад. То обстоятельство, что основу национального продукта составляло сельхозпроизводство, а зерно было основным экспортным товаром, превращало, казалось бы, локальную проблему в общенациональную. Нехватка рабочей силы компенсировалась привлечением сезонных работников из перенаселенных центральных регионов России. При этом стихийное перемещение значительных масс работников периодически создавало или избыточное предложение на рынке труда, когда работники не получали за свою работу той оплаты, на которую рассчитывали, или нехватку рабочих рук, не позволявшую предпринимателям осуществить необходимые сельхозмероприятия в результате собственно отсутствия работников, повышения запросов на оплату труда, выводящих сельхозпроизводство за грань рентабельности, переманивание повышенным заработком уже заключивших контракты работников другими предпринимателями и т.п.

Проводившиеся на рубеже XIX и XX вв. исследования¹⁰ для гармонизации взаимоотношений работников и работодателей и повышения продуктивности сельского хозяйства исходили из того, что

⁶ См.: *Городов О.А.* К понятию энергетического права // Вестник СПбУ. Сер.: Право. 2010. № 1. С. 26–38; *Мохов А.А.* Понятие биомедицинского права и его место в системе отраслевых юридических наук // Биомедицинское право в России и за рубежом. М., 2019. С. 6–28; и др.

⁷ См., напр.: *Борисова Л.В., Летова Н.В., Соколова Т.В. и др.* Обзор международной научной конференции «Гражданско-правовые юбилеи» к столетию Н.С. Малеина «Юридическая ответственность и справедливость в цифровой среде» // Государство и право. 2021. № 7. С. 190–196. DOI: 10.31857/S102694520016190-0; *Бойченко И.С., Вениаминова М.В., Каспрова Ю.А. и др.* Будущее глазами молодых ученых. Обзор форсайт-дискуссии «Юридическая наука будущего: взгляд молодых ученых» // Государство и право. 2020. № 3. С. 194, 196. DOI: 10.31857/S0132076900008696-7; *Дзюбак А.В., Летова Н.В., Соколова Т.В. и др.* Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта» // Государство и право. 2021. № 6. С. 205–208. DOI: 10.31857/S102694520015036-0

⁸ См., напр.: *Михайлова Е.В., Летова Н.В., Соловьяненко Н.И. и др.* Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74. DOI: 10.31857/S102694520022201-2; *Насилие как негативное социальное явление: правовые средства противодействия: монография / отв. ред. Н.В. Летова. М., 2023; Чуча С.Ю., Чуча Г.С.* Баланс частного и публичного в трудовых отношениях в условиях цифровизации // Омские научные чтения—2020: материалы Четвертой Всеросс. науч. конф. Омск, 2020. С. 144–148.

⁹ См.: *Пенов Ю.В.* Крайняя необходимость в трудовом праве (междисциплинарный подход) // Ежегодник трудового права. 2014. № 9. С. 169–174; *Томашевский К.Л.* Философия трудового права — новое направление междисциплинарных философско-правовых исследований // Трудовое право. 2006. № 7. С. 3–9; и др.

¹⁰ См.: *Евреинова А.* Артельные избы и Центральная артельная палата как посреднические органы труда (Докл., чит. 17 янв. в СПб. юрид. о-ве). СПб., 1902; *Пономарев Н.В.* О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в Новороссийскую губернию. СПб., 1895; *Его же.* О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в юго-восточные местности России. СПб., 1896.

сезонным работникам должны обеспечиваться достойные условия труда и быта, включая заработную плату, медицинское обеспечение и т.п. вплоть до компенсации расходов на проезд к месту работы и обратно, за счет работодателей, а работодатели должны быть обеспечены числом работников, достаточным для проведения работ в соответствии с заранее заключенными контрактами. Государство при этом ограничивалось информационным и консультационным участием в отношениях работников и работодателей, неся минимальные и, как правило, компенсируемые работодателями расходы.

Для координации и связи между потенциальными работниками и работодателями, согласования условий и заключения между ними контрактов предлагалось использовать наиболее инновационное на то время средство — телеграф, получивший особое развитие одновременно со строительством сети железных дорог. Все эти мероприятия осуществлялись с тем, чтобы до выезда на работу сезонный работник имел контракт с конкретным работодателем, описывающий срок выполнения работ, размер вознаграждения, условия проживания и т.д. Наличие такого заблаговременно заключенного контракта позволило бы сбалансировать рынок труда и осуществлять сельскохозяйственное производство в соответствии с реально складывающейся ситуацией.

Удивительно, но и спустя более чем столетие эти наработки далеко не всегда используются при организации трудовой миграции в России.

Представляется, что иностранные граждане должны поступать на работу только по трудовому договору. Никакие иные формы организации труда не позволят обеспечить необходимый уровень охраны труда работников-мигрантов, разрушая при этом существующий национальный рынок труда за счет недобросовестного демпинга стоимости работающей и проживающей в неприемлемых условиях рабочей силы. Кроме того, это заставит и платформенный бизнес активно развивающейся гиг-экономики¹¹ широко использовать трудовой договор, препятствуя прекаризации¹² трудовых отношений.

Этот труд должен осуществляться исключительно на основании трудового договора, заключенного между конкретным мигрантом и конкретным российским работодателем. Труд свободен, однако в случае расторжения трудового договора, новый трудовой договор должен заключаться по той же схеме, как правило, после убытия мигранта по месту постоянного проживания.

И наконец, работодатель должен нести все расходы, связанные с пребыванием иностранца в России — непосредственно или через выплату заработной платы. Во избежание заключения трудовых договоров с неплатежеспособными организациями работодатель должен быть застрахован с тем, чтобы эти расходы, а также возможное причинение вреда мигрантами третьим лицам были компенсированы страховой организацией в случае неплатежеспособности работодателя. Застрахованный гражданский вред должен включать в себя все виды вреда, причиненного работником-мигрантом, а также расходы, связанные с обеспечением доступа к правосудию и медицинским услугам, исполнением судебных актов и т.д.

Развитие средств коммуникации, сбора и обработки информации позволяет с приложением известных усилий обеспечить выполнение этих требований, не реализованных столетие назад в силу состояния инфраструктуры и технологий передачи информации.

Сложно защитить права трудящихся исключительно трудовыми средствами. Отраслевые средства защиты для эффективного достижения результата должны достичь межотраслевого, междисциплинарного согласования.

Нарушение норм всякой материальной отрасли включает защитные механизмы иной отраслевой принадлежности — процессуального права. Трудовое право в этом смысле является, пожалуй, наиболее самодостаточной из всех отраслей и содержит процедурные и процессуальные нормы, регламентирующие рассмотрение ряда наиболее массовых категорий трудовых споров в комиссиях по трудовым спорам и практически всех коллективных трудовых споров в органах социального партнерства: примирительной комиссии, с участием посредника, в трудовом арбитраже. Более того, трудовое право допускает регулирование трудовых отношений отраслевыми нормами, издающимися субъектами этих отношений. Речь о локальных нормативных актах работодателя (которые могут проходить процесс согласования с представителями работников), а также об актах социального партнерства — коллективных договорах, принимаемых работниками и работодателем на паритетных началах, совместно.

И тем не менее, трудовое право не может в целом ряде случаев защиты прав своих субъектов в индивидуальных (категории споров, рассматриваемых только судами, или перенесение спора из КТС в суд) и коллективных (признание забастовки незаконной, определение минимума необходимых работ в ходе забастовки и др.) трудовых споров не прибегать к помощи, к нормам гражданского процессуального права. При этом при

¹¹ См.: *Desmond M. Poverty*, by America. NY, 2023.

¹² См.: *Prassl J. Humans as a service*. Oxford, 2018.

формировании трудовых процессуальных норм законодатель только ориентируется на их сочетание с нормами гражданского процесса, тогда как при создании процессуальных норм в рамках гражданского процессуального права законодатель стремится лишь учесть специфику, особенности регулирования трудовых отношений и споров с участием их субъектов настолько, насколько это позволяет сделать теория и практика гражданского процесса.

Трудовое право может адаптировать отраслевые базовые принципы разрешения споров под потребности субъектов, посредством такой дифференциации вовлекая эти отношения в сферу действия трудового права. Так, специальные правила рассмотрения индивидуальных трудовых споров предусмотрены гл. 54.1 ТК РФ для спортсменов и тренеров в профессиональном спорте. Помимо стандартных органов разрешения трудовых споров (КТС и суд) возможно создание на паритетных началах сторонами арбитража¹³, признание иностранного арбитражного учреждения (сегодня это Спортивный арбитражный суд в г. Лозанне, Швейцария (CAS))¹⁴. Налицо отказ от монополии КТС и государственных судов в пользу третейского разбирательства и даже иностранной юрисдикции. При этом очевидны и уступки со стороны спортивного права, принявшего отраслевое трудовое регулирование, сохранив при этом исторически сложившуюся систему разрешения споров в профессиональном спорте.

Пример, когда законодатель намеренно выводит средства защиты, по сути, трудовых прав за пределы отраслевого трудового регулирования, — гарантии получения заработной платы при несостоятельности работодателя. Абзац пятый части первой ст. 130 ТК РФ содержит отсылочную норму, согласно которой обеспечение получения заработной платы при неплатежеспособности работодателя осуществляется в соответствии с федеральными законами. Таковым является Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁵, содержащий преимущественно нормы гражданского права.

¹³ Правила такого арбитража (третейского разбирательства) утверждаются спортивной федерацией или лигой и профессиональным союзом работников физкультуры и спорта, являющимся стороной соответствующего отраслевого соглашения (ст. 348.13 ТК РФ).

¹⁴ См.: Чуча С. Ю. Защита прав профессиональных спортсменов и тренеров в российской системе разрешения трудовых споров // Защита гражданских и семейных прав: возвращение к истокам: сб. науч. тр.: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 июня 2022 г. / отв. ред. Е. В. Михайлова. М., 2023. С. 72–76.

¹⁵ См.: СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

Статьями 134–136 этого нормативного акта установлен высокий приоритет требований о возмещении вреда жизни и здоровью и по заработной плате, включенных в реестр требований кредиторов (первая и вторая очереди соответственно). Однако п. 1, 2 ст. 138 предусмотрено, что из средств, вырученных от реализации предмета залога, 70% (а по обеспеченному залогом кредитному договору — 80%) направляется на погашение требований кредитора по обязательству, обеспеченному залогом имущества должника, но не более чем основная сумма задолженности по обеспеченному залогом обязательству и причитающиеся проценты. На погашение же требований кредиторов первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества должника для погашения указанных требований направляется лишь 20% (по обеспеченному кредитному договору — 15%) вырученной от реализации предмета залога суммы. При этом на практике обеспеченное залогом имущество зачастую составляет большую или даже основную часть ликвидного имущества работодателя-должника.

Такой приоритет банков перед кредиторами по заработной плате вызывает вопросы. Социальные обязательства перед трудящимися требуют предоставления им преимущества перед иными кредиторами, тогда как на практике такое преимущество получают залоговые кредиторы, прежде всего кредиторы по кредитным договорам — банки, которые в повышенной социальной защите, тем более в сравнении с работниками, не нуждаются. Возникшие риски залогодержатель сможет компенсировать оценкой предмета залога, а также суммой кредитных средств, предоставляемых заемщику под такое обеспечение.

На практике немало норм, относящихся в целом к отрасли трудового права и закрепленных в Трудовом кодексе РФ, не могут эффективно применяться без использования норм иных отраслей. Яркий пример — особенности правового регулирования труда руководителей организации. Соответствующие нормы помимо специальной главы Кодекса¹⁶ закреплены актами гражданского и корпоративного права, а их защита осуществляется не только в рамках гражданского, но и арбитражного процесса.

Нормы корпоративного законодательства практически приоритетно регулируют правовое положение руководителя (единоличного исполнительного органа), несмотря на наличие специальной главы в Трудовом кодексе РФ; законодательство о труде по факту применения имеет субсидиарный характер. При этом, общие принципы и подходы

¹⁶ Глава 43 «Особенности регулирования труда руководителей организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» ТК РФ.

корпоративного и трудового права, применяемые при юридической оценке поведения (действий и бездействий) руководителя, выравниваются, становясь все более единообразными, соответствующими общим интересам работодателя (корпорации) — концепция и презумпции разумности и добросовестности, конфликта интересов¹⁷.

Приведенные примеры — последствия сознательного межотраслевого регулирования общественных отношений законодателем. Однако в трудовом праве имеются связанные с недоработками законодателя пробелы, которые сегодня восполняются на практике не только отраслевыми нормами, но и правилами, закрепленными в нормативных актах иной отраслевой принадлежности.

Безусловно, пробелы в трудовом праве в таких случаях нуждаются в законодательном восполнении, межотраслевое регулирование, как показывает практика, не всегда эффективно, во всяком случае — в этом вопросе.

Например, защита от психологического насилия в трудовых отношениях. На уровне федерального законодательства этот вопрос специально не рассматривается. На практике его можно подвести под дисциплинарный проступок через оценку исполнения работником своих трудовых обязанностей как ненадлежащего (ст. 21, 22, 81 ТК РФ) либо привлекать за вред, причиненный третьим лицам, если работодатель компенсирует вред от последствий действий коллег пострадавшему работнику. В этом случае виновники возникновения вреда привлекаются к ответственности в порядке регресса. Допустимо применять и конструкцию дискриминации (ст. 3 ТК РФ), а равно обеспечения права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности (ст. 2 ТК РФ). Однако все эти варианты спорны и вызывают неоднозначное толкование судов.

В связи с вышеизложенным полагаем необходимым согласиться с предложениями¹⁸ законодательно урегулировать вопрос защиты работников от психологического насилия на рабочих местах.

В свою очередь, и трудовое право оказывает междисциплинарное воздействие на иные отрасли права. Так, невозможна эффективная реализация конституционных норм без их конкретизации в нормах отраслевого законодательства.

Например, в ходе недавней конституционной реформы конституционно-правовой статус обрела новая гарантия прав человека — уважение человека труда. Она появилась не на ровном месте, в той или иной степени будучи реализованной в нормах отраслевого трудового законодательства и практике его применения. Но и само по себе появление новой конституционной нормы должно иметь видимые последствия в отраслевом законодательстве. Таковыми могли бы стать приведение подзаконного правового регулирования в соответствие с нормой Трудового кодекса РФ о содержании трудового договора, в соответствии с которой первым в трудовом договоре должен указываться работник, а не работодатель, как это повсеместно происходит на практике.

За годы, прошедшие после конституционной реформы¹⁹ и внесения в Конституцию РФ нормы об уважении человека труда, правоприменительная, и особенно судебная, практика последовательно корректируется в направлении усиления защиты трудовых прав работников и реализации этой конституционной гарантии. В целом это во многом зависит от экономических, внешнеполитических и т.п. факторов, нормотворческая и правоприменительная практика государства на которые оказывает не исчерпывающее воздействие. Усиление гарантий уважения человека труда в этой связи обусловлено во многом экономическим развитием государства.

Однако имеются проблемы в реализации конституционной гарантии уважения человека труда, связанные исключительно с доброй волей нормотворческого органа.

Так, очевидное, недвусмысленное и прямое предписание ч. 1 ст. 57 ТК РФ об указании работника первым в договоре относительно работодателя не исполняется. Практически всеми работодателями в тексте трудового договора первым указывается наименование и реквизиты работодателя, а сведения о работнике смещаются на второй план. Повсеместная практика указания работника вторым в тексте трудового договора свидетельствует о явном, показном игнорировании конституционного предписания об уважении человека труда, демонстративном нарушении при этом прямого предписания нормы части первой ст. 57 ТК РФ.

Причина кроется в позиции Минтруда России, утвердившего или подготовившего для утверждения Правительством РФ в разные годы ряд типовых

¹⁷ См.: *Лантнев В.А., Чуча С.Ю.* Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // *Вестник Пермского ун-та. Юридические науки.* 2023. Вып. 2 (60). С. 285–311. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-285-311

¹⁸ См.: *Лушиков А.М., Чуча С.Ю., Смирнов Д.А.* Моббинг в трудовом праве и психологии: опыт междисциплинарного подхода // *Государство и право.* 2022. № 7. С. 155–161. DOI: 10.31857/S102694520021132-6

¹⁹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003140001> (дата обращения: 02.08.2023).

форм трудового договора²⁰. Э статистская картина мира, в том числе и трудовых отношений, традиционно характерна для российского правопонимания. По этой причине отсутствуют обращения работников в правозащитные органы.

Устранением препятствий для реализации конституционной нормы могло бы стать приведение формулировок всех типовых форм трудового договора, утвержденных исполнительными органами государственной власти, в соответствие с частью первой ст. 57 ТК РФ.

Междисциплинарные исследования не позволили до настоящего времени выработать единую общепризнанную их методологию. Как правило, она складывается из набора методов, характерных для исследований отдельных дисциплин. Представляется, что накопление некой критической массы междисциплинарных работ позволит провести необходимые обобщения и заложить основы оригинальной междисциплинарной исследовательской методологии.

Междисциплинарному подходу в правовом регулировании должна способствовать реформа научных специальностей. Созданные в соответствии с новой номенклатурой научных специальностей диссертационные советы по юридическим наукам позволяют обеспечить междисциплинарную оценку научных исследований по праву, избежать противоречия предложений исследователей положениям иных отраслей права, а если соответствующие предложения способны повысить качество правового регулирования в этих смежных отраслях — то критически оценить эти предложения и использовать полученные результаты в межотраслевом научном обороте и правовом регулировании.

Междисциплинарную проверку должны проходить трудовые и социальные нормы еще на стадии их формирования в Федеральном Собрании. Для этого все законопроекты, содержащие нормы, регулирующие трудовые и социальные отношения, должны направляться для обсуждения в профильные комитеты Федерального Собрания РФ — по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы и по социальной политике Совета Федерации, хотя проекты нормативных актов в целом и относятся к иной отраслевой принадлежности. Проекты таких законов должны проходить процедуру предварительного

согласования в Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

С развитием общества и государства, усложнением социальных связей значение научных трансграничных исследований на стыке сфер научного познания и отраслей права будет возрастать. Отраслевым специалистам в такой ситуации нужно быть готовыми реализовать запрос на разработку инструментов согласования в правовом регулировании потребностей субъектов именно посредством межотраслевого взаимодействия, избегая искусственного «перетягивания» граничных общественных отношений в предмет собственной отрасли. Межотраслевое движение правовой материи при этом безусловно будет происходить естественным путем, если отраслевой метод правового регулирования позволит в полном объеме и с большей эффективностью защищать права и интересы граждан, организаций и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биомедицинское право в России и за рубежом. М., 2019.
2. Бойченко И. С., Вениаминова М. В., Каспроева Ю. А. и др. Будущее глазами молодых ученых. Обзор форсайт-дискуссии «Юридическая наука будущего: взгляд молодых ученых» // Государство и право. 2020. № 3. С. 194, 196. DOI: 10.31857/S0132076900008696-7
3. Борисова Л. В., Летова Н. В., Соколова Т. В. и др. Обзор международной научной конференции «Цивилистические юбилеи» к столетию Н. С. Малеина «Юридическая ответственность и справедливость в цифровой среде» // Государство и право. 2021. № 7. С. 190–196. DOI: 10.31857/S102694520016190-0
4. Городов О. А. К понятию энергетического права // Вестник СПбУ. Сер.: Право. 2010. № 1. С. 26–38.
5. Дзюбак А. В., Летова Н. В., Соколова Т. В. и др. Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта» // Государство и право. 2021. № 6. С. 205–208. DOI: 10.31857/S102694520015036-0
6. Евреинова А. Артельные избы и Центральная артельная палата как посреднические органы труда (Докл., чит. 17 янв. в СПб. юрид. о-ве). СПб., 1902.
7. Жуков В. И., Жукова Г. С. Естественный и искусственный интеллект: диалектика взаимодействия и правовые регуляторы девиаций // Государство и право. 2023. № 6. С. 136–148. DOI: 10.31857/S102694520025956-2
8. Лапаева В. В. Концепция совершенствования российского законодательства, регулирующего развитие исследований в области генома человека // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 2. С. 111–134. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-2-lapaeva
9. Лапаева В. В. Социальные риски генетической революции: с позиций правового подхода // Государство и право. 2023. № 4. С. 100–110. DOI: 10.31857/S102694520024856-2

²⁰ См.: постановление Правительства РФ от 27.08.2016 № 858 «О типовой форме трудового договора, заключаемого между работником и работодателем — субъектом малого предпринимательства, который относится к микропредприятиям»; Приказ Минздравсоцразвития России от 14.08.2008 № 424н «Об утверждении Рекомендаций по заключению трудового договора с работником федерального бюджетного учреждения и его примерной форме» и др. // СПС «КонсультантПлюс».

10. Лантев В.А., Чуча С.Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2023. Вып. 2 (60). С. 285–311. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-285-311
11. Лушников А.М., Чуча С.Ю., Смирнов Д.А. Моббинг в трудовом праве и психологии: опыт междисциплинарного подхода // Государство и право. 2022. № 7. С. 155–161. DOI: 10.31857/S102694520021132-6
12. Михайлова Е.В., Летова Н.В., Соловяненко Н.И. и др. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74. DOI: 10.31857/S102694520022201-2
13. Мохов А.А. Понятие биомедицинского права и его место в системе отраслевых юридических наук // Биомедицинское право в России и за рубежом. М., 2019. С. 6–28.
14. Насилие как негативное социальное явление: правовые средства противодействия: монография / отв. ред. Н.В. Летова. М., 2023.
15. Пенев Ю.В. Крайняя необходимость в трудовом праве (междисциплинарный подход) // Ежегодник трудового права. 2014. № 9. С. 169–174.
16. Пестрикова А.А., Сморчкова Л. Правовой режим биологического материала человека: теоретическое осмысление // Государство и право. 2021. № 6. С. 173–182. DOI: 10.31857/S102694520015047-2
17. Пономарев Н.В. О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в Новороссийскую губернию. СПб., 1895.
18. Пономарев Н.В. О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в юго-восточные местности России. СПб., 1896.
19. Савенков А.Н., Россинская Е.Р. Вектор развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 100–110. DOI: 10.31857/S102694520025650-6
20. Соловяненко Н.И. Проблемы реализации и защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства // Государство и право. 2023. № 2. С. 188–193. DOI: 10.31857/S102694520024344-9
21. Томашевский К.Л. Философия трудового права – новое направление междисциплинарных философско-правовых исследований // Трудовое право. 2006. № 7. С. 3–9.
22. Филипова И.А. Искусственный интеллект, трудовые отношения и право: влияние и взаимодействие // Государство и право. 2019. № 11. С. 69–77. DOI: 10.31857/S013207690007472-1
23. Чуча С.Ю. Защита прав профессиональных спортсменов и тренеров в российской системе разрешения трудовых споров // Защита гражданских и семейных прав: возвращение к истокам: сб. науч. тр.: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 июня 2022 г. / отв. ред. Е.В. Михайлова. М., 2023. С. 72–76.
24. Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в правосудии: юридико-психологические аспекты правоприменения // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 2. С. 116–124. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).116-124
25. Чуча С.Ю., Чуча Г.С. Баланс частного и публично-го в трудовых отношениях в условиях цифровизации // Омские научные чтения-2020: материалы Четвертой Всеросс. науч. конф. Омск, 2020. С. 144–148.
26. Desmond M. Poverty, by America. NY, 2023.
27. Prassl J. Humans as a service. Oxford, 2018.

REFERENCES

1. Biomedical Law in Russia and abroad. M., 2019 (in Russ.).
2. Boychenko I.S., Veniaminova M.V., Kasprova Yu. A. et al. The future through the eyes of young scientists. Review of the foresight discussion “Legal Science of the Future: The View of Young Scientists” // State and Law. 2020. No. 3. Pp. 192–200. DOI: 10.31857/S0132076900008696-7 (in Russ.).
3. Borisova L.V., Letova N.V., Sokolova T.V. et al. Review of the International Scientific Conference “Civilistic Anniversaries” for the centenary of N.S. Malein “Legal responsibility and justice in the digital environment” // State and Law. 2021. No. 7. Pp. 190–196. DOI: 10.31857/S102694520016190-0 (in Russ.).
4. Gorodov O.A. On the concept of energy law // Herald of St. Petersburg University. Series: Law. 2010. No. 1. Pp. 26–38 (in Russ.).
5. Dzyubak A.V., Letova N.V., Sokolova T.V., et al. Review of the “Round Table” on the topic “Current problems of legal regulation of relations in the field of sports” // State and Law. 2021. No. 6. Pp. 205–208. DOI: 10.31857/S102694520015036-0 (in Russ.).
6. Evreinova A. Artel huts and the Central Artel Chamber as intermediary bodies of labor (Report read on January 17 at the St. Petersburg Legal Society). St. Petersburg, 1902 (in Russ.).
7. Zhukov V.I., Zhukova G.S. Natural and artificial intelligence: dialectics of interaction and legal regulators of deviations // State and Law. 2023. No. 6. Pp. 136–148. DOI: 10.31857/S102694520025956-2 (in Russ.).
8. Lapaeva V.V. The concept of improving Russian legislation regulating the development of research in the field of the human genome // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 15. No. 2. Pp. 111–134. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-2-lapaeva (in Russ.).
9. Lapaeva V.V. Social risks of the genetic revolution: from the standpoint of the legal approach // State and Law. 2023. No. 4. Pp. 100–110. DOI: 10.31857/S102694520024856-2 (in Russ.).
10. Laptev V.A., Chucha S. Yu. Head of an organization and a body of a legal entity: unity of essence and contradictions // Herald of Perm University. Legal sciences. 2023. Iss. 2 (60). Pp. 285–311. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-285-311 (in Russ.).
11. Lushnikov A.M., Chucha S. Yu., Smirnov D.A. Mobbing in Labor Law and psychology: experience of an interdisciplinary approach // State and Law. 2022. No. 7. Pp. 155–161. DOI: 10.31857/S102694520021132-6 (in Russ.).
12. Mikhailova E.V., Letova N.V., Solovyaynenko N.I. et al. Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor

- rights in the context of globalization and digitalization of the state and society // *State and Law*. 2022. No. 9. Pp. 66–74. DOI: 10.31857/S102694520022201-2 (in Russ.).
13. *Mokhov A.A.* The concept of Biomedical Law and its place in the system of branch legal sciences // *Biomedical Law in Russia and abroad*. M., 2019. Pp. 6–28 (in Russ.).
 14. Violence as a negative social phenomenon: legal means of counteraction / res. ed. N.V. Letova. M., 2023 (in Russ.).
 15. *Penov Yu. V.* The urgent need for labor law (an interdisciplinary approach) // *Yearbook of Labor Law*. 2014. No. 9. Pp. 169–174 (in Russ.).
 16. *Pestrikova A.A., Smorchkova L.* Legal regime of human biological material: theoretical understanding // *State and Law*. 2021. No. 6. Pp. 173–182. DOI: 10.31857/S102694520015047-2 (in Russ.).
 17. *Ponomarev N.V.* On the movement of agricultural workers heading to the Novorossiysk province. St. Petersburg, 1895 (in Russ.).
 18. *Ponomarev N.V.* On the movement of agricultural workers heading to the South-Eastern regions of Russia. St. Petersburg, 1896 (in Russ.).
 19. *Savenkov A.N., Rossinskaya E.R.* Vector of development of forensic science in the context of global digitalization // *State and Law*. 2023. No. 5. Pp. 100–110. DOI: 10.31857/S102694520025650-6 (in Russ.).
 20. *Solovyanenko N.I.* Problems of implementing and protecting the rights of participants in economic relations in the context of digital inequality // *State and Law*. 2023. No. 2. Pp. 188–193. DOI: 10.31857/S102694520024344-9 (in Russ.).
 21. *Tomashevsky K.L.* Philosophy of Labor Law – a new direction of interdisciplinary philosophical and legal research // *Labor Law*. 2006. No. 7. Pp. 3–9 (in Russ.).
 22. *Filipova I.A.* Artificial intelligence, labor relations and law: influence and interaction // *State and Law*. 2019. No. 11. Pp. 69–77. DOI: 10.31857/S013207690007472-1 (in Russ.).
 23. *Chucha S. Yu.* Protecting the rights of professional athletes and coaches in the Russian system of resolving labor disputes // *Protection of civil and family rights: returning to the roots: collection scientific works: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, June 21, 2022* / res. ed. E.V. Mikhailova. M., 2023. Pp. 72–76 (in Russ.).
 24. *Chucha S. Yu.* Artificial intelligence in justice: legal and psychological aspects of law enforcement // *Law enforcement*. 2023. Vol. 7. No. 2. Pp. 116–124. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).116-124 (in Russ.).
 25. *Chucha S. Yu., Chucha G.S.* Balance of private and public in labor relations in the context of digitalization // *Omsk scientific readings-2020: materials of the Fourth All-Russian Scientific Conference*. Omsk, 2020. Pp. 144–148 (in Russ.).
 26. *Desmond M.* Poverty, by America. NY, 2023.
 27. *Prassl J.* Humans as a service. Oxford, 2018.

Сведения об авторе

ЧУЧА Сергей Юрьевич —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHA Sergey Yu. —
Doctor of Law,
Chief Researcher of Procedural Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

УДК 343

ТРАНСПОРТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ ТРАНСПОРТА КАК ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

© 2024 г. А. И. Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 19.07.2024 г.

Аннотация. В статье характеризуется ситуация, сложившаяся в теории уголовного права в связи с дополнением Уголовного кодекса РФ ст. 263¹, предусмотревшей ответственность за нарушение транспортной безопасности. Анализируются дискуссионные вопросы правовой природы преступления, его объект, правомерность признания законодателем деяния транспортным преступлением, раскрывается соотношение последних и указанного посягательства, в частности, характеризуются особенности содержания признаков их составов, в том числе отличие транспортной безопасности от безопасности транспорта. Показано отрицательное влияние споров в уголовно-правовой теории на судебную практику.

Ключевые слова: транспорт, транспортная безопасность, безопасность транспорта, нарушение транспортной безопасности, нарушение безопасности транспорта, субъект преступления.

Цитирование: Чучаев А. И. Транспортная безопасность и безопасность транспорта как объекты уголовно-правовой охраны // Государство и право. 2024. № 9. С. 147–156.

DOI: 10.31857/S1026945224090134

TRANSPORT SAFETY AND SECURITY OF TRANSPORT AS OBJECTS OF CRIMINAL LAW PROTECTION

© 2024 A. I. Chuchayev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 19.07.2024

Abstract. The article characterizes the situation in the theory of Criminal Law in connection with the addition of the Criminal Code of the Russian Federation Article 263¹, which provided for liability for violation of transport security. The debatable issues of the legal nature of the crime, its object, the legality of the recognition by the legislator of the act as a transport crime are analyzed, the ratio of the latter and the specified encroachment is revealed, in particular, the features of the content of the signs of their compositions are characterized, including the difference between transport security and transport safety. The negative impact of disputes in criminal law theory on judicial practice is shown.

Key words: transport, transport safety, transport safety, violation of transport safety, violation of transport safety, the subject of the crime.

For citation: Chuchaev, A.I. (2024). Transport safety and security of transport as objects of criminal law protection // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 147–156.

Система норм о транспортных преступлениях достаточно динамична, но, пожалуй, все ее изменения и дополнения, даже вместе взятые, не вызывают столько принципиальных теоретических разногласий (имеющих в то же время и непосредственное практическое значение) среди ученых, как дополнение Уголовного кодекса РФ ст. 263¹, предусмотревшей ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности¹.

В литературе появление указанной нормы в целом воспринято положительно. Например, А.И. Коробеев по этому поводу пишет: «Криминализация законодателем... данного деяния призвана была устранить пробел в уголовной наказуемости целого ряда опасных транспортных правонарушений»². Н.И. Пикуров также отмечает, что «норма, содержащаяся в ст. 263¹ УК РФ, предназначена для регулирования уголовной ответственности за нарушение требований ФЗ “О транспортной безопасности” от 9 февраля 2007 г., которые долгое время оставались без подкрепления уголовно-правовыми санкциями»³.

Своевременным признают этот шаг законодателя и другие криминалисты (как ученые, так и практические работники), исследовавшие указанную уголовно-правовую норму (например,

М.А. Бажина⁴, М.П. Кузнецов⁵, А.Н. Шабунина и Е.Д. Горевой⁶).

Однако такого единодушия среди специалистов нет, когда встает вопрос о юридической природе указанного преступления, а следовательно, и о его объекте, наконец, признании деяния транспортным. Одни криминалисты, вероятно исходя из места нормы в системе Особенной части УК РФ, вслед за законодателем относят посягательство к числу транспортных. Так, например, считает А.В. Борисов. Описывая криминологическую характеристику транспортной преступности, он включает в нее и преступления, нарушающие транспортную безопасность⁷. Более того, автор утверждает, что «при определении структуры транспортной преступности должны в значительной мере использоваться следующие признаки:

<...> 3) категории потерпевших (иностранцев граждан и лиц без гражданства, приезжих, сотрудников правоохранительных органов, работников органов власти, водителей транспорта, женщин, несовершеннолетних и др.);

4) виды преступлений (насильственные, экономической направленности, коррупционной направленности, экономические, совершенные в особо крупном размере либо сопряженные с извлечением дохода в особо крупном, крупном (значительном) размере либо причинившие крупный (значительный) ущерб, связанные с незаконным оборотом наркотиков, связанные с незаконным оборотом оружия; совершенные с использованием

¹ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением транспортной безопасности» // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4146; Федеральный закон от 03.02.2014 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности» (статья изложена в новой ред.) // СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 566.

² Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность. М., 2015. С. 176.

³ Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений. М., 2011. С. 106; Его же. Новое в уголовно-правовой охране транспортной безопасности // Уголовное право. 2014. № 3. С. 56; Его же. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 87.

⁴ См.: Бажина М.А. Правовое обеспечение транспортной безопасности в условиях цифровизации // Транспортное право. 2023. № 1. С. 6.

⁵ См.: Кузнецов М.П. Уголовная ответственность за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности // Росс. юрид. журнал. 2012. № 6. С. 20.

⁶ См.: Шабунина А.Н., Горевой Е.Д. Уголовная ответственность за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности // Мировой судья. 2011. № 10. С. 5.

⁷ См.: Борисов А.В. Криминологическая теория транспортной безопасности Российской Федерации. М., 2023. С. 67–79, 125–142.

информационных технологий или в сфере компьютерной информации и др.);

<...> 6) мотивы преступления (корыстные, сексуальные, хулиганские, вражда, ненависть, месть, ревность и др.);

7) цель преступления (незаконное приобретение наркотиков, спиртных напитков, денежных средств; незаконное завладение транспортным средством, грузом, оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми веществами, боеприпасами и др.).

<...> Именно эти признаки в первую очередь позволяют... определить состояние транспортной преступности...»⁸.

Вряд ли есть необходимость доказывать ошибочность этого утверждения; приведенные автором признаки никакого отношения к транспортной преступности не имеют, представляют собой труднообъяснимый набор обстоятельств, никак не сопрягаемых с транспортными преступлениями (особенно показательна в этом отношении ссылка на сексуальный мотив их совершения или приобретение наркотиков как цель и др.).

В литературе, на наш взгляд, небезосновательно утверждается, что место анализируемой нормы в гл. 24 УК РФ либо, признав преступление специальным видом халатности, — в гл. 30 УК РФ⁹. «Сущность объекта преступления, предусмотренного ст. 263¹ УК РФ, характеристика уровней безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств убедительно свидетельствуют об иных правовой природе и социальной направленности деяния по сравнению с преступлениями, объединенными в гл. 27 УК РФ. В связи с этим представляется сомнительным признание законодателем данного преступления транспортным и определение его места в системе Особенной части УК»¹⁰.

Некоторые авторы считают, что акты вмешательства в деятельность транспорта адресуются власти, они не преследуют цели нарушения безопасной работы транспорта, а появление нормы, ссылаясь на соответствующую пояснительную записку

к проекту закона¹¹, объясняют распространением террористических актов¹².

Вероятно, такой вывод стал возможным из-за некоторого сходства нормативной трактовки транспортной безопасности с определением антитеррористической безопасности, содержащемся в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которому под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях¹³.

Н.И. Пикуров, не считая рассматриваемое деяние транспортным, приводит ряд аргументов в пользу этого. Во-первых, по его мнению, объект преступления, предусмотренного ст. 263¹ УК РФ, хотя и имеет некоторое отношение к функционированию транспорта, по своей сути лишь частично связан с движением или эксплуатацией транспортных средств. Недаром законодатель для его обозначения использует иной, нежели в собственно транспортных преступлениях, термин «транспортная безопасность».

Во-вторых, имеется не только терминологическая, но и сущностная разница. Правила безопасности движения или эксплуатации транспорта, о которых говорится, например, в ст. 263 УК РФ, и меры защиты объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства (требования безопасности), предусмотренные ст. 263¹ УК РФ, как понятия не совпадают по объему и не пересекаются. Безопасность движения или эксплуатации транспорта или транспортных средств обеспечивается регулированием деятельности лиц, непосредственно или опосредованно управляющих транспортными средствами или создающих условия для безопасного их функционирования; транспортная же безопасность, как это предполагает уголовно-правовая норма, — путем регулирования других по содержанию общественных отношений (хотя и связанных с использованием

⁸ Борисов А.В. Указ. соч. С. 78, 79.

⁹ См.: Козун А.В. Место нарушения требований в области транспортной безопасности (ст. 263¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) в системе норм уголовного законодательства и вопросы совершенствования состава преступления // Росс. следователь. 2016. № 11. С. 32.

¹⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В.В. Малиновский; науч. ред. А.И. Чучаев. М., 2015. С. 861.

¹¹ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона № 213407-4 «О транспортной безопасности» // В официальных источниках опубликована не была.

¹² См.: Комаров В.В. Повышение эффективности предупреждения и пресечения актов незаконного вмешательства на объектах воздушного транспорта // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 208; Зырянов С.М., Кузнецов В.И. Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения // Журнал рос. права. 2012. № 12. С. 5.

¹³ См.: СЗ РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

транспортных средств). В связи с этим логичен вывод: понятие «транспортная безопасность» не является родовым по отношению к понятию «безопасность движения и эксплуатации транспортных средств».

В-третьих, транспортная безопасность применительно к уголовному праву трактуется узко — только как защищенность от актов незаконного вмешательства. Последнее предполагает умышленное действие, поэтому неосторожное нарушение защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств под данное понятие не подпадает.

В-четвертых, по мере развития законодательства о транспортной безопасности это юридическое понятие приобретет значение родового, охватывающего все виды транспортной безопасности, что потребует соответствующей корректировки наименования рассматриваемого преступления и его описания¹⁴.

Полемизируя с Н.И. Пикуровым, А.И. Коробеев, по сути, не приводит контрдоводов, пожалуй, кроме одного. Он пишет: «При всей убедительности приведенной аргументации нельзя в полном объеме согласиться с выводами ее автора. Как представляется, с определенной условностью (при соответствующей трактовке отдельных признаков данного преступления) его все-таки можно причислить к посягательствам на общественные отношения в сфере безопасности функционирования транспортных средств, т.е. признать последние непосредственным объектом преступления. Для этого достаточно истолковать выражение “транспортная безопасность” в широком значении указанного термина... В противном случае придется признать, что название главы УК РФ уже не соответствует ее содержанию, ибо она загромождена составами преступлений, посягающими на иной видовой объект, чем тот, ради охраны от посягательства на который конструировалась изначально данная глава»¹⁵. Выход из создавшегося положения А.И. Коробеев видит в том, чтобы признать в качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 263¹ УК РФ, общественные отношения в сфере безопасности функционирования транспорта как элемента транспортной безопасности¹⁶.

Некоторые авторы необоснованно отождествляют понятия «транспортная безопасность» и «безопасность транспорта», хотя очевидно, что это далеко

не одно и то же¹⁷. Первое предполагает нахождение транспорта в состоянии, исключающим опасность для него самого; второе — функционирование транспорта, исключающее его опасность для людей, собственности, природы. Эти характеристики отражены в том числе и в нормативном определении указанных понятий. Так, в Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О транспортной безопасности»¹⁸ под таковой понимается состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства (п. 10 ст. 1).

Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2020 г. № 2344 «Об уровнях безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств и о порядке их объявления (установления)»¹⁹ в качестве таковых выделяются: уровень № 1 — степень защищенности транспортного комплекса от непосредственных угроз, заключающихся в наличии совокупности вероятных условий и факторов, создающих опасность совершения акта незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса; уровень № 2 — степень защищенности транспортного комплекса от непосредственных угроз, заключающихся в наличии совокупности конкретных условий и факторов, создающих опасность совершения акта незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса; уровень № 3 — степень защищенности транспортного комплекса от прямых угроз, заключающихся в наличии совокупности условий и факторов, создающих опасность совершения акта незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса.

Под актом незаконного вмешательства понимается противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий (п. 1 ст. 1 Федерального закона «О транспортной безопасности»).

Как видим, уровни безопасности также связываются с разной степенью возможности вмешательства в деятельность транспортного комплекса.

Безопасность же, например, дорожного движения определяется как состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий (ст. 1 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О безопасности

¹⁴ См.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2014. С. 420–428.

¹⁵ Коробеев А.И. Указ. соч. С. 177, 178.

¹⁶ См.: там же. С. 178.

¹⁷ См.: Сидикова А.А. Система норм об обеспечении транспортной безопасности в уголовном законодательстве России и за рубежом // Транспортное право. 2018. № 1. С. 22.

¹⁸ См.: СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 837; 2023. № 10, ст. 1576.

¹⁹ См.: СЗ РФ. 2021. № 2 (ч. II), ст. 396.

дорожного движения»²⁰). По сути, аналогичным образом рассматриваемое понятие отражено в Федеральном законе от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (ст. 2)²¹.

А.И. Коробеев говорит о необходимости широкого толкования понятия «транспортная безопасность», однако определения не формулирует, а лишь ссылается на Пояснительную записку к проекту Федерального закона «О транспортной безопасности», в которой указано, что основные положения законопроекта «призваны объединить правовые нормы, регулирующие вопросы обеспечения транспортной безопасности для различных видов транспорта, в единый институт законодательства, устранить пробелы и противоречия в действующем законодательстве»²². На наш взгляд, эта декларация ничего не проясняет, не освобождает от необходимости анализа сущности объекта уголовно-правовой охраны.

Некоторыми авторами предпринимаются попытки раскрыть содержание указанного элемента состава преступления. Например, И.Н. Архипцев и С.А. Бурлака в качестве такового предлагают считать устойчивое и безопасное функционирование транспортного комплекса, состояние защищенности интересов личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства²³. В этом утверждении следует выделить главное. Уголовный закон в силу своей специфики не может обеспечивать устойчивость (способность системы сохранять текущее состояние при влиянии внешних воздействий) функционирования транспорта, перед ним не стоит такая задача. Кроме того, в качестве самостоятельного объекта охраны необоснованно выделяются интересы личности, общества и государства, так как они образуют сущность общественной безопасности.

Подмена определяемого элемента состава рассматриваемого преступления допускается М.П. Кузнецовым, считающим, что таковым выступают «общественные отношения, направленные на обеспечение выполнения предусмотренных в нормативных правовых актах мер по предупреждению и недопущению совершения актов незаконного вмешательства, а также минимизации их последствий»²⁴. Нетрудно заметить, что в этом случае вместо объекта уголовно-правовой охраны

указывается на его обеспечение, что, разумеется, не одно и то же.

А.Н. Шабунина и Е.Д. Горевой полагают, что непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются требования по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах²⁵. Дополнительно к сказанному выше отметим: требования (т.е. норма, совокупность условий, которым кто-нибудь должен или что-нибудь должно соответствовать) как таковые и требования в сфере безопасности в частности не могут выступать объектом преступления, они не характеризуют его социально-политическую суть.

Ошибка в определении объекта преступления влечет за собой неверную юридическую оценку содеянного. Так, вызывает сомнение квалификация действий проводника Л., допустившей высадку провожающих граждан на ходу поезда, не предприняв мер для его остановки. Двое провожающих, выпрыгнувших на посадочную платформу железнодорожного вокзала через открытую дверь рабочего тамбура вагона, в результате падения и удара получили различные телесные повреждения, а третий погиб. Кировский районный суд г. Саратова квалифицировал действия Л. по ч. 2 ст. 263¹ УК РФ²⁶.

В этом случае последствия наступили не в связи с тем, что имело место вмешательство в деятельность транспортного средства, ставшее возможным в результате неисполнения требований по обеспечению транспортной безопасности, а нарушения безопасности железнодорожного транспорта общего пользования.

Вероятно, ошибки подобного рода могут быть обусловлены в том числе и неверной трактовкой в теории объекта преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ. Например, Г.К. Буранов и А.А. Горшенин выделяют основной объект преступления, предусмотренного указанной статьей, под которым понимают отношения по обеспечению состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства (транспортная безопасность) в части обеспечения безопасного функционирования железнодорожного, воздушного или водного транспорта и метрополитена (они также говорят и о дополнительном объекте преступления, характеристика которого часто встречается в литературе: жизнь, здоровье, собственность и т.д.)²⁷.

²⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 50, ст. 4873; 2023. № 29, ст. 5331.

²¹ См.: СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 169; 2023. № 25, ст. 4410.

²² Коробеев А.И. Указ. соч. С. 178.

²³ См.: Архипцев И.Н., Бурлака С.А. Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны транспортной безопасности Российской Федерации // Росс. следовател. 2017. № 2. С. 37.

²⁴ Кузнецов М.П. Указ. соч. С. 34.

²⁵ См.: Шабунина А.Н., Горевой Е.Д. Указ. соч. С. 5.

²⁶ См.: Приговор от 07.07.2014 № 1-198/2014 // В официальных источниках опубликован не был.

²⁷ См.: Буранов Г.К., Горшенин А.А. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена // Транспортное право. 2018. № 4. С. 18.

Во-первых, авторы, как и некоторые другие криминалисты, допускают подмену определяемого понятия: вместо сущности объекта указывают на отношения, обеспечивающие его. Во-вторых, искажается механизм рассматриваемого преступления; оно совершается не путем незаконного вмешательства в функционирование транспорта, т.е. объект нарушается не извне, а в результате нарушения соответствующих правил лицом, обязанным соблюдать эти правила, т.е. изнутри (в этом случае субъект в качестве самостоятельного элемента включен в общественные отношения, признаваемые объектом уголовно-правовой охраны). В-третьих, безопасность функционирования транспорта не является видом транспортной безопасности, они не находятся в указанном авторами соотношении, а представляют собой два самостоятельных явления.

Материальным выражением объекта преступления, как правило, выступает предмет посягательства. По крайней мере в данном случае он, на наш взгляд, позволяет уточнить правовую природу рассматриваемого деяния.

Транспорт является сложным многоуровневым технико-технологическим комплексом. Его безаварийная работа обеспечивается в том числе и нормативно определенным состоянием объектов транспортной инфраструктуры.

К объектам транспортной инфраструктуры (в уголовном праве они признаются предметом преступления) относятся: железнодорожные вокзалы и станции, автовокзалы и автостанции; объекты инфраструктуры внеуличного транспорта, определяемые Правительством РФ; тоннели, эстакады, мосты; морские терминалы, акватории морских портов; порты, которые расположены на внутренних водных путях и в которых осуществляются посадка (высадка) пассажиров и (или) перевалка грузов повышенной опасности, судоходные гидротехнические сооружения; расположенные во внутренних морских водах, в территориальном море, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации искусственные острова, установки, сооружения, в том числе гибко или стационарно закрепленные в соответствии с проектной документацией на их создание по месту расположения плавучие (подвижные) буровые установки (платформы), морские плавучие (передвижные) платформы, за исключением подводных сооружений (включая скважины); аэродромы и аэропорты; определяемые Правительством РФ участки автомобильных дорог, железнодорожных и внутренних водных путей, вертодромы, посадочные площадки, а также обеспечивающие функционирование транспортного комплекса здания, сооружения и помещения для обслуживания пассажиров и транспортных средств, погрузки, разгрузки

и хранения опасных грузов, на перевозку которых требуется специальное разрешение, и (или) грузов повышенной опасности; здания, строения, сооружения, обеспечивающие управление транспортным комплексом, его функционирование, используемые федеральными органами исполнительной власти в области транспорта, их территориальными органами и подведомственными организациями, а также объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего водного транспорта, определяемые федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

Необходимо иметь в виду, что нормативными правовыми актами характеристика предмета может конкретизироваться. Например, согласно постановлению Правительства РФ от 23 мая 2017 г. «О воздушных судах авиации общего назначения, относимых к транспортным средствам в соответствии с Федеральным законом “О транспортной безопасности”» в понятие «транспортные средства» включаются: 1) вертолеты с максимальной взлетной массой 3100 кг и более; 2) иные воздушные суда с максимальной взлетной массой 3100 кг и более²⁸.

Признавая транспортным преступление, предусмотренное ст. 263¹ УК РФ, некоторые авторы указывают на совпадение предмета преступления: и в том, и в другом случае в качестве такового, по их мнению, выступают элементы транспорта²⁹. Действительно, по формальному моменту (наименованию в нормативных правовых и технических актах) предмет сопоставляемых деяний может совпадать. В частности, в ст. 267 УК РФ он также указан как транспортные средства, пути сообщения, средства сигнализации и связи, транспортное оборудование и транспортные коммуникации. Однако на этом основании делать вывод о правовой природе посягательства недопустимо, поскольку искажается роль данного признака состава преступления в механизме транспортного преступления.

²⁸ См.: СЗ РФ. 2017. № 22, ст. 3166.

²⁹ См., напр.: *Медведев Е.В.* Уголовно-правовое обеспечение транспортной безопасности (вопросы теории, законодательного регулирования и практики). Ульяновск, 2018.

Элементы транспорта выполняют свойственные им функции, обладают общими, только им присущими свойствами. Так, выделяются:

1) их специальное (целевое) назначение — обеспечение безопасности движения и эксплуатации транспортных средств; элементы, не обладающие такими свойствами, не могут выступать в качестве предмета транспортного преступления (например, вокзалы, тогда как таковыми они могут быть в составе преступления, предусмотренного ст. 263¹ УК РФ);

2) пригодность (исправность) к эксплуатации, т.е. возможность использования по прямому назначению; непригодные, выведенные из строя, законсервированные, запасные элементы транспортной системы не могут признаваться предметом транспортного преступления;

3) предмет преступления относится к источникам повышенной опасности или входит в систему, обеспечивающую безаварийное функционирование таких источников. Предмету преступления, предусмотренного ст. 263¹ УК РФ, указанное свойство не обязательно (таковым, например, могут выступать здания, строения, сооружения, обеспечивающие управление транспортным комплексом, его функционирование, используемые федеральными органами исполнительной власти в области транспорта, их территориальными органами и подведомственными организациями. Они не признаются источниками повышенной опасности, не являются системным образованием обеспечения безопасности движения или эксплуатации транспорта или транспортных средств);

4) функционирование предмета транспортного преступления регламентировано действующими на транспорте нормативными актами.

Надо иметь в виду, что нормами гл. 27 УК РФ не охраняется безопасность функционирования так называемого технологического транспорта. Этот вид транспорта выполняет чисто производственные функции, связан с технологическим процессом. Учеными высказывалось мнение о необходимости включения технологического транспорта в предмет транспортных преступлений, но оно обоснованно не получило поддержки³⁰.

Сопоставляемые преступления отличаются по характеру деяния и сущности нарушаемых им нормативных актов. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 263¹ УК РФ, заключается в неисполнении требований по соблюдению транспортной безопасности (ч. 1) и неисполнении требований по обеспечению транспортной

безопасности (ч. 2). В самом общем виде это означает отказ от реализации или ненадлежащую реализацию определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспорта, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства. Необходимо иметь в виду, что многие требования транспортной безопасности охватывают нормы технического характера, регламентирующие технологические аспекты использования приборов, устройств и систем.

Согласно ст. 8 Федерального закона «О транспортной безопасности» требования по обеспечению безопасности транспорта, в том числе требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающие уровни безопасности, для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств устанавливаются Правительством РФ. Нарушение указанных требований может характеризовать объективную сторону рассматриваемого деяния.

Некоторые авторы, характеризуя состав рассматриваемого преступления, искажают суть деяния, указанного в ст. 263¹ УК РФ. Например, Н.С. Рязанов пишет: «Законодатель категорию “акт незаконного вмешательства” в сфере обеспечения безопасности сделал ключевой»³¹. Деяние в составе указанного преступления заключается не в акте вмешательства в деятельность транспортного комплекса, а в неисполнении требований по соблюдению транспортной безопасности. Понятие «вмешательство» использовано законодателем в Федеральном законе «О транспортной безопасности» для характеристики механизма нарушения состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств.

Объективная сторона транспортного преступления характеризуется деянием, нарушающим правила, содержащиеся в нормативных актах, регламентирующих работу указанных в Законе видов транспорта. Все они могут быть интегрированы в четыре группы: а) акты, регулирующие безопасность движения; б) акты, регулирующие безопасность эксплуатации; в) акты, регулирующие безопасность движения и эксплуатации; г) акты, регламентирующие допуск лиц к работе.

К нормативным актам, нарушение которых образует состав рассматриваемого преступления, относятся не только нормы, прямо именуемые правилами (инструкциями) безопасности движения и эксплуатации транспорта. Название нормативного акта — формальный признак. Для выяснения,

³⁰ См.: Белокобыльский Н. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 10.

³¹ Рязанов Н. С. Акты незаконного вмешательства как основная угроза транспортной безопасности Российской Федерации // Вестник Омской юрид. академии. 2017. № 1. С. 54.

устанавливает ли норма правило безопасности движения или эксплуатации транспорта, необходимо исходить из ее содержания.

Ряд транспортных преступлений совершаются путем: недоброкачественного ремонта транспортных средств, их выпуска в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ); разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное состояние транспортного средства, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования, блокировки транспортных коммуникаций, объектов транспортной инфраструктуры, воспрепятствования движению транспортных средств и пешеходов (ст. 267 УК РФ); действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267¹ УК РФ).

Наконец, нарушение транспортной безопасности и транспортные преступления отличаются друг от друга субъектом преступления.

В ч. 2 ст. 263¹ УК РФ им названо лицо, ответственное за обеспечение транспортной безопасности (в ч. 1 субъект вообще не упоминается). На первый взгляд в связи с конкретизацией характеристики субъекта преступления в ч. 2 ст. 263¹ УК РФ создается впечатление об ответственности по ч. 1 данной статьи общего субъекта. Такая конструкция статьи обуславливает необходимость хотя бы абрисно очертить круг лиц, признаваемых субъектами преступления по указанным частям данной статьи.

Применительно к первоначальной редакции ст. 263¹ УК РФ (субъект был обозначен как лицо, ответственное за обеспечение транспортной безопасности) Н.И. Пикуров говорил о двух категориях лиц, которые могли признаваться субъектами преступления: а) лица, ответственные за обеспечение транспортной безопасности объекта транспортной инфраструктуры, — работники, занимающие должность на объекте транспортной инфраструктуры и ответственные за обеспечение транспортной безопасности; б) лица, ответственные за обеспечение транспортной безопасности транспортного средства, — лица, занимающие должность на транспортном средстве и ответственные за транспортную безопасность³².

Такой подход был основан на ст. 4 Федерального закона «О транспортной безопасности», согласно которой обеспечение транспортной безопасности возлагается на субъекты транспортной инфраструктуры, если иное не установлено законодательством, а также на приказе Минтранса России от 11 февраля 2010 г. № 34 (ред. от 26.02.2019) «Об утверждении Порядка разработки планов обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных

средств»³³, в котором раскрывается смысл понятий «лицо, ответственное за обеспечение транспортной безопасности объекта транспортной инфраструктуры» и «лицо, ответственное за обеспечение транспортной безопасности транспортного средства».

В литературе утверждалось, что требования транспортной безопасности адресованы не только руководителям различного уровня, но и рядовым работникам, обеспечивающим применение мер безопасности, например досмотр багажа пассажиров³⁴.

Как уже было сказано, Федеральным законом от 3 февраля 2014 г. редакция ст. 263¹ УК РФ изменена. В нее была включена новая часть, не содержащая характеристики субъекта преступления (ч. 1 данной статьи). В связи с этим, по мнению А.И. Коробеева, «в рамках одного состава преступления предусмотрена ответственность как общего, так и специального субъектов преступления»³⁵. Этот вывод представляется сомнительным. По нашему мнению, он сделан лишь на сопоставлении ч. 1 и 2 ст. 263¹ УК РФ без учета сущности уголовно-правового запрета. Вряд ли общий субъект обязан соблюдать транспортную безопасность как нормативную категорию. Следовательно, возникает вопрос: кого в этом случае имел в виду законодатель?

На наш взгляд, законодатель, исходя из складывающейся ситуации на транспорте, появление воздушных, речных и морских судов на праве личной собственности, хотел «разъединить» ответственность работника транспорта и лица, не являющегося таковым. По ч. 2 ст. 263¹ УК РФ в круг субъектов преступления входят лица, являющиеся работниками транспорта, ответственные за обеспечение транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средств. В этом случае собственники объекта транспортной инфраструктуры не могли признаваться субъектом преступления. В целях устранения пробела в уголовно-правовом обеспечении транспортной безопасности, по нашему мнению, и был расширен круг ответственных лиц по ст. 263¹ УК РФ, хотя сделано это крайне неудачно.

Субъект транспортного преступления в целом является специальным, обусловлен характером совершаемого деяния. Если оно выражается в нарушении правил безопасности движения или эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, метрополитена, автотранспорта (т.е. когда объект преступления нарушается изнутри), ответственности подлежит

³³ В официальных источниках опубликован не был.

³⁴ См.: Саркисова В.Г. Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 13, 14.

³⁵ Коробеев А.И. Указ. соч. С. 186.

³² См.: Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений. С. 114.

лицо, в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязанное соблюдать правила безопасности движения или эксплуатации указанных его видов. Таким образом, речь идет о двух категориях работников транспорта, чья деятельность связана: 1) с организацией безопасности функционирования транспорта; 2) с его движением или эксплуатацией. Определить круг этих лиц можно по ведомственным нормативным актам, закрепляющим функции того или иного работника транспорта.

В ст. 264¹, 264² и 264³ УК РФ также указан специальный субъект, но выделенный уже по другим признакам: в первом случае им названо лицо, управляющее транспортным средством в состоянии опьянения, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние или за невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения; во втором случае — лицо, подвергнутое административному взысканию и лишенное права управления транспортным средством; в третьем случае — лицо, лишенное права управления транспортным средством и подвергнутое административному наказанию или имеющее судимость.

Если деяние нарушает объект преступления извне, то состав преступления предполагает общего субъекта.

* * *

Изложенное позволяет сформулировать несколько выводов.

1. Нарушение транспортной безопасности не является транспортным преступлением, не обладает свойствами, присущими последним, отличается от них объектом, объективной стороной и субъектом преступления.

2. Транспортная безопасность и безопасность транспорта — понятия не синонимичные, не пересекаются между собой.

3. Транспортным преступлениям, исходя из механизма их совершения, имманентно присущи следующие признаки: а) все они нарушают один и тот же видовой объект — безопасность движения или эксплуатации транспорта; б) предметом преступления выступает транспорт как технологическая система или транспортное средство; в) вред объекту преступления причиняется в результате создания внутренней или внешней угрозы безопасности функционирования механического транспортного средства, железных дорог, авиации, флота и метрополитена; г) причиняют указанные в законе преступные последствия; д) совершаются в сфере взаимодействия человека с транспортом: при создании внутренней угрозы безаварийной работы транспорта — лицом, непосредственно управляющим транспортным

средством или обеспечивающим безопасность транспорта; при создании внешней угрозы — лицом, не исполняющим указанные функции (например, пешеходом, пассажиром и т.д.).

В совокупности эти признаки характеризуют как все преступления в сфере транспортной безопасности, так и каждое в отдельности, позволяют отграничивать их прежде всего от сходных преступлений (например, в ситуациях, когда транспортное средство используется в качестве орудия совершения преступления) и административных правонарушений, не предусматривающих наступление последствий, указанных в соответствующих статьях Уголовного кодекса РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипцев И. Н., Бурлака С. А.* Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны транспортной безопасности Российской Федерации // *Росс. следователь*. 2017. № 2. С. 37.
2. *Бажина М. А.* Правовое обеспечение транспортной безопасности в условиях цифровизации // *Транспортное право*. 2023. № 1. С. 6.
3. *Белокобыльский Н. Н.* Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 10.
4. *Борисов А. В.* Криминологическая теория транспортной безопасности Российской Федерации. М., 2023. С. 67–79, 125–142.
5. *Буранов Г. К., Горшенин А. А.* Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена // *Транспортное право*. 2018. № 4. С. 18.
6. *Зырянов С. М., Кузнецов В. И.* Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения // *Журнал рос. права*. 2012. № 12. С. 5.
7. *Козун А. В.* Место нарушения требований в области транспортной безопасности (ст. 263¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) в системе норм уголовного законодательства и вопросы совершенствования состава преступления // *Росс. следователь*. 2016. № 11. С. 32.
8. *Комаров В. В.* Повышение эффективности предупреждения и пресечения актов незаконного вмешательства на объектах воздушного транспорта // *Библиотека криминалиста*. 2013. № 4. С. 208.
9. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В. В. Малиновский; науч. ред. А. И. Чучаев. М., 2015. С. 861.*
10. *Коробеев А. И.* Транспортные преступления и транспортная преступность. М., 2015. С. 176–178, 186.
11. *Кузнецов М. П.* Уголовная ответственность за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности // *Росс. юрид. журнал*. 2012. № 6. С. 20, 34.

12. *Медведев Е.В.* Уголовно-правовое обеспечение транспортной безопасности (вопросы теории, законодательного регулирования и практики). Ульяновск, 2018.
13. *Пикуров Н.И.* Квалификация транспортных преступлений. М., 2011. С. 106, 114.
14. *Пикуров Н.И.* Новое в уголовно-правовой охране транспортной безопасности // Уголовное право. 2014. № 3. С. 56.
15. *Пикуров Н.И.* Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 87.
16. *Рязанов Н.С.* Акты незаконного вмешательства как основная угроза транспортной безопасности Российской Федерации // Вестник Омской юрид. академии. 2017. № 1. С. 54.
17. *Саркисова В.Г.* Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 13, 14.
18. *Сидикова А.А.* Система норм об обеспечении транспортной безопасности в уголовном законодательстве России и за рубежом // Транспортное право. 2018. № 1. С. 22.
19. *Шабунина А.Н., Горевой Е.Д.* Уголовная ответственность за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности // Мировой судья. 2011. № 10. С. 5.
20. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2014. С. 420–428.
6. *Zyryanov S.M., Kuznetsov V.I.* Transport safety and the system of subjects of its prevention // Journal of Russ. law. 2012. No. 12. P. 5 (in Russ.).
7. *Kozun A.V.* The place of violation of requirements in the field of transport security (Article 263¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) in the system of norms of criminal legislation and issues of improvement of the corpus delicti // Russ. the investigator. 2016. No. 11. P. 32 (in Russ.).
8. *Komarov V.V.* Improving the effectiveness of preventing and suppressing acts of illegal interference at air transport facilities // Library of Criminalist. 2013. No. 4. P. 208 (in Russ.).
9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation for prosecutors (official) / res. ed. V.V. Malinovsky; scientific ed. A.I. Chuchayev. M., 2015. P. 861 (in Russ.).
10. *Korobeev A.I.* Transport crimes and transport crime. M., 2015. Pp. 176–178, 186 (in Russ.).
11. *Kuznetsov M.P.* Criminal liability for failure to comply with transport safety requirements // Russ. legal journal. 2012. No. 6. Pp. 20, 34 (in Russ.).
12. *Medvedev E.V.* Criminal law provision of transport security (issues of theory, legislative regulation and practice). Ulyanovsk, 2018 (in Russ.).
13. *Pikurov N.I.* Qualification of transport crimes. M., 2011. Pp. 106, 114 (in Russ.).
14. *Pikurov N.I.* New in criminal law protection of transport security // Criminal Law. 2014. No. 3. P. 56 (in Russ.).
15. *Pikurov N.I.* Main trends in the development of legislation on liability for transport crimes // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. No. 4. P. 87 (in Russ.).
16. *Ryazanov N.S.* Acts of unlawful interference as the main threat to the transport security of the Russian Federation // Herald of the Omsk Law Academy. 2017. No. 1. P. 54 (in Russ.).
17. *Sarkisova V.G.* Criminal law security of transport infrastructure facilities: abstract ... PhD in Law. Krasnodar, 2014. Pp. 13, 14 (in Russ.).
18. *Sidakova A.A.* The system of norms on ensuring transport security in the criminal legislation of Russia and abroad // Transport Law. 2018. No. 1. P. 22 (in Russ.).
19. *Shabunina A.N., Gorevoy E.D.* Criminal liability for failure to comply with transport security requirements // Justice of the peace. 2011. No. 10. P. 5 (in Russ.).
20. Encyclopedia of Criminal Law. SPb., 2014. Pp. 420–428 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Arkhiptsev I.N., Burlaka S.A.* Some aspects of criminal law protection of transport safety of the Russian Federation // Russ. the investigator. 2017. No. 2. P. 37 (in Russ.).
2. *Bazhina M.A.* Legal provision of transport security in the context of digitalization // Transport Law. 2023. No. 1. P. 6 (in Russ.).
3. *Belokobylsky N.N.* Criminal liability for violation of traffic safety rules and operation of railway transport: dis. ... PhD in Law. M., 1981. P. 10 (in Russ.).
4. *Borisov A.V.* Criminological theory of transport security of the Russian Federation. M., 2023. Pp. 67–79, 125–142 (in Russ.).
5. *Buranov G.K., Gorshenin A.A.* Violation of traffic safety rules and operation of railway, air, sea and inland waterway transport and metro // Transport Law. 2018. No. 4. P. 18 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧУЧАЕВ Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHAEV Aleksandr I. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 349

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ В РАКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

© 2024 г. П. П. Баттахов^{1, 2, *}, Ю. С. Овчинникова^{1, **, *}, Т. С. Иванова^{2, ***}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск

*E-mail: battakhov@mail.ru

**E-mail: domosedka@mail.ru

***E-mail: ivanovats@mail.ru

Поступила в редакцию 31.05.2024 г.

Аннотация. Арктическая зона России играет ключевую на мировой арене роль в развитии энергетических ресурсов. Вместе с тем развитие энергетического сектора экономики связано с решением задач национальной безопасности Российской Федерации. Эффективное решение указанных задач возможно благодаря более активному использованию инструментов, предлагаемых альтернативной энергетикой, для чего необходима существенная модификация правового регулирования. Однако в настоящий момент полная замена сырьевого углеводородного направления в мире, по мнению исследователей, представляется невозможной. На сегодняшний день основным локомотивом развития российской Арктики является именно сырьевой сектор энергетики, и глобальная экономика базируется преимущественно на энергии, которая производится из ресурсов полезных ископаемых.

Развитие энергетики в Арктической зоне зависит от уровня промышленной безопасности. Под промышленной безопасностью можно понимать состояние защищенности интересов личности (жизненно важных и имущественных), а также публичных интересов (общества и государства) благодаря предусмотренной законодательством системе по управлению промышленной безопасностью. Система управления промышленной безопасностью и институт страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов представляет собой комплексный механизм по предотвращению аварий и нейтрализации их негативных последствий на опасных объектах, что особенно актуально для Арктической зоны Российской Федерации. Обозначены основные проблемы реализации данного механизма и пути их решения.

Ключевые слова: Арктическая зона, энергетический сектор экономики, национальная безопасность, опасные объекты, экология, промышленная безопасность, авария, страхование.

Цитирование: Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С., Иванова Т.С. Энергетический сектор экономики Арктической зоны России в ракурсе национальной безопасности: правовые аспекты // Государство и право. 2024. № 9. С. 157–165.

DOI: 10.31857/S1026945224090142

THE ENERGY SECTOR OF THE ECONOMY OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM THE PERSPECTIVE OF NATIONAL SECURITY: LEGAL ASPECTS

© 2024 P. P. Battakhov^{1, 2, *}, Yu. S. Ovchinnikova^{1, **, *}, T. S. Ivanova^{2, ***}

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

²Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

*E-mail: battakhov@mail.ru

**E-mail: domosedka@mail.ru

***E-mail: ivanovats@mail.ru

Received 31.05.2024

Abstract. Russia's Arctic zone plays a key role in the development of energy resources on the world stage. At the same time, the development of the energy sector of the economy is associated with solving the tasks of the national security of the Russian Federation. The effective solution of these tasks is possible due to the more active use of the tools offered by the "green" economy and alternative energy, which requires a significant modification of legal regulation. However, at the moment, a complete replacement of the raw hydrocarbon sector in the world, according to researchers, seems impossible. Today, the main engine of the development of the Russian Arctic is precisely the raw energy sector, and the global economy is based mainly on energy, which is produced from mineral resources.

The development of energy in the Arctic zone depends on the level of industrial safety. Industrial safety can be understood as the state of protection of personal interests (vital and property), as well as public interests (society and the state) due to the system of industrial safety management provided for by legislation. The industrial safety management system and the Institute of Civil Liability Insurance for owners of hazardous facilities is a comprehensive mechanism for preventing accidents and neutralizing their negative consequences at hazardous facilities, which is especially important for the Arctic zone of the Russian Federation. The main problems of the implementation of this mechanism and the ways to solve them are outlined.

Key words: Arctic zone, energy sector of the economy, national security, hazardous facilities, ecology, industrial safety, accident, insurance.

For citation: Battakhov, P.P., Ovchinnikova, Yu. S., Ivanova, T.S. (2024). The energy sector of the economy of the Arctic zone of the Russian Federation from the perspective of national security: legal aspects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 157–165.

Введение

Развитие энергетики как базового сектора экономики связано с решением проблем национальной безопасности. В большей степени это относится к энергетике Арктической зоны Российской Федерации, поскольку именно данный регион отличаются особые риски функционирования и развития реального сектора экономики, о которых будет сказано далее. Данные риски связаны с экстремальными климатическими условиями (в том числе изменениями климата), а также спецификой социально-экономического развития. Вне всякого сомнения, в силу географического положения и других факторов данный регион играет ключевую роль в области обеспечения национальной безопасности.

При этом под обеспечением национальной безопасности понимается комплекс мер, который предпринимается государством и обществом, и имеет различное содержание — речь идет о социально-экономических, информационных, военных и других мерах¹. Необходимо отметить, что данные меры осуществляются исходя из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, к числу которых относится экономическая и экологическая безопасность. Достижение данных целей невозможно без технологического развития энергетического сектора, прежде всего Арктической зоны РФ, с которым связаны необходимые меры по обеспечению промышленной, экологической, а также национальной безопасности в целом. Целью

данного исследования является анализ некоторых мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации при развитии энергетического сектора экономики Арктической зоны РФ. При этом в статье анализируются вопросы национальной безопасности применительно как к сырьевой, так и к альтернативной энергетике.

Основные вопросы национальной безопасности при развитии энергетического сектора экономики в Арктической зоне Российской Федерации

Начать необходимо с того, что, как упоминалось выше, Российская Арктика — один из ключевых факторов развития Российской Федерации. Это связано в том числе с тем, что Арктика занимает $\frac{1}{3}$ часть площади Российской Федерации, и Россия в этом вопросе — безоговорочный лидер по сравнению с другими арктическими государствами.

При этом, вне всякого сомнения, основным локомотивом развития Российской Арктики на сегодняшний день являются отечественные компании сырьевого сектора, которые не первый год занимаются хозяйственной деятельностью на этой огромной территории, принадлежащей Российской Федерации. Ряд крупнейших газо- и нефтедобывающих предприятий, зарегистрированных в Арктическом регионе, являются основными налогоплательщиками в местный бюджет, а также ключевыми работодателями практически каждого региона, муниципального образования и моногорода Арктики.

Вместе с тем в ключе основной проблематики статьи необходимо отметить, что в настоящее время перед мировым сообществом и Арктическими государствами стоят вопросы надлежащего

¹ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ст. 5351.

обеспечения экологической и климатической безопасности. При этом эффективное решение данных задач возможно благодаря более активному использованию инструментов, предлагаемых «зеленой» экономикой, для чего необходима существенная модификация многих нормативно-правовых актов и государственная поддержка всех ступеней бизнеса.

В связи с этим целесообразно отметить, что к числу ключевых нормативно-правовых актов, которые регулируют систему правоотношений касательно исследуемой данной работой проблематики, относятся:

Федеральный закон от 21 июня 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»². Началом его разработки стало поручение главы государства об обеспечении к началу 2030 г. снижения суммарных выбросов парникового газа до 70% по сравнению с уровнем 1990 г., а также о разработке стратегии дальнейшего развития России, предусматривающей создание условий, минимизирующих выбросы парникового газа в перспективе до 2050 г.;

постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 (ред. от 30.12.2023) «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе “зеленого”) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе “зеленого”) развития в Российской Федерации»³;

распоряжение Правительства РФ от 16 января 2023 г. № 40-р «О подписании соглашений о намерениях между Правительством Российской Федерации и заинтересованными организациями в целях развития высокотехнологичного направления “Развитие водородной энергетики”»⁴.

Важно подчеркнуть, что каждый этап освоения Арктического региона преследует несколько основных целей⁵, которые заключаются, с одной стороны, в дальнейшем развитии экономики России, а с другой — в сохранении флоры и фауны. При этом глобальная экономика базируется на энергии, которая производится преимущественно из ресурсов полезных ископаемых. Структуру всей поставляемой первичной энергии можно описать следующим образом: 81% — углеводороды, 5% — атомная энергия и 14% — совокупность возобновляемых

источников (в данном случае на долю биомассы приходится порядка 70%).

Важно обратить внимание на то, что в настоящее время на мировой арене стоит вопрос глобального потепления, который нуждается в комплексном исследовании и актуален для России. Это связано с тем, что на территории нашей страны 60% вечной мерзлоты и, соответственно, глобальное повышение температуры происходит намного быстрее (примерно в 2.5 раза), чем в остальном мире. Следовательно, в России существуют климатические проблемы, которые оказывают определенное влияние на развитие энергетического сектора экономики и промышленную безопасность России, о чем будет сказано далее.

В связи с глобальным изменением климата экологические проблемы затрагивают Арктическую Россию, и, соответственно, многие исследования посвящены связанным с этим востребованным экономическим направлениям⁶. К сожалению, по прогнозам ученых, запасы углеводородов не относятся к неиссякаемым, поэтому в перспективе необходимо ориентироваться на поиск альтернативных источников энергетики. В связи с этим, по мнению ученых, необходимо наибольший акцент сделать на залежи гидратов природного газа, в структуру которых включена смесь углеводородов. Их также называют «горючим льдом», поскольку каждая молекула метана хорошо упакована в ледяную клетку, структура которой основана на молекулах воды. Многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные, считают, что энергия, содержащаяся в газогидратах, значительно превосходит суммарную энергию угля, газа и нефти, т.е. энергию всех остальных углеводородов. Газовый гидрат представляет собой соединение, образованное при низкой температуре из твердых кристаллических веществ (газа и воды). Внешний вид газовых гидратов напоминает рыхлый лед⁷.

Необходимо отметить, что обеспокоенность колоссальными выбросами углекислых газов ставит перед обществом вопрос: продолжать использовать ископаемые виды топлива, которые удобны, распространены и обеспечивают получение сравнительно дешевой энергии, либо же осуществлять их замену возобновляемыми источниками, что требует многолетних дорогостоящих исследований.

Кроме того, в мировой практике некоторые государства пытаются реализовать разные программы

² См.: СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I), ст. 5124.

³ См.: СЗ РФ. 2021. № 40, ст. 6818.

⁴ См.: СЗ РФ. 2023. № 4, ст. 683.

⁵ См.: Савенков А. Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 1. С. 22–42.

⁶ См.: Баттахов П. П. Особенности правового регулирования экономической деятельности в Арктической зоне России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 328–331.

⁷ См.: Вареничев А. А., Потапов И. И. Потенциальный энергетический источник // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2022. № 6. С. 137–141.

как способ решения задач низкоуглеродной экономики. Перед государствами стоят планы по решению экологических проблем, связанных с климатом на земле, прежде всего речь идет об адаптации экономики к сокращению использования углеводородного сырья. Однако в настоящий момент сырьевое углеводородное направление в мире заменить в полной мере невозможно, и по прогнозу исследователей ближайшие 50 лет будут работать программы углеводородной политики.

Вне всякого сомнения, развитие альтернативной энергетики особенно актуально для территории Арктики, в первую очередь это связано с тем, что в данном регионе среднегодовая температура гораздо ниже нормы⁸. Так, на территории Арктики одним из возобновляемых источников энергии являются ветровые генераторы. Сегодня энергетический сектор некоторых Арктических регионов содержит от одного до трех видов источников альтернативной энергии, в качестве примера можно привести Мурманскую область, где расположено множество ветряных электростанций (ВЭС), которые очень значимы для данного региона. Успешное осуществление проекта Кольской ВЭС превратило ее в крупнейшую ветровую электростанцию Заполярья, непрерывно вырабатывающую дополнительную энергию. Таким образом, естественные неисчерпаемые источники являются частью перспективного подхода к энергетике будущего.

Необходимо отметить, что с середины XX в. именно атомная энергетика имеет наибольшую актуальность в мире по сравнению с другими видами альтернативной энергетики. В России переход к атомной энергетике обусловлен не только изменением климата, но и стремлением к инновациям и индустриализации для развития науки, промышленности, сельского хозяйства и энергетики. Это, в свою очередь, способствует улучшению качества жизни населения, экономии на тарифах, ликвидации голода и обеспечению продовольственной безопасности. Поэтому многие государства изменяют политику и проявляют интерес к развитию ядерно-энергетических программ и принимают внутренние стратегические документы⁹.

В развитие темы об альтернативной энергетике можно отметить, что в водородной энергетике ключевыми направлениями являются: применение транспортных средств, энергообеспечение населения, создание инфраструктуры при транспортировке водорода и т.д. При этом представляется

необходимой разработка единого механизма сотрудничества государств по международному хранению водорода и созданию единого стандарта.

В России водородная энергетика как один из видов возобновляемой энергии имеет государственный приоритет в развитии энергетической политики страны, значимость которой подчеркивается Президентом РФ в нормативно-правовых актах¹⁰. Политика государства в области технологий производства, хранения и реализации водорода свидетельствует о бурном развитии водородной энергетики в России. Согласно Прогнозу научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года водородные технологии являются одним из самых перспективных направлений научных исследований¹¹. В последующие годы государство планирует постепенный переход к водородной энергетике. Так, в Энергетической стратегии России на период до 2035 года¹² прописаны некоторые аспекты энергетического развития России, в частности о том, что производство и потребление водорода как энергетического ресурса становится приоритетной задачей.

Помимо России многие страны планируют переходить на экологическую технологию с применением ветряных электростанций, солнечных батарей, гидроэлектростанций и т.д. Тем не менее заменить углеводород в мире быстрыми темпами пока не представляется возможным, что связано в том числе с объемом потребляемых энергетических ресурсов. В связи с этим самым эффективным продуктом XXI в. остается углеводород.

Несмотря на вышеназванные положительные аспекты, отдельным видам альтернативной энергетики, до недавних пор считавшимся «зелеными», присущ целый ряд крупных недостатков. К примеру, функционирование каждого ветрогенератора издает слышимое излучение, которое вредно для населения. Соответственно, ущерб, наносимый экономике, экологии государства, обусловлен процессами производства и последующей утилизации данной установки на территории Арктики.

Можно сделать вывод, что в связи с возрастанием технологических загрязнений природной среды и кардинальным изменением климата имеет место ситуация, которая близка к экологической катастрофе. Поэтому в настоящее время перед мировыми

⁸ См.: Ковалев А.А. Движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность // Международные отношения. 2019. № 3. С. 38–50.

⁹ См.: Лизикова М.С. Правовые проблемы изменения географии мировой атомной энергетики // Союз криминалистов и кримиологов. 2019. № 3. С. 104–108.

¹⁰ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию 21 апреля 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 03.04.2024).

¹¹ См.: Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством РФ 04.01.2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р (ред. от 28.02.2024) «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 24, ст. 3847.

державами стоят новые вызовы, которые следует решать совместно всем миром. Эффективное решение указанной проблемы возможно благодаря более активному использованию инструментов, предлагаемых «зеленой» экономикой, для чего необходима существенная модификация многих нормативно-правовых актов. Сами принципы энергоперехода означают процесс поэтапного перехода к «зеленой» энергетике, а ее база должна опираться на добычу, а также рациональное использование ресурсной базы, причем с минимальными выбросами парникового газа в окружающую среду.

Таким образом, на данный момент остро стоит вопрос разработки новых мер охраны и защиты природной среды и совершенствования правового регулирования, что особенно важно для обеспечения национальной безопасности России при развитии энергетического сектора экономики Арктической зоны РФ.

Энергетический сектор экономики и промышленная безопасность в Арктической зоне Российской Федерации

В продолжение данной темы необходимо отметить, что на настоящий момент одним из наиболее актуальных вопросов является промышленная безопасность производств Арктической зоны РФ в сфере энергетики. Это связано (как уже указывалось выше) с особым значением данного региона для социально-экономического и политического развития Российской Федерации в целом¹³. Основные «проблемные моменты» и риски заключаются в двух факторах: во-первых, в участившихся негативных природных процессах в Арктической зоне РФ, которые несут в себе потенциальную опасность для производственной деятельности в сфере энергетики; во-вторых, в состоянии энергосистем данного региона, о чем будет сказано далее.

Первый фактор, влияющий на состояние промышленной безопасности Арктической зоны¹⁴, связан с негативными изменениями окружающей среды, которые оказывают влияние как на условия жизнедеятельности человека, так и на функционирование производственных объектов¹⁵. Кроме того, такие изменения потенциально могут являться причиной различного рода аварий на производстве и других чрезвычайных ситуаций. В качестве одного из таких природных изменений можно

назвать деградацию многолетней (вечной) мерзлоты и связанные с ней ледяные заторы, подвижку льдов и т.д. Помимо объективных причин аварии и другие чрезвычайные ситуации могут быть спровоцированы деятельностью человека — речь идет, например, об участившихся в Арктической зоне производственных и других выбросах, загрязняющих окружающую среду.

Второй фактор связан с состоянием энергосистем Арктической зоны. Так, вследствие экстремальных природных условий во многих округах Арктической зоны РФ наблюдается изолированность энергосистем — как от единой энергетической системы России, так и друг от друга, что негативно влияет на развитие экономики и содержит в себе риск возникновения различного рода производственных аварий. По этой причине многими специалистами признается необходимость модернизации энергосистем Арктической зоны¹⁶.

Прежде чем говорить о способах решения вышеуказанных проблем, необходимо отметить, что представляет собой промышленная безопасность с точки зрения права. Так, в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»¹⁷ промышленная безопасность представляет собой состояние, при котором достигнута защита интересов личности и общества (жизненно важных) от аварий на опасных производственных объектах и их последствий.

Данное понятие, по нашему мнению, не содержит двух существенных признаков. Во-первых, представляется некорректным применение формулировки «жизненно важные интересы» применительно к обществу и, кроме того, что существенно, в данном случае отсутствует указание на защиту имущественных интересов. Соответственно, в этом случае подлежат защите как публичные интересы (общества), так и частные (интересы личности). Вместе с тем защите подлежат не только «жизненно важные» частные интересы (т.е. связанные с жизнью, здоровьем личности), но и имущественные частные и публичные интересы (многочисленные общеизвестные факты повреждения и (или) гибели имущества в результате аварий на производственных объектах. Кроме того, необходимо отметить, что речь идет не только о защите интересов общества, но и государства, поскольку одной из его функций является обеспечение экономической стабильности, достижение которой невозможно без промышленной безопасности.

¹³ См.: Право и реальный сектор экономики России / под ред. И.В. Ершовой, В.А. Лаптева. М., 2024. С. 116.

¹⁴ См.: Габов А.В., Лизикова М.С. Энергетическое право Евразийского экономического союза: формирование и основы // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 13–24.

¹⁵ См.: Хвостова М.С. Влияние опасных природных процессов и явлений на безопасность хозяйственной деятельности в Арктической зоне РФ // Росс. Арктика. 2021. № 12. С. 5–22.

¹⁶ См.: Иванов А.В., Складчиков А.А., Хренников А.Ю. Развитие электроэнергетики арктических регионов РФ с учетом использования возобновляемых источников энергии // Росс. Арктика. 2021. № 13. С. 62–80.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 1997. № 30, ст. 3588.

Во-вторых, вне всякого сомнения, в аспекте государственного регулирования в данной сфере большое значение имеют предусмотренные в законодательстве меры (ст. 6 вышеназванного Федерального закона) по предотвращению аварий в промышленности. Речь идет о системе по управлению промышленной безопасностью. Данная система представляет собой комплекс мероприятий (организационного и технического характера), осуществляемых организациями, которые эксплуатируют опасные производственные объекты. Указанные мероприятия нацелены как на предотвращение аварий, так и на локализацию (ликвидацию) их последствий, к ним относятся в том числе эксплуатация, реконструкция, капитальный ремонт производственных объектов и т.д.

Таким образом, под промышленной безопасностью можно понимать состояние защищенности интересов личности (жизненно важных и имущественных), а также публичных интересов (общества и государства), благодаря предусмотренной законодательством системе по управлению промышленной безопасностью.

В контексте рассматриваемой темы большое значение имеет понятие аварии на опасном объекте¹⁸. Проблема состоит в том, что данное понятие в законодательстве трактуется неодинаково, что может сыграть негативную роль с позиции защиты обозначенных выше публичных и частных интересов. Так, согласно Федеральному закону «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» аварией является разрушение технических устройств и (или) сооружений, которое применяется на производственном объекте, а также взрыв или выброс опасных веществ (неконтролируемые). Здесь усматриваются две проблемы. Во-первых, понятие аварии по Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте»¹⁹ содержит другие признаки. Сюда относится как разрушение технических устройств, так и обрушение горных пород, отклонение от режима технологического процесса, сброс воды из водохранилища и разного рода отходов, которые возникли в процессе эксплуатации опасного производственного объекта.

Как уже было отмечено, данное несовпадение признаков может негативно сказываться на защите публичных и частных интересов в целом и в частности — на страховой защите. Это связано с тем,

что, вне всякого сомнения, для правовой определенности такого факта, как страховой случай, в законодательстве должно существовать единое понятие аварии на опасном промышленном объекте.

Вторая проблема состоит в том, что в Федеральном законе «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» в понятие аварии на промышленном объекте не включены последствия таковой в качестве признака²⁰. Вместе с тем именно последствия аварии в виде причинения вреда имеют решающее значение в вопросе страховой защиты. Данные последствия можно классифицировать следующим образом: во-первых, вред, причиненный жизни и (или) здоровью потерпевших, во-вторых, вред, который причинен имуществу физического лица, и вред, причиненный имуществу юридического лица (все названные категории субъектов являются потерпевшими).

Таким образом, страховым случаем является наступление гражданско-правовой ответственности владельца особо опасного объекта за причинение вреда в результате аварии. Следовательно, в состав страхового случая в данных правоотношениях входит как непосредственно сам факт аварии, так и последствия, а именно причинение вреда и наступление гражданско-правовой ответственности.

На основании вышеизложенного можно отметить, что страхование особо опасных объектов и система управления промышленной безопасностью (комплекс мероприятий технического и организационного характера, о которых было сказано выше) представляют собой *комплексный механизм по предотвращению аварий и нейтрализации их негативных последствий на опасных объектах*.

В целом можно утверждать, что в силу возрастающих по степени рисков чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне, что связано прежде всего с климатическими изменениями, данный комплексный механизм по предотвращению аварий и нейтрализации их негативных последствий на особо опасных объектах имеет особое значение для энергетического сектора экономики данного региона. Соответственно, качество промышленной безопасности Арктической зоны напрямую зависит от состояния законодательства о промышленной безопасности и о страховании ответственности владельцев опасных объектов. Это связано с тем, что страхование, как и система управления промышленной безопасностью, входит в комплексный механизм по предотвращению аварий и нейтрализации их негативных последствий на опасных объектах.

¹⁸ См.: Жудро И. С., Редникова Т. В. Арктика: устойчивое развитие региона и обеспечение национальной безопасности // Государство и право. 2022. № 3. С. 127–137.

¹⁹ См.: СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4194.

²⁰ См.: Клеандров М. И. Общие проблемные подходы к правовому регулированию отношений в сфере зеленой энергетики // Правовой энергетический форум. 2021. № 2. С. 14–21.

Необходимо отметить, что страховая защита в правоотношениях по страхованию особо опасных объектов имеет *определенную специфику*. В целом правовая природа страховой защиты зависит от этапа реализации страховых правоотношений. Если до наступления страхового случая страховая защита заключается в действиях страховщика по предоставлению информации (и других действиях, предусмотренных договором), то после наступления страхового случая — в осуществлении страхового возмещения. При этом в данном виде страховых правоотношений страховым случаем является факт наступления у страхователя гражданско-правовой ответственности вследствие причинения вреда потерпевшим в результате аварии на производственном объекте.

Обращаясь к исторической ретроспективе развития правоотношений по страхованию опасных объектов, можно отметить следующее. Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (далее — Закон) был принят в 2010 г. в связи с увеличивающимся на тот период количеством чрезвычайных ситуаций на производственных объектах. Можно отметить, что достаточно высокий уровень риска при эксплуатации опасных объектов в Российской Федерации связан с двумя факторами: во-первых, достаточно медленно происходит процесс обновления производственных фондов, уровень износа оборудования в некоторых отраслях превышает 50%; во-вторых, Российской Федерации свойственна достаточно высокая плотность населения в районе расположения опасных производственных объектов. При этом одним из стимулов для принятия Закона послужила техногенная катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС, в результате которой погибло 75 человек и был нанесен огромный ущерб оборудованию и другому имуществу.

Вместе с тем институт страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов на настоящий момент в большинстве случаев не может в полной мере (речь идет в том числе о размере возмещения) защитить интересы страхователей и потерпевших при наступлении аварии по следующим причинам.

Во-первых, большое значение в этом вопросе имеет *порядок и размер страхового возмещения по договору об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев опасных объектов*²¹. Так, предел страхового возмещения в большинстве случаев не позволяет покрывать расходы владельцев опасных производственных объектов

в связи с наступлением ответственности, особенно это касается размера страховых выплат по возмещению вреда, который причинен имуществу юридического лица (ст. 3 Закона). Вместе с тем необходимо отметить, что данный вид имущественного страхования представляет собой достаточно серьезную финансовую нагрузку для самих владельцев опасных объектов.

Кроме того, что в процесс формирования страховой суммы (а значит, и страхового возмещения) законодателем заложены неточные критерии, что в конечном счете влияет на размер страхового возмещения, а следовательно, и качество страховой защиты. Так, в частности, размер страховой суммы зависит от того, какому приблизительно количеству человек может быть причинен вред в результате аварии, например 3 тыс. человек или более (ст. 6 Закона). Однако отметим, что данный критерий не основан на статистике и реальных расчетах, при этом именно от него зависит предельный размер страхового возмещения (в случае аварии).

Во-вторых, проблемы при реализации данного вида страхования связаны с отсутствием в настоящий момент гарантированной перестраховочной защиты. Дело в том, что с уходом иностранных перестраховочных компаний из России, наблюдается определенный дефицит в возможностях по перестрахованию интересов страховщиков, связанных с особо крупными рисками. Большую роль в вопросе перестрахования в стране играет Российская национальная перестраховочная компания (РНПК), однако далеко не во всех случаях интересы страховщиков, связанные со страхованием ответственности владельца опасного объекта, оказываются перестрахованными в РНПК (в частности, ввиду недостатка «перестраховочных мощностей»).

Вне всякого сомнения, без решения данных проблем невозможна полноценная реализация вышеназванного *комплексного механизма по предотвращению аварий и нейтрализации их негативных последствий на опасных объектах, что особенно актуально для Арктической зоны РФ*.

В связи с этим можно предложить два возможных варианта выхода из сложившейся ситуации. Во-первых, представляется целесообразным создание государственной системы страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов. В этом случае может быть создан специальный Фонд для аккумуляции денежных средств, что позволит более эффективно распределить соответствующие риски, снизить финансовую нагрузку на владельцев опасных объектов при заключении соответствующих договоров, а также в полной мере защитить имущественные интересы потерпевших и страхователей при наступлении аварий и других чрезвычайных ситуаций. Кроме того, в этом случае страховые обязательства

²¹ См.: Четырус Е. И. Страхование гражданско-правовой ответственности за причинение вреда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 123.

не были бы зависимы от перестраховочной защиты. Второй вариант — создание владельцами особо опасных объектов специальных обществ взаимного страхования для защиты имущественных интересов их членов. При этом необходимо отметить, что в России на настоящий момент практика создания таких обществ невелика, а законодательство нуждается в усовершенствовании.

Заключение

1. На данный момент развитие альтернативной энергетики может служить одной из мер по обеспечению национальной безопасности России (прежде всего, Арктической зоны РФ). Вместе с тем углеводородное направление заменить в полной мере невозможно (это касается как России, так и всего мира), и по прогнозу исследователей в ближайшие 50 лет будут действовать программы углеводородной политики.

2. В качестве одной из мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации можно рассматривать совершенствование законодательства в сфере промышленной безопасности. Значимость данных мер связана и с негативными климатическими изменениями в Арктической зоне РФ, которые повышают риски аварий в энергетическом и других секторах экономики. Для достижения данной цели необходимо теоретическое переосмысление понятия «промышленная безопасность» и «авария на опасном производственном объекте», что представляется важным для функционирования механизма по предотвращению аварий и нейтрализации их негативных последствий на опасных объектах. В частности, в законодательстве отсутствует единое понятие «авария на опасном производственном объекте», что может создавать практические проблемы при определении признаков аварии и осуществлении страховой защиты.

3. В настоящее время институт страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов не защищает в полной мере интересы страхователей и потерпевших при наступлении аварии на опасном объекте. Представляется целесообразным повышение эффективности института страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов путем внесения соответствующих изменений в страховое законодательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баттахов П.П. Особенности правового регулирования экономической деятельности в Арктической зоне России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 328–331.

2. Вареничев А.А., Потанов И.И. Потенциальный энергетический источник // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2022. № 6. С. 137–141.
3. Габов А.В., Лизикова М.С. Энергетическое право Евразийского экономического союза: формирование и основы // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 13–24.
4. Жудро И.С., Редникова Т.В. Арктика: устойчивое развитие региона и обеспечение национальной безопасности // Государство и право. 2022. № 3. С. 127–137.
5. Иванов А.В., Складчиков А.А., Хренников А.Ю. Развитие электроэнергетики арктических регионов РФ с учетом использования возобновляемых источников энергии // Росс. Арктика. 2021. № 13. С. 62–80.
6. Клеандров М.И. Общие проблемные подходы к правовому регулированию отношений в сфере зеленой энергетики // Правовой энергетический форум. 2021. № 2. С. 14–21.
7. Ковалев А.А. Движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность // Международные отношения. 2019. № 3. С. 38–50.
8. Лизикова М.С. Правовые проблемы изменения географии мировой атомной энергетики // Союз криминалистов и кримиологов. 2019. № 3. С. 104–108.
9. Право и реальный сектор экономики России / под ред. И.В. Ершовой, В.А. Лаптева. М., 2024. С. 116.
10. Савенков А.Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 1. С. 22–42.
11. Хвостова М.С. Влияние опасных природных процессов и явлений на безопасность хозяйственной деятельности в Арктической зоне РФ // Росс. Арктика. 2021. № 12. С. 5–22.
12. Четырус Е.И. Страхование гражданско-правовой ответственности за причинение вреда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 123.

REFERENCES

1. Battakhov P.P. Peculiarities of legal regulation of economic activity in the Arctic zone of Russia // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 10 (226). Pp. 328–331 (in Russ.).
2. Varenichev A.A., Potapov I.I. Potential energy source // Problems of the environment and natural resources. 2022. No. 6. Pp. 137–141 (in Russ.).
3. Gabov A.V., Lizikova M.S. Energy Law of the Eurasian Economic Union: formation and foundations // Entrepreneurial Law. 2022. No. 2. Pp. 13–24 (in Russ.).
4. Zhudro I.S., Rednikova T.V. Arctic: sustainable development of the region and ensuring national security // State and Law. 2022. No. 3. Pp. 127–137 (in Russ.).
5. Ivanov A.V., Skladchikov A.A., Khrennikov A. Yu. Development of the electric power industry of the Arctic regions of the Russian Federation taking into account the use of renewable energy sources // Russian Arctic. 2021. No. 3. Pp. 62–80 (in Russ.).

6. *Kovalev A.A.* Driving forces of change in the Arctic and their impact on regional security // International Relations. 2019. No. 3. Pp. 38–50 (in Russ.).
7. *Kleandrov M.I.* General problematic approaches to the legal regulation of relations in the field of green energy // Legal Energy Forum. 2021. No. 2. Pp. 14–21 (in Russ.).
8. *Lizikova M.S.* Legal problems of changing the geography of the world nuclear energy // Union of criminalists and criminologists. 2019. No. 3. Pp. 104–108 (in Russ.).
9. Law and the real sector of the Russian economy / ed. by I.V. Ershova, V.A. Laptev. M., 2024. P. 116 (in Russ.).
10. *Savenkov A.N.* Arctic: legal support for sustainable development and cooperation // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 1. Pp. 22–42 (in Russ.).
11. *Khvostova M.S.* Impact of dangerous natural processes and phenomena on the safety of economic activity in the Arctic zone of the Russian Federation // Russian Arctic. 2021. No. 12. Pp. 5–22 (in Russ.).
12. *Chetyrus E.I.* Insurance of civil-law liability for causing harm: dis. ... PhD in Law. M., 2015. P. 123 (in Russ.).

Сведения об авторах

БАТТАХОВ Петр Петрович — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; 677013 г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна — кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ИВАНОВА Татьяна Спартаковна — доктор юридических наук, профессор юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; 677013 г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42

Authors' information

BATTAKHOV Petr P. — PhD in Law, Senior Researcher, Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Associate Professor of the Faculty of Law of Ammosov North-Eastern Federal University; 42 Kulakovskogo str., 677013 Yakutsk, Russia

OVCHINNIKOVA Yulia S. — PhD in Law, Research Associate, Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

IVANOVA Tatyana S. — Doctor of Law, Professor of the Faculty of Law of Ammosov North-Eastern Federal University; 42 Kulakovskogo str., 677013 Yakutsk, Russia

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 34

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА И ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: НОВЫЙ ЭТАП В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

© 2024 г. Т. А. Полякова^{1, *}, А. В. Минбалеев^{1, 2, **}, Н. В. Кроткова^{1, ***}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru

**E-mail: alexmin@bk.ru

***E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.08.2024 г.

Аннотация. Авторами статьи анализируются современные тенденции развития доктрины информационного права и информационного законодательства в условиях обновленных задач по научно-технологическому развитию Российской Федерации. Отмечается, что в условиях развития информационного общества на базе цифровой экономики и экономики данных происходит трансформация права, чему во многом способствует также активное развитие, которое можно охарактеризовать как эволюцию информационного права, поскольку происходит развитие его доктрины, расширение его предмета на основе стремительного формирования цифрового права как базового института (а впоследствии, возможно, и подотрасли), отвечающего за особенности правового обеспечения информационных процессов и явлений в цифровой форме. Именно в рамках данной отрасли происходит правовое обеспечение цифровизации общества в связи с развитием базовых информационно-правовых норм, регулирующих основные положения (принципы регулирования цифровых отношений, режим цифровых данных и иных объектов цифровой среды, правовой статус субъектов цифровой среды, а также иные правовые аспекты, отражающие сущность цифровой формы, применение которых носит универсальный характер и может применяться в праве в целом). Это определяется также появлением отраслевых «цифровых» норм, разрабатываемых и принимаемых в рамках той или иной отрасли права, отражающих специфику реализации цифровых процессов применительно к конкретной сфере. Исследуются основные направления научно-технологического развития и задачи информационного права. Авторы обращают внимание на то, что научно-технологическое развитие России сегодня строится на ряде принципов, которые важно учитывать и при развитии информационного законодательства и науки информационного права. Современные информационные процессы и технологии непосредственно пронизывают и обеспечивают функционирование всех приоритетных направлений научно-технологического развития и являются частью или обеспечивают применение всех важнейших наукоемких технологий. В связи с чем важно на теоретическом уровне проработать и закрепить

в информационном законодательстве механизмы, способствующие эффективной реализации ускоренной разработки и внедрения в экономику данных важнейших наукоемких технологий, в том числе в рамках национальных проектов по обеспечению технологического лидерства.

В результате анализа критических и сквозных технологий выявлено, что основной акцент в развитии информационного законодательства и доктрины информационного права необходимо делать в отношении формирования моделей регулирования использования технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики, социальной сферы (включая сферу общественной безопасности) и в органах публичной власти, в том числе развитие регулирования робототехники, а также технологий микроэлектроники и фотоники для систем хранения, обработки, передачи и защиты информации, технологий защищенных квантовых систем передачи данных. Авторами делается ряд выводов о развитии принципов регулирования искусственного интеллекта, а также перспектив развития правового регулирования сферы робототехники.

Дан краткий анализ проблем информационного права, обсуждавшихся на Седьмых Бачиловских чтениях, прошедших в 2024 г. в Институте государства и права Российской академии наук.

Ключевые слова: важнейшие наукоемкие технологии, доктрина, инновационная продукция, информационное законодательство, информационное право, искусственный интеллект, критические технологии, наука информационного права, научно-технологическое развитие Российской Федерации, принципы правового регулирования, робототехника, технологическое развитие, сквозные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровое право.

Цитирование: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.

Статья написана в рамках Государственного задания FMUZ-2024–0035 «Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами».

DOI: 10.31857/S1026945224090155

TRANSFORMATION OF THE SCIENCE OF INFORMATION LAW AND INFORMATION LEGISLATION: A NEW STAGE IN THE CONDITIONS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

© 2024 T. A. Polyakova^{1, *}, A. V. Minbaleev^{1, 2, **}, N. V. Krotkova^{1, ***}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru

**E-mail: alexmin@bk.ru

***E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 02.08.2024

Abstract. The authors of the article analyze the current trends in the development of the doctrine of Information Law and information legislation in the context of updated tasks for the scientific and technological development of the Russian Federation. It is noted that in the context of the development of an information society based on the digital economy and the data economy, the transformation of law is taking place, which is largely facilitated by the active evolution of Information Law, the expansion of its subject due to the rapid formation of digital law as a basic institution (an emerging sub-sector) responsible for the features of legal provision of information processes and phenomena in digital form.

It is within the framework of this industry that legal support for the digitalization of society takes place both at the expense of basic information and legal norms governing the basic provisions (principles of regulation of digital relations, the regime of digital data and other objects of the digital environment, the legal status of subjects of the digital environment, as well as other legal aspects that reflect the essence of the digital form, the application of which is universal and can be applied in law in general), as well as through industry-specific digital norms developed and adopted within a particular branch of law, reflecting the specifics of the implementation of digital processes in relation to a specific area of public relations, regulated by the relevant branch of law. The main directions of scientific and technological development and the tasks of Information

Law are also studied. The authors note that the scientific and technological development of Russia today is based on a number of principles that are important to take into account in the development of information legislation and the science of Information Law. Modern information processes and technologies directly permeate and ensure the functioning of all priority areas of scientific and technological development and are part of or ensure the application of all the most important high-tech technologies. In this regard, it is important to work out and consolidate at the theoretical level in information legislation mechanisms that contribute to the effective implementation of the accelerated development and introduction of these important knowledge-intensive technologies into the economy, including within the framework of national projects to ensure technological leadership.

As a result of the analysis of critical and end-to-end technologies, it was revealed that the main emphasis in the development of information legislation and the doctrine of Information Law should be placed on the formation of models for regulating the use of artificial intelligence technologies in economic sectors, the social sphere (including the sphere of public safety) and in public authorities, including the development of regulation of robotics, as well as microelectronics technologies and photonics for information storage, processing, transmission and protection systems, technologies of secure quantum data transmission systems. The authors draw a number of conclusions about the development of the principles of regulation of artificial intelligence, as well as the prospects for the development of legal regulation of the field of robotics.

The analysis is given of the discussed problems of Information Law at the Seventh Bachilov Readings, held in 2024 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Key words: the most important high-tech technologies, doctrine, innovative products, information legislation, Information Law, artificial intelligence, critical technologies, science of Information Law, scientific and technological development of the Russian Federation, principles of legal regulation, robotics, technological development, end-to-end technologies, digitalization, digital transformation, digital law.

For citation: Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V., Krotkova, N.V. (2024). Transformation of the science of Information Law and information legislation: a new stage in the conditions of scientific and technological development of Russia // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 9, pp. 166–179.

*Посвящается 25-летию сектора информационного права
и международной информационной безопасности
Института государства и права
Российской академии наук*

Введение

Научно-технологическое развитие Российской Федерации посредством разработки и внедрения важнейших наукоемких технологий гарантирует трансформацию науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности государства эффективно отвечать на большие вызовы, которые объективно требуют реакции со стороны государства на совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов¹. Качественное изменение общественных отношений всегда являлось фактором для развития общества в целом.

В условиях развития информационного общества на базе цифровой экономики и экономики данных происходит трансформация права, чему во многом способствует также активное развитие, которое можно охарактеризовать как эволюцию

информационного права², поскольку происходит развитие его доктрины, расширение его предмета

² Более подробно см.: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Обзор международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» — Первые Бачиловские чтения // *Государство и право*. 2018. № 9. С. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9; Их же. Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // *Государство и право*. 2019. № 2. С. 80–92. DOI: 10.31857/S013207690003854-1; Их же. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // *Государство и право*. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7; Их же. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // *Государство и право*. 2021. № 12. С. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8; Их же. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // *Государство и право*. 2022. № 9. С. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4; Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // *Правоприменение*. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19; Минбалеев А.В., Титова Е.В. Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // *Человек. Спорт. Медицина*. 2021. Т. 21. № S2. С. 154–160; Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // *Государство и право*. 2021. № 9. С. 107–116; Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Троян Н.А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // *Государство и право*. 2023. № 5. С. 131–144; Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // *Государство и право*. 2023. № 9. С. 158–171. DOI: 10.31857/S102694520027660-7

¹ См.: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145) // *СЗ РФ*. 2024. № 10, ст. 1373.

на основе стремительного формирования цифрового права как базового института (а впоследствии, возможно, и подотрасли), отвечающего за особенности правового обеспечения информационных процессов и явлений в цифровой форме. Именно в рамках данной отрасли происходит правовое обеспечение цифровизации общества в связи с развитием базовых информационно-правовых норм, регулирующих основные положения (принципы регулирования цифровых отношений, режим цифровых данных и иных объектов цифровой среды, правовой статус субъектов цифровой среды, а также иные правовые аспекты, которые отражают сущность цифровой формы, применение которых носит универсальный характер и может применяться в праве в целом). Это определяется также появлением отраслевых цифровых норм, разрабатываемых и принимаемых в рамках той или иной отрасли права, отражающих специфику реализации цифровых процессов применительно к конкретной сфере общественных отношений, регулируемых соответствующей отраслью права.

Развитие информационного права, бесспорно, связано с реализацией ключевых приоритетов научно-технологического развития, в рамках которых создаются и используются в том числе информационные (цифровые) технологии, а также реализуются решения на основе информационных и иных ресурсов, наиболее эффективно отвечающих на большие вызовы и удовлетворяющих потребности отраслей современной экономики данных и российского общества.

Современные методологические подходы к развитию науки информационного права

Исследования свидетельствуют о том, что развитие методологии информационного права в последнее время ориентировано как на формирование новых методов, так и на междисциплинарное взаимодействие с техническими науками в части правового обеспечения использования новых форм обращения информации. Применение новых методов связано с необходимостью опережающего регулирования новых отношений, которые касаются целого кластера важнейших наукоемких технологий. К ним относятся критические — технологии микроэлектроники и фотоники для систем хранения, обработки, передачи и защиты информации; технологии защищенных квантовых систем передачи данных; технологии создания доверенного и защищенного системного и прикладного программного обеспечения, в том числе для управления социальными и экономически значимыми

системами и др.³, а также сквозные технологии, например «технологии искусственного интеллекта в отраслях экономики, социальной сферы (включая сферу общественной безопасности) и органах публичной власти»⁴. В этой связи важным условием для развития регулирования данных технологий является тесное взаимодействие правового и технического регулирования, а также развитие технико-юридического метода. Данный метод представляет собой набор приемов и средств, позволяющих осуществить экстраполяцию технических регуляторных механизмов, технических норм в новые модели правового и смешанного регулирования информационных отношений, связанных с важнейшими наукоемкими технологиями. На его основе используются теория и методы информатики, а также других технических наук для решения правовых задач по построению новых моделей правового регулирования, обеспечивающих переход к использованию критических и сквозных технологий на основе системы юридико-технических приемов и средств регулирования.

Особое значение внедрения такого метода состоит в его важности для правового обеспечения внедрения и развития инновационной продукции, т.е. новых или подвергавшихся технологическим изменениям разной степени в течение последних трех лет товаров, работ, услуг⁵.

В отношении современных информационных (цифровых) технологий, относящихся к важнейшим наукоемким технологиям, а также инновационной продукции, создаваемой на их основе, следует обратить внимание, что весьма значимым является использование и дальнейшее развитие экспериментального метода через введение экспериментальных режимов разного рода, в том числе в сфере цифровых инноваций. Развитие данного метода в первую очередь должно быть связано с научно-технологическим развитием России и внедрением в различные отрасли экономики, в социальную сферу, в систему публичного управления экспериментов по внедрению наукоемких технологий. В этой связи важно разработать возможные варианты экспериментальных правовых режимов, в том числе экстраординарных, минимально предусматривающих административные барьеры, тормозящие развитие технологий, обеспечивающих достижение суверенитета.

³ См.: Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26, ст. 3640.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: Концепция технологического развития на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-п) // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

Основные направления научно-технологического развития и задачи информационного права

Научно-технологическое развитие России строится на ряде стратегических задач и принципов, которые важно учитывать и при развитии информационного законодательства и науки информационного права. Современные информационные процессы и технологии непосредственно пронизывают и обеспечивают функционирование всех приоритетных направлений научно-технологического развития и являются частью или гарантируют применение всех важнейших для обеспечения технологического суверенитета наукоемких технологий. В связи с чем важно на теоретическом уровне проработать и закрепить в информационном законодательстве механизмы, способствующие эффективной реализации ускоренной разработки и внедрению в экономику данных важнейших наукоемких технологий, в том числе в рамках национальных проектов по обеспечению технологического лидерства России в соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, Концепцией технологического развития на период до 2030 года и иными актами стратегического планирования и нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В целях развития доктрины информационного права и информационного законодательства очень важно в первую очередь учитывать заложенные принципы и приоритетные направления научно-технологического развития. Так, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации к числу основополагающих принципов государственной политики в данной области относит следующие: «неразрывная взаимосвязь между научно-образовательным, научно-технологическим, промышленным потенциалом страны и взаимозависимость их развития; сосредоточение интеллектуальных, финансовых, организационных и инфраструктурных ресурсов на поддержке научных, научно-технических программ и проектов полного инновационного цикла; использование публичных механизмов, обеспечивающих доступ наиболее результативных исследовательских коллективов, других субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности к государственным инфраструктурным, финансовым и нефинансовым ресурсам на основании независимой научной (научно-технической) экспертизы и др.»⁶.

⁶ См.: СЗ РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

Кроме того, согласно п/п. «б» п. 2 Указа Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий», устанавливается принцип «обеспечения единства применения приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий при реализации государственной политики в области научно-технологического развития»⁷. Данный принцип явно должен применяться к развитию информационной, в том числе цифровой, среды.

Научно-технологическое развитие России основывается и на принципах: «концентрации; приоритета поддержки частной инициативы в рамках сотрудничества государства и бизнеса; разумной конкуренции — поощрения конкуренции производителей инновационной продукции, поощрения конкурирующих технологических решений и коллективов, а также необходимости оказания поддержки на основе конкурентных процедур; целостности инновационного цикла; экономической целесообразности технологических разработок; признания права на риск, допускающий возможность недостижения запланированных результатов технологических работ, включая научно-исследовательские работы, при условии отсутствия умысла в таком недостижении»⁸. Последний принцип особенно важен для развития ключевых наукоемких технологий, в первую очередь искусственного интеллекта, поскольку данные технологии могут нести высокие риски нарушения прав и свобод. В связи с чем реализация указанного принципа и его нормативное закрепление должны осуществляться при соблюдении специальных условий и требований.

В ближайшее десятилетие приоритетами научно-технологического развития в части правового регулирования со стороны информационного законодательства в первую очередь следует выделить направления, «позволяющие получить значимые научные и научно-технические результаты, создать отечественные наукоемкие технологии и обеспечивающие:

— переход к передовым технологиям проектирования и создания высокотехнологичной продукции, основанным на применении интеллектуальных производственных решений, роботизированных и высокопроизводительных вычислительных систем, новых материалов и химических соединений, результатов обработки больших объемов

⁷ См.: СЗ РФ. 2024. № 26, ст. 3640.

⁸ См.: Концепция технологического развития на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р) // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

данных, технологий машинного обучения и искусственного интеллекта;

— переход к персонализированной, предиктивной и профилактической медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям здоровьесбережения, в том числе за счет рационального применения лекарственных препаратов (прежде всего антибактериальных) и использования генетических данных и технологий;

— противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и экстремистской идеологии, деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства, укрепление обороноспособности и национальной безопасности страны в условиях роста гибридных угроз;

— возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом возрастающей актуальности синтетических научных дисциплин, созданных на стыке психологии, социологии, политологии, истории и научных исследований, связанных с этическими аспектами научно-технологического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений;

— переход к развитию природоподобных технологий, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в природную среду и естественный природный ресурсооборот.

Особую актуальность для реализации приоритетов научно-технологического развития приобретает создание широкого спектра технологических решений общего назначения (научно-технологических платформ) в физической, цифровой и биологической сферах» (п. 21, 22 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации).

Кроме того, в соответствии с выделенными приоритетами Президентом РФ в 2024 г. были также обозначены первоочередные направления научно-технологического развития, к числу которых, помимо прочего, отнесены: превентивная и персонализированная медицина, обеспечение долголетия; безопасность получения, хранения, передачи и обработки информации; интеллектуальные транспортные и телекоммуникационные системы, включая автономные транспортные средства; укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня

его образования и др.⁹ Обозначенные приоритетные направления являются ориентиром для развития доктрины информационного права. Именно в свете развития правового обеспечения эффективной разработки, внедрения и использования сформированных государством направлений должно осуществляться развитие информационного законодательства, а также отраслевого в части особенностей использования тех или иных информационных объектов и процессов в определенной сфере общественных отношений.

Анализ обозначенных критических и сквозных технологий показывает, что основной акцент в развитии информационного законодательства и доктрины информационного права необходимо делать на формировании моделей регулирования использования технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики, социальной сферы (включая сферу общественной безопасности) и в органах публичной власти, в том числе развитие регулирования робототехники, а также технологий микроэлектроники и фотоники для систем хранения, обработки, передачи и защиты информации, технологий защищенных квантовых систем передачи данных¹⁰.

В области развития регулирования искусственного интеллекта уже проведен ряд исследований как в отношении природы данной технологии¹¹, так и перспективных направлений правового регулирования¹². С учетом того, что в рамках научно-технологического развития России обозначена необходимость развития данной технологии широко — и в отраслях экономики, и в социальной сфере (включая сферу общественной безопасности), и в системе органов публичной власти, перед правовой наукой также поставлена задача комплексного исследования возможностей и моделей правового регулирования отношений в сфере использования искусственного интеллекта.

⁹ См.: Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26, ст. 3640.

¹⁰ См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.

¹¹ См.: Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // Государство и право. 2022. № 1. С. 168–178; Минбалева А.В., Тумова Е.В. Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № S2. С. 114–119.

¹² См.: Егорова М.А., Минбалева А.В., Кожеева О.В., Дюффо А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262; Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleva A.V. Trust in the law during the digital transformation // Государство и право. 2022. № 11. С. 139–147.

Следует признать, что формирование современной системы правового регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта, сталкивается с рядом сложностей. Прежде всего много дискуссий возникает относительно необходимости принятия специального закона и ряда подзаконных нормативных правовых актов на его основе. Один из ключевых вопросов, который при этом должен быть решен, — создание системы принципов регулирования искусственного интеллекта. Формирование такой системы должно решить несколько проблем, а именно: закрепление базовых положений, сущностно отражающих особенности технологии искусственного интеллекта; закрепление на нормативном уровне ориентиров для дальнейшего развития законодательства об искусственном интеллекте; закрепление возможностей гибкого регулирования; обеспечение безопасного использования искусственного интеллекта и защита прав и свобод человека и гражданина.

Принципы должны стать важным базовым (ключевым) ориентиром для подзаконного нормативного правового регулирования отношений в сфере использования искусственного интеллекта, в первую очередь осуществляемого федеральными органами исполнительной власти. Уже сегодня можно отметить наличие различных подходов, в том числе и федеральных органов исполнительной власти, к пониманию технологии искусственного интеллекта.

Представляется, что формирование системы таких принципов логично вытекает из необходимости базовых начал в этой области, что подтверждается также тем, что на уровне Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта в определенной степени сформировались этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта (акторам искусственного интеллекта). Это определенные требования для них этического характера. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта «распространяется на отношения, связанные с этическими аспектами создания (проектирования, конструирования, пилотирования), внедрения и использования технологий искусственного интеллекта на всех этапах жизненного цикла, которые в настоящее время не урегулированы законодательством Российской Федерации и/или актами технического регулирования»¹³. Именно этические принципы и стандарты поведения являются базовыми источниками, откуда

правовые системы большинства государств мира заимствуют принципы и формируют законодательство об искусственном интеллекте в случаях неурегулированности законодательством и (или) техническим регулированием. Российская Федерация не является исключением, и при формировании проектов нормативных правовых актов, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта, именно Кодекс этики есть определенная основа для разработки системы принципов правового регулирования отношений в указанной сфере. Кроме того, данные принципы влияют даже на устойчивое развитие процессов цифровизации в обществе и внедрение новейших технологий, поскольку именно они будут ориентиром для развития принципов регулирования других технологий.

Принципы правового регулирования отношений, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта, объективно нуждаются в осмыслении и обосновании с позиции информационного права отдельного института (субинститута) — права искусственного интеллекта¹⁴. Это чаще всего субинститут или институт цифрового права, институционально включаемого исследователями в информационное право, в связи с этим такие принципы должны базироваться на отраслевых принципах информационного права, а также специальных институциональных принципах развивающегося цифрового права¹⁵. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что технологии искусственного интеллекта становятся сегодня ключевой разновидностью информационных (цифровых) технологий, на них распространяются общие требования, которые устанавливаются законодательством в отношении информационных, в том числе цифровых, технологий.

В условиях отсутствия единых комплексных нормативных правовых актов (за исключением принятого недавно Акта Европейского Союза об искусственном интеллекте) пока весьма сложно оценить опыт системного нормативного определения таких принципов. При этом необходимо отметить, что анализ зарубежного опыта различных кодексов этики искусственного интеллекта

¹³ См.: Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1.pdf (дата обращения: 12.04.2024).

¹⁴ См.: Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта / под ред. А.В. Минбалева. Саратов, 2023; Полякова Т.А., Камалова Г.Г. «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 133–145; Трансформация информационного права / Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, В.Б. Наумов и др. М., 2023.

¹⁵ См., напр.: Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0

свидетельствует об общности подходов к системе принципов искусственного интеллекта, что детерминировано, в свою очередь, едиными подходами к развитию технологий искусственного интеллекта и формированием базовых моделей искусственного интеллекта, создаваемых лидерами на рынке искусственного интеллекта, на основе которых строится дальнейшее моделирование во всем мире. Наверное, самым логичным шагом на пути установления системы принципов правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта могла бы стать разработка универсальной международной конвенции на уровне ООН, посвященной принципам и стандартам в сфере регулирования отношений, связанных с применением искусственного интеллекта.

Как показывает исследование, в настоящее время выделяются различные подходы к вопросу о возможности имплементации данных принципов в систему правового регулирования в рассматриваемой области.

Непосредственный перенос принципов регулирования искусственного интеллекта к этических кодексам в систему нормативного правового регулирования.

Формирование оригинальной системы принципов правового регулирования искусственного интеллекта с учетом практики этических кодексов.

Представляется, что многие принципы этического регулирования искусственного интеллекта могут быть заложены в основу нормативных правовых принципов, но с учетом ряда факторов. К их числу предлагается относить следующие: возможность реализации принципов этического регулирования искусственного интеллекта в правовой среде, моральное устаревание принципов этического регулирования искусственного интеллекта в правовой среде, активное развитие технологий, появление новых рисков и угроз при использовании искусственного интеллекта, особенности правовой системы государства и подходов к формированию принципов.

Другим важным источником формирования системы принципов правового регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта являются акты стратегического планирования. Так, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года закреплена система принципов, но она не может быть рассмотрена как действующая система принципов правового регулирования искусственного интеллекта, поскольку это принципы развития технологии, которые вместе с тем должны быть ориентиром, наряду с принципами Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, для построения системы принципов правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта.

Одним из ключевых направлений сегодня является и регулирование робототехники, что требует также разработки соответствующего стратегического акта, в первую очередь Стратегии развития робототехники в Российской Федерации. В соответствии с п. 57 Регламента Правительства РФ, утвержденного постановлением Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260, Минпромторгом России во исполнение Поручения Первого заместителя Председателя Правительства РФ Д.В. Мантурова от 6 июня 2024 г. № МД-П9-17006 подготовлен проект Стратегии развития робототехники в Российской Федерации на период до 2036 года¹⁶. Проект направлен на реализацию целого ряда государственных программ Российской Федерации¹⁷. Робототехника как область деятельности, нацеленная на создание и эксплуатацию технических и киберфизических систем, способных автономно функционировать в недетерминированном пространстве, — качественно новый этап автоматизации производственных и сервисных процессов, ориентируемых на экономическое развитие, а также улучшение качества жизни населения и условий труда.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» поставлена задача вхождения России к 2030 г. в число 25 ведущих стран мира по показателю плотности роботизации. Следует обратить внимание, что к приоритетным направлениям проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации, согласно постановлению Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603, отнесено производство промышленных роботов и робототехнических устройств, автотранспортных роботизированных платформ, продукции в области робототехники, мехатроники, сенсорики, машинного зрения, решений для работы в виртуальной и дополненной реальности и др.¹⁸

¹⁶ Официально опубликован не был.

¹⁷ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности», «Научно-технологическое развитие Российской Федерации».

¹⁸ См.: постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 17, ст. 3141.

В Концепции технологического развития на период до 2030 года указано, что «к концу третьего десятилетия XXI века Россия должна обладать устойчивой быстроразвивающейся производственной базой национальной экономики, обеспечивающей производство необходимой номенклатуры высокотехнологичной продукции, включая микроэлектронику, высокоточные станки и робототехнику, авиакосмическую технику, беспилотные авиационные системы»¹⁹.

В упомянутом ранее проекте предусмотрены следующие общие положения: оценка состояния робототехники, государственное регулирование и поддержка робототехники; ее цели, задачи и приоритеты; целевое видение, этапы, результаты и основные показатели реализации Стратегии, мониторинг и контроль реализации Стратегии.

Анализ разработанного Минпромторгом России проекта Стратегии робототехники свидетельствует о необходимости тщательной проработки понятийного аппарата и задач по правовому обеспечению данной сферы. Следует признать, что в настоящее время в нормотворческой деятельности отмечается активное использование в проектах нормативных правовых актов понятийного аппарата, закрепленного в ГОСТах. На это обращается внимание и в самом проекте. Вместе с тем указано, что для ее целей используются основные понятия, «расширяющие» определения ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 «Роботы и робототехнические устройства. Классификация» и ГОСТ Р 60.0.0.4-2023/ИСО 8373:2021 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения» в соответствии с классификацией Международной федерации робототехники. Однако, по сути, указанное расширение дефиниций в проекте не нашло отражение, фактически в проект перенесены определения из приведенных ГОСТов, идентичные понятиям, содержащимся в актах технического регулирования. Полагаем, что такое заимствование не может быть поддержано, необходимы междисциплинарные, научно обоснованные, современные подходы.

Вызывает сомнение название проекта, представляется необходимой его корреляция с содержанием, поскольку основной акцент в нем сделан на применении промышленной и сервисной робототехники. При этом, на наш взгляд, несправедливо оставлен без внимания и оказался за рамками проекта вопрос о роли робототехники в системе публичного управления. Цели и задачи проекта Стратегии также нуждаются в уточнении и корректировке, учитывая, что данный проект относится к системе документов стратегического планирования и должен соответствовать принципам и иным положениям,

закрепленным в Указе Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации».

Требуется внимания и вопрос о развитии системы национальных стандартов, которые используются для сбора и межведомственного обмена статистическими данными, содержат ограниченное количество кодов, связанных с жизненным циклом робототехники промышленного назначения, и не содержат коды, относящиеся к сервисной робототехнике профессионального и потребительского назначения в объеме, необходимом для упорядочивания и контроля экономической деятельности в данных сегментах рынка. Следует внести изменения и дополнения в Общероссийские классификаторы, связанные с разработкой, производством, куплей-продажей, вводом в эксплуатацию и обслуживанием роботов и робототехнических устройств различного назначения. Нужно иметь в виду, что в настоящее время введены в действие более 60 национальных стандартов комплекса ГОСТ Р 60, гармонизированных с международными стандартами (АСТМ, ИСО и МЭК), требования которых распространяются на роботов и робототехнические устройства как промышленного, так и сервисного назначения. В целях упорядочивания и контроля экономической деятельности, осуществляемой хозяйствующими субъектами в Российской Федерации, в 2021 г. Росстандартом внесены изменения в общероссийские классификаторы видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) и продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2), дополнены коды промышленной робототехники.

Седьмые Бачиловские чтения и развитие науки информационного права

Вопрос о развитии информационного права в современных условиях неразрывно связан с научно-практическими мероприятиями, посвященными актуальным проблемам современного информационного права, его новым измерениям, развитию его доктрины. Одним из таких научных мероприятий является традиционно проводимая в Институте государства и права Российской академии наук конференция, посвященная памяти И.Л. Бачило, — Международная научно-практическая конференция по информационному праву и правовому обеспечению информационной безопасности «Бачиловские чтения».

На пленарном заседании Седьмой Международной научно-практической конференции «Бачиловские чтения» обсуждались ключевые вопросы систематизации и кодификации информационного законодательства, а также подготовки проекта

¹⁹ См.: СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

информационного кодекса и проблемы развития понятийного аппарата информационного права. Участники конференции поделились имеющимся опытом этой работы, а также обсудили опыт кодификации информационного законодательства как одной из самых молодых отраслей законодательства и права. Во время пленарного заседания состоялась дискуссия по вопросам предмета и границ правового регулирования информационного законодательства и разработки информационного кодекса, его структуры, а также информационно-правовых теоретических (концептуальных) начал при создании кодифицированного акта²⁰.

С основным докладом *«Информационный протокодекс: системная композиция»* выступил Ю.М. Батурин, Герой Российской Федерации, член-корреспондент РАН, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова. В докладе были высказаны следующие важные идеи относительно целесообразности разработки цифрового кодекса, концепция и необходимость которого активно обсуждается научным сообществом. Докладчик отметил, что «требуется время и концептуальные решения для того, чтобы только подойти к исходной точке создания информационного кодекса. Но задача поставлена, поручения подписаны, и уже ничто не может противостоять “кодификационному зуду энтузиастов”. В этой ситуации самая правильная стратегия — возглавить движение и скорректировать ближайшие цели. Полезно поставить задачу проектирования информационного протокодекса, хотя бы в целях систематизации обширнейшего и пополняемого материала. Будем вести речь об информационном протокодексе как развивающейся модели будущего информационного кодекса, которая со временем достигнет близкого к изоморфному (т.е. без существенных пробелов и без спорных областей нормативного регулирования с другими отраслями) уровня законопроекта».

Кроме того, как обратил внимание Ю.М. Батурин, один из основоположников этой отрасли права, «последовательность разработки информационного протокодекса достаточно ясна: инвентаризация и систематизация действующих норм, выделение в этом массиве кластеров норм, регулирующих однородные группы общественных отношений, при необходимости формулирование новых норм информационного права, разграничение предметов ведения с другими отраслями,

наконец, проверка протокодекса на полноту и непротиворечивость».

Вместе с тем докладчиком справедливо отмечено, что сложность будущего информационного кодекса, сомневаться в котором после проведенного обсуждения вряд ли приходится, означает не только сложность понятийного аппарата, но и сложность его структуры. Он категорически высказался о том, что нельзя называть кодекс «цифровым». «Во-первых, потому что такое определение оставляет за бортом кодекса все отношения по поводу иных информационных технологий — аналоговых, гибридных, оптических, квантовых и других. Во-вторых, перевод термина “digital” как “цифровой” по своей сути неграмотен, ибо то, что подразумевается под цифрами (“0” и “1”), в двоичной системе счисления является числами. Поэтому лучше говорить об информационном кодексе. Предикат “цифровой” применительно к информационным технологиям не профессионален, и уже в этом смысле его использование в серьезных документах некультурно».

Пленарную часть конференции продолжила модератор Т.А. Полякова, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник, и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН. Она поддержала позицию сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН о необходимости дальнейшей разработки концептуальных положений систематизации и кодификации информационного законодательства на основе историографического исследования развития системы информационного права и информационной безопасности, формирования его новой модели на современном этапе научно-технологического развития, с учетом стратегического значения задач достижения технологического суверенитета и приоритетности обеспечения информационной безопасности в условиях цифровой трансформации. Т.А. Полякова высказалась за изучение результатов ранее проводившихся научных исследований в этой области (2005, 2014 гг., а также Модельного кодекса СНГ (в ред. 2022 г. и иных), учитывая 25-летний опыт сектора информационного права ИГП РАН, а также тенденции, новые вызовы и угрозы в информационной сфере, обращая особое внимание на преемственность научных исследований в области информационного права и необходимость продолжения активного участия в обсуждении этих вопросов на самых различных научных площадках, учитывая при этом, что истоки информационного права как научного направления формировались в Институте государства и права Академии наук СССР, который в 2025 г. отмечает свой 100-летний юбилей.

²⁰ См.: О проведении 6–7 февраля 2024 г. в Институте государства и права Российской академии наук Седьмой Международной научно-практической конференции «Бачиловские чтения». URL: <http://igpran.ru/snews/10259/> (дата обращения: 03.03.2024).

Значительный интерес на конференции вызвал доклад А.А. Тедеева, д-ра юрид. наук, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, профессора центра сравнительного правоведения Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР), главного научного сотрудника центра сравнительного государственного права Института Китая и современной Азии РАН, на тему «*Почему методологически некорректно путать цифровизацию права и “цифровое право” (с учетом опыта России и Китая)?*», предложившего проработать вопрос о фактическом создании информационного акта.

Один из модераторов конференции А.В. Минбалеев, д-р юрид. наук, проф., эксперт РАН, главный научный сотрудник ИГП РАН, зав. кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), свое выступление сфокусировал на теме «*Проблемы кодификации информационного законодательства*». Он сделал акцент на проблеме рисков, связанных с принятием цифрового кодекса, фактическим отсутствием нормативного правового регулирования цифровой среды и специального понятийного аппарата. Принятие кодифицированного акта может привести к проблемам в правореализации, и в первую очередь правоприменении, поскольку сегодня общество к этому не готово. А.В. Минбалеев также обратил внимание на то, что существует явная необходимость большей консолидации специалистов в области информационного права при кодификации законодательства в рассматриваемой сфере.

В пленарном заседании с большим интересом также был встречен доклад В.Б. Наумова, д-ра юрид. наук, главного научного сотрудника сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, управляющего партнера офиса в г. Санкт-Петербурге юридической фирмы NEXTONS, руководителя проекта «Сохраненная культура», на тему «*Лабиринты информационно-правовой кодификации: борьба с “минотаврами” и поиск нити Ариадны*». Докладчик отметил невысокий уровень качества российского информационного законодательства. Он также подчеркнул, что для информационного права характерны низкая юридическая техника; полностью противоречащая сама себе юридико-техническая и терминологическая база; конкуренция между отраслями права и законодательства, при которой происходит «растаскивание» норм информационного права (например, норм об информационном посреднике в Гражданском кодексе РФ). В связи с чем В.Б. Наумов полагает, что существует необходимость систематизации и кодификации информационного законодательства.

П.У. Кузнецов, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета, выступил с докладом, направленным на развитие теории

информационного права, и затронул актуальные методологические проблемы кодификации информационного законодательства.

Проблемам развития законодательства Российской Федерации в информационной сфере, роли информационного права в технологическом развитии России, возможностям и потребностям систематизации и кодификации информационного (цифрового) законодательства и др. были посвящены выступления ведущих специалистов в области информационного права: А.В. Морозова, А.А. Стрельцова, Л.К. Терещенко, Н.Н. Ковалевой, О.С. Макарова, А.А. Чеботаревой, Г.Г. Камаловой, Г.Г. Шинкаревой, А.А. Ефремова и др. Вызвали большой интерес также традиционные научные мероприятия, состоявшиеся в рамках Седьмых Бачиловских чтений, — научный семинар для молодых ученых и круглый стол «*Междисциплинарные вопросы развития информационного права*».

Среди проводившихся научных мероприятий по проблемам информационного права важно отметить и состоявшуюся 30 мая 2024 г. форсайт-сессия с международным участием «*Организационно-правовое обеспечение национального суверенитета в цифровом государстве*», организованную Научным советом по информационной безопасности Российской академии наук совместно с Институтом государства и права РАН. На ней под руководством А.Н. Савенкова, члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф., директора ИГП РАН, и И.А. Шеремета, акад. РАН, д-ра тех. наук, проф., председателя научного совета РАН «*Информационная безопасность*», были обсуждены вопросы, связанные с выработкой научно обоснованных подходов в целях реализации стратегических задач обеспечения научно-технологического развития Российской Федерации, совершенствованием системы информационной безопасности, включая вопросы организационно-правового обеспечения национального суверенитета в технологической сфере. Были подняты проблемы обеспечения защиты персональных данных, систематизации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации, а также активизации межотраслевого взаимодействия научного сообщества, связанного с разработкой проекта Информационного кодекса РФ и развития цифрового законодательства под эгидой Института государства и права РАН²¹.

Заключение

Таким образом, в условиях научно-технологического развития Российской Федерации

²¹ См.: Форсайт-сессия с международным участием на тему «Организационно-правовое обеспечение национального суверенитета в цифровом государстве». URL: <http://www.igpran.ru/konferentsii/programma-meropriyatii/10500/> (дата обращения: 01.06.2024).

происходит формирование нового этапа совершенствования науки информационного права и информационного законодательства. Сегодня мы можем говорить о значительной роли информационного права и информационного законодательства в регулировании процессов цифровизации в российском обществе, которая оказывает трансформирующее воздействие на все сферы общественной жизни, в том числе на процессы научно-технологического развития. Формируются новые принципы научно-технологического развития, а также принципы регулирования отношений в данной сфере. В связи с чем важно учитывать данные принципы в процессе развития информационного законодательства.

Обновление задач научно-технологического развития, формирование нового перечня важнейших наукоемких технологий, включающих критические и сквозные технологии, детерминируют и переход к новому этапу развития науки информационного права и информационного законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19.
2. Егорова М.А., Минбалеев А.В., Кожевина О.В., Дюфло А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262.
3. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0
4. Минбалеев А.В., Титова Е.В. Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № S2. С. 114–119.
5. Минбалеев А.В., Титова Е.В. Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S2. С. 154–160.
6. Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта / под ред. А.В. Минбалеев. Саратов, 2023.
7. Полякова Т.А., Камалова Г.Г. «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 133–145.
8. Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116.
9. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7
10. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Обзор международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9
11. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4
12. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171. DOI: 10.31857/S102694520027660-7
13. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8
14. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80–92. DOI: 10.31857/S013207690003854-1
15. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.
16. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Троян Н.А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144.
17. Трансформация информационного права / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов и др. М., 2023.
18. Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // Государство и право. 2022. № 1. С. 168–178.
19. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // Государство и право. 2022. № 11. С. 139–147.

REFERENCES

1. Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital profile: concept, regulatory mechanisms and problems of implementation // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 4. Pp. 5–19 (in Russ.).
2. Egorova M.A., Minbaleev A.V., Kozhevina O.V., Duflo A. The main directions of legal regulation of the use of artificial intelligence in a pandemic // Herald of the SPbU. Law. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 250–262 (in Russ.).

3. *Mal'ko A.V., Afanasiev S.F., Borisova V.F., Krotkova N.V.* Review of the methodological seminar on "Digital Law: research methodology" (April 18, 2019, Saratov State Law Academy, Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences) // *State and Law*. 2019. No. 8. Pp. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0 (in Russ.).
4. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Problems of using artificial intelligence technologies in the sports field and legal restrictions // *Man. Sport. Medicine*. 2020. Vol. 20. No. S2. Pp. 114–119 (in Russ.).
5. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Digital profile of an athlete: problems of legal regulation and protection // *Man. Sport. Medicine*. 2021. Vol. 21. No. S2. Pp. 154–160 (in Russ.).
6. Promising directions of legal regulation of artificial intelligence / ed. by A.V. Minbaleev. Saratov, 2023 (in Russ.).
7. *Polyakova T.A., Kamalova G.G.* "The law of artificial intelligence" and its place in the information law system // *The Rule of Law: theory and practice*. 2021. No. 3 (65). Pp. 133–145 (in Russ.).
8. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V.* The concept and legal nature of "digital maturity" // *State and Law*. 2021. No. 9. Pp. 107–116 (in Russ.).
9. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* New vectors of Information Law development in the conditions of the civilizational crisis and digital transformation // *State and Law*. 2020. No. 5. Pp. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7 (in Russ.).
10. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Review of the International Scientific and Practical Conference "Information space: ensuring information security and law" – The First Bachilov readings // *State and Law*. 2018. No. 9. Pp. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9 (in Russ.).
11. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* The main trends and problems of the development of the science of Information Law // *State and Law*. 2022. No. 9. Pp. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4 (in Russ.).
12. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Development of the doctrine of Russian Information Law in the conditions of transition to the data economy // *State and Law*. 2023. No. 9. Pp. 158–171. DOI: 10.31857/S102694520027660-7 (in Russ.).
13. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Development of the science of Information Law and legal provision of information security: formation of the scientific school of Information Law (past and future) // *State and Law*. 2021. No. 12. Pp. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8 (in Russ.).
14. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Formation of the information law system as a scientific direction: stages of development and prospects // *State and Law*. 2019. No. 2. Pp. 80–92. DOI: 10.31857/S013207690003854-1 (in Russ.).
15. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B.* Legal regulation of quantum communications in Russia and in the world // *State and Law*. 2022. No. 5. Pp. 104–114 (in Russ.).
16. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Troyan N.A.* Formation of a culture of information security of citizens of the Russian Federation in the context of new challenges: public law problems // *State and Law*. 2023. No. 5. Pp. 131–144 (in Russ.).
17. Transformation of Information Law / T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov, et al. M., 2023 (in Russ.).
18. *Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al.* Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // *State and Law*. 2022. No. 1. Pp. 168–178.
19. *Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V.* Trust in the law during the digital transformation // *State and Law*. 2022. No. 11. Pp. 139–147.

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна —
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
и.о. заведующей сектором информационного
права и международной
информационной безопасности
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-3791-2903

Authors' information

POLYAKOVA Tatyana A. —
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Acting Head
of the Information Law
and International Information Security Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

Сведения об авторах

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9; главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-5995-1802

КРОТКОВА Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

MINBALEEV Alexey V. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia; Chief Researcher, Information Law and International Information Security Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

KROTKOVA Natalya V. — PhD in Law, Leading Researcher, Constitutional Law and Constitutional Justice Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of Journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

УДК 341

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ОПЫТ ЕС

© 2024 г. Т. А. Васильева

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2024 г.

Аннотация. На европейском континенте культурное наследие рассматривается в качестве одного из аспектов новой «культуры памяти». С середины 80-х годов прошлого века культурная политика становится одним из направлений европейской интеграции, а культурное наследие — составной частью идентичности граждан ЕС. Вместе с тем в контексте формирования исторического сознания культурное наследие начало рассматриваться сравнительно недавно. В статье показаны основные инструменты культурной политики ЕС, ориентированные на формирование критического исторического сознания в свете противоречивой истории Европы.

Ключевые слова: историческая память, историческое сознание, культурное наследие, идентичность, места памяти, знак европейского наследия, *Europeana*, Европейский Союз.

Цитирование: Васильева Т.А. Сохранение культурного наследия как способ формирования критического исторического сознания: опыт ЕС // Государство и право. 2024. № 9. С. 180–189.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224090163

CULTURAL HERITAGE PROTECTION AS A TOOL OF DEVELOPING
CRITICAL HISTORICAL CONSCIOUSNESS: EU EXPERIENCE

© 2024 T. A. Vasilieva

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow**E-mail: tan-vas@mail.ru*

Received 16.09.2024

Abstract. On the European continent, cultural heritage is seen as an aspect of the new “culture of memory”. Since the mid-1980^s, one of the directions of the European integration has been cultural policy, and cultural heritage has become an integral part of the identity of EU citizens. However, cultural heritage has only recently begun to be considered in the context of historical consciousness. The article shows the main tools of the EU cultural policy, oriented towards the formation of critical historical consciousness in the light of Europe’s contradictory history.

Key words: historical memory, historical consciousness, cultural heritage, identity, memory sites, European heritage label, *Europeana*, European Union.

For citation: Vasilieva, T.A. (2024). Cultural heritage protection as a tool of developing critical historical consciousness: EU experience // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 180–189.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Введение

Политика памяти — это та сфера, где различные субъекты придают истории свое значение и привносят в нее собственные специфические интересы. Известный французский историк П. Нора назвал современный период эпохой всемирного торжества памяти, характеризующейся изменением традиционного отношения к прошлому социальных, этнических групп и даже стран. Для нее характерно соединение верности прошлому, действительному или воображаемому, с идентичностью, чувством принадлежности к определенной группе, коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием¹. По мнению экспертов, коллективная идентичность требует не только определенных общих целей в будущем, но и общих точек отсчета в прошлом². Посредством мемориальной культуры социальная группа укрепляет собственную

идентичность, продвигает свои ценности, развивает самосознание³.

Культура признается одной из основополагающих идей, мотивировавших создание ЕС, формирование европейской политики культурного наследия и исторической памяти, понимается как углубление и расширение европейского проекта⁴. Рассмотрение культурного наследия в контексте исторического сознания — относительно новое явление для Европейского Союза, традиционно данная проблематика анализировалась в свете развития процессов интеграции, формирования европейской идентичности и европейского гражданства. По мнению экспертов, культурное наследие не получало надлежащего развития на европейском уровне, несмотря на его потенциал как цемента и катализатора европейского проекта и правильное восприятие региональной политической элитой⁵.

¹ См.: Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 1. С. 1, 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 29.06.2024).

² См.: Assmann A. Europe: A Community of memory. Twentieth Annual Lecture of the GHI, November, 16, 2006 // Herald of the German Historical Institute — GHI Washington. 2007. Iss. 40. P. 12. URL: https://perspectivia.net/servlets/MCRFileNodeServlet/ploneimport3_derivate_00002928/Assmann_Europe.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

³ См.: Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2024. С. 32.

⁴ См.: Lähdesmäki T., Mäkinen K., Čeginskas V.L.A., Kaasik-Krogerus S. Europe from Below. Notions of Europe and the European among Participants in EU Cultural Initiatives. Leiden, Boston. P. 5.

⁵ См.: Prutsch M. European Parliament and the European Year of Cultural Heritage 2018 // Santander Art and Culture Law Review. 2018 (4). No. 2. P. 26.

В Резолюции Европейского парламента от 17 января 2024 г.⁶ культурное наследие рассматривается в качестве одного из важных аспектов новой «культуры памяти» (п. 20). Такой подход ранее получил распространение в Совете Европы. В соответствии с Рамочной конвенцией о значении культурного наследия для общества от 27 октября 2005 г.⁷ все формы культурного наследия в Европе трактуются как общий источник памяти, понимания, самобытности, сплоченности и творчества (п. «а» ст. 3). Для большинства европейских граждан, как отмечает Европейская комиссия, объекты культурного наследия уникальны и незаменимы как в своей материальной форме — исторические здания, коллекции, объекты и движимые предметы, так и в виде нематериальных ценностей — истории, коллективной памяти и самобытности⁸. Проведенный Евробарометром в сентябре—октябре 2017 г. опрос показал, что граждане государств-членов осознают важность культурного наследия для Европейского Союза (80%), хотя бы больше знать о нем (68%), считают необходимым изучать его в школах (88%). Вместе с тем более половины опрошенных согласились с тем, что не существует общей европейской культуры, так как государства-члены слишком отличаются друг от друга (54%)⁹.

Эволюция подходов к сохранению культурного наследия

Европейский парламент впервые обратился к проблеме культурного наследия 40 лет назад, одолив Резолюцию от 15 мая 1974 г. о мерах по защите европейского культурного наследия¹⁰. Он указал на целесообразность составления реестра европейского культурного наследия на основе совместно определенных критериев, призвал правительства государств-членов придавать большее значение защите и популяризации произведений культуры, в частности путем принятия

законов и выделения необходимых средств для постоянного образования (п. 1, 3, 4). В ходе обсуждения Резолюции¹¹ необходимость защиты европейского культурного наследия обосновывалась не только экономическим, но и культурным кризисом, связанным с тем, что многие европейцы отвергали традиционные и духовные ценности, а также необходимостью формирования европейской идентичности¹², для которой не могло быть более прочного фундамента, чем ценности, преодолевающие политические разногласия, национальные границы, тысячелетия.

С середины 80-х годов XX в. культурные аспекты становятся одним из важнейших направлений продвижения европейской интеграции. После вступления в силу Маастрихтского договора 1992 г.¹³, включившего в число основных направлений деятельности ЕС его «вклад в расцвет культуры государств-членов» (п/п. q п. 1 ст. 3), культурная политика все сильнее привлекает внимание институтов ЕС. С 1990-х годов расширяется трактовка понятия исторического наследия: его составной частью стали рассматриваться также трагические аспекты европейского прошлого. В 1993 г. нацистские концентрационные лагеря были признаны историческими памятниками, находящимися под международной и европейской защитой¹⁴. В Резолюции Европейского парламента по этому вопросу подчеркивается важность сохранения данных мест и архивов нацистских лагерей, в том числе в исследовательских целях, информирования посетителей о различном происхождении заключенных, причинах лишения их свободы, а также в целях противодействия возврату нацистской идеологии, осужденной цивилизованным миром (п. D, E, F).

8 сентября 2015 г. Европейский парламент одобрил Резолюцию о едином подходе к культурному наследию для Европы¹⁵, отметив наличие в рамках такого

⁶ См.: European Parliament resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness (2023/2112(INI)) // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/doccoo/document/TA-9-2024-0030EN.html> (дата обращения: 17.07.2024).

⁷ См.: Council of Europe Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society, 27 October 2005. CETS No. 199 // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/culture-and-heritage/faro-convention> (дата обращения: 26.07.2024).

⁸ См.: Commission recommendation of 26 April 2010 on the research joint programming initiative 'Cultural Heritage and Global Change: a new challenge for Europe' (2010/238/EU) // OJ. L 106. 28 April 2010. Pp. 18, 19.

⁹ См.: Special Eurobarometr 466. Report. Cultural Heritage. Fieldwork: September–October 2017. Publication: December 2017 // European Union. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2150> (дата обращения: 26.05.2024).

¹⁰ См.: European Parliament. 1974/1975 Session. Sittings from 13 to 15 May 1974. Resolution on the motion for a resolution submitted on behalf of the Liberal and Allies Group on measures to protect European cultural heritage. // OJ. C62. Vol. 17. 30 May 1974. Pp. 5–7.

¹¹ См.: Debates of the European Parliament. 1974–1975 Session. Report of Proceedings from 13 to 15 May 1974 // OJ. Annex. No. 176. May 1974. Pp. 7–14.

¹² См.: Declaration on European Identity // Bulletin of the European Communities. 1973. No. 12. P. 118–122. 17 декабря 1973 г. министры иностранных дел девяти государств — членов ЕС одобрили политический документ — Декларацию о европейской идентичности, в которой определили принципы деятельности на международной арене и общие контуры содержания понятия европейской идентичности. Индикаторами ее оригинальности и динамики признавалось разнообразие культур в рамках общей европейской цивилизации, приверженность общим ценностям и принципам, забота об особых общих интересах и решимость участвовать в построении единой Европы (п. 3).

¹³ См.: Treaty on European Union, signed at Maastricht on 7 February // OJ. C191. Vol. 35. 29 July 1992.

¹⁴ См.: Resolution B3-0208, 0218, 0219, 0228 and 0284/93 on European and international protection for Nazi concentration camps as historical monuments // OJ. C72. 15 March 1993. Pp. 118, 119.

¹⁵ См.: European Parliament resolution of 8 September 2015 towards an integrated approach to cultural heritage for Europe (2014/2149(INI)) // OJ. C316. Vol. 60. 22 September 2017.

подхода исторической составляющей. Он подчеркнул важность развития подлинно демократической и партисипативной интерпретации культурного наследия, в том числе применительно к наследию религиозных и этнических меньшинств, обратил внимание на наличие мест памяти, которые отражают различное или оспариваемое прошлое, и отметил, что процессы примирения не должны приводить к подавлению исторического сознания сообществ. Он предложил государствам-членам задуматься об этике и методах представления культурного наследия и учесть разнообразие интерпретаций (п. 48). При этом Европейский парламент признал, что религиозное наследие представляет собой нематериальную часть европейского культурного наследия и что историческое религиозное наследие, включая архитектуру и музыку, должно сохраняться в силу своей культурной ценности, независимо от его религиозного происхождения (п. 49, 50).

В Резолюции от 23 ноября 2016 г. «О стратегическом взаимодействии в рамках ЕС по противодействию пропаганде третьих сторон»¹⁶ Европейский парламент указал на опасность манипулятивной интерпретации исторических событий и фальсификации истории и необходимость повышения осведомленности о преступлениях коммунистических режимов посредством публичных кампаний и систем образования, поддержки научных исследований и работы с источниками (п. 13). Он подчеркивал значимость культурной дипломатии и продвижения межкультурного диалога между государствами — членами ЕС и внутри самих стран, заявлял о поощрении долгосрочных действий и инициатив в области публичной и культурной дипломатии, в том числе по развитию межкультурного диалога, продвижению общих культурных связей и наследия (п. 50). При этом в Резолюции от 19 января 2016 г.¹⁷ подчеркивалось, что межкультурный диалог не является правовой концепцией, он не регламентируется на национальном, европейском и межнациональных уровнях (п. В). В литературе под ним обычно понимают открытый и уважительный обмен мнениями и взаимодействие между отдельными лицами, группами и организациями, имеющими различное культурное происхождение и взгляды на жизнь, в целях более глубокого понимания различных перспектив и практик (п. С).

В Резолюции от 17 января 2024 г. акцентируется возможность использования культурного наследия в качестве средства формирования критического исторического сознания в свете противоречивого

исторического развития Европы без злоупотреблений им в идеологических целях. В ней определяются те инструменты политики в отношении культурного наследия, которые в наибольшей степени способствуют решению этих задач — маркировка культурных объектов знаком европейского наследия; развитие независимых европейских институтов, способствующих продвижению европейского культурного наследия; определение и защита на национальном уровне мест демократической памяти; развитие мультимедийного проекта *Europeana* в качестве европейской цифровой библиотеки, архива, музея и образовательной платформы. Такая политика носит целенаправленный характер, поскольку, как отмечается в литературе, только то, что выставлено в музеях, воплощено в памятниках и нашло отражение в школьных учебниках, имеет шанс на передачу будущим поколениям¹⁸.

Знак европейского наследия

Знак европейского наследия рассматривается в качестве центрального инструмента политики ЕС в отношении культурного наследия, поскольку вносит существенный вклад в развитие идеи общего прошлого¹⁹. Предложение о награждении соответствующим знаком было выдвинуто в 2005 г. французским министром культуры и коммуникации, которого поддержали министры культуры Королевства Испания и Венгрии. Это предложение было ориентировано на продвижение европейского прочтения объектов культурного наследия. Первоначально знак европейского наследия имел межправительственный статус, однако планировалось, что он станет европейской акцией²⁰. В 2007 г. первые 42 объекта получили соответствующий знак на основании решения Европейского комитета по наследию, в который входили министры культуры государств-участников и Европейский комиссар по культуре в качестве наблюдателя²¹. Межправительственная инициатива испытывала определенные сложности с координацией действий и оперативным управлением²². Кроме того, объекты

¹⁸ См.: Ассман А. Указ. соч. С. 16.

¹⁹ См.: Mäkinen K. Interconceptualizing Europe and Peace: Identity Building Under the European Heritage Label // *Dissonant Heritage and Memories in Contemporary Europe* / T. Lähdesmäki, L. Passerini, S. Kaasik-Krogerus, I. van Huis (eds.). Cham, 2019. P. 52.

²⁰ См.: The European Heritage Label. Building the future for European Citizens (Madrid, 25.1.2007). Introduction // Universidad de Granada. URL: <https://www.ugr.es/~ophe/020DOCUMENTACION/016-001a.pdf> (дата обращения: 28.06.2024).

²¹ Порядок предоставления знака европейского наследия см.: The European Heritage Label. Building the future for European Citizens (Madrid, 25.1.2007). Rules of Procedure // Universidad de Granada. URL: <https://www.ugr.es/~ophe/020DOCUMENTACION/016-001b.pdf> (дата обращения: 28.06.2024).

²² См. подр.: Lähdesmäki T., Čeginskas V.L.A., Kaasik-Krogerus S. et al. Creating and Governing Cultural Heritage in the European Union. The European Heritage Label. Abingdon, New York, 2020. P. 9.

¹⁶ См.: European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by the third parties (2016/2030 (INI)) // OJ. C224. Vol.61. 27 June 2018. Pp. 58–67.

¹⁷ См.: European Parliament resolution of 19 January 2016 on the role of intercultural dialogue, cultural diversity and education in promoting EU fundamental values (2015/2139 (INI)) // OJ. C11. 12 January 2018. Pp. 16–23.

отбирались независимыми государствами-членами без должного контроля со стороны ЕС. К 2010 г. 64 объекта, расположенных в 17 государствах — членах ЕС и Швейцарии, получили соответствующий статус.

В 2008 г. государства — участники инициативы обратились к институтам ЕС с ходатайством об изменении статуса знака европейского наследия, а в 2009 г. начались консультации. Необходимо было разработать ясные и понятные критерии отбора и процедуры определения объектов, награждаемых соответствующим знаком. Предполагалось, что предпочтение будет отдаваться объектам, имеющим явно выраженное транснациональное значение. Акцент делался на популяризации и обеспечении доступа к этим объектам, что предполагало необходимость обоснования их европейского значения и разработку образовательных мероприятий, в первую очередь — для молодежи. Особое внимание уделялось развитию сетевого взаимодействия лауреатов с целью обмена передовым опытом и инициирования общих проектов²³.

С 2011 г. знак европейского наследия становится акцией ЕС на основании положений ч. 2 ст. 167 Договора об учреждении ЕС²⁴. В соответствии с Решением Европейского парламента и Совета от 16 ноября 2011 г.²⁵ объектами европейского наследия могут признаваться памятники, природные, подводные, археологические, промышленные или городские объекты, культурные ландшафты, памятные места, культурные ценности и объекты, а также нематериальное наследие, связанное с конкретным местом, сыгравшие значительную роль в истории и культуре Европы или в строительстве Союза (п. 1 ст. 2). Несколько объектов, расположенных в одном и том же государстве — члене ЕС и посвященные одной теме, могут быть признаны национальными тематическими объектами (п. 3 ст. 2). В качестве транснационального объекта могут рассматриваться площадки, расположенные на территории не менее двух государств-членов, или несколько объектов, находящихся в разных государствах, но посвященных одной теме (п. 2). Так, лауреатами знака европейского наследия в 2023 г. стали 17 исторических ландшафтов цистерианских монастырей в ФРГ, Австрии, Чехии, Польше и Словении.

²³ См.: Proposal for a Decision of the European Parliament and of the Council establishing European Union action for the European Heritage Label. Brussels, 9. 3. 2010. COM(2010) 76 final // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010PC0076> (дата обращения: 28.06. 2024).

²⁴ Европейский Союз поощряет сотрудничество государств-членов и, если это необходимо, поддерживает и дополняет их деятельность в области сохранения и защиты культурного наследия, имеющего европейское значение.

²⁵ См.: Decision No 1194/2011/ EU of the European Parliament and of the Council of 16 November 2011 establishing European Union action for the European Heritage Label // OJ. L 303. 22 November 2011. Pp. 1–9.

Объекты европейского наследия должны способствовать укреплению у европейских граждан чувства принадлежности к Союзу на основе общих ценностей, европейской истории и культурного наследия (п. 1а). Государства-члены участвуют в этой акции на добровольной основе. Так, Шведский совет по национальному наследию пришел к заключению, что национальные объекты имеют мало шансов получить этот знак, так как государство сохраняло нейтралитет во время Первой и Второй мировых войн и не внесло какого-либо особого вклада в развитие ЕЭС²⁶.

Получение знака обуславливается следующими критериями: символической европейской ценностью объекта (общеевропейское значение, выходящее за рамки национальных границ, связь с европейскими событиями, именами или движениями либо связь с развитием или продвижением ценностей, лежащих в основе европейской интеграции); предоставлением качественных документов — проекта, ориентированного на продвижение объекта европейской аудитории, и плана действий, свидетельствующего о наличии оперативных возможностей для реализации проекта (ст. 7).

Предварительный отбор объектов осуществляется на национальном уровне, каждое государство может предложить не более двух объектов один раз в два года (п. 1, 2 ст. 10). На европейском уровне претендентов выбирает панель независимых экспертов²⁷, назначаемых на три года институтами ЕС: по четыре эксперта — Европейский парламент, Совет и Комиссия, одного эксперта — Комитет регионов (ч. 1 и 2 ст. 8). От государства-члена может быть выбран только один объект (п. 2 ст. 11). По предложению панели экспертов Европейская комиссия определяет объекты, награждаемые знаком европейского наследия (п. 1 ст. 14).

Предусмотренное в Решении правовое регулирование, как отмечается в литературе²⁸, содержит конфликтный потенциал. С одной стороны, кандидаты на статус объекта культурного наследия должны самостоятельно инициировать процедуру в рамках

²⁶ См.: Čeginskas V.L.A. The Added European Value of Cultural Heritage. The European Heritage Label // Santander Art and Culture Law Review. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 35.

²⁷ Члены панели — независимые эксперты, имеющие значительный опыт в области европейской истории и культуры; образования и молодежи; управления культурой, включая культурное наследие; коммуникации и туризма. Кандидатуры предлагаются государствами — членами ЕС, от страны не может быть более одного члена панели (см.: Council Decision of 1 December 2011 on the practical and procedural arrangements for the appointment by the Council of four members of the European panel for the European Heritage Label (2011/831/EU) // OJ. L 330. Vol. 54. 14 December 2011. Pp. 23, 24).

²⁸ См.: Zito A.R., Eckersley S., Turner S. The Instruments of European Heritage // Dimensions of Heritage and Memory. Multiple Europes and Politics of Crisis / ed. by C. Whitehead, S. Eckersley, V. Daugbjerg, G. Bozoğlu. London, New York, 2019. Pp. 64–68.

национального предварительного отбора, что не делают многие европейски признанные объекты культурного наследия²⁹. С другой стороны, награждение таким знаком предполагает улучшение его имиджа и создание возможностей для кооперации с другими объектами, но не выделение какого-либо европейского финансирования³⁰.

Ныне 67 объектов имеют знак европейского наследия³¹. Однако, по мнению экспертов, они достаточно односторонне отражают запросы европейского населения, поскольку среди них нет объектов, связанных с историей этнических меньшинств³², колониальной историей, являющихся составной частью европейской истории³³. Только в 2023 г. появился первый объект европейского наследия, связанный с историей миграции (Музей миграции в Бельгии).

В дискуссиях о европейском культурном наследии присутствуют различные подходы в отношении его природы. Одни считают, что в Европе существуют общие культурные объекты, традиции, ценности, другие полагают, что в основе европейского культурного наследия лежит разнообразие национальных, региональных и местных особенностей. Европейское культурное наследие рассматривается и как сущностное явление, и как проект, весьма политизированный по своей природе. Вместе с тем наиболее адекватной является трактовка европейского культурного наследия как транскультурного явления, выходящего на различные культурные, социальные, интеллектуальные и идеологические слои Европы³⁴.

²⁹ Большинство объектов, которые получили знак европейского наследия по межправительственной схеме, не подавали документы на получение нового знака. Из тех 27 объектов, которые все же представили свои планы и проекты, только 12 объектов получили знак европейского наследия по новым правилам (см.: *Lähdesmäki T., Čeginskas V.L.A., Kaasik-Krogerus S. et al. Op. cit. P. 9).*

³⁰ См.: *Mäkinen K. Op. cit. P. 53.*

³¹ См.: European Heritage Label sites // European Commission. URL: <https://culture.ec.europa.eu/cultural-heritage/initiatives-and-success-stories/european-heritage-label> (дата обращения: 13.06.2024).

³² Как отмечает французский историк П. Нора, одним из проявлений демократизации истории является возникновение разнообразных форм памяти меньшинств, для которых освоение собственного прошлого — необходимая составляющая утверждения собственной идентичности (см.: *Нора П. Указ. соч.*).

³³ См.: Making history: crafting a shared cultural identity in Europe // European Commission. URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/429100-making-history-crafting-a-shared-cultural-identity-in-europe> (дата обращения: 28.06.2024).

³⁴ См.: *Lähdesmäki T. The Problematic of Conceptualizing of European Cultural Heritage // Bridging Differences: Understanding Cultural Interaction in our Globalized World / N. Johnson, S. Simpson (eds.). Oxford, 2016. P. 72.*

Места демократической памяти

Начиная с 1990-х годов, в государствах — членах ЕС отмечается настоящий мемориальный бум, характеризующийся резким ростом числа объектов и мест, которые активно идентифицируются, сохраняются и презентуются как места памяти³⁵. По мнению экспертов, мемориалы превращают коммуникативную память в долговременную культурную память, информируя граждан страны об их собственной истории³⁶.

Вопросы, связанные с увековечиванием мест демократической памяти, наиболее широко обсуждаются в Испании, где данное понятие используется в национальном законодательстве³⁷. Для этого государства, пережившего гражданскую войну и диктатуру, характерно открытое обсуждение вопросов исторической памяти, в том числе в контексте вопросов «использования прошлого»³⁸. Впервые содержание понятия места демократической памяти было определено на региональном уровне в Законе области Андалусии от 28 марта 2017 г. № 2 «Об исторической и демократической памяти Андалусии»³⁹. Таковыми признавались пространства, собственность или объекты, расположенные в Андалусии и представляющие интерес для автономного сообщества как историческое наследие, в которых происходили события особой значимости в силу их исторического или символического значения либо влияния на коллективную память о борьбе андалузского народа за демократические права и свободы, репрессиях и насилии по отношению к населению, выступавшему против государственного переворота 1936 г., диктатуры Франко, а также о борьбе за восстановление демократических ценностей до вступления в силу статута (устава) области, при условии регистрации соответствующих мест в Перечне мест демократической памяти (ст. 21)⁴⁰.

³⁵ См.: *Lähdesmäki T., Čeginskas V.L.A., Kaasik-Krogerus S. et al. Op. cit. P. 3.*

³⁶ См.: *Ассман А. Указ. соч. С. 127.*

³⁷ См. подр.: *Границева Е. О. Закон о демократической памяти в Испании: попытка консолидации или новая фаза конфликта? // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 36. С. 76–113.*

³⁸ См.: *Наварро Наварро Ф. Х., Границева Е. О. Тени прошлого в Испании: историческая политика и общественная память о гражданской войне и франкизме // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 4. С. 98.*

³⁹ См.: *Ley 2/2017, de 28 de marzo, de Memoria Histórica y Democrática de Andalucía // BOE num. 95, de 21 de abril de 2017.*

⁴⁰ Места демократической памяти, как правило, связаны с местами захоронения, заключения или расстрелов лиц, подвергшихся репрессиям в период гражданской войны и франкистской диктатуры (см.: *Королева А. А., Кадырова К. Р., Княжева М. В. Интерпретация пользователями Instagram мест демократической памяти в Кадисе // Латиноамериканский исторический альманах. 2020. № 25. С. 58–71).* В масштабе государства, по сведениям Министерства юстиции, существует

На национальном уровне в Законе от 19 октября 2022 г. № 20 «О демократической памяти»⁴¹ под демократической памятью понимаются знания об отстоянии и защите демократических ценностей, основных прав и свобод на протяжении всей истории Королевства Испания (ч. 1 ст. 1). Это позволяет рассматривать места демократической памяти не только в территориальном аспекте, но и более широко — как хранилища, «места пребывания» памяти, что позволяет относить к ним и произведения искусства. В соответствии со ст. 49 Закона местом демократической памяти признается пространство, здание, объект или нематериальное культурное наследие, которое ассоциируется с событиями, имеющими особое историческое или символическое значение либо влияние на коллективную память, связанную с борьбой испанских граждан за свои права и свободы, памятью о погибших, а также о репрессиях и насилии над населением в связи с сопротивлением государственному перевороту в июле 1936 г., войной, диктатурой, изгнанием и борьбой за восстановление и углубление демократических ценностей.

В преамбуле Закона (ч. I) отмечается, что использование памяти важно для формирования коллективной идентичности. Память — решающий элемент в формировании открытых, инклюзивных и плюралистических форм гражданства, предполагающих полное осознание своей истории, способность обнаруживать и обезвреживать тоталитарные или антидемократические тенденции. Вместе с тем эксперты выражают определенные сомнения в отношении возможности построения единой политики демократической памяти, отмечая, что для ее продвижения необходима определенная культурная стратегия, затрагивающая все аспекты жизни испанского общества⁴².

На европейском уровне предпринимаются определенные шаги по продвижению демократического культурного наследия. Сравнительно недавно был учрежден отличительный знак «Объект европейской демократии». Эту идею в 2020 г. выдвинуло Бюро Европейского парламента⁴³, а сам проект был запущен в 2022 г.⁴⁴ В соответствии с установленными прави-

лами⁴⁵ Парламент ежегодно награждает данным знаком объекты, имеющие значение для консолидации европейской демократии в процессе европейской интеграции (ст. 1). Эти объекты маркируются определенным знаком на самом объекте или на его сайте. Признание объектом европейской демократии имеет символическое значение и не влечет какой-либо материальной выгоды (ч. 3 ст. 7). Учреждение отличительного знака должно способствовать лучшему пониманию гражданами ЕС истории Европы и построения европейского единства (ч. 2 б ст. 3).

Объектами европейской демократии могут быть материальные объекты (памятники и памятные места) и нематериальные блага, связанные с конкретным событием или человеком. Различают национальные и транснациональные объекты, последние имеют историческое значение более чем для одного государства или для континента в целом либо расположены на территории не менее двух государств-членов и тематически и исторически связаны друг с другом (ст. 2). Соответствующие объекты должны находиться или быть зарегистрированы на территории ЕС, доступны, ориентированы на разную аудиторию, отвечать принципам исторической объективности и точности (ст. 4). Принятие награды означает обязательство и в дальнейшем соблюдать предусмотренные для награждения требования (ч. 1 ст. 8).

***Europeana* — цифровая платформа, обеспечивающая доступ к европейскому культурному наследию**

Цифровизация и сохранение европейской культурной памяти являются одним из важных направлений цифровой повестки ЕС (п. 1 преамбулы Рекомендации Европейской комиссии от 27 октября 2011 г. о цифровизации и *online* доступе к материалам в сфере культуры и их сохранении в цифровом формате⁴⁶). В 2005 г. руководители шести государств — членов Союза⁴⁷ обратились к институтам ЕС с предложением создать европейскую электронную библиотеку. Идея создания библиотеки открытого доступа была реакцией на книжный проект Google, предполагавший оцифровку книжных коллекций Университетов Мичигана, Гарварда, Стэнфорда, Оксфорда

2300 братских могил, и Ассоциация по восстановлению исторической памяти, созданная внуками республиканцев, ведет активную деятельность по установлению имен захороненных жертв репрессий (см.: *Хенкин С.М.* Испания: полемика вокруг исторической памяти // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2019. Т. 12. № 4. С. 77, 78).

⁴¹ См.: Ley 20/2022, de 19 de octubre, de Memoria Democrática // BOE núm. 252, de 20 octubre de 2022.

⁴² См.: *Наварро Наварро Ф.Х., Гранцева Е.О.* Указ. соч. С. 98, 109.

⁴³ См.: European Parliament Bureau Minutes of the ordinary meeting of October, 5, 2020.

⁴⁴ См.: The European Democracy Sites distinction // House of European History. URL: <https://historia.europa.eu/en/our-work/european-democracy-sites> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴⁵ См.: Rules Governing the European Democracy Sites — A Trail Through European Integration. Bureau Decision of 5 October 2020 // Cultura Portugal. URL: https://culturaportugal.gov.pt/media/9460/rules_european-democracy-sites.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

⁴⁶ См.: Commission Recommendation of 27 October 2011 on the digitalization and online accessibility of cultural material and digital preservation (2011/711/EU) // OJ. L 283. Vol. 54. 29 October 2011. Pp. 39–45.

⁴⁷ Президенты Франции Ж. Ширак и Польши А. Квасьневский, главы правительств Германии Г. Шредер, Италии С. Берлускони, Испании Х.Л. Сапатеро, Венгрии Ф. Дьюрчань.

и Нью-Йоркской публичной библиотеки, а также стремлением сохранить европейское культурное наследие и опасением, что культурные ресурсы Европы могут оказаться в частном секторе. Проект был запущен 20 ноября 2008 г.

Europeana функционирует как агрегатор метаданных об оцифрованных объектах культурного наследия или национальных коллекциях, доступ к которым осуществляется через сайты тех институтов, в которых эти объекты расположены. Ее деятельность базируется на принципах открытости, доступности и аутентичности оцифрованных объектов⁴⁸. Это кросс-культурное и многоязычное пространство, базирующееся на сотрудничестве институтов памяти — национальных музеев, библиотек и архивов. С одной стороны, она создает транснациональную коллекцию электронных ресурсов и формирует европейское наследие. С другой — *Europeana* обеспечивает сотрудничество партнеров из разных государств под зонтиком финансируемых ЕС проектов, т.е. формирует европейскую сеть учреждений культуры. С третьей стороны, она объединяет в сообщество сотрудников учреждений культуры, творческих работников и пользователей сети, тем самым формируя европейскую культурную аудиторию⁴⁹.

По мнению Европейской комиссии, обеспечение доступности ключевых культурных и исторических работ и объектов, которые определяют и отбирают государства-члены, через *Europeana* отвечает ожиданиям пользователей и обогащает ее содержание (п. 15 преамбулы Рекомендации от 27.10.2011 г.). В этой Рекомендации была поставлена задача обеспечить применение общих цифровых стандартов, определяемых *Europeana* совместно с учреждениями культуры, для достижения операционной совместимости цифрового материала на европейском уровне и существующих метаданных (описаний цифровых объектов), подготовленных учреждениями культуры (п. 7 е, ф). Кроме того, были определены ориентировочные цели по загрузке контента к 2015 г. для каждого из государств-членов⁵⁰, поскольку доступность всех шедевров, находящихся в публичном доступе, необходимо было обеспечить к этому сроку (п. 7 с).

⁴⁸ См.: Stainforth E. From museum to memory institution: the politics of European culture online // *Museum & Society*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 330.

⁴⁹ См.: Capurro C., Severo M. Mapping European Digital Heritage Politics: An Empirical Study of Europeana as a Web-based Network // *Heritage & Society*. Published online 12 October 2023. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2159032X.2023.2266801> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵⁰ На момент принятия Рекомендации больше всего объектов загрузили Германия (3 160 416), Франция (2 745 833), Италия (1 946 040), Королевство Испания (1 647 539), Швеция (1 489 488) (см.: Приложение II к Рекомендации).

В соответствии с Рекомендацией Европейской комиссии от 10 ноября 2021 г. «Об общеевропейском пространстве данных в области культурного наследия»⁵¹ государства-члены должны активно содействовать обеспечению доступа к экспонатам национальных учреждений культуры посредством *Europeana* (п. 16). Публичное финансирование проектов цифровизации объектов культурного наследия должно обуславливаться возможностью доступа к соответствующему контенту на платформе *Europeana* (п. 19).

Europeana — это цифровая платформа, предоставляющая свободный доступ к 58 млн цифровых культурных объектов посредством сайтов 3600 институтов и организаций, связанных с культурным наследием⁵². На *Europeana* расположены электронные страницы министерств культуры государств — членов ЕС, агрегаторов, подписавших договор с Фондом *Europeana*, институтов культурного наследия, среди которых 24% составляют музеи, 17% — библиотеки, 7% — исследовательские институты, 8% — проекты, 5% — архивы⁵³. Она обеспечивает доступ к 24 993 836 оцифрованным документам в текстовом формате, к 1 204 550 звуковым, 368 943 видео- и 6323 3D-файлам, 31 870 023 визуальным образам⁵⁴. В помощь преподавателям сформированы специальные разделы, в том числе «Исторические ресурсы», тематические коллекции, включая материал о Первой мировой войне «1914–1918».

Как отмечается в литературе, *Europeana* нельзя рассматривать как портал, обеспечивающий доступ к культурному контенту. Цифровая платформа действует как социальный хаб, объединяющий с одной стороны специалистов и учреждения культуры различной направленности и государственной принадлежности и с другой — граждан и культурное наследие⁵⁵.

Заключение

Структуры ЕС с начала процесса интеграции стали использовать нарративы для создания общеевропейской памяти в целях исторического обоснования проекта объединения и формирования основы для общего единства⁵⁶. Представление ЕС гуманистическим проектом, основанном на общности культурных

⁵¹ См.: Commission recommendation EU (2021/1970) of 10 November 2021 on a common European data space for cultural heritage // OJ. L 401. 12 November 2021. Pp. 5–16.

⁵² См.: The Europeana platform // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/europeana> (дата обращения: 29.06.2024).

⁵³ См.: Capurro C., Severo M. Op. cit. P. 6.

⁵⁴ См.: Europeana. URL: <https://www.europeana.eu/en/about-us> (дата обращения: 29.06.2024).

⁵⁵ См.: Capurro C., Severo M. Op. cit. Pp. 2, 17.

⁵⁶ См.: Sierp A., Wüstenberg J. Linking the Local and the Transnational: Rethinking Memory Politics in Europe // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 3. Pp. 322, 324.

корней, идентичности и общих ценностях, отражало стремление придать ЕС большую легитимность, усилить политические, экономические, социальные и культурные составляющие интеграции⁵⁷. В определенной степени это удалось. По данным Евробарометра, среди вопросов, вызывающих чувство общности у граждан ЕС, культура (27%) и общая история (21%) входят в тройку лидеров наряду с экономикой (22%)⁵⁸. Необходимо учитывать, что речь идет о регионе, дважды в течение XX в. становившемся ареной мировых войн⁵⁹, где историческая память не является однородной, одновременно объединяя и разъединяя государства континента.

По мнению экспертов, в основе культурной политики ЕС лежат идеологические задачи, и культурное наследие используется в качестве политического инструмента в процессе легитимации ЕС⁶⁰. В частности, определяя 2018 г. в качестве Европейского года культуры, Европейская комиссия стремилась усилить понимание того, что культурное наследие является составной частью коллективной памяти и идентичности граждан ЕС⁶¹. В официальном дискурсе институты ЕС часто апеллируют к прошлому, в котором Вторая мировая война и прежние тоталитарные режимы занимают постоянное место, однако другие аспекты сложного европейского прошлого обычно не обсуждаются, мемориальная культура не учитывает изменение состава населения, увеличение числа граждан с миграционной историей⁶². Культурологи отмечают, что растет число тех, кто выступает против одностороннего и дискриминационного отношения к европейской памяти, без учета интересов европейцев, не принадлежащих к христианской религии и белой расе, которые предлагают изменить нарративы и толкование прошлого⁶³. Однако, как отмечается в литературе, в рамках политических инициатив, направленных на собственную легитимацию, вряд ли возможно освещение негативных последствий прежней политики, если ряд ее аспектов по-прежнему сохраняются на структурном уровне⁶⁴. К тому же необходимо

учитывать, что наследие является важным понятием в националистическом и антиевропейском дискурсе, и представители популистских движений пытаются использовать идею европейского наследия в собственных целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2024. С. 16, 32, 127, 138.
2. *Гранцева Е. О.* Закон о демократической памяти в Испании: попытка консолидации или новая фаза конфликта? // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2022. № 36. С. 76–113.
3. *Королева А. А., Кадырова К. Р., Княжева М. В.* Интерпретация пользователями Instagram мест демократической памяти в Кадисе // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2020. № 25. С. 58–71.
4. *Наварро Наварро Ф. Х., Гранцева Е. О.* Тени прошлого в Испании: историческая политика и общественная память о гражданской войне и франкизме // *Концепт: философия, религия, культура*. 2021. Т. 5. № 4. С. 98, 109.
5. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2. С. 1, 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 29.06.2024).
6. *Хенкин С. М.* Испания: полемика вокруг исторической памяти // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 4. С. 77, 78.
7. *Assmann A.* Europe: A Community of memory. Twentieth Annual Lecture of the GHI, November, 16, 2006 // *Herald of the German Historical Institute – GHI Washington*. 2007. Iss. 40. P. 12. URL: https://perspectivia.net/servlets/MCRFileNodeServlet/ploneimport3_derivate_00002928/Assmann_Europe.pdf (дата обращения: 17.07.2024).
8. *Capurro C., Severo M.* Mapping European Digital Heritage Politics: An Empirical Study of Europeana as a Web-based Network // *Heritage & Society*. Published on line 12 October 2023. Pp. 2, 6, 17. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2159032X.2023.2266801> (дата обращения: 01.07.2024).
9. *Čeginskas V. L. A.* The Added European Value of Cultural Heritage. The European Heritage Label // *Santander Art and Culture Law Review*. 2018. Vol. 4. No. 2. Pp. 35, 45.
10. *Lähdesmäki T.* The Problematic of Conceptualizing of European Cultural Heritage // *Bridging Differences: Understanding Cultural Interaction in our Globalized World* / N. Johnson, S. Simpson (eds.). Oxford, 2016. P. 72.
11. *Lähdesmäki T.* Rhetoric of Unity and Cultural Diversity in the Making of European Cultural Identity // *International Journal of Cultural Policy*. 2012. Vol. 18. Iss. 1. P. 72.
12. *Lähdesmäki T., Čeginskas V. L. A., Kaasik-Krogerus S. et al.* Creating and Governing Cultural Heritage in the European Union. The European Heritage Label. Abingdon, New York, 2020. Pp. 3, 4, 9.
13. *Lähdesmäki T., Mäkinen K., Čeginskas V. L. A., Kaasik-Krogerus S.* Europe from Below. Notions of Europe and the European among Participants in EU Cultural Initiatives. Leiden, Boston. P. 5.

⁵⁷ См.: *Lähdesmäki T., Čeginskas V. L. A., Kaasik-Krogerus S. et al.* Op. cit. P. 4.

⁵⁸ См.: Eurobarometer 83. Spring 2015 // European Union. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2099> (дата обращения: 03.07.2024).

⁵⁹ Следует отметить, что в 2012 г. ЕС получил Нобелевскую премию мира за превращение Европы из континента войн в континент мира (см.: *Росс. газ.* 2012. 12 окт.).

⁶⁰ См.: *Lähdesmäki T.* Rhetoric of Unity and Cultural Diversity in the Making of European Cultural Identity // *International Journal of Cultural Policy*. 2012. Vol. 18. Iss. 1. P. 72.

⁶¹ См.: *Čeginskas V. L. A.* Op. cit. P. 45.

⁶² См.: *Mäkinen K.* Op. cit. P. 56; *Ассман А.* Указ. соч. С. 138.

⁶³ См.: *Lähdesmäki T., Čeginskas V. L. A., Kaasik-Krogerus S. et al.* Op. cit. P. 4.

⁶⁴ См.: *Sierp A., Wüstenberg J.* Op. cit. P. 325.

14. *Mäkinen K.* Interconceptualizing Europe and Peace: Identity Building Under the European Heritage Label // *Dissonant Heritage and Memories in Contemporary Europe* / T. Lähdesmäki, L. Passerini, S. Kaasik-Krogerus, I. van Huis (eds.). Cham, 2019. Pp. 52, 53, 56.
15. *Prutsch M.* European Parliament and the European Year of Cultural Heritage 2018 // *Santander Art and Culture Law Review*. 2018 (4). No. 2. P. 26.
16. *Sierp A., Wüstenberg J.* Linking the Local and the Transnational: Rethinking Memory Politics in Europe // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 3. Pp. 322, 324, 325.
17. *Stainforth E.* From museum to memory institution: the politics of European culture online // *Museum & Society*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 330.
18. *Zito A.R., Eckersley S., Turner S.* The Instruments of European Heritage // *Dimensions of Heritage and Memory. Multiple Europes and Politics of Crisis* / ed. by C. Whitehead, S. Eckersley, V. Daugbjerg, G. Bozoğlu. London, New York, 2019. Pp. 64–68.
8. *Capurro C., Severo M.* Mapping European Digital Heritage Politics: An Empirical Study of Europeana as a Web-based Network // *Heritage & Society*. Published online 12 October 2023. Pp. 2, 6, 17. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2159032X.2023.2266801> (accessed: 01.07.2024).
9. *Čeginskas V.L.A.* The Added European Value of Cultural Heritage. The European Heritage Label // *Santander Art and Culture Law Review*. 2018. Vol. 4. No. 2. Pp. 35, 45.
10. *Lähdesmäki T.* The Problematic of Conceptualizing of European Cultural Heritage // *Bridging Differences: Understanding Cultural Interaction in our Globalized World* / N. Johnson, S. Simpson (eds.). Oxford, 2016. P. 72.
11. *Lähdesmäki T.* Rhetoric of Unity and Cultural Diversity in the Making of European Cultural Identity // *International Journal of Cultural Policy*. 2012. Vol. 18. Iss. 1. P. 72.
12. *Lähdesmäki T., Čeginskas V.L.A., Kaasik-Krogerus S., et al.* Creating and Governing Cultural Heritage in the European Union. The European Heritage Label. Abingdon, New York, 2020. Pp. 3, 4, 9.
13. *Lähdesmäki T., Mäkinen K., Čeginskas V.L.A., Kaasik-Krogerus S.* Europe from Below. Notions of Europe and the European among Participants in EU Cultural Initiatives. Leiden, Boston. P. 5.
14. *Mäkinen K.* Interconceptualizing Europe and Peace: Identity Building Under the European Heritage Label // *Dissonant Heritage and Memories in Contemporary Europe* / T. Lähdesmäki, L. Passerini, S. Kaasik-Krogerus, I. van Huis (eds.). Cham, 2019. Pp. 52, 53, 56.
15. *Prutsch M.* European Parliament and the European Year of Cultural Heritage 2018 // *Santander Art and Culture Law Review*. 2018 (4). No. 2. P. 26.
16. *Sierp A., Wüstenberg J.* Linking the Local and the Transnational: Rethinking Memory Politics in Europe // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 3. Pp. 322, 324, 325.
17. *Stainforth E.* From museum to memory institution: the politics of European culture online // *Museum & Society*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 330.
18. *Zito A.R., Eckersley S., Turner S.* The Instruments of European Heritage // *Dimensions of Heritage and Memory. Multiple Europes and Politics of Crisis* / ed. by C. Whitehead, S. Eckersley, V. Daugbjerg, G. Bozoğlu. London, New York, 2019. Pp. 64–68.

REFERENCES

1. *Assman A.* New dissatisfaction with memorial culture. M., 2024. Pp. 16, 32, 127, 138 (in Russ.).
2. *Grantseva E.O.* The Law on Democratic Memory in Spain: an attempt at consolidation or a new phase of conflict? // *Latin American Historical Almanac*. 2022. No. 36. Pp. 76–113 (in Russ.).
3. *Koroleva A.A., Kadyrova K.R., Knyazheva M.V.* Interpretation by Instagram users of places of democratic memory in Cadiz // *Latin American Historical Almanac*. 2020. No. 25. Pp. 58–71 (in Russ.).
4. *Navarro Navarro F. Kh., Grantseva E.O.* Shadows of the past in Spain: historical politics and public memory of the Civil war and Francoism // *Concept: philosophy, religion, culture*. 2021. Vol. 5. No. 4. Pp. 98, 109 (in Russ.).
5. *Nora P.* The World Celebration of Memory // *The inviolable reserve*. 2005. No. 2. Pp. 1, 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (accessed: 29.06.2024) (in Russ.).
6. *Khenkin S.M.* Spain: the controversy around historical memory // *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2019. Vol. 12. No. 4. Pp. 77, 78 (in Russ.).
7. *Assmann A.* Europe: A Community of memory. Twentieth Annual Lecture of the GHI, November, 16, 2006 // *Herald of the German Historical Institute – GHI Washington*. 2007. Iss. 40. P. 12. URL: [https://perspectivia.net/servlets/MCRFileNo-](https://perspectivia.net/servlets/MCRFileNo-deServlet/ploneimport3_derivate_00002928/Assmann_Europe.pdf)

Сведения об авторе

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VASILIEVA Tatiana A. — Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Sector of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 341

ЕВРОПЕЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И «КУЛЬТУРА ПАМЯТИ» КАК ОТРАЖЕНИЕ «ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ» ЦЕННОСТЕЙ

© 2024 г. В. А. Карташкин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: v.kartashkin@mail.ru

Поступила в редакцию 20.09.2024 г.

Аннотация. В статье представлен анализ Резолюции Европейского парламента «О европейском историческом сознании» (2024). Повышенное внимание уделяется так называемым общеевропейским ценностям, которые в этом международном документе позиционируются в качестве основания трактовки прошлого Европы, а также ключевых ориентиров формирования европейской «культуры памяти» и «критического» исторического сознания. Автор приходит к выводу, что попытки Европарламента (через укрепление саморефлексивного общественного дискурса) содействовать взаимопониманию и примирению внутри и между отдельными социальными группами, нациями и государствами заранее обречены на провал, поскольку предлагаемый алгоритм имеет ярко выраженный искусственный характер.

Ключевые слова: резолюция Европарламента, общеевропейские ценности, история, европейское историческое сознание, историческая память, культурная память, культура памяти.

Цитирование: Карташкин В.А. Европейское историческое сознание и «культура памяти» как отражение «общеевропейских» ценностей // Государство и право. 2024. № 9. С. 190–198.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтom государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224090176

EUROPEAN HISTORICAL CONSCIOUSNESS AND THE “CULTURE OF MEMORY” AS A REFLECTION OF “PAN-EUROPEAN” VALUES

© 2024 V. A. Kartashkin

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow**E-mail: v.kartashkin@mail.ru*

Received 20.09.2024

Abstract. The article presents an analysis of the Resolution of the European Parliament “On European Historical Consciousness” (2024). Increased attention is paid to the so-called “common European” values, which in this international document are positioned as the basis for interpreting the past of Europe, as well as key guidelines for the formation of a European “culture of memory” and “critical” historical consciousness. The author comes to the conclusion that the attempts of the European Parliament (through strengthening self-reflexive public discourse) to promote mutual understanding and reconciliation within and between individual social groups, nations and states are doomed to failure in advance, since the proposed algorithm has a pronounced artificial character.

Key words: resolution of the European Parliament, common European values, history, European historical consciousness, historical memory, cultural memory, culture of memory.

For citation: Kartashkin, V.A. (2024). European historical consciousness and the “culture of memory” as a reflection of “Pan-European” values // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 190–198.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

В январе 2024 г. Европейским парламентом была принята Резолюция «О европейском историческом сознании» (2023/2112(INI)) (далее – Резолюция)¹.

Европейское историческое сознание в рассматриваемом документе трактуется в качестве индивидуальной, а также коллективной способности и навыка понимать, критически оценивать и рефлексивно извлекать уроки из истории, что, по мнению его создателей, способствует признанию неразрывной связи и взаимозависимости между прошлым, настоящим и будущим (п/п. «К» Преамбулы).

В подтексте Преамбулы Резолюции речь идет о том, что «критическое историческое сознание» спонтанно не возникает: его необходимо «воспитывать». Поэтому сам процесс воспитания «критического исторического сознания через границы с помощью образовательных и других средств имеет решающее значение для того, чтобы европейцы могли понять и примириться со своим прошлым, уверенно относиться к настоящему и работать во имя общего будущего» (п/п. «J» Преамбулы).

Следует особо подчеркнуть, что в тексте Резолюции 13 раз употребляется понятие «критический», а также производные от него, а понятие «факты» (и производные от него) используется шесть раз, причем в различных контекстах и коннотациях: «исторические факты», основанные на профессиональной исторической работе» (данное словосочетание специально заключено в кавычки составителями Резолюции) (п/п. «Н» Преамбулы); «основанный на фактах» (п. 3); «непредвзятых и основанных на фактических данных знаний» (п. 11); «беспристрастные факты» (п. 13); «критической оценки исторических фактов» (п. 16); «на основе фактов» (п. 21).

Нетрудно заметить, что налицо явное противоречие формулировок целого ряда пунктов Резолюции, в которых употребляется родовое понятие «факты» и его производные. Так, например, в п. 11 рассматриваемого документа речь идет о «непредвзятых и основанных на фактических данных знаниях», которые должны быть получены и распространены «в демократических обществах и, в частности, для критического отношения к истории». В этой связи возникает вполне логичный вопрос: как могут быть использованы

¹ См.: European Parliament resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness (2023/2112(INI)). P9_TA (2024) 0030. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html (дата обращения: 10.09.2024).

«фактические данные» для «критического отношения к истории»?

Ответ на данный вопрос содержится в п. 16 Резолюции, в котором говорится о «критической оценки исторических фактов».

Таким образом, контент-анализ п. 3 Резолюции позволяет прийти к выводу о том, что он содержит, по сути, противоречивую формулировку, согласно которой Европарламент выступает за т.н. ответственный подход к истории, понимая под ним «основанный на фактах» и одновременно «критический» подход.

Европейская «культура памяти». Поскольку, с точки зрения создателей Резолюции, «историческая память включает в себя в разной степени субъективности» (п/п. «G» Преамбулы), она должна быть в максимальной степени «окультуренной», иными словами, культивируемо-формируемой, и стремиться к такому идеалу «культуры памяти» и исторического сознания, которые «основаны на общих европейских ценностях и практике обращения к прошлому» (п. 25).

Что касается дефиниции столь специфической социально-исторической категории, как «культура памяти», то надо заметить, что, например, с точки зрения В.Г. Шадурского, под культурой памяти следует понимать принципы, стандарты и приемы в осмыслении и освещении процессов, событий и деятельности персонажей прошлого. Каждое государство, каждая нация имеет свою уникальную коллективную память и культуру памяти².

В частности, Я. Ассман в своем известном научном труде «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» детальным образом рассматривает два основных вида памяти: *коммуникативную* и *культурную*. С точки зрения указанного ученого, коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай — память поколения. Ее группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее со своими носителями. Когда носители, воплощавшие ее, умирают, она уступает место новой памяти³.

² См.: Шадурский В.Г. От культуры памяти к культуре исторического диалога (на примере деятельности белорусско-польской исторической комиссии) // Беларусь между Востоком и Западом: современные тенденции: материалы международных круглых столов. 2017. С. 75.

³ См.: Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С. 52, 53.

Характеризуя культурную память, Я. Ассман замечает, что «в отличие от коммуникативной, есть дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты. Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание. <...> Через воспоминание история становится мифом. Это не делает ее нереальной, напротив — только так она становится реальностью в смысле постоянной нормативной и формирующей силы»⁴.

Как особо подчеркивает названный автор, «причастность к культурной памяти не является общераспространенной еще и в другом смысле. В противоположность коммуникативной памяти культурная *не распространяется сама собою, а нуждается для этого в специальной заботе*. Тем самым возникает контроль за распространением, который, с одной стороны, обязывает к участию, с другой стороны, отказывает в праве на участие. *Культурная память всегда окружена более или менее строго охраняемыми границами* (курсив наш. — В.К.)»⁵.

На наш взгляд, выдвинутые Я. Ассманом тезисы относительно природы и сущности культурной памяти (а по сути, «культивируемо-формируемой»!) проливают свет на стратегическую цель Резолюции — внести в систему формирования европейской «культуры памяти» осязаемые элементы управления.

В частности, отмечается «важность перехода от европейской «культуры памяти», которая ориентирована преимущественно сверху вниз и связана с определением того, что должны помнить европейцы, к «культуре памяти», ориентированной снизу вверх, на граждан, основанной на общеευропейских принципах и ценностях, сосредоточив внимание на развитии потенциала для критической переработки существующего прошлого на местном, региональном, национальном и европейском уровнях с привлечением организаций гражданского общества» (п. 9).

Следует заметить, что в последние три десятилетия понятия «культура памяти», «историческая память», «культура истории», «практики памяти и коммеморации» включаются в популярные темы междисциплинарных исследований. Увлечение мемориальными изысканиями и коммеморативными практиками приобрело настолько широкий и публичный характер, что нашло свое отражение в учебных планах и программах школ, а также университетов. Подготовка историков данного

⁴ Там же. С. 54, 55.

⁵ Там же. С. 57.

направления осуществляется во многих крупных учебных заведениях Европы, Северной Америки и Австралии⁶.

Говоря о ключевом понятии «культура памяти», надо особо подчеркнуть, что в научном сообществе наблюдается тенденция к усилению интереса к данному понятию. Это подтверждается целым рядом научных публикаций и исследований⁷, проблематика которых является в достаточной мере разнообразной и многоплановой: от «культуры памяти Холокоста» до «немецко-фашистского рабства» в советской культуре памяти (1945–1991 гг.) и др.

Так, например, в научной литературе уделяется повышенное внимание месту и роли событий Холокоста в культуре памяти современного германского общества в рамках политики денацификации. В частности, в статье Д.И. Колесова и О.К. Шиманской акцент делается на анализе развития преподавания темы Холокоста и его составляющих. Рассматриваются актуальные вызовы для немецкой модели культуры памяти о причинах, ходе, итогах Второй мировой войны и Холокоста — кульминации расовых чисток Третьего рейха, в эволюции образовательной политики ФРГ⁸.

В свою очередь, А.М. Ермаков проанализировал отражение подневольного труда советских

людей на территории гитлеровской Германии и оккупированных ею стран в официальном дискурсе, школьных учебниках истории, историографии, научно-популярной, публицистической и художественной литературе, а также в кинематографе СССР. Названный автор выявил особенности исторической памяти об уgone в Германию, условиях труда и жизни, Сопrotивлении советских граждан, привлеченных к принудительному труду⁹.

Разнообразные подходы к исследованию культуры памяти в XX–XXI вв. являются отражением происходящих изменений в общественной жизни и мышлении. Традиционные представления об исторической памяти и коммеморации во многих аспектах обновляются, эволюционируют. Образы коллективной памяти того или иного общества о героических и трагических событиях минувшего зачастую могут значительно изменяться. Исследования в сфере Memory Studies позволяют больше узнать о менталитете и духовной культуре различных народов, лучше понять их. Таким образом, в современной действительности изучение культуры памяти в целом и взглядов на коммеморацию в частности имеет несомненную практическую направленность¹⁰.

«Общеввропейские ценности». В п. 10 рассматриваемой Резолюции Европарламента говорится о том, что последний признает исключительную важность рассмотрения прошлого Европы на базе основных европейских ценностей, закрепленных в ст. 2 Договора о Европейском Союзе¹¹, и этических и философских традиций, лежащих в основе этих ценностей.

Принимая во внимание изложенное, целесообразно заметить, что в последние 10–15 лет проблематика, непосредственно связанная с т.н. европейскими ценностями, привлекает к себе внимание российских и зарубежных ученых. Данный факт подтверждается целым рядом научных публикаций и работ, авторы которых занимают различные позиции относительно предмета исследования¹². По этой причине вполне возможно

⁶ См.: Ходнев А. С. Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 218. В данной связи следует отметить, что исследователи гуманитарного знания в прошлом веке от размышлений о теоретических проблемах пришли к практическим вопросам исторической памяти, а также ее передачи и сохранения. Колоссальную роль в данном процессе сыграли исторические катаклизмы столетия, прежде всего трагедии Первой и Второй мировых войн. В XX в. целые нации испытали массовый шок, требовавший рефлексии и осмысления. Это привело к зарождению и широкому распространению в гуманитарных науках междисциплинарного направления исследований культуры памяти на стыке истории и культурологии — Memory Studies. Основные вопросы, находящиеся в центре внимания исследователей: проблема взаимоотношений истории и памяти, коллективная память; теория и практика коммеморации, «места памяти»; соотношение традиций и новаций в культуре памяти; национальные особенности культуры памяти (см.: Лесин А.А. Философско-методологические основы культуры исторической памяти // Вестник Белорусского гос. ун-та культуры и искусства. 2022. № 1 (43). С. 13, 16).

⁷ См.: Ермаков А. М. «Немецко-фашистское рабство» в советской культуре памяти (1945–1991 гг.) // История. Общество. Политика. 2019. № 1 (9). С. 32–46; Колесов Д.И., Шиманская О.К. Культура памяти Холокоста в политике денацификации Германии // Современная Европа. 2019. № 4 (90). С. 164–174; Красильникова Е. В. Память культуры и культура памяти // IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти»: сб. материалов Междунар. науч. конф. Челябинск, 26 февр. — 2 марта 2020 / сост. Л.Н. Лазарева. Челябинск, 2020. С. 67–69; Лесин А.А. Указ. соч. С. 13–18; Ходнев А.С. Указ. соч. С. 218–221; Шадурский В.Г. Указ. соч. С. 75–85; и др.

⁸ См.: Колесов Д.И., Шиманская О.К. Указ. соч. С. 164.

⁹ См.: Ермаков А. М. Указ. соч. С. 32.

¹⁰ См.: Лесин А.А. Указ. соч. С. 17.

¹¹ Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин (см.: Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.)).

¹² См.: Авилова М.А. Система европейских ценностей: миф или реальность // Общественные науки. 2012. № 4. С. 213–215; Иванов И. Анатомия европейских ценностей // Современная Европа. 2012. № 2 (50). С. 13–23; Мионов В.В. Европейские интересы и европейские ценности: общие перспективы анализа или ложная дихотомия? // Вестник Кемеровского гос. ун-та.

констатировать дискуссионный характер указанной проблематики.

Так, одни исследователи считают, что «наличие определенных ценностей Европейского союза, артикулируемых как на уровне нормативно-правовых документов, так и на уровне европейского общества, сомнений не вызывает»¹³, другие — изучают историю формирования европейских ценностей¹⁴. Более того, отдельные авторы ратуют за то, чтобы указанные ценности были интегрированы в процесс совершенствования образования в России¹⁵.

Иные ученые не разделяют вышеприведенные научные позиции, полагая, что существуют только два основных вида культурно-исторических ценностей, а именно национальные (традиционные) ценности и универсальные (общечеловеческие) ценности¹⁶.

Целесообразно подчеркнуть, что отдельные зарубежные исследователи (например, К. Вельцель, Дж. Донелли, М. Игнатъевф) являются сторонниками идеи разделения общечеловеческих ценностей на «западные» и «незападные». При этом они руководствуются тем, что именно представители «незападного» мира выступили в свое время инициаторами признания «европейского» происхождения концепции прав человека и, соответственно, существования «европейских» ценностей.

Более того, ряд ученых и государственных деятелей высказывают мнение, что Всеобщая декларация прав человека 1948 г. базируется в основном на «европейских» ценностях и не является всеобщей, поскольку содержит права и свободы, возникшие и развивающиеся, главным образом,

на европейском континенте. Следует особо отметить, что эта позиция не имеет ничего общего с реальностью, поскольку ценности и права, содержащиеся в Декларации, представляют собой вклад различных цивилизаций и культур. Дело в том, что разработка Всеобщей декларации прав человека была поручена Комиссии ООН по правам человека в составе 18 экспертов в 1946 г. В состав Комиссии были включены специалисты из всех региональных групп, представляющих все цивилизации мира, среди которых были ученые не только европейских стран и США, но и таких развивающихся государств, как Китай, Индия, Египет, Уругвай, Чили и др. Названные страны внесли существенный вклад в разработку Декларации¹⁷.

Так, например, по мнению Г.Е. Шкалиной, проблема ценностей важна на всех исторических этапах становления европейской культуры, начиная с античной и заканчивая современностью. Названный автор считает, что «наследие античности о мире как гармоничном целом, ее фундаментальные категории философии, этики и эстетики и основные формы государственного строя, римское право, христианство как важнейший духовный исток, величие творческого гения Ренессанса, рационализм эпохи Просвещения, мучительные поиски механизмов утверждения демократических прав и свобод человека последующих этапов европейской истории сформировали общее наследие Евросоюза»¹⁸.

Обобщающий вывод, к которому приходит Г.Е. Шкалина, заключается в том, что «история формирования европейских ценностей — это многовековая летопись складывания такой аксиологической системы, которая служит основой идентичности жителей современной Европы. Ее фундамент определяют политико-экономические, правовые, культурные, этические, эстетические, религиозные и другие нормы, получившие фильтрацию многовековой историей европейской интеграции»¹⁹.

Но действительно ли «аксиологическая система», о которой пишет Г.Е. Шкалина, выступает в качестве реальной «основы идентичности жителей современной Европы»? И действительно ли все ее жители стремятся к такой «идентичности», желая пожертвовать самобытной коллективной и индивидуальной идентичностью? И действительно ли все государства современной Европы

2022. Т. 24. № 3. С. 309–319; Шапаров А.Е., Чувашова Н.И. Миграционный кризис и общеевропейские ценности // Мировоззренческие основания культуры современной России: сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. / под ред. В.А. Жилиной. Магнитогорск, 2017. С. 214–217; Шкалина Г.Е. Европейские ценности: история формирования // Вестник Мадридского гос. ун-та. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 1. С. 69–78; Щербакова Ю.А. Проблема европейских ценностей и национального государства в чешской дискуссии о европейской интеграции // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы: сб. науч. тр. М., 2014. С. 107–126; Уайт С. Европейский Союз, Восточная Европа и «империализм ценностей» // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 116–124; и др.

¹³ Миронов В.В. Указ. соч. С. 317.

¹⁴ См.: Шкалина Г.Е. Указ. соч. С. 69–78.

¹⁵ См., напр.: Троценко Е.Г. Общеевропейские ценности в процессе совершенствования образования в России // Евроазиатское сотрудничество: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 311–316.

¹⁶ См.: Иванов И. Указ. соч. С. 13–23; Карташкин В.А. Универсализация права человека и традиционные ценности человечества // Современное право. 2012. № 8. С. 3–9; Юсупов М.Р. Общечеловеческие ценности и права человека в глобализирующемся мире. М., 2016; и др.

¹⁷ См.: Всеобщая декларация прав человека и ее значение в современном мире. Интервью с Владимиром Алексеевичем Карташкиным, главным научным сотрудником Института государства и права Российской академии наук, доктором юридических наук, профессором, Заслуженным юристом Российской Федерации // Современное право. 2019. № 1. С. 126, 127.

¹⁸ Шкалина Г.Е. Указ. соч. С. 69.

¹⁹ Там же. С. 77.

в равной степени пользуются плодами европейской интеграции?

В частности, как отмечает Ю.А. Щербакова, еще задолго до того, как Чешская Республика в 2004 г. стала членом Европейского Союза, между сторонниками и противниками вступления в ЕС развернулась дискуссия о том, насколько сильно в связи с этим пострадает самобытная коллективная и индивидуальная идентичность граждан. В первое время в обществе преобладали оптимистические взгляды на процессы европейской интеграции. Однако вскоре европейский энтузиазм в чешском обществе сменился риторикой, выдвигающей на первый план возможные угрозы национальному суверенитету²⁰.

Известно, что после окончания холодной войны и целого ряда так называемых бархатных революций в социалистических странах Центральной и Восточной Европы, когда шел активный процесс евроинтеграции, когда был очень популярен лозунг «Назад, в Европу!», постсоциалистические государства континента попали в сферу влияния Евросоюза и их жители ощутили на себе непосредственное воздействие всего набора «европейских ценностей».

В связи с изложенным С. Уайт, исследователь из Университета Глазго (Великобритания), предлагает идею «империализма ценностей» в качестве способа концептуализации отношений между Европейским Союзом и государствами, попавшими в зону влияния ЕС по завершении холодной войны, в особенности его соседями из Восточной Европы. Как считает указанный ученый, «империализм ценностей» делает специальный акцент на «надстройке», включая нормы, законы и социальные практики. Главная цель ЕС — добиться того, чтобы представления о форме правления, государственного устройства и праве собственности, которые предпочитают доминирующие державы (ЕС и Запад в широком понимании), были воспроизведены подчиненными государствами²¹.

²⁰ См.: Щербакова Ю.А. Указ. соч. С. 107.

²¹ См.: Уайт С. Указ. соч. С. 116. Названный автор пишет о том, что основа отношений подчинения была установлена Соглашениями о партнерстве и сотрудничестве, которые ЕС стал заключать с 1994 г. В русле концепции «империализма ценностей» также были сформулированы Общие стратегии ЕС по России и Украине, принятые в 1999 г. Названный автор приводит ряд примеров, когда Евросоюз напрямую вмешивался во внутренние дела стран Восточной Европы в манере, которая не всегда была совместима с принципом государственного суверенитета, в частности: а) учрежденный в 2006 г. «Европейский инструмент в области демократии и прав человека»; б) вмешательство представителей ЕС в работу местных судов; в) организация экзитполов, которые могут быть использованы для дискредитации официальных результатов выборов и, таким образом, для подрыва позиций действующих органов власти указанных стран.

С. Уайт делает вывод обобщающего характера о том, что при помощи политики «империализма ценностей» Евросоюз стремился увеличить свое влияние в странах Восточной Европы²².

Аналогичной точки придерживается также И. Иванов, говоря о том, что европейские ценности, возникнув в качестве морально-нравственных понятий, все чаще начинают получать в Брюсселе уже и свое обязывающее оформление. На смену морали и убеждениям Лиссабонский договор вводит механизмы политического контроля, правоприменения и правопринуждения, причем под угрозой серьезных санкций. Обязательный характер приобретают и примыкают к Лиссабонскому договору также и положения Хартии основных прав Европейского Союза. Они сохраняют обязательность решения Суда ЕС и Суда Совета Европы по правам человека, а в сфере внешней политики все эти решения претендуют ныне даже на экстерриториальность. И. Иванов делает обобщающий вывод: **«В итоге, ценности все более лишаются своих утопических и мистических граней, становятся аксиоматическими, априорными, рассчитанными не на убеждение, а на принуждение партнера»²³.**

На наш взгляд, сама постановка вопроса о возможном разделении общечеловеческих ценностей на так называемые «западные» и «незападные» (в частности, «европейские», «азиатские», «африканские» и т.д.) по своей сути является не состоятельной в научном отношении, поскольку входит в острое противоречие с природой и сущностью общечеловеческих ценностей, принадлежащих всем людям планеты, независимо от каких-либо различий.

В качестве достаточно «свежего» исследования, автор которого является однозначным сторонником разделения ценностей на «западные» и «незападные», следует привести монографию под названием «Ценностные основания глобального социокультурного изменения» (2022)²⁴.

²² См.: там же.

²³ Иванов И. Указ. соч. С. 15.

²⁴ См: Атаян В.В. Ценностные основания глобального социокультурного изменения. Ростов н/Д., 2022. В частности, В.В. Атаян утверждает, что традиционные незападные ценности, несмотря на свои географические и этнорелигиозные отличия, по своему содержанию оказываются друг к другу гораздо более близкими, нежели по отношению к современной западной ценностной ориентации, репрезентирующей зачастую диаметрально противоположный аксиологический контент. Глобальная западная ценностная ориентация нередко предлагает другим народам ранее невиданную палитру ценностей и смыслов: отсутствие пола как социокультурного явления, отрицание семьи как ценности, по сути низвержение таких ценностей, как Родина и культурное наследие этносов и т.д. Безусловно, это обстоятельство также становится вызовом для многих социумов (см.: там же. С. 5).

Общечеловеческие ценности принадлежат всему человечеству в целом, всем людям, независимо от принадлежности к какой-либо цивилизации, культуре, религии. Общечеловеческие ценности являются универсальными. Они стоят над цивилизационными, религиозными, культурными, гендерными, классовыми и даже языковыми различиями²⁵.

Конкретный перечень ценностей, приведенный в действующей редакции учредительного договора ЕС, во-первых, свидетельствовал об исчерпании возможностей концепции совместного достояния (*acquis communautaire*) и в первую очередь был рассчитан на дальнейшее внутреннее развитие интеграционного образования²⁶; во-вторых, ценности, которые обозначены во второй статье указанного договора, носят универсальный характер. Данное важное обстоятельство подтверждается тем фактом, что они были закреплены гораздо ранее в целом ряде международно-правовых документах универсального уровня (прежде всего речь идет о Всеобщей декларации прав человека и Международных пактах о правах человека).

Итак, как было уже отмечено, ст. 2 Договора о Европейском Союзе гласит, что Союз основан на ценностях:

уважения человеческого достоинства;

Следует отметить, что понятие «человеческое достоинство» («достоинство личности») содержится в следующих международно-правовых документах универсального уровня: Всеобщей декларации прав человека (далее — ВДПЧ); Международном пакте о гражданских и политических правах (далее — МПГПП); Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (далее — МПЭСК); Декларации тысячелетия ООН²⁷; «Глобальной повестке дня для диалога между цивилизациями» 2001 г. (далее — Глобальная повестка дня 2001 г.); и др.;

свободы;

«Свобода» («свобода личности») — содержится в ВДПЧ; МПГПП; МПЭСКП; Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира 1986 г.; Декларации тысячелетия ООН; Конвенции о правах ребенка

1989 г.; Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г.; и др.;

демократии;

«Демократия» — содержится в ВДПЧ; Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 61/39 «Верховенство права на национальном и международном уровнях» от 4 декабря 2006 г.; и др.;

равенства;

«Равенство» («недискриминация») — содержится в ВДПЧ; МПГПП; МПЭСКП; Декларации тысячелетия ООН; Глобальной повестке дня 2001 г.; Конвенции о правах ребенка 1989 г.; Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г.

В ст. 2 Договора о ЕС уточняется, что эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося

терпимостью;

«Терпимость» — содержится в Декларации тысячелетия ООН; Глобальной повестке дня 2001 г.; Конвенции о правах ребенка 1989 г.; Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г.; и др.;

справедливостью;

«Справедливость» — содержится в ВДПЧ; МПГПП; МПЭСКП; Декларации тысячелетия ООН; Глобальной повестке дня 2001 г.; докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» 2004 г.; и др.;

солидарностью;

«Солидарность» — содержится в Декларации тысячелетия ООН;

и равенством женщин и мужчин.

«Равенство для мужчин и женщин» — содержится в ВДПЧ; МПГПП; МПЭСКП; Глобальной повестке дня 2001 г.

В данной связи следует отметить, что толкования этих понятий государствами не всегда совпадают и зачастую являются прямо противоположными.

* * *

Резолюция Европейского парламента «О европейском историческом сознании» была принята 17 января 2024 г., а уже по прошествии без малого четырех месяцев — 8 мая 2024 г. — Указом Президента РФ были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» (далее — Основы).

Думается, что такое *своевременное* появление Основ — событие отнюдь не случайное и, с нашей точки зрения, есть своеобразный ответ на рассматриваемую Резолюцию. Дело в том, что в текстах этих двух

²⁵ См.: Предварительное исследование по вопросу о поощрении прав человека и основных свобод путем более глубокого понимания традиционных ценностей человечества, подготовленное проф. Владимиром Карташкиным, докладчиком редакционной группы Консультативного комитета Совета по правам человека // Doc. UN A/HRC/AC/8/4. — 8 December 2011.

²⁶ См.: Миронов В.В. Указ. соч. С. 309.

²⁷ См.: Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 10.07.2024).

документов есть достаточное число фрагментов, сравнительный анализ содержания и тональности которых однозначно подтверждают данное предположение.

В качестве одной из стратегических целей Резолюции выступают «укрепление саморефлексивного общественного дискурса и содействие *взаимопониманию и примирению* внутри и между отдельными социальными группами, *нациями и государствами* (курсив наш. — В.К.)» (п. 3 Резолюции). Одной из главных целей государственной политики в области исторического просвещения в Основах обозначено «*сохранение памяти* о значимых событиях истории России, включая историю государствообразующего русского народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации, и историю других народов России, исходя из понимания преемственности в развитии Российского государства и его *исторически сложившегося единства* (курсив наш. — В.К.)» (п/п. «а» п. 8 Основ).

На наш взгляд, «исторически сложившееся единство» Российского государства является в п/п. «а» п. 8 Основ (наряду с другими важнейшими концептами) центральным понятием, раскрывающим самое главное отличие российской истории от истории Европы. Дело в том, что единство Российского государства носит *естественный* характер, поскольку оно сложилось в результате исторического естественного развития, прошло через определенные стадии исторического процесса, непростые, а порой драматические (трагические) моменты. Можно с уверенностью говорить о том, что единство Российского государства есть не что иное, как продукт естественного (объективного) хода его Истории.

Попытки Европарламента (через укрепление саморефлексивного общественного дискурса) содействовать *взаимопониманию и примирению* внутри и между отдельными социальными группами, *нациями и государствами*, с нашей точки зрения, заранее обречены на провал, так как предлагаемый алгоритм имеет ярко выраженный *искусственный* характер.

Более того, надо сделать специальный акцент на том важном обстоятельстве, что Европа в Новое и Новейшее время (вплоть до начала 90-х годов (1993 г.)), по сути, никогда не была единой²⁸.

Принципиальные различия современных цивилизаций по рассматриваемым вопросам в решающей степени определяются не культурно-историческими ценностями, а враждебной внутренней и внешней политикой.

²⁸ Например, перед Первой мировой войной шесть крупнейших европейских государств были разделены на два военно-политических блока: «Тройственный союз» (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и «Антанта» (Великобритания, Франция и Россия).

После окончания современного периода международной напряженности неизбежно наступит этап мирного сосуществования и взаимодействия различных культур и этнических групп. Именно благодаря взаимодействию, взаимному восприятию, обучению была создана нынешняя человеческая цивилизация. В процессе ее развития непрерывно осуществлялись взаимодействие, восприятие, заимствование и последующее усвоение достижений различных культур, устранение между ними барьеров и недопонимания. Такое взаимное восприятие культур различных цивилизаций и в дальнейшем будет способствовать поступательному развитию человеческого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова М.А. Система европейских ценностей: миф или реальность // Общественные науки. 2012. № 4. С. 213–215.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С. 52–55, 57.
3. Атаян В.В. Ценностные основания глобального социокультурного изменения. Ростов н/Д., 2022. С. 5.
4. Всеобщая декларация прав человека и ее значение в современном мире. Интервью с Владимиром Алексеевичем Карташкиным, главным научным сотрудником Института государства и права Российской академии наук, доктором юридических наук, профессором, Заслуженным юристом Российской Федерации // Современное право. 2019. № 1. С. 126, 127.
5. Ермаков А.М. «Немецко-фашистское рабство» в советской культуре памяти (1945–1991 гг.) // История. Общество. Политика. 2019. № 1 (9). С. 32–46.
6. Иванов И. Анатомия европейских ценностей // Современная Европа. 2012. № 2 (50). С. 13–23.
7. Карташкин В.А. Универсализация права человека и традиционные ценности человечества // Современное право. 2012. № 8. С. 3–9.
8. Колесов Д.И., Шиманская О.К. Культура памяти Холокоста в политике денацификации Германии // Современная Европа. 2019. № 4 (90). С. 164–174.
9. Красильникова Е.В. Память культуры и культура памяти // IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти»: сб. материалов Междунар. науч. конф. Челябинск, 26 февр. — 2 марта 2020 / сост. Л.Н. Лазарева. Челябинск, 2020. С. 67–69.
10. Лесин А.А. Философско-методологические основы культуры исторической памяти // Вестник Белорусского гос. ун-та культуры и искусства. 2022. № 1 (43). С. 13–18.
11. Миронов В.В. Европейские интересы и европейские ценности: общие перспективы анализа или ложная дихотомия? // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2022. Т. 24. № 3. С. 309–319.
12. Троценко Е.Г. Общеввропейские ценности в процессе совершенствования образования в России // Евроазиатское сотрудничество: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 311–316.

13. *Уайт С.* Европейский Союз, Восточная Европа и «империализм ценностей» // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 116–124.
14. *Ходнев А.С.* Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 218–221.
15. *Шадурский В.Г.* От культуры памяти к культуре исторического диалога (на примере деятельности белорусско-польской исторической комиссии) // Беларусь между Востоком и Западом: современные тенденции: материалы международных круглых столов. 2017. С. 75–85.
16. *Шапаров А.Е., Чувашова Н.И.* Миграционный кризис и общеевропейские ценности // Мировоззренческие основания культуры современной России: сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. / под ред. В.А. Жилиной. Магнитогорск, 2017. С. 214–217.
17. *Шкалина Г.Е.* Европейские ценности: история формирования // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 1. С. 69–78.
18. *Щербак Ю.А.* Проблема европейских ценностей и национального государства в чешской дискуссии о европейской интеграции // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы: сб. науч. тр. М., 2014. С. 107–126.
19. *Юсупов М.Р.* Общечеловеческие ценности и права человека в глобализирующемся мире. М., 2016.
7. *Kartashkin V.A.* Universalization of human rights and traditional values of mankind // Modern Law. 2012. No. 8. Pp. 3–9 (in Russ.).
8. *Kolesov D.I., Shimanskaya O.K.* Culture of Holocaust memory in the policy of denazification of Germany // Modern Europe. 2019. No. 4 (90). Pp. 164–174 (in Russ.).
9. *Krasilnikova E.V.* Memory of culture and culture of memory // IX Lazarev readings “Faces of traditional culture in modern cultural space: memory of culture and culture of memory”: collection of materials of the International Scientific Conference. Chelyabinsk, February 26 – March 2, 2020 / comp. L.N. Lazareva. Chelyabinsk, 2020. Pp. 67–69 (in Russ.).
10. *Lesin A.A.* Philosophical and methodological foundations of the culture of historical memory // Herald of the Belarusian State University of Culture and Art. 2022. No. 1 (43). Pp. 13–18 (in Russ.).
11. *Mironov V.V.* European interests and European values: general perspectives of analysis or a false dichotomy? // Herald of the Kemerovo State University. 2022. Vol. 24. No. 3. Pp. 309–319 (in Russ.).
12. *Trotsenko E.G.* Pan-European values in the process of improving education in Russia // Eurasian cooperation: materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2017. Pp. 311–316 (in Russ.).
13. *White S.* The European Union, Eastern Europe and “imperialism of values” // Herald of MGIMO University. 2014. No. 4 (37). Pp. 116–124 (in Russ.).
14. *Khodnev A.S.* Culture of memory and public history // Yaroslavl Pedagogical Herald. 2015. No. 6. Pp. 218–221 (in Russ.).
15. *Shadursky V.G.* From the culture of memory to the culture of historical dialogue (on the example of the activities of the Belarusian-Polish historical Commission) // Belarus between East and West: modern trends: materials of international round tables. 2017. Pp. 75–85 (in Russ.).
16. *Shaparov A.E., Chuvashova N.I.* Migration crisis and pan-European values // Ideological foundations of the culture of modern Russia: collection of materials of the VIII International Scientific Conference / ed. by V.A. Zhilina. Magnitogorsk, 2017. Pp. 214–217 (in Russ.).
17. *Shkalina G.E.* European values: the history of formation // Herald of the Mari State University. Ser. “Historical sciences. Legal sciences”. 2020. Vol. 6. No. 1. Pp. 69–78 (in Russ.).
18. *Shcherbakova Yu. A.* The problem of European values and the national state in the Czech discussion on European integration // Europeism and nationalism in Eastern Europe: collection of scientific works. M., 2014. Pp. 107–126 (in Russ.).
19. *Yusupov M.R.* Universal human values and human rights in a globalizing world. M., 2016 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Avilova M.A.* The system of European values: myth or reality // Social Sciences. 2012. No. 4. Pp. 213–215 (in Russ.).
2. *Assman Ya.* Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / transl. from German by M.M. Sokolskaya. M., 2004. Pp. 52–55, 57 (in Russ.).
3. *Atayan V.V.* Value foundations of global socio-cultural change. Rostov-on-Don, 2022. P. 5 (in Russ.).
4. The Universal Declaration of Human Rights and its significance in the modern world. Interview with Vladimir Alekseevich Kartashkin, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation // Modern Law. 2019. No. 1. Pp. 126, 127 (in Russ.).
5. *Ermakov A.M.* “German fascist slavery” in the Soviet culture of memory (1945–1991) // History. Society. Politics. 2019. No. 1 (9). Pp. 32–46 (in Russ.).
6. *Ivanov I.* Anatomy of European values // Modern Europe. 2012. No. 2 (50). Pp. 13–23 (in Russ.).

Сведения об авторе

КАРТАШКИН Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KARTASHKIN Vladimir A. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ ПЕРИОДА 1921–1991 гг.

© 2024 г. М. Н. Кобзарь-Фролова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Поступила в редакцию 08.05.2024 г.

Аннотация. В статье представлен анализ развития государственного управления экономикой в России, причем в виде нескольких этапов. Анализируя каждый из этапов, автор выделяет административные и экономические методы, показывает их положительные и отрицательные стороны. При подготовке статьи применялся историко-правовой метод, методы синтеза и анализа, эмпирический, диалектический, логический и другие методы познания. В заключение сформулированы авторские выводы.

Ключевые слова: государственное управление, экономика, реформы, централизация, планирование, хозрасчет, административно-командный, метод, формы, регулирование.

Цитирование: Кобзарь-Фролова М. Н. Административные методы управления экономикой и экономические реформы периода 1921–1991 гг. // Государство и право. 2024. № 9. С. 199–208.

DOI: 10.31857/S1026945224090186

ADMINISTRATIVE METHODS OF ECONOMIC MANAGEMENT AND ECONOMIC REFORMS OF THE PERIOD 1921–1991

© 2024 M. N. Kobzar-Frolova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Received 08.05.2024

Abstract. The article presents an analysis of the development of public economic management in Russia, and in the form of several stages. Analyzing each of the stages, the author identifies administrative and economic methods and shows their positive and negative sides. When preparing the article, the historical and legal method, methods of synthesis and analysis, empirical, dialectical, logical and other methods of cognition were used. In conclusion the author's conclusions are formulated.

Key words: public administration, economics, reforms, centralization, planning, cost accounting, administrative-command, method, forms, regulation.

For citation: Kobzar-Frolova, M.N. (2024). Administrative methods of economic management and economic reforms of the period 1921–1991 // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 199–208.

Введение

Государственное управление экономикой, в том числе приемы, способы, формы государственного управления, субъекты управления, общественные связи, — все это вопросы, которые вызывают повышенный интерес не только экономистов, но и административистов, представляющих академическую юридическую науку¹. Исторические аспекты заявленной темы привлекают внимание ученых не только в связи с потребностью глубже познать историю своей страны, пути ее экономического развития, но и использовать в современных условиях наиболее удачные решения прошлых лет, чтобы не повторять в дальнейшем допущенных ранее оплошностей и ошибок.

Значительная часть ученых соглашается с тезисом о том, что государственное управление является универсальным способом влияния любого государства на происходящие в нем процессы². Это необходимый и весомый инструмент обеспечения согласованности и защиты публичных и частных интересов. Даже ярые сторонники отказа от влияния данного инструмента на развитие общественных отношений признают, что государство оказывало и продолжает оказывать влияние на экономику, социально-экономическое развитие, формирование баланса публичных и частных интересов³.

Организация государственного управления экономикой в первые годы советской власти

Организация государственного управления экономикой в первые годы после свершения Великой Октябрьской социалистической революции была весьма сложной задачей. Тому было множество причин: сама по себе революция не решала экономических проблем; последующая Гражданская война вызвала разруху и общий упадок экономики страны; не была создана (по сути, отсутствовала) система административно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере экономики; не была развита теоретическая база государственного управления, на которую можно было бы опереться при организации государственного управления вообще и экономикой страны в частности; многие ведущие экономисты и управленцы эмигрировали из страны и проч.

Вопросами организации и построения системы государственного управления в молодой Советской республике, опираясь на идеи К. Маркса, занялся лично идеолог и лидер большевиков В.И. Ленин. По его инициативе X съезд РКП(б)

принимает резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом», которая означала окончание политики военного коммунизма периода Гражданской войны и знаменовала переход к новой экономической политике⁴. В дальнейшем, на X Всероссийской конференции РКП(б), прошедшей в период с 26 по 28 мая 1921 г., В.И. Ленин как основной докладчик по вопросам экономической политики государства⁵ высказался за расширение самостоятельности предприятий относительно распоряжения заработанными финансовыми ресурсами⁶. В.И. Ленин изложил сущность мер, которые нужно предпринять для перехода к новой экономической политике (НЭП) — политике, проводимой «всерьез и надолго». Главные задачи НЭП: упрочение союза рабочего класса с крестьянством; подъем сельского хозяйства, налаживание товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью; обеспечение подъема крупной промышленности и проведение электрификации страны как базы для построения социалистического общества⁷. Идеи В.И. Ленина заложили основы хозрасчета в экономике. Конференция приняла резолюцию «Об экономической политике», в п. 2 которой, в частности, декларировалось: основным рычагом НЭП является товарообмен, а предприимчивость и самостоятельность мест должны быть во чтобы то ни стало всесторонне поддерживаемы и развиваемы⁸.

Известный отечественный ученый-юрист, проф. М.И. Пискотин, отмечая положительные стороны той ленинской модели НЭП, писал: его доводы были основательны, а предлагаемые меры весьма полезны для экономики того периода (НЭП 1921–1928 гг.). Перевод государственных предприятий и иных хозяйственных единиц на хозрасчет быстро доказал свою эффективность и обладал весьма очевидными преимуществами, с которыми нельзя было не считаться⁹. Среди позитивных преимуществ, которыми обладала модель НЭП, М.И. Писко-

⁴ Пункт 1 резолюции гласил: «Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом» (см.: Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1932). Ч. I. 1898–1924. 4-е изд., испр. и доп. М., 1932).

⁵ См.: Десятая Всероссийская конференция РКП(б). URL: <http://www.hrono.info/sobyit/1900sob/19210526vkbk.php> (дата обращения: 10.03.2024).

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 334.

⁷ См.: там же. С. 334–337.

⁸ См.: Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1932). Ч. I. 1898–1924. 4-е изд., испр. и доп. С. 469.

⁹ См.: Пискотин М.И. Социализм и государственное управление (уроки истории и перестройка) / под ред. Б.М. Лазарева. М., 1988. С. 102–129.

¹ См.: Современные правовые формы и методы администрирования в экономической сфере Российской Федерации / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2020; Редкоус В.М. Влияние конституционного развития на современные формы и методы административного регулирования экономической деятельности // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 21–26.

² См., напр.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. М., 2006.

³ См.: Административное право: учеб. и практикум для СПО / под общ. ред. А.Н. Стахова. М., 2019.

тин назвал такие элементы хозяйствования, как имущественная обособленность хозяйств; хозрасчетная самостоятельность (в определенной мере); ведение хозяйственного учета (финансовое обоснование расходов и доходов); участие в товарно-денежных отношениях; стремление к обеспечению рентабельности и прибыльности личных хозяйств¹⁰. В той или иной мере хозрасчетные отношения и иные элементы НЭП сохранились вплоть до 1990-х годов, поскольку такой способ ведения хозяйства, по сравнению с плановым, является наиболее эффективным.

Новая модель экономической политики не могла не вызвать существенных изменений в организации государственного управления социалистической экономикой в целом. Так, государственное управление периода 1921–1928 гг. было ориентировано на обеспечение жизнедеятельности хозяйственной единицы как основного звена общественного производства и на систему товарно-денежных отношений государства.

В развитие и поддержку НЭП в части организации управления государственной промышленностью были подготовлены и изданы Основные положения Совета Труда и Оборона о мерах по восстановлению крупной промышленности, поднятию и развитию производства, утвержденные постановлением СТО от 12 августа 1921 г.¹¹ Указанные положения были направлены на создание корпораций — объединений предприятий, а также образование отдельных предприятий, действующих на началах хозрасчета. Предлагалось также все предприятия разделить на три категории¹². Вместе с тем осуществлялись меры, направленные на обеспечение поддержки «мелких и средних (частных и кооперативных) предприятий, которые вполне самостоятельны и не требуют снабжения из государственных запасов»¹³.

Анализ иных нормативных документов советского периода 20–30-х годов XX в. по вопросам экономической политики позволяет говорить о том, что советским государством был взят курс на кооперацию мелких производителей, хозяйственный расчет, переход к рыночным формам хозяйства, предоставление предприятиям необходимой свободы хозяйственной деятельности на рынке и прочее. Ставилась задача выхода предприятий на свободный рынок. Вместе с тем актуальным стал вопрос о получении знаний в вопросах торговли, заключении договоров, появилась необходимость в овладении вопросами регулирования рынка и денежного обращения¹⁴. Отдельно представляется необходимым остановиться на решениях, принятых XII Съездом РКП(б) (17–25 апреля 1923 г.). К данному съезду

В.И. Ленин специально подготовил развернутую резолюцию «О промышленности»¹⁵ и план кооперации. Следует сказать, что съезд проходил в условиях сложной международной обстановки. В связи с чем в своем докладе В.И. Ленин отметил: нам всего дороже сейчас — сохранение мира, но мы должны посвящать все силы восстановлению народного хозяйства¹⁶.

На основе концепции В.И. Ленина съезд в резолюции «О промышленности» поставил задачу подъема эффективности государственной промышленности, создания условий получения прибавочной стоимости. Были сформулированы первоочередной важности положения о соотношении плана производства, подготовительного хозяйственного опыта и рынка сбыта¹⁷. В резолюции XII Съезда содержится прямое предостережение подмены «регулирующей работы рынка административными мероприятиями» и чрезмерного увлечения планированием¹⁸.

Оценивая положительно итоги НЭП, историк Г.М. Алексеев написал: за годы НЭП произошла относительная демократизация жизни страны, возникло много финансово-независимых предприятий, на рынке появились отечественные товары, сократилась безработица, был преодолен дефицит государственного бюджета, рубль стал конвертируемой валютой, возродилась банковская и кредитная система и пр.¹⁹

В течение нескольких лет в области государственного управления экономикой соблюдался баланс между централизованным плановым руководством и самостоятельностью крупных предприятий. После смерти В.И. Ленина И.В. Сталин продолжил процесс укрепления советской государственности, однако хозрасчетные методы в экономике, предполагавшие демократические начала, были напрочь отвергнуты им и его командой²⁰. И.В. Сталин сформировал административно-командную систему государственного управления, которая была ориентирована на доминирование интересов государства и всеобщий контроль²¹.

Осознавая существующие проблемы в экономике и отставание от ведущих мировых капиталистических государств, решением XIV съезда ВКП(б) 18 декабря 1925 г. был провозглашен курс на индустриализацию экономики СССР, одновременно был запущен другой проект — планирования народного хозяйства по пятилеткам. Административная реформа 30-х годов привела к формированию отраслевой системы государственного управления в экономике, которая просуществовала вплоть до хрущевских реформ²². Ведущая роль в управлении экономикой была отведена Госплану СССР.

М.С. Горбачев, анализируя решения, принятые на рубеже 20–30-х годов, писал: «Тогда уверовали в универсальную

¹⁰ См.: Пискотин М.И. Социализм и государственное управление (уроки истории и перестройка). С. 102–107.

¹¹ См.: СУ РСФСР. 1921. № 63, ст. 462.

¹² К первой отнесли наиболее крупные и важные с государственной точки зрения предприятия. Они находились под непосредственным управлением государства в лице Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) и его местных органов. Их обеспечение материальными и иными ресурсами осуществлялось на основе государственного плана. Одновременно им представлялось право извлекать доходы за счет самозаготовок и продаж на вольном рынке, причем не только внутри страны, но и за границей. Вторая группа — предприятия, снятые с государственного снабжения и переданные в аренду кооперативным организациям и частным лицам. Третья группа — предприятия, которые не были приняты ни в аренду, ни в эксплуатацию. Деятельность последних подлежала закрытию, а их рабочие и служащие распределялись на другие предприятия.

¹³ См.: Резолюция X Всероссийской конференции РКП(б) (26–28 мая 1921 г.). URL: <http://www.hrono.info/sobyty/1900sob/19210526vkpb.php/> (дата обращения: 24.02.2024).

¹⁴ См.: URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354773-rezolyutsiya-x-vserossiyskoy-konferentsii-rkp-b-27-maya-1921-g-ob-ekonomicheskoy-politike/> (дата обращения: 26–28.02.2024).

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370; см. также: Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 г.: стеногр. отчет. М., 1968. С. 11.

¹⁶ См.: Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 г.: стеногр. отчет. С. 11; Доклад И.В. Сталина на XII съезде РКП(б). URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=10331> (дата обращения: 04.03.2024).

¹⁷ См. Резолюция XII Съезда РКП(б) (апрель 1923 г.). URL: <https://istmat.org/node/51781> (дата обращения: 29.02.2024).

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ См.: Алексеев Г.М. Власть и рынок в условиях НЭПа // Власть. 2011. № 8. С. 129–132.

²⁰ См.: Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. М., 2001. С. 39–44.

²¹ См.: Кирил А.В. Государственные реформы в России: от Петра до Путина. М., 2022. С. 158.

²² См.: там же. С. 159.

эффективность жесткой централизации, в то, что командные методы — самый короткий, лучший путь к решению любых задач»²³. Несомненно, большую роль сыграла сложившаяся к тому времени «административно-командная система партийно-государственного руководства страной...»²⁴.

Историки и экономисты, изучая вопрос о государственном управлении экономикой в СССР в довоенный период, отмечают противоречивость принимавшихся тогда решений. Дело в том, что после перевода государственных предприятий на хозяйственный расчет и вплоть до 80-х годов происходила борьба двух противоречивых начал²⁵. С одной стороны, было стремление к полному единству экономики и централизованному плановому руководству, с другой — стремление к самостоятельности предприятий, их самокупаемости и выходу на свободный рынок.

Конституция СССР 1936 г. легализовала систему органов государственного управления. В связи с назревшей необходимостью теоретически обосновать деятельность данной системы органов группе ученых Института государственного права АН СССР (ныне — Институт государства и права РАН) — Е.Б. Пашуканису, М.А. Аржанову, И.Н. Афанову, В.А. Власову, А.А. Карпу, С.С. Студеникину и др. — поручают расширить горизонты исследований. Ученые начинают изучать проблематику исполнительно-распорядительной деятельности органов государства. Постепенно выходят статьи и проходят конференции, посвященные вопросам организации управления различными отраслями народного хозяйства, социально-культурного и административно-политического строительства²⁶.

В период Великой Отечественной войны государственное управление всем народным хозяйством было поставлено «на военные рельсы» и подчинено исключительно мобилизационным задачам²⁷.

Административно-командные методы и реформы управления экономикой середины XX в.

В послевоенные годы был взят курс на установление тесных связей между социалистическими государствами Европы и Азии. Цели — экономическое сотрудничество, взаимопомощь, интеграция, выравнивание экономик, взаимная торговля, создание единого планового экономического хозяйства и пр. В 1949 г. был создан Совет экономической взаимопомощи (СЭВ).

50-е годы — это период поиска путей альтернативных административно-командным методам в экономике. Н.С. Хрущев поставил задачу создания новой модели экономического развития страны, основанной на стимулировании производительности труда работников, интегрировании производства в глобальную экономику. Он ориентировал вопросы управления на децентрализацию и передачу отдельных

функций власти на места, настаивал на необходимости сокращения влияния министерств на подведомственные отрасли. Отраслевой принцип управления экономикой уступил место территориальному. В качестве ключевой была задача формирования новой модели органов управления. Всю страну разделили на 105 экономических административных районов в соответствии с количеством областей, краев и автономных республик, с основной организационной формой управления на местах — советами народного хозяйства²⁸. В 1954 г. была реформирована работа Госплана СССР и направлена на тесное сотрудничество с научными организациями и коллективами с тем, чтобы планы составлялись на основе научно-обоснованных прогнозов. Указанные начинания в сфере управления положили начало эпохе советского экономического реформизма²⁹. В мае 1956 г. издается Постановление № 724, согласно которому началась реорганизация министерств СССР, направленная на передачу ряда предприятий в ведение союзных республик³⁰. Поставлена задача усиления роли союзных республик в управлении народным хозяйством. Однако, как утверждают аналитики, эти меры не сделали систему управления более гибкой, а главное не привели к улучшениям в сфере экономики³¹.

В конце 50-х годов сложились объективные предпосылки проведения экономических реформ в стране. Первоочередной предпосылкой тому была инфляция и существенное отставание в уровне производства от капиталистических стран, снижение производительности труда. Была предпринята попытка решить эту проблему посредством тех же административно-командных методов. Было объявлено³² о денежной реформе в форме деноминации рубля со скрытой девальвацией (1961)³³. Вместе с тем было заявлено, что страна вступила в период развернутого строительства коммунистического общества, которое, по ожиданиям Н.С. Хрущева, будет построено к 1980 г.

В начале 60-х годов продолжается выстраивание новой системы хозяйствования. К этому времени в СССР была создана такая система общественного товарного производства, распределения и обмена, которая была основана на узкой специализации³⁴. Однако территориальная реформа Н.С. Хрущева и иные его реформаторские идеи не принесли положительных результатов. Они привели лишь к разрушению механизма координации работы органов управления.

²⁸ См.: там же. С. 181.

²⁹ См.: Некрасов В.Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-ekonomicheskiy-reformizm> (дата обращения: 27.02.2024).

³⁰ См.: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 30.05.1956 № 724 (ред. от 01.07.1991) «О реорганизации министерств СССР в связи с передачей предприятий ряда отраслей народного хозяйства в ведение союзных республик» // Документ опубликован не был.

³¹ См.: Коваленко С.Г. Реформы управления народным хозяйством СССР в 50–60-е годы // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 156–162; Некрасов В.Л. Указ. соч.

³² См.: постановление Совмина СССР от 04.05.1960 № 470 «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами» // СП СССР. 1960. № 10, ст. 69.

³³ См.: Степанов В.Л. Денежная реформа 1961 года в отечественной историографии // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 4. С. 7–23.

³⁴ См.: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 30.09.1965 № 728 «Об улучшении управления промышленностью» // Свод законов СССР. 1990. Т. 5. С. 87.

²³ Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 19.

²⁴ Там же.

²⁵ См., напр.: Экономическая история России в Новейшее время Т. 1. Ч. II. URL: <https://istmat.org/node/57380>; Скворцова Ю.С. Советское государство в период НЭПа. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/sovetskoe-gosudarstvo-v-period-nepa> (дата обращения: 20.02.2024).

²⁶ См.: Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. М., 1988, С. 92, 93; см. также: Кобзарь-Фролова М.Н. Академическая наука отечественного административного права: от истоков к новым свершениям // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 21–36.

²⁷ См.: Кириин А.В. Указ. соч. С. 160.

Эксперименты Н.С. Хрущева были спорны, не продуманы, а потому неудачны³⁵.

Период т.н. оттепели позволил ученым высказываться более открыто. Исследование и теоретическое обоснование отдельных направлений и этапов экономических реформ становятся наиболее актуальными. В научной литературе стали появляться оценки реформ как не вполне успешных — псевдонаучных, субъективистских³⁶. Стали встречаться идеи о полной замене административных методов экономическими. Существенный вклад здесь внесли ученые-административисты И.И. Евтихийев, Ю.М. Козлов, А.Е. Лунев, Н.Г. Салищева, С.С. Студеникин, Ц.А. Ямпольская и др. Многие из них были научными сотрудниками Института государства и права Академии наук СССР.

Политический обозреватель А.Е. Бовин написал об этом периоде: перемены, начатые в 1956 и 1965 гг., породили большие надежды, но закончились разочарованностью, досадой. «Реформы тех лет ушли в песок»³⁷. Его поддержал известный экономист Г.Х. Попов, по мнению которого причины крушения хрущевских реформ в том, что они исходили из сохранения административно-командной системы, пусть и в преобразованном виде³⁸. Были и те, кто утверждал, что 50–60-е годы для СССР — это годы подлинного расцвета советской экономики³⁹. Так, к 60-м годам страна добилась определенных успехов в промышленности и по отдельным показателям даже была на уровне наиболее развитых экономик мира. По показателю ВВП на душу населения СССР вышел на один уровень с Японией и был выше, чем в ФРГ и Франции⁴⁰. СССР первым в мире запустил в космос ракету с человеком на борту.

1965–1970 гг. — период новых реформ в сфере экономики (теперь уже А.Н. Косыгина), направленных на совершенствование (децентрализацию) планирования и управление народным хозяйством. 30 сентября 1965 г. выходит постановление № 728 «Об улучшении управления промышленностью»⁴¹, в котором отмечалось: «Нынешние формы и методы управления промышленностью, как показал опыт, не соответствуют изменившимся условиям в экономике, технике и в организации производства». Очевиден отрыв научно-исследовательских и проектных организаций от промышленных предприятий. Это отрицательно сказалось на качестве проектирования и строительстве, на освоении новых технологических процессов. Создание многочисленных органов управления привело к многоступенчатости в управлении, породило параллелизм в работе отдельных органов, привело к безответственности должностных лиц⁴². В этой связи было принято решение сосредоточить руководство предприятиями и распоряжение выделяемыми материальными и финансовыми ресурсами в едином союзно-республиканском, или

общесоюзном, органе, повысить роль экономических факторов в работе промышленных предприятий.

Как пишет Б.В. Россинский, «реформа, к сожалению, была направлена не на обеспечение должного сочетания централизованных и децентрализованных начал в управлении, а фактически на разрушение централизма», сама же децентрализация оказалась далеко не последовательной⁴³. Однако имеется и другое мнение: «пятилетка 1965–1970 гг. была самой удачной за послевоенное время по темпам экономического роста. Но успех объяснялся, прежде всего, увеличением экспорта нефти и газа за рубеж»⁴⁴. В 60-е годы наиболее развитые страны Европы стали проявлять большой интерес к дешевой нефти и углеводородному сырью, которое поступало из СССР. Расчеты производились в иностранной валюте. В результате с середины 60-х годов начала нарастать зависимость экономики СССР от экспорта природных ресурсов.

Поиск новых путей децентрализации в экономике

С начала 70-х годов государственное управление в сфере экономики было ориентировано на средние и низовые звенья хозяйствования, хрущевская система совнархозов была упразднена. В июне 1979 г. принимается Постановление № 695, направленное на улучшение планирования и повышение экономической эффективности производства, совершенствование хозрасчета⁴⁵. Предполагалось внедрить систему мер, позволяющих улучшить плановое руководство экономикой, развивать демократические начала в управлении производством. Поставлены были также задачи: добиться эффективности общественного производства, ускорения научно-технического прогресса и подъема экономики страны в целом. Среди перечня мер — принципов управления экономикой этого периода представляется возможным выделить: рациональное сочетание отраслевого и территориального развития; соответствие текущих планов перспективным, не допуская узкоотраслевого подхода к разработке планов; соблюдение межотраслевых и внутриотраслевых пропорций; усиление режима экономии в народном хозяйстве; повышение эффективности капитальных вложений и проч. Академии наук СССР совместно с Государственным комитетом СССР по науке и технике и Госстрою СССР поручено разработать комплексную программу научно-технического прогресса на 20 лет (разд. 1)⁴⁶. К сожалению, эти меры также не дали резкого подъема промышленности и не привели к росту производства.

В постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР от 14 ноября 1980 г. № 1032 (ред. от 13.01.1989) «Об улучшении планирования и экономического стимулирования производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов» среди мер — доведение (до колхозов, совхозов и проч.) пятилетних и годовых планов с разбивкой на показатели, предусматривающие количество и сроки продажи государству сельскохозяйственной продукции, и прочие планы — по труду, по внедрению научно-технических достижений и пр. То есть среди административных мер первоочередные — составление планов. Анализ

³⁵ См.: Кишин А.В. Указ. соч. С. 181, 198.

³⁶ См., напр.: Петраков Н.Я. Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. М., 1966. С. 20.

³⁷ Бовин А.Е. XX век как жизнь: воспоминания. М., 2003 (Екатеринбург).

³⁸ См.: Попов Г.Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 65.

³⁹ См.: Ханин Г.И. 50-е годы — десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль XXI. 2002. № 5. С. 72–94.

⁴⁰ См.: там же.

⁴¹ См.: Свод законов СССР. 1990. Т. 5. С. 87.

⁴² См.: там же.

⁴³ См.: Россинский Б.В. Значение организаций, реализующих государственно-властные полномочия, в системе публичного управления // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 3–9.

⁴⁴ Коваленко С.Г. Указ. соч.

⁴⁵ См.: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12.07.1979 № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» // СП СССР. 1979. № 18, ст. 118 (Утратило силу).

⁴⁶ См.: там же.

постановления не позволяет увидеть элементы экономических мер, кроме, пожалуй, экономии.

12 мая 1986 г. принимается постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 540 (ред. от 24.10.1989) «О мерах по коренному повышению качества продукции», при Кабинете Министров СССР учреждается новый административный орган государственного контроля — Государственная приемка СССР. На состоявшемся в июне 1987 г. Пленуме ЦК КПСС был рассмотрен вопрос «о задачах партии по коренной перестройке управления экономикой»⁴⁷. Как писал М.И. Пискотин, этот институт — Государственная приемка — изживает себя по мере совершенствования системы хозяйствования, однако потребность в ряде мер государственного контроля сохранится при любых обстоятельствах. Анализируя вышеуказанные акты, ученый также весьма удачно описал их недостатки⁴⁸.

Цель принятого Закона СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)»⁴⁹ — укрепить экономические и правовые основы хозяйственной деятельности государственных предприятий, расширить возможности трудовых коллективов в самоуправлении. Закон предусматривал усиление экономических методов управления, использование полного хозяйственного расчета, самофинансирования и пр. Согласно п. 1 ст. 1 предприятиям принадлежит главная роль в развитии экономического потенциала страны. Предприятие действует на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования. При этом законодатель не исключал возможности влиять административно-командными методами на деятельность предприятий. Так, согласно п. 1 ст. 2 деятельность предприятия строится на основе государственного плана экономического и социального развития как важнейшего инструмента реализации экономической политики Коммунистической партии.

Вместе с тем к 80-м годам стало очевидным, что свободный рынок и плановое ведение народного хозяйства сложно совместить. Централизованное планирование требовало больших финансовых затрат, обусловленных содержанием большого штата работников-плановиков, тормозило развитие производства и выпуск продукции в ассортименте в соответствии с требованиями рынка. Поднимать экономику лишь посредством совершенствования системы планирования, укрепления плановой дисциплины и введения режима экономии оказалось делом невозможным. Планирование было оправдано лишь на первых этапах развития страны и подъема экономики. В июле 1983 г. было принято постановление о предоставлении производственным объединениям (предприятиям) промышленности дополнительных прав в части самостоятельного планирования своей хозяйственной деятельности⁵⁰. Однако к этому времени у предприятий возникли другие трудности — не хватало комплектующих, были проблемы с поставками сырья. Ко всему, «гонка вооружений» и борьба за лидерство

в космосе «съедали» все валютные поступления от продажи нефти и газа за рубеж. А принятое постановление не предусматривало использование каких-либо радикальных методов — в нем не хватало последовательности, решимости, комплексности в решении задач.

Не вызывает сомнения, что управление экономикой без прямых плановых ориентиров во многих отношениях сложнее и ответственнее, требует постоянного мониторинга и стратегического маневрирования. Была необходима более гибкая система стимулов, основанная на использовании экономических и социальных рычагов, например, льготное налогообложение и прочие преференции. Очевидно, что ни один предприниматель не добьется существенных успехов в экономической деятельности, если предварительно не произведет расчеты, не оценит риски издержек и иных потерь, не составит планы своей деятельности на ближайшие годы. Если давление административно-командной системы будет слишком высоким, то будут высоки риски предпринимательской деятельности. Если предприятию (предпринимателю) доверить самостоятельно осуществлять планирование своего производства и поиск путей сбыта продукции, появится значительное число преимуществ для экономики в целом⁵¹.

Передача полномочий в управлении хозяйством на места опосредует контроль со стороны государства за ценообразованием, налоговой политикой предприятия, качеством выпускаемой продукции, профилактикой правонарушений и пр. При этом с контролем важно было не переусердствовать. Не удержались — вместо мероприятий, направленных на подъем производства, начали активнее применять контроль. В результате стала разрастаться система контролирующих органов.

В научной литературе высказывалось мнение, что ошибочным был не выбор пути развития экономики, основанный на планировании, ошибочным было чрезмерное администрирование, давление сверху⁵². К тому же в условиях, когда отдается предпочтение административным методам управления, неизменно происходит рост аппарата управления. Живучесть административных методов во многом объясняется тем, что отдельные управленцы не представляют себе иного стиля организации управления. Кроме того, действовать административными методами проще и доступнее, чем экономическими.

Ученый-государствовед Б.П. Курашвили выступил с идеей отказа от директивного планирования, обосновав это назревшей потребностью конструктивных изменений в механизме государственного управления экономикой⁵³, и резко раскритиковал сложившуюся систему опекунов предприятий планированием их деятельности. Он выступил за усиление самоуправления, расширение прав и ответственности предприятий, самоконтроль, передачу большей самостоятельности

⁴⁷ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987 года. М., 1987.

⁴⁸ А именно: 1) в том, что они рождались даже не в дискуссиях, а в напряженной борьбе сторонников и противников перестройки; 2) в некоторых случаях интересы перестройки требовали компромисса; 3) не было времени на апробацию того механизма, который предлагался в качестве перестройки; 4) предложенный механизм не был научно обоснован, с теоретической точки зрения вопрос изучен не был. Вводились отдельные понятия, суть которых и действие которых слабо кто представлял (см.: *Пискотин М.И.* Социализм и государственное управление (уроки истории и перестройка) / под ред. Б.М. Лазарева. С. 228–232).

⁴⁹ См.: Ведомости ВС СССР. 1987. № 26, ст. 385.

⁵⁰ См.: СП СССР (Отд. 1). 1983. № 20, ст. 109.

⁵¹ А именно: 1) риски потерь и убытков несет само предприятие; 2) поиском сбыта продукции занимается также само предприятие, руководство предприятия озадачено проблемой выпуска продукции востребованной на рынке; 4) расширится ассортимент товаров в соответствии со спросом; 5) повысится самостоятельность, предприимчивость и в то же время ответственность руководителей предприятий за принимаемые решения; 6) предприниматель заинтересован в интенсификации своего производства, рентабельности, обновлении средств производства; существенно сократится огромный штат работников отрасли планирования; 7) сократится объем расходов на содержание штата данных работников; 8) цена продукции будет стремиться к балансу интересов между спросом и предложением и многое иное.

⁵² См.: *Пискотин М.И.* Социализм и государственное управление (уроки истории и перестройка) / под ред. Б.М. Лазарева. С. 125–128.

⁵³ См.: *Курашвили Б.П.* Государственное управление народным хозяйством: перспективы развития // Сов. государство и право. 1982. № 6. С. 42, 43.

органам местного самоуправления, отказа от жесткого политизированного управления. Б.П. Курашвили отмечал: сфера партийно-государственного управления оказалась чрезмерно широкой, напротив сфера общественного самоуправления — неоправданно ограниченной. Это неизменно деформирует систему управления в целом⁵⁴.

В целом с 70-х годов и в период 1985 г. происходит поиск путей постепенного перехода к рыночной экономике⁵⁵. Возникло понимание того, что нужно искать пути перераспределения собственности, наделять предприятия большей самостоятельностью, менять порядок взаимоотношений между государством и предприятиями (прежде всего производителями товаров). Пришло и осознание того, что переход от административно-командных методов управления в экономике к методам экономическим будет связан с изменением форм организации организационно-управленческой деятельности.

Ученые-административисты, в том числе представляющие академическую науку, не остаются в стороне. Выходят работы по вопросам государственного управления, совершенствования системы органов управления, векторах управления и пр.⁵⁶

Перестройка (1985–1991). Государственное управление экономикой в период перестройки

Перестройке, несомненно, принадлежит ключевое место в вопросах реформы государственного управления экономикой. Это была третья, наиболее крупная и радикальная, попытка демонтировать административно-командную систему⁵⁷, которая предусматривала, в частности, экономическую реформу. Академик Л.И. Абалкин был озадачен: «Мы столкнулись со своего рода заколдованным кругом», с одной стороны, вся система хозяйствования скрепляется административно-командными методами управления и держится на них, с другой — данную систему управления невозможно изменить, не начав преобразования в системе хозяйствования страны. Как видится, первое, что нужно сделать — ввести «реальный хозрасчет, реальное изменение базисных отношений, задействование интересов»⁵⁸. То есть для того, чтобы обеспечить переход от централизованной экономики к хозрасчетной, нужна была прежде всего твердая политическая воля.

По воспоминаниям Б.М. Лазарева⁵⁹, всеобщие изменения, произошедшие в России в конце 80-х — начале 90-х годов и получившие отражение в Конституции РФ 1993 г., обусловили необходимость переосмысления концепции о государственном управлении вообще и в экономике в частности. Возникла потребность разобраться в сути понятия

«государственное управление», его направленности, исследовать его формы и методы⁶⁰.

Апрельский Пленум ЦК КПСС (1985 г.) обозначил курс на перестройку всего хозяйственного механизма. Перестройка означала: переход к экономическим методам руководства; повышение эффективности централизованного руководства экономикой, когда центр решает стратегические задачи экономического развития государства и отраслей в целом; расширение самостоятельности предприятий, перевод их на хозрасчет, самокупаемость и самофинансирование; перестройка материально-технического снабжения, ценообразования, финансирования; перестройка отраслевого и территориального управления хозяйством, комплексного экономического и социального развития республик и регионов, налаживание рациональных межотраслевых связей; осуществление всесторонней демократизации управления, повышение в нем роли трудовых коллективов⁶¹.

Однако реальная перестройка в экономике началась лишь к концу 80-х — началу 90-х годов. С 1 мая 1987 г. вступил в силу Закон СССР от 19 ноября 1986 г. № 6051-XI «Об индивидуальной трудовой деятельности»⁶², который легализовал частную предпринимательскую инициативу граждан в целях более полного удовлетворения общественных потребностей в товарах и услугах, повышении занятости граждан и пр. С января 1988 г. Закон «О государственном предприятии (объединении)»⁶³ призван был определить экономические и правовые основы хозяйственной деятельности государственных предприятий. Закон направлен на усиление экономических методов управления, использование полного хозяйственного расчета и самофинансирования, развитие самоуправления. Среди недостатков: Закон направлен на углубление централизованных начал в решении важнейших задач развития народного хозяйства; экономические меры так и не были названы; государство не решилось сделать цены на продукцию предприятий свободными и пр. Пункт 2 ст. 17 гласит: «Предприятие осуществляет финансовую деятельность в соответствии с пятилетними и годовыми финансовыми планами. Оно несет ответственность за своевременное выполнение своих обязательств перед бюджетом, банками и вышестоящим органом...».

Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) «О кооперации»⁶⁴ закрепил экономические, социальные, организационные и правовые условия деятельности кооперативов. Законом были поставлены следующие задачи: раскрыть потенциал кооперации, ускорить социально-экономическое развитие страны, усилить процесс демократизации хозяйственной жизни, придать новый импульс колхозному движению, создать условия для вовлечения в кооперативы широких слоев населения (Преамбула). Таким образом, были созданы правовые основы для перестройки отношений в аграрном секторе.

Когда в экономике страны начались рыночные преобразования и наряду с государственной собственностью возникла и стала быстро укрепляться собственность частная, было

⁵⁴ См.: Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления / отв. ред. М.И. Пискотин. М., 1987.

⁵⁵ См.: Милуков А.И. Опыт и уроки экономических реформ в СССР в 60–80-е годы // Вестник Финансового ун-та. 2018. № 2. С. 17–24.

⁵⁶ См., напр.: Бачило И.Л. Организация советского государственного управления: правовые проблемы. М., 1984; Бельский К.С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении. М., 1990; Лазарев Б.М. Управленческие процедуры. М., 1988; Лунев А.Е. Обеспечение законности в советском государственном управлении. М., 1963; Пискотин М.И. Социализм и государственное управление (уроки истории и перестройка) / под ред. Б.М. Лазарева.

⁵⁷ См.: Бельский К.С. Указ. соч. С. 134.

⁵⁸ Победить бюрократу: беседа с директором Института экономики АН СССР академиком Л.И. Абалкиным // Известия. 1988. 16 мая.

⁵⁹ Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. С. 95–101.

⁶⁰ Изучению этих проблем посвятили свои работы И.Л. Бачило, Ю.М. Козлов, В.М. Манохин, А.П. Коренев, М.И. Пискотин, Ю.А. Тихомиров, Н.Ю. Хаманева и др.

⁶¹ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 33, 34.

⁶² См.: Ведомости ВС СССР. 1986. № 47, ст. 964 (Утратил силу).

⁶³ См.: Закон СССР от 30.06.1987 № 7284-XI (ред. от 03.08.1989) «О государственном предприятии (объединении)» // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26, ст. 385.

⁶⁴ См.: Ведомости ВС СССР. 1988. № 22, ст. 355.

издано постановление Совета Министров СССР от 24 января 1990 г. № 76 «О государственной налоговой службе»⁶⁵, предусматривающее создание в системе Министерства финансов СССР государственной налоговой службы⁶⁶. Стала формироваться современная налоговая система (система налогов и сборов, система налоговых органов). В ноябре 1991 г. Указом Президента РФ № 218 была образована самостоятельная структура — Государственная налоговая служба Российской Федерации.

К началу 90-х годов положение в экономике СССР стало критическим. Величина национального дохода резко пошла вниз, цены, не смотря на политику их сдерживания, росли, полки магазинов опустели, у предприятий не было денег платить заработную плату работникам и пр. Руководство страны в качестве приоритетных экономических мер стало привлекать в федеральный бюджет внешние заимствования, т.е. средства от иностранных государств и международных финансовых организаций, преимущественно в виде долгосрочных кредитов. Государственный долг быстро рос и достиг критических величин. К 1989 г. развился «настоящий экономический кризис», оказавший значительное влияние на потребительский рынок со сбоем поставок продовольствия⁶⁷. Росла и зависимость от экспорта нефти⁶⁸.

В этой ситуации возникли политические дискуссии о дальнейшем пути экономического развития страны. Наиболее предпочтительной виделась концепция создания регулируемой рыночной экономики, где рынок и план могли бы сочетаться. Эта идея была отражена в постановлении Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1 «О Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР»⁶⁹. Разработчиком Концепции, рассчитанной на пять-семь лет, выступил акад. Л.И. Абалкин. Однако его идеи вызвали серьезную критику со стороны реформаторов, а само постановление содержало лишь перечень административно-командных вызовов (заданий), которые положено было реализовать к определенному сроку⁷⁰. Начались долгие дискуссии и шатания.

Программа 500 дней, разработанная под руководством акад. С.С. Шаталина и Г.А. Явлинского, была отклонена в силу того, что она предусматривала лишение государства монополии на экономическую власть⁷¹. Полным крахом экономических мер стала апрельская (1991 г.) реформа розничных цен⁷². А главное — реформа опосредовала утрату доверия граждан к власти.

⁶⁵ См.: СП СССР. 1990. № 5, ст. 28.

⁶⁶ См.: *Гришковец А.А.* Эволюция налоговых органов в постсоветской России (организационные и правовые аспекты) // Вестник ВППК МВД России. 2019. № 4 (52). С. 43.

⁶⁷ См.: *Медведев В.А.* В команде Горбачёва. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 87, 103.

⁶⁸ Если в 1965 г. экспорт нефти и нефтепродуктов составлял 75.7 млн т в год, то 1985 г. он вырос в 2.5 раза и достиг 193.5 млн т (см.: *Славкина М.В.* Триумф и трагедия. Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960—1980-е годы. М., 2002).

⁶⁹ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25, ст. 464.

⁷⁰ Например, Совету Министров СССР: представить программу регулируемой рыночной экономики, включая новые подходы к финансово-кредитной и ценовой политике и пр. (п. 1); рекомендовать Президенту СССР издать указы или поручить... (п. 5).

⁷¹ См.: *Концевой Г.Г.* Экономическое развитие России 1985—1991 гг. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/ekonomicheskoe-razvitiye-sssr-v-1985-1991-gg> (дата обращения: 30.03.2024).

⁷² Непродуманность и отсутствие экономического обоснования мер реформы привело к росту цен, падению производства и снижению уровня жизни населения, возникли существенные перебои

Выводы

Административные методы — неотъемлемая принадлежность государственного управления в целом, в том числе в экономике. Вне всякого сомнения, и административно-командные методы, и авторитет власти имеют большое значение, особенно в годы революций, войн, кризисов, в периоды перестройки и иных угроз. В это время нужно определить вектор и направления развития.

По мнению М.И. Пискотина, экономические методы учитывают фактор материальной заинтересованности, а их выбор сводится главным образом к проблеме определения способов воздействия⁷³.

Административные методы требуют, прежде всего, наличия волевых лидерских качеств. Экономические методы, наоборот, обязывают иметь хорошую профессиональную подготовку, владеть арсеналом знаний и гибкостью при принятии управленческих решений. Они связаны с большими рисками и умением принимать на себя ответственность. Наконец, имеет значение степень квалификации кадров (прежде всего экономистов), способных решать проблемы экономики. Таковых в стране не было вплоть до конца 90-х годов.

Политика государственного управления, выработанная В.И. Лениным, была ориентирована на комбинирование административных и экономических мер. Это позволило сохранять баланс между централизованным плановым руководством и самостоятельностью предприятий. Среди экономических методов этого периода выделяются: хозяйственный расчет; свобода хозяйственной деятельности на рынке и проч. Среди административных методов — нормативно-правовое регулирование, контроль, планирование и др. Главными достоинствами НЭПа были подъем мелких и средних хозяйств, самообеспеченность в основных продуктах питания, сократилась безработица, рубль стал конвертируемой валютой и пр.

Сформированная И.В. Сталиным административно-командная система взяла под жесткий контроль и централизованное плановое руководство все хозяйство страны. Экономические методы перестали быть приоритетными.

Административные реформы и методы государственного управления экономикой периода 50—70-х годов (советский реформизм), попытки выстраивания новой системы хозяйствования и отрицания предыдущих, привели лишь к разрушению созданного механизма управления и несогласованности в работе. Эксперименты спорны, не продуманы, неудачны. От административных методов, централизации и планового руководства экономикой отказа не последовало. Это период увлеченности планами, показателями, а также гонкой вооружений. Подъем экономики не за счет продуманных решений, а за счет увеличения экспорта нефти и углеводородов. Роль экономической науки сводится к обоснованию пятилетних плановых показателей, а не экономически обоснованному прорыву.

Конец 70-х — начало 80-х годов — поиск путей постепенного перехода к рыночной экономике: попытки сбалансировать текущее и перспективное планирование, сочетать отраслевое и территориальное развитие; стимулирование производства за счет предоставления некоторой самостоятельности предприятиям, уход от узкой специализации при усилении

с продовольствием, росла инфляция. До 40% денежных вкладов граждан были заморожены, а счета закрыты.

⁷³ См.: *Пискотин М.И.* Социализм и государственное управление (уроки истории и перестройка) / под ред. Б.М. Лазарева. С. 234—236.

контроля во всех сферах деятельности. Основная экономическая мера — экономия ресурсов, материальных средств и пр.

Законодательство 80-х годов отличается декларативностью норм и содержит скорее нормы-задания. Основной недостаток — отсутствие воли, позволяющей принимать серьезные административные решения. Не хватало последовательности, комплексности в задачах, а главное — решимости сломать стереотипы в мышлении. Стала разрастаться система контролирующих органов.

Перестройка нужна была не только в системе государственных органов, но и в системе хозяйствования страны в целом. Однако, как показало время, не было комплексных решений, предложенные программы не были в достаточной степени экономически обоснованы, не хватило опыта разработки экономических программ, принимаемые меры были недалекновидны.

Проблемы государственного управления экономикой на продолжительном этапе общественного развития России, охватывающем период 1921–1991 гг., обусловлены марксистско-ленинской идеологией, положенной в основу государственного управления экономикой. Это период практически безраздельного господства государственной собственности при подавлении частной инициативы, отсутствии на начальном этапе существования советского государства собственных высококвалифицированных кадров в сфере экономики. Как следствие, широчайшее использование административно-командных методов государственного управления экономикой. Среди других причин: высокая централизация, жесткое планирование, минимум самостоятельности предприятий, слабое стимулирование труда и производства, довлеющий контроль, нерациональное использование природных ресурсов, нерасторопность в техническом перевооружении предприятий и внедрении технологий и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право: учеб. и практикум для СПО / под общ. ред. А.Н. Стахова. М., 2019.
2. Алексеев Г.М. Власть и рынок в условиях НЭПа // Власть. 2011. № 8. С. 129–132.
3. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. М., 2006.
4. Бачило И.Л. Организация советского государственного управления: правовые проблемы. М., 1984.
5. Бельский К.С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении. М., 1990. С. 134.
6. Бовин А.Е. XX век как жизнь: воспоминания. М., 2003 (Екатеринбург).
7. Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1932). Ч. I. 1898–1924. 4-е изд., испр. и доп. М., 1932. С. 469.
8. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 19.
9. Гришкова А.А. Эволюция налоговых органов в постсоветской России (организационные и правовые аспекты) // Вестник ВИПК МВД России. 2019. № 4 (52). С. 43.
10. Кирил А.В. Государственные реформы в России: от Петра до Путина. М., 2022. С. 158–160, 181, 198.
11. Кобзарь-Фролова М.Н. Академическая наука отечественно-го административного права: от истоков к новым свершениям // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 21–36.
12. Коваленко С.Г. Реформы управления народным хозяйством СССР в 50–60-е годы // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 156–162.
13. Концевой Г.Г. Экономическое развитие России 1985–1991 гг. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/ekonomicheskoe-razvitiie-sssr-v-1985-1991-gg> (дата обращения: 30.03.2024).
14. Курашвили Б.П. Государственное управление народным хозяйством: перспективы развития // Сов. государство и право. 1982. № 6. С. 42, 43.
15. Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления / отв. ред. М.И. Пискотин. М., 1987.
16. Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. М., 1988. С. 92, 93, 95–101.
17. Лазарев Б.М. Управленческие процедуры. М., 1988.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 334–337; Т. 45. С. 370.
19. Лунев А.Е. Обеспечение законности в советском государственном управлении. М., 1963.
20. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 33, 34.
21. Медведев В.А. В команде Горбачёва. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 87, 103.
22. Милоков А.И. Опыт и уроки экономических реформ в СССР в 60–80-е годы // Вестник Финансового ун-та. 2018. № 2. С. 17–24.
23. Некрасов В.Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-ekonomicheskii-reformizm> (дата обращения: 27.02.2024).
24. Петраков Н.Я. Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. М., 1966. С. 20.
25. Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. М., 2001. С. 39–44.
26. Пискотин М.И. Социализм и государственное управление (уроки истории и перестройки) / под ред. Б.М. Лазарева. М., 1988. С. 102–129, 228–232, 234–236.
27. Победить бюрократ: беседа с директором Института экономики АН СССР академиком Л.И. Абалкиным // Известия. 1988. 16 мая.
28. Попов Г.Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 65.
29. Редкоус В.М. Влияние конституционного развития на современные формы и методы административного регулирования экономической деятельности // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 21–26.
30. Россинский Б.В. Значение организаций, реализующих государственно-властные полномочия, в системе публичного управления // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 3–9.
31. Скворцова Ю.С. Советское государство в период НЭПа. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/sovetskoe-gosudarstvo-v-period-nepa> (дата обращения: 20.02.2024).
32. Славкина М.В. Триумф и трагедия. Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М., 2002.
33. Современные правовые формы и методы администрирования в экономической сфере Российской Федерации / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2020.
34. Степанов В.Л. Денежная реформа 1961 года в отечественной историографии // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 4. С. 7–23.
35. Ханин Г.И. 50-е годы — десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль XXI. 2002. № 5. С. 72–94.
36. Экономическая история России в Новейшее время Т. 1. Ч. II. URL: <https://istmat.org/node/57380>

REFERENCES

- Administrative Law: textbook and a workshop for SPO / under the general editorship of A.N. Stakhov. M., 2019 (in Russ.).
- Alekseev G.M. Power and the market in the conditions of the NEP // Power. 2011. No. 8. Pp. 129–132 (in Russ.).
- Atamanchuk G.V. Theory of public administration: a course of lectures. M., 2006 (in Russ.).
- Bachilo I.L. Organization of Soviet public administration: legal problems. M., 1984 (in Russ.).
- Belsky K.S. Separation of powers and responsibility in public administration. M., 1990. P. 134 (in Russ.).
- Bovin A.E. XX century as life: memoirs. M., 2003 (Yekaterinburg) (in Russ.).
- The All-Union Communist Party (b) in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1932). Part I. 1898–1924. 4th ed., rev. and add. M., 1932. P. 469 (in Russ.).
- Gorbachev M.S. October and Perestroika: the revolution continues. M., 1987. P. 19 (in Russ.).
- Grishkovets A.A. The evolution of tax authorities in post-Soviet Russia (organizational and legal aspects) // Bulletin of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (52). P. 43 (in Russ.).
- Kirin A.V. State reforms in Russia: from Peter to Putin. M., 2022. Pp. 158–160, 181, 198 (in Russ.).
- Kobzar-Frolova M.N. Academic science of domestic administrative law: from the origins to new achievements // Legal policy and legal life. 2021. No. 3. Pp. 21–36 (in Russ.).
- Kovalenko S.G. Reforms of the management of the national economy of the USSR in the 50–60^s // Russia and the Asia-Pacific Region. 2006. No. 1. Pp. 156–162 (in Russ.).
- Kontsevoy G.G. Economic development of Russia 1985–1991. URL: https://foxford.ru/wiki/istoriya/ekonomicheskoe-razvitiie-sssr-v-1985-1991-gg?utm_referrer=https%3A%2F (accessed: 30.03.2024) (in Russ.).
- Kurashvili B.P. State management of the national economy: prospects for development // Soviet State and Law. 1982. No. 6. Pp. 42, 43 (in Russ.).
- Kurashvili B.P. An essay on the theory of public administration / res. ed. M.I. Piskotin. M., 1987 (in Russ.).
- Lazarev B.M. Public administration at the stage of perestroika. M., 1988. Pp. 92, 93, 95–101 (in Russ.).
- Lazarev B.M. Managerial procedures. M., 1988 (in Russ.).
- Lenin V.I. Complete collection of works. Vol. 43. Pp. 334–337; vol. 45. P. 370 (in Russ.).
- Lunev A.E. Ensuring legality in Soviet public administration. M., 1963 (in Russ.).
- Materials of the XXVII Congress of the CPSU. M., 1986. Pp. 33, 34 (in Russ.).
- Medvedev V.A. In Gorbachev's team. A look from the inside. M., 1994. Pp. 87, 103 (in Russ.).
- Milyukov A.I. The experience and lessons of economic reforms in the USSR in the 60–80^s // Herald of the Financial University. 2018. No. 2. Pp. 17–24 (in Russ.).
- Nekrasov V.L. Soviet economic reformism of the era of N.S. Khrushchev. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-ekonomicheskiy-reformizm> (accessed: 27.02.2024) (in Russ.).
- Petrakov N. Ya. Some aspects of the discussion on economic management methods. M., 1966. P. 20 (in Russ.).
- Piskotin M.I. Russia in the XX century: an unfinished tragedy. M., 2001. Pp. 39–44 (in Russ.).
- Piskotin M.I. Socialism and public administration (lessons of history and perestroika) / ed. by B.M. Lazarev. M., 1988. Pp. 102–129, 228–232, 234–236 (in Russ.).
- Defeat the bureaucrat: a conversation with the director of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences, Academician L.I. Abalkin // Izvestiya. 1988. May 16 (in Russ.).
- Popov G.H. From the point of view of an economist // Science and life. 1987. No. 4. P. 65 (in Russ.).
- Redkous V.M. The influence of constitutional development on modern forms and methods of administrative regulation of economic activity // Civil service and personnel. 2021. No. 1. Pp. 21–26 (in Russ.).
- Rossinsky B.V. The importance of organizations exercising state authority in the system of public administration // Administrative Law and Process. 2024. No. 2. Pp. 3–9 (in Russ.).
- Skvortsova Yu. S. The Soviet state during the NEP period. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/sovetskoe-gosudarstvo-v-period-nepa> (accessed: 20.02.2024) (in Russ.).
- Slavkina M.V. Triumph and tragedy. The development of the oil and gas complex of the USSR in the 1960–1980^s. M., 2002 (in Russ.).
- Modern legal forms and methods of administration in the economic sphere of the Russian Federation / under the general ed. of A.N. Savenkov. M., 2020 (in Russ.).
- Stepanov V.L. The monetary reform of 1961 in Russian historiography // Herald of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 4. Pp. 7–23 (in Russ.).
- Khanin G.I. The 50^s – the decade of the triumph of the Soviet economy // Free Thought XXI. 2002. No. 5. Pp. 72–94 (in Russ.).
- Economic history of Russia in Modern times Vol. 1. Part II. URL: <https://istmat.org/node/57380> (in Russ.).

Сведения об авторе

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOBZAR-FROLOVA MARGARITA N. — Doctor of Law, Professor, Chief Scientist of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 347.9

ОБРАЩЕНИЕ К ФИНАНСОВОМУ УПОЛНОМОЧЕННОМУ КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ИСКА В СУД

© 2024 г. В. В. Гавричков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: VVGavrichkov@mainletter.ru

Поступила в редакцию 11.07.2024 г.

Аннотация. В статье анализируется законодательное регулирование механизма обращения к Финансовому уполномоченному до подачи иска в суд, его процессуальные аспекты и последствия несоблюдения этой предварительной процедуры. Несмотря на общий вывод о полезности данного способа урегулирования споров, включающего в себя, помимо прочего, пресекающий срок для обращения в судебные инстанции, отмечены недостатки, которые излишне усложняют процедуру. На основе примера из судебной практики предложено упростить процедуру обращения в суд в тех ситуациях, когда спор заведомо не может быть урегулирован без участия суда.

Ключевые слова: финансовый уполномоченный, обязательное досудебное урегулирование, потребитель финансовых услуг, досудебная процедура, право на обращение в суд.

Цитирование: Гавричков В. В. Обращение к финансовому уполномоченному как условие реализации права на предъявление иска в суд // Государство и право. 2024. № 9. С. 209–211.

DOI: 10.31857/S1026945224090197

RECOURSE TO THE FINANCIAL COMMISSIONER AS A CONDITION FOR THE EXERCISE OF THE RIGHT TO SUE

© 2024 V. V. Gavrichkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: VVGavrichkov@mainletter.ru

Received 11.07.2024

Abstract. The article analyses the legislative regulation of the mechanism of appeal to the Financial Commissioner before filing a complaint to the court, its procedural aspects and consequences of non-compliance with this preliminary procedure. Notwithstanding the general conclusion that this method of dispute settlement is useful, including, inter alia, a period for recourse to judicial bodies, shortcomings have been noted that would unnecessarily complicate the procedure and, in some cases, make it a meaningless exercise. Based on the case law, it has been proposed to simplify the procedure for recourse to the court in situations where a dispute is known to be impossible to resolve without the involvement of the court.

Key words: Financial Commissioner, mandatory pre-trial settlement, consumer of financial services, pre-trial procedure, right of access to court.

For citation: Gavrichkov, V.V. (2024). Recourse to the financial commissioner as a condition for the exercise of the right to sue // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 209–211.

В течение последних лет законодатель значительно расширил перечень категорий споров, по которым обязательно необходимо соблюсти досудебный порядок, чтобы приобрести право на его разрешение в государственном суде.

Учитывая тему статьи, нас интересуют процессуальные нормы Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых

услуг» (далее – Федеральный закон № 123-ФЗ), которым установлен обязательный досудебный порядок урегулирования имущественных споров между потребителями и финансовыми организациями с размером требования, не превышающим 500 000 рублей (исключения применительно к цене спора: требованиям по ОСАГО; требования к негосударственным пенсионным фондам).

Несмотря на то что нормы этого Закона нельзя назвать совершенными из-за наличия некоторых проблем, которые будут обозначены ниже, они являются неплохим примером законодательной регламентации процедуры обязательного досудебного урегулирования споров. Понимание проблем, возникающих в ходе применения этого закона, способно дать импульс для развития и других досудебных процедур.

Перед обращением в суд потребитель финансовой услуги обязан направить претензию (в письменной или электронной форме) непосредственно финансовой организации (ч. 1, 2 ст. 16 Федерального закона № 123-ФЗ). В случае неудовлетворения его требований в желаемом им виде у него возникает право обратиться к Финансовому уполномоченному для разрешения соответствующего спора.

Следует отметить, что направление претензии само по себе выступает в качестве способа урегулирования спора, однако его функции этим не исчерпываются. Дополнительной задачей является то, что подача претензии служит обязательным условием для рассмотрения обращения потребителя Финансовым уполномоченным.

Обращение к Финансовому уполномоченному представляет собой особую форму разрешения споров, которая отличается от обычных методов досудебного урегулирования. Такое отличие проявляется в том, что при урегулировании спора Финансовый уполномоченный играет роль арбитра, ему, по сути, делегированы схожие с судебными полномочия, а его решение обязательно для исполнения финансовой организацией и может быть исполнено принудительно посредством обращения с исполнительным документом (удостоверением) в службу судебных приставов (ч. 3 ст. 23 Федерального закона № 123-ФЗ, п. 4.2 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Полный перечень обстоятельств, при которых потребитель имеет право обратиться в суд с требованиями к финансовой организации, изложен в ч. 1 ст. 25 Федерального закона № 123-ФЗ. Во-первых, если Финансовый уполномоченный не вынес решение по обращению в срок, установленный ч. 8 ст. 20 Федерального закона № 123-ФЗ, который составляет 15 рабочих дней для обращения, направленного потребителем, и 30 рабочих дней для обращения, направленного цессионарием. Во-вторых, при прекращении рассмотрения обращения Финансовым уполномоченным в соответствии со ст. 27 данного Закона. В-третьих, в случае несогласия с вступившим в силу решением Финансового уполномоченного.

Потребитель финансовых услуг вправе в течение 30 календарных дней с момента вступления решения Финансового уполномоченного в силу обратиться в судебные органы с иском к финансовой организации по предмету обращения (ч. 3 ст. 25 Федерального закона № 123-ФЗ). В ситуации, когда финансовая организация выражает несогласие с решением Финансового уполномоченного, она обладает правом в течение 10 рабочих дней с момента вступления данного решения в силу подать в суд заявление об оспаривании решения как полностью, так и частично (ч. 1 ст. 26 Федерального закона № 123-ФЗ).

С точки зрения права на обращение в суд очень важно уделить отдельное внимание обозначенным выше 30-дневному и 10-дневному срокам, так как их несоблюдение означает невозможность обратиться в суд.

Некоторые проблемы и неясности рассматриваемого Закона по факту исправлялись Разъяснениями, утвержденными Президиумом Верховного Суда РФ 18 марта 2020 г. (далее — Разъяснения), и постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке

гражданского и арбитражного судопроизводства» (далее — Постановление Пленума № 18)¹.

Кроме прочего, высшая судебная инстанция разъясняет, что ввиду наличия механизма принудительного исполнения решений Финансового уполномоченного, предусмотренного Федеральным законом № 123-ФЗ, 30-дневный срок для подачи иска потребителем и десятидневный срок для обжалования решения Финансового уполномоченного финансовой организацией рассматриваются как процессуальные. Следовательно, они могут быть восстановлены судом в соответствии с п. 4 ст. 1 и п. 1 ст. 112 ГК РФ.

Вышеназванное означает, что в силу ч. 1 ст. 109 ГПК РФ при пропуске указанных сроков право на рассмотрение спора сторон в суде, по которому принято решение финансового уполномоченного, погашается.

В связи с указанным некоторые авторы задаются вопросом об обоснованности 30-дневного срока, предусмотренного ч. 3 ст. 25 Федерального закона № 123-ФЗ, который, при его пропуске без уважительных причин, лишает потребителя права на обращение в суд даже до истечения срока исковой давности, не являющегося к тому же пресекательным².

Другие авторы вообще считают, что обязательный досудебный порядок для споров с участием потребителей не является мерой, направленной на скорейшее профессиональное разрешение соответствующих споров. Отсутствие выбора у потребителя относительно способа защиты своих прав является существенным ограничением конституционного права на судебную защиту³.

По нашему мнению, с учетом того, что институт досудебного урегулирования споров призван быть эффективным механизмом разрешения конфликтов без обращения в суд, а также с учетом принципа правовой определенности, такое применение пресекательного срока является обоснованным, так как в ином случае уже разрешенный Финансовым уполномоченным спор с большой долей вероятности снова будет возобновлен в суде, а весь предыдущий процесс по его урегулированию без участия суда потеряет свой смысл.

При таких данных условием осуществления права на предъявление потребителем иска в суд будет прохождение указанной процедуры досудебного урегулирования и соблюдение 30-дневного процессуального срока. Процессуальные права финансовой организации ограничены возможностью обжалования решения Финансового уполномоченного в суд с соблюдением 10-дневного процессуального срока.

При этом важно добавить, что в силу абз. 3 п. 35 Пленума потребитель при желании обратиться в суд к финансовой организации с имущественными требованиями, включающими в себя ответственность за неисполнение его требований в части основного долга, обязан предварительно обратиться к Финансовому уполномоченному с такими дополнительными требованиями (например, требования о взыскании неустойки, процентов по ст. 395 ГК РФ и т.д.), в противном случае судебная инстанция возвращает исковое заявление в части, где отсутствует результат обращения потребителя к Финансовому уполномоченному. Если такое требование принимается к производству

¹ См.: Росс. газ. 2021. 2 июля.

² См.: Зайков Д. Е. Досудебный порядок урегулирования споров финансовым уполномоченным: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы рос. права. 2023. Т. 18. № 2. С. 94–102.

³ См.: Лысова Ю. В. Актуальные проблемы защиты прав потребителей при выдаче кредита и его страховом обеспечении // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 8. С. 49.

суда вместе с иском, судебный орган оставляет исковое заявление в соответствующей части без рассмотрения.

То есть общее правило п. 15 Пленума о том, что досудебный порядок считается соблюденным для всех дополнительных требований при проведении претензионной работы в отношении основного обязательства, в рассматриваемом вопросе не применяется.

Интересным также является вопрос о возможности применения судом по аналогии к рассматриваемым правоотношениям правовой позиции, изложенной в п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2015), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г. Согласно этой позиции, если из поведения ответчика не выявляется намерения добровольно и оперативно урегулировать возникший спор во внесудебном порядке, и оставление иска без рассмотрения приведет к необоснованному затягиванию разрешения спора и ущемлению прав одной из сторон, суд должен рассмотреть спор.

Иными словами, если спроецировать указанную правовую позицию на рассматриваемые правоотношения, то что должен сделать суд, который исходя из обстоятельств дела и/или поведения сторон усматривает, что в любом случае стороны не согласятся с решением Финансового уполномоченного и спор будет рассматриваться в суде?

Следуя положениям п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ и ст. 222 ГПК РФ, суд должен возратить исковое заявление или оставить его без рассмотрения. Между тем в судебной практике встречаются случаи, когда суд разрешает спор по существу, несмотря на то что потребителем финансовых услуг не соблюден обязательный порядок досудебного урегулирования спора.

Так, решением Центрального районного суда города Омска от 25 июля 2022 г. по делу № 2-2611/2022 суд разрешил спор потребителя с банком по существу, несмотря на отсутствие обращения потребителя к Финансовому уполномоченному. Суд обосновал свое решение тем, что обе стороны настаивали на рассмотрении спора, утверждая, что оставление искового заявления без рассмотрения для обращения истца к Финансовому уполномоченному не приведет к разрешению конфликта. Из текста данного судебного акта также ясно, что суд помимо позиции сторон учитывал и обстоятельства спора, который, хотя формально и подпадал под компетенцию Финансового уполномоченного, тем не менее требовал судебного вмешательства в силу сложности иностранным элементом, не мог быть разрешен окончательно на досудебной стадии. Этот спор был связан с трансграничным денежным переводом иностранной валюты и блокированием денежных средств истца в иностранном банке (не участником спора) в связи с введением правительством США в отношении российского банка (ответчика по спору) т.н. блокирующих санкций. Указанное решение суда об удовлетворении иска было отменено в апелляционной инстанции с принятием решения в пользу ответчика, но такая отмена была связана исключительно с позицией суда по самому

требованию иска, а не с фактом отсутствия обращения к Финансовому уполномоченному.

На наш взгляд, с учетом запрета формального над существом⁴, в целом указанный подход Центрального районного суда города Омска является разумным, направленным на скорейшее достижение целей гражданского судопроизводства, однако в силу того, что обращение к Финансовому уполномоченному (по сути, арбитра), представляет собой особую форму разрешения споров, все-таки не стоит допускать такое судебное усмотрение в отсутствие необходимых процессуальных норм, допускающих такое отступление от общего правила.

В целях урегулирования указанных вопросов, по мнению автора, следует внести в процессуальное законодательство изменения, указав, что в тех случаях, когда исходя из обстоятельств спора между потребителем и финансовой организацией и/или поведения сторон/ответчика усматривается, что спор не может быть разрешен без обращения в суд, истец вправе сразу обратиться в суд, обосновав бесперспективность соответствующей досудебной процедуры. Суд, в свою очередь, в такой ситуации обязан будет принять иск к производству и рассмотреть спор по существу, если только не увидит злоупотребления правом со стороны истца, других оснований для возвращения иска или оставления иска без рассмотрения.

Таковыми частными случаями могут быть споры, осложненные иностранным элементом, а также споры, в которых ответчик в ходе первого этапа досудебного разрешения спора ссылается на злоупотребление правом со стороны истца и/или настаивает на уменьшении неустойки, в то время как потребитель отвергает эти доводы. Обоснованием такого подхода является факт того, что в силу п. 2 ст. 10 ГК РФ и п. 2 ст. 333 ГК РФ только суд компетентен отказать в защите права полностью или частично в связи с допущенными злоупотреблениями и только суд уполномочен уменьшить неустойку, если должник подал соответствующее заявление о таком уменьшении, а значит, в любом случае Финансовый уполномоченный не сможет прекратить спор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зайков Д. Е.* Досудебный порядок урегулирования споров финансовым уполномоченным: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы рос. права. 2023. Т. 18. № 2. С. 94–102.
2. *Лысова Ю. В.* Актуальные проблемы защиты прав потребителей при выдаче кредита и его страховом обеспечении // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 8. С. 49.

REFERENCES

1. *Zaikov D. E.* Pre-trial dispute settlement procedure by the financial commissioner: problems of legal regulation // Actual problems of Russ. law. 2023. Vol. 18. No. 2. Pp. 94–102 (in Russ.).
2. *Lysova Yu. V.* Actual problems of consumer protection when issuing a loan and its insurance provision // Herald of Kutafin University (MSLA). 2020. No. 8. P. 49 (in Russ.).

Authors' information

Сведения об авторе

ГАВРИЧКОВ Виталий Васильевич — адвокат, партнер Адвокатского бюро г. Санкт-Петербурга «Главная буква»; 197046 г. Санкт-Петербург, ул. Чапаева, д. 25

GAVRICHKOV Vitaly V. — Lawyer, Partner of the Law Office of Saint Petersburg “Main letter”; 25 Chapaev str., 197046 St. Petersburg, Russia

⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.12.2021 № Ф01-7315/2021 по делу № А11-2516/2020; п. 56 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 г.

УДК 340

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ПОНЯТИЕ ПРАВА: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ
(К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА)»**

© 2024 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.07.2024 г.

Аннотация. В обзоре конференции предлагаются взгляды на право, распространенные в отечественной теоретико-правовой науке. Отмечается выдающаяся роль основоположника немецкой классической философии И. Канта в формировании философии права. Его идея категорического императива нацелена на создание модели правового государства, где человек объявляется не только средством, но и целью. Кант — один из тех, кто формировал метафизическую философию права, т.е. отрасль знания, создающую смысловые модели в мире политико-правовой реальности. Показано влияние Канта на русскую и европейскую философию права, значение его идей для современности.

Ключевые слова: Кант, понятие права, общая теория права, философия права, социология права, юридический позитивизм, юридическая наука.

Цитирование: Кроткова Н. В. Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)» // Государство и право. 2024. № 9. С. 212–231.

DOI: 10.31857/S1026945224090203

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
“THE CONCEPT OF LAW: HISTORY AND THEORY
(ON THE 300th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF IMMANUEL KANT)”**

© 2024 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 26.07.2024

Abstract. The review of the conference offers views on law that are widespread in Russian theoretical and legal science. The outstanding role of the founder of German classical philosophy I. Kant in the formation of the Philosophy of Law is noted. His idea of a categorical imperative is aimed at creating a model of a state governed by the Rule of Law, where a person is declared not only a means, but also a goal. Kant is one of those who formed the metaphysical Philosophy of Law, i.e. the branch of knowledge that creates semantic models in the world of political and legal reality. The influence of Kant on the Russian and European Philosophy of Law, the importance of his ideas for modernity is shown.

Key words: Kant, the concept of law, General theory of law, Philosophy of Law, Sociology of Law, legal positivism, legal science.

For citation: Krotkova, N.V. (2024). All-Russian Scientific Conference with international participation “The concept of law: history and theory (to the 300th anniversary of the birth of Immanuel Kant)” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 212–231.

23 мая 2024 г. состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)». Конференция организована кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия. Модераторы конференции: *Е.А. Фролова*, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф.; *В.Н. Корнев*, зав. кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук, проф.; *В.Н. Жуков*, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф.

Ниже приводятся выступления участников конференции.

Е.А. Фролова, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. *Феномен права в философии Канта и русских неокантианцев*

Иммануил Кант и неокантианцы внесли существенный вклад в исследование этики и права, подняв на новый теоретический уровень аксиологию и деонтологию. Задачей права, по Канту, является обеспечение такой деятельности людей, которая внешне совмещалась бы с предписаниями категорического императива. Принципом разумного законодательства выступает правовой постулат практического разума — сообразовать свободу каждого со свободой всех членов гражданского общества. Необходимое требование разума состоит в том, чтобы начало права

не ограничивалось пределами отдельных государств, а распространялось на все человечество с целью достижения вечного мира. К условиям наступления последнего Кант относил следующие: гражданское устройство в каждом государстве должно быть правомерным (наличие разделения властей); международное право должно основываться на союзе свободных государств; взаимные отношения народов и государств должны определяться правилами всеобщего гостеприимства.

С именем Канта связана разработка философского учения о праве. В «Критике чистого разума» (1781) немецкий мыслитель доказывал трудность поиска определений в философских науках, к которым он относил науку о праве — сущность права не может быть постигнута ни методами практической юриспруденции, ни общей теорией права.

Рецепция этих идей русскими юристами-неокантианцами конца XIX — начала XX в. повлияла на развитие правовой традиции России, однако в силу различных причин влияние это было ограничено, и до настоящего времени доминирование кантианской философии в политико-правовом мышлении — задача скорее из области желательного. Вместе с тем понимание права как «формальной ценности», «культурного блага», активно влияющего на жизнь в обществе, прочно соединилось в правовом сознании с учением немецкого мыслителя.

Вслед за Кантом русские юристы признавали, что юриспруденция развивает понятия параллельно философскому направлению своего времени, глубина ее точек зрения определяется глубиной научно-философского сознания данной эпохи. Согласно их подходу, право — это сложный феномен, одновременно относящийся к сфере причинной обусловленности явлений и представляющий продукт логической и этической деятельности человека. Сущность права обусловлена

как *трансцендентальными* целями (право — продукт духовного творчества человека), так и *эмпирическими* целями (право — инструмент организации совместной жизни людей). Исследование права как явления телеологического порядка предполагает его рассмотрение в сфере оценок и целей. Данный метод устанавливает систему этики, которая не исчерпывается абстрактными конструкциями, а проецируется на потребности и интересы людей в обществе, создавая регулятивные идеи и социально-правовые идеалы.

Дополняя и развивая идеи Канта, русские юристы показали социальный характер права — оно нацелено на создание и поддержание определенного порядка в обществе. Правовой механизм представляет сложный аппарат, для эффективной работы которого требуется целенаправленная духовная активность всех членов общества. Каждая личность своим участием в осуществлении права претворяет в социальных отношениях необходимое в должное. Долгуществование предполагает свободу личности. По своей сути должествование всегда обращено к воле лица, оно с необходимостью предполагает возможность выбора; в то же время все поступки человека мотивированы, подчинены законам причинности.

Таким образом, согласно неокантианцам, право двойственно: с одной стороны, оно — предмет логики, существует в сфере мысли, с другой — социальное явление, включенное в общественные отношения в качестве их регулятора. Эта двойственность создает трудности для уяснения содержания права, в котором выделяются *рациональный* и *иррациональный* элементы.

Поскольку право состоит из норм, оно есть нечто рациональное: подобно понятиям создается разумом, без которого нормы не могут быть ни созданы, ни сформулированы. Норма представляет собой правило поведения, результат сознательной (разумной) деятельности человека. Нормы права выражают нормальное (типичное) сознание и поведение лиц. Нормативный характер права заключается в его независимости от каких-либо внешних авторитетов или внутренних мотиваций поведения человека. Правовой норме присуща общность: нормы права заключают в себе правило, согласно которому при определенных обстоятельствах необходимо действовать известным образом; общность имеет логический характер: правовые нормы устанавливаются для лиц, определяемых видовыми признаками. Логическая общность норм права сближает ее с логическим понятием, однако правовая норма сложнее ввиду ее двойного характера: общности положения и общеобязательности характера.

Вместе с тем право включает в себя не только правовые нормы, но и является фактом социальной жизни. Правовые отношения реализуются через субъективные права и юридические обязанности, которые всегда конкретны, единичны и индивидуальны. Такой же характер носят и правовые отношения. В этой индивидуализации процесса правовой реализации проявляется иррационализм права. Если взять субъективное право в действительной жизни, а не в теории, то оно представляет собой конкретную совокупность единичных правоотношений и индивидуальных прав и обязанностей, существующих в том или ином обществе в определенный момент времени. По своей логической природе субъективное право, рассуждали правоведы, противоположно объективному: объективное право — это совокупность рациональных продуктов духовной деятельности человека, субъективное право — совокупность жизненных фактов, имеющих правовое значение. Юридические факты,

влияющие на движение правовых отношений, индивидуальны, неповторимы и потому иррациональны. В постоянном процессе меняющихся правовых явлений постепенно возникают новые правовые образования. Это фактическое право существует какое-то время в виде иррациональных правовых фактов; рационализация социальных отношений с помощью правовых норм наступает позднее. С этих позиций неокантианцы критиковали юридический позитивизм, представители которого отождествляли субъективное и объективное право.

В.Н. Корнев, зав. кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук, проф. Судебный смысл акта суждения

В «Критике чистого разума» Кант рассматривает общую логику, которая строится по плану, «совершенно точно совпадающему с делением высших познавательных способностей. Это способности суть *рассудок, способность суждения и разум*»¹. Определение истинной природы судебного решения значимо для юридической теории и практики, поскольку это, во-первых, непосредственно касается важнейшего раздела теории государства и права — понятия форм права, к числу которых некоторые современные отечественные теоретики государства и права относят помимо форм, общепризнанных в науке и практике, еще и решения судов, т.н. судебское право, и т.д., полагая, что в них содержатся нормы и принципы права. Такие выводы навязаны, очевидно, непреодолимым желанием ввести или по меньшей мере признать наличие в российской правовой системе прецедентного права. Прежде всего следует установить, что есть *способность суждения*. Без обращения к трудам немецкого философа И. Канта суть данной категории понять невозможно. Итак, способность суждения, по Канту, — это «есть умение *подводить* под правила, т.е. различать, подчинено ли нечто данному правилу (*casus datae legis*) или нет»². Немецкий философ высоко ценил это качество человеческого ума и считал, что «способность суждения есть особый дар, который требует упражнения, но которому научиться нельзя. Вот почему способность суждения есть отличительная черта так называемого природного ума (*Mutterwitz*), и отсутствие ее нельзя восполнить никакой школой, так как школа может и ограниченному рассудку дать и как бы вдолбить в него сколько угодно правил, заимствованных у других, но способность правильно пользоваться ими должна быть присуща даже школьнику, и если нет этого естественного дара, то никакие правила, которые были бы предписаны ему с этой целью, не гарантируют его от ошибочного применения их. Поэтому врач, судья или политик может иметь в своей голове столь много превосходных медицинских, юридических или политических правил, что сам <...> способен in abstracto усматривать общее, но не может различить, подходит ли под него данный случай in concrete, или же потому, что он к такому суждению недостаточно подготовлен примерами и реальной деятельностью»³.

Приведенные положения работы немецкого классика философии представляют собой основу для нескольких выводов. Во-первых, способность суждения у судьи представляет собой связь природных интеллектуальных задатков, профессиональной юридической подготовки и опыта деятельности в качестве

¹ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 151.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 154.

практикующего юриста. Во-вторых, способность суждения выражается в подведении конкретного случая под уже существующее правило (норма права), а не, что очень важно заметить, формулирование или установление собственно правила поведения. Данный вид способности суждения Кант именует определяющим суждением.

Процесс подведения отдельного случая под уже существующее правило — это оценочная деятельность суда, которая, однако, носит не аксиологический характер, поскольку в норме права дается аксиологическая оценка фактов, отношений, поведения и т.д. В правовой науке такую деятельность принято называть юридической квалификацией. По сути, правотворчество и правоприменение являются собой оценочную деятельность управомоченных субъектов правотворчества и правоприменения с той лишь существенной разницей, что результатом оценки правотворцем фактов реальной жизни является норма права, а итог юридической квалификации, которая дается правоприменителем и представляет собой разновидность оценочной деятельности, — это суждение о соответствии конкретного случая тем юридическим признакам, которые указываются в установленном правиле. Таким образом, судья обращается к праву с тем, чтобы отличить правильное от неправильного, дозволенное от недозволенного, правомочное от неправомочного. В этом случае он поступает индивидуально, исходя из особенностей каждого конкретного казуса. В его решении как акте суждения о частном случае нет императивов, предписывающих, приказывающих, что делать, а чего не делать, т.е. решение не устанавливает нормы, имеющей подобно закону всеобщий характер, поскольку она уже установлена в соответствующей форме права. В нем (судебном решении) содержится суждение о правомочности либо неправомерности поведения того или иного субъекта права.

Здесь уместно привести весьма красноречивое суждение И. Канта: «Юрист-законник ищет законы, гарантирующие мое и твое (когда он действует — как и надлежит — в качестве должностного лица правительства), не в своем разуме, а в обнародованном и утвержденном властями своде законов. От него нельзя по справедливости требовать доказательства истинности и правомочности этих законов, так же как и защиты от высказываемых разумом возражений против них. В самом деле, только повеления указывают, что соответствует праву, и вопрос о том, соответствуют ли праву сами повеления, юрист должен отвергнуть как нелепый. Было бы смешно уклоняться от подчинения внешней и высшей воле на том основании, что она будто бы не согласуется с разумом. Ведь престиж правительства заключается именно в том, что оно представляет своим подданным свободу судить о правом и неправом не по их собственным понятиям, а согласно предписаниям законодательной власти»⁴. Согласно методологическим предпосылкам позитивистского правопонимания и правоприменения данный вывод можно считать верным.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук.
Познание государства и права: основные подходы

Только во второй половине XIX в. появляется адекватное рациональное (понятийное) представление

о государстве и праве, что связано с двумя обстоятельствами: 1) появлением государства и права современного типа; 2) появлением науки современного типа. Общественная наука не может быть выше уровня предмета, который она изучает. Усложняется социальный феномен, усложняется сама наука. Соответственно, адекватное представление о государстве и праве можно получить только тогда, когда сами феномены достигли своей зрелости. Это происходит в XIX — начале XX в.

Государство современного типа появляется в эпоху буржуазных революций. Его основные черты: 1) опора государственной власти не на общество и его сословия, а на армию, административный и полицейский аппарат; 2) большая дистанция между государственной властью и обществом, способность власти проводить свою внутреннюю и внешнюю политику независимо от общества; 3) право становится важнейшим инструментом государственной власти, прочно входит в ткань государства, становится его свойством. Право создает плотную среду, в которой существует государство, что зафиксировал Г. Кельзен.

Основных подходов познания государства четыре: 1) философский; 2) исторический; 3) социологический; 4) юридический. Последние три подхода позволили сделать представление о государстве и праве наиболее адекватным.

Философский подход — самый древний, появляется в Античности. Назначение метафизической философии — создание смысловых моделей, которыми руководствуются человек и общество в своем поведении. В основе этих моделей лежат ценностные установки и интересы людей. Метафизика есть рационализация ценностных установок. Метафизика, формируя модель мира, восполняет собой недостаток научного знания, что создает условия в том числе для фантазий, в большей или меньшей мере искажающих действительность. Метафизика есть тот канал, через который в знание о государстве и праве проникают ценности и интересы, т.е. факторы, как правило, препятствующие формированию точного знания. В этом смысле метафизика есть источник формирования ложных моделей государства и права. Пример — теории естественного права и договорного государства, в основе которых лежат не стремление к познанию, а ценностные императивы, интересы и идеология (Р. Штаммлер, П.И. Новгородцев).

Исторический подход принимает зрелый вид с конца XVIII в. благодаря становлению философии истории и профессиональной исторической науки. Большую роль здесь сыграла историческая школа права. Исторический подход позволяет определить степень зрелости государства и права, но только в зрелых политико-правовых формах их свойства выражены наиболее рельефно. Когда историки права и социологи (антропологи) права берутся рассуждать о ранних формах государства и права, следует понимать, от каких моделей отталкиваются авторы: от конкретно-исторических форм или абстрактных метафизических конструкций. Взгляды авторов на право и государство во многом зависят от их ценностных и идеологических предпочтений. Когда автор, например, берется доказывать, что право возникает раньше государства, а потому государство связано правом, ценность права выше ценности государства, в основе такого утверждения лежит не исторический подход, а философский, ценностный. Поскольку достоверных исторических сведений об архаических государствах крайне мало, привлекается метафизика, т.е. фантазии, построенные на ценностных установках и идеологических пристрастиях. Ведь очень часто историки и социологи (антропологи)

⁴ Кант И. Спор факультетов / пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; отв. ред. Л.А. Калинин. Калининград, 2002. С. 62.

права изучают современные первобытные народы, рассчитывая, что их примитивная культура является достоверной моделью, позволяющей реконструировать генезис современных зрелых государств. В данном случае применяется метод аналогии, дающий большие погрешности.

Социологический подход имеет дело с эмпирической реальностью, государство и право предстают как факт реальности. Социология дает то первичное и самое надежное представление о государстве и праве, которое лежит в основе остальных трех подходов. В метафизической философии права (И. Кант, П.И. Новгородцев) явственно обнаруживается конфликт социологического и философского (метафизического) подходов, т.е. конфликт реальности и смысловой модели. Так, утверждение Канта, что государство и право основываются на категорическом императиве, отражает не реальность, а ценностную установку автора. Кант предлагает смотреть на мир политико-правовых форм через призму придуманной им фикции — категорического императива. Новгородцев также настаивает, что именно метафизика, а не эмпирика жизни, выражает «высшие запросы человеческого духа», грубый социологизм (т.е. наука), полагает он, должен быть подчинен метафизике (т.е. фантазиям).

Юридический подход в полной мере оформляется в XIX–XX вв., когда возникает государство современного типа, т.е. государство, теснейшим образом связанное с правом. В результате такой метаморфозы у юриста-догматика создается впечатление, что государство растворяется в праве, что государство и есть реализованное право. Юридический подход вырастает из догматической юриспруденции, беря на вооружение догматический метод. Юридическая модель государства появляется главным образом в государственном и административном праве, затем переносится в юридикто-догматическую общую теорию права (юридический позитивизм). Юридическая модель права и государства есть сфера логики, юридической мысли, мир юридических фикций, что, как правило, далеко от действительности (например, конституция государства). Юридический мир политико-правовой реальности, созданный, например, Кельзеном, — это только одна из ее граней, и не самая важная. Важнейшее свойство государства и права — не юридические фикции, а проявление жизни во всех ее аспектах.

Т.Н. Радько, профессор кафедры теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ. Идеи И. Канта в современных реалиях

Отмечая 300-летие И. Канта, нельзя не сказать о том, что многие из его идей, высказанных о праве и государстве, актуальны до настоящего времени. Более того, можно с уверенностью говорить, что они будут иметь важное значение и в будущем. Так, рассматривая вопрос о форме государства, он писал, что существуют две формы государства — республика и монархия. Причем необходимо иметь в виду, что республик в конце XVIII в. практически не было. Но он уже тогда, глубоко анализируя эту форму государства, отмечал ее недостатки и достоинства. Положительно характеризуя монархию, он, тем не менее, отдавал предпочтение республике, хотя тут же добавлял, что наилучшая форма управления та, где правит один. Переноса эту мысль Канта в современную политическую действительность, можно предположить, что он подразумевал президентскую республику. Таких слов Кант не произносил и не писал, но по факту это так. Сегодня президентские республики — явления, довольно распространенные в мире. В них правит именно один. Значит, мысли Канта были абсолютно

правильны, они реализуются в практике государственного строительства, в том числе и в России.

Следующая абсолютно правильная и актуальная идея Канта, изложенная и обоснованная им в гениальном трактате «К вечному миру», который при жизни Канта переиздавался более десяти раз, — это рассуждение о государстве, его территории и о межгосударственных отношениях.

Государство, по Канту, — это не имущество, а сообщество людей, т.е. прежде всего люди. Распоряжаться ими не может никто. Без согласия народа, проживающего на этой земле, нельзя продавать, обменивать, передавать государственные территории.

Проецируя эти мысли Канта на нынешнюю ситуацию в отношениях с Украиной, сразу возникает вопрос: В.И. Ленин и большевики спросили русский народ Новороссии о том, что их передают в состав новоиспеченной Советской Украины? Спрашивал ли Н.С. Хрущев у жителей Крыма, хотят они этого или нет, когда принимал решение передать Крым Украине? Общеизвестно, что никакого референдума и даже простого опроса населения не было, а было заигрывание с политической элитой Украины, была т.н. политическая целесообразность. Кант был противником решения подобных вопросов волевым односторонним способом. Он категорически возражал против такого обращения с народом.

У него есть много мыслей о международном праве, межгосударственных отношениях, о войнах и т.д.

Наконец, об упреке Канта юристам, что они все еще ищут определение понятия права. Можно ответить ему, что юристы и до сих пор ищут определение права. На наш взгляд, юристы еще долго будут искать это определение, так как оно имеет две сущности — эмпирическую, что поддается познанию, и надэмпирическую, воображаемую. Сколько будет желающих дать определение права, столько будет и определений. Эта сущность непостижима.

О.Ю. Рыбаков, зав. кафедрой философии и социологии Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. Нравственность, долг, право в философии Иммануила Канта

Человек, согласно кантовскому пониманию, оказывается существом нравственным. Причем данный подход обращен ко всем людям, к человеку как существу родовому, имеющему знаковое отличие от других живых существ и обладающему основным качеством — разумностью.

Не может не возникать вопрос: всякий ли человек способен к нравственному целеполаганию? Очевиден и ответ: нет, не всякий. Однако человек, по Канту, ставится в положение субъекта познающего, разумного, обладающего свободой воли, пониманием своего долга перед другими людьми и обществом, исполняющего свои обязанности. Уважение свободы других людей, ограничение своей свободы, сообразно всеобщим принципам существования человека, есть в любом случае уважение к самому себе. Человек как цель — это девиз отношения к себе и к любому другому человеку. Свобода и долг сопряжены в единстве целеполагания индивида. Долг понимается не только как категория ответственности индивида перед обществом, но и как требование ответственности, обращенное к самому себе.

У И. Канта императивность есть смыслообразующая конструкция, которая объясняет если не все, то очень многое в отношениях индивид — индивид, индивид — общество — государство. Императив, т.е. веление. Нравственное

веление определяет статус человека в мире умопостигаемых целей, явлений, отношений. «Поступай так, чтобы...» и формулируется Кантом парадигма взаимодействия человека и социального мира. Тем самым постулируется обязанность иметь не только свободу, понимаемую как категорию нравственную и правовую, но и обязанность исполнять долг. Долг и обязанность его исполнения становятся частью бытия индивида. Тем самым он определяется в пространство отношений долженствования, где обязанность превалирует над священным правом поступать так, как хочется, если это не противоречит общеустановленным принципам и порядку.

Всеобщая сила государственного повелевания воплощена как в формально определенных правилах должного поведения, так и в принудительном императиве, потому что он категорический, обязательный. Однако источник императива находится в разуме человека. Как право может быть результатом объективирования априорной идеи, так и императив, сопряженный с правом, имеет глубоко индивидуальные, внутриличностные корни. Мотивация соблюдения императива исходит из нравственной позиции самого человека, его миропонимания. Человек признается существом нравственным, способным к соблюдению всеобщего уважения и соблюдения как своей свободы, так и свободы других людей.

Человек есть познающий и мыслящий субъект, что результируется в наличии разума как теоретической конструкции. Человек в то же время есть субъект, обладающий волей и даже свободой воли, что проявляется в его практическом разуме. Моральный закон и правовой закон универсальны и предопределяют свободу индивида и в сфере моральности как постулирования добродетельности, и в сфере легальности как проявления права.

Соблюдение общеобязательных предписаний через включение нравственного обязательного начала предполагает понимание великой миссии человека как носителя нравственного императивного велевания. Возможно, такое велевание есть некая нравственная матрица, в которой непустимы перестановка мест, их нарушение.

В категорическом императиве может содержаться предупреждение всему человечеству о недопустимости его нарушения. Игнорирование императива хотя бы одним человеком может провоцировать множественные нарушения, что приведет к трагическим последствиям для всего человечества и поставит его на грань выживания. Трагические события после жизни И. Канта, в особенности в XX в., это продемонстрировали.

Наличие разума в индивиде определяет его теоретический уровень взаимодействия с миром — его познание этого мира. Свобода воли индивида предполагает его практическое воплощение. Человек всегда и везде, в любых ситуациях обладает свободой воли и поэтому всегда и везде находится в состоянии ответственности за свои поступки, независимо от внешних обстоятельств. У Канта в его сложной многокомпонентной конструкции (чистый разум, априорность идей, свобода, воля, нравственное императивное начало, право, долг) предполагают обязательность индивидуально-миропонимания и соблюдения всеобщих правил. Миропонимание индивида становится одним из центральных условий сохранения всеобщего блага и достижения свободы через самоограничение нравственного уровня и понимания ценности человека только как цели.

Попытки обоснования ограничений, основанных на праве, переводят понимание этого права в разряд

позитивного, но имеющего индивидуально-нравственное начало и личностную мотивацию.

А.В. Корнев, зав. кафедрой теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. Иммануил Кант и значение его идей для юридической науки

Великий русский писатель И.С. Тургенев, описывая одного из своих литературных героев, замечает, что он «в веселый час объявляет себя поклонником Эпикура, хотя вообще о философии отзывался дурно, называя ее туманной пищей германских умов, а иногда и просто чепухой»⁵.

Увы, это довольно часто встречающееся отношение к философии, особенно на бытовом уровне. Существует легенда, согласно которой Наполеон повелел ему изложить буквально на нескольких страницах основные идеи Канта, прочитав которые, великий полководец признался, что он ничего не понял. И даже был разочарован, усомнившись в значимости философских идей мыслителя из Кёнигсберга.

Пожалуй, в этом и кроется почти всегда трагическое одиночество героев мысли, идеи которых порой очень далеки от исканий среднестатистического человека. Но от этого они нисколько не теряют свою притягательную силу.

Кант, разумеется, прекрасно понимал, что своим творчеством он навсегда будет вписан в интеллектуальную историю человечества. В России его 300-летний юбилей отмечался на государственном уровне. И дело даже не в том, что он был некогда русским подданным и однажды направил прошение императрице Елизавете Федоровне с просьбой принять его на профессорскую должность. Балтийский федеральный университет по праву носит его имя. Вся его жизнь была связана с Кёнигсбергом и университетом. Идеи великого немецкого философа пережили свое время и принадлежат всему человечеству. Кстати, он сам не считал себя немцем. Его отец, Иоганн Георг, по одним источникам пивовар, по другим — шорник, едва говорил по-немецки. Мать, Анна Регина, целиком посвятила себя воспитанию детей. При поступлении в университет юноша выдавал себя за шотландца. Времена были такими, что приходилось многое скрывать. Кант считал себя пруссом, представителем одного из балтийских племен, которые были вырезаны немцами в процессе освоения данного географического региона. Мы до настоящего времени точно не знаем, какой факультет окончил Кант. В то время, когда он поступал, философский факультет считался «низшей» ступенью и представлял собой нечто в виде общего курса наук. По его окончании студенты могли выбирать между теологическим, медицинским и юридическим факультетами. Судя по тому, что Кант считал своим учителем доктора теологии Франца Альберта Шульца, есть косвенные основания считать его выпускником теологического факультета.

Книга И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» предопределила философский путь мыслителя. Он стремился подвести под свою философскую систему строгую научную основу. В этом проявилось его желание увести философию из-под жесткой опеки богословия. Кстати, проблема «Кант и религия» до настоящего времени вызывает многочисленные споры. Его родители были людьми крайне религиозными. Во всяком случае, атеистом он точно не был.

⁵ Тургенев И. Записки охотника: очерки. СПб., 2019. С. 170.

Научное и философское становление И. Канта было логичным. Его долгая творческая карьера четко делится на два периода — докритический (догматический) и критический. Первый период его научно-преподавательской деятельности связан с естественными научными дисциплинами. Он во многом предопределил его философскую систему. Критический же период связан с попытками формирования теории познания. Его также не отпускали вопросы этики и целесообразности. Философ называл свою систему «трансцендентальным идеализмом». Суть такого подхода состоит в том, что окружающая действительность, мир как он есть и то, как мы их воспринимаем, — это совершенно разные категории.

Кант преподавал много различных дисциплин, включая право. Человек у Канта стал центральным элементом его философской системы. Он наделен способностью постигать тот мир, в котором живет. Заслуга Канта состоит в том, что он объяснил Человека высшей ценностью. И за это юристы обязаны почитать его гораздо больше, нежели за то, что он предложил понимать право как совокупность условий, при которых свобода одного человека соотносится со свободой другого человека на основе всеобщего закона свободы.

Нужно было обладать воистину великой смелостью, чтобы провозгласить мораль самостоятельной категорией, а не порождением религии. При этом Кант точного ответа на то, откуда берет свое начало мораль, не дает.

Мыслитель выдвинул идею о том, что в природе, по всей видимости, нет никакой цели, но в ней явно заложена целесообразность. Глядя на современный мир, сомневаешься в том, что в обществе имеет место даже целесообразность. И здесь мы должны воздать должное И. Канту. Человек не только пассивно отражает действительность, но и может делать ее лучше, рациональнее, справедливее, гуманнее и пр. Философ пытался глубоко приникнуть в суть многих категорий, на которых, собственно говоря, и выстраивается фундамент права.

Среди прочих инструментов создания желаемой социальной реальности на первое место, несомненно, выходит право. Мы привыкли думать, что творчество И. Канта представляет интерес только для теории и философии права. Но это далеко не так. Даже юристы нормативного и позитивистского направлений, практики могут найти у него много полезного.

Стало недоброй традицией критиковать именно эти направления в юридической науке и практике. Однако проблема заключается в способности создания эффективно работающего понятийного аппарата и категорий практической юриспруденции. Иными словами, критики используют все те же категории, которые сформировались в рамках юридического позитивизма и нормативизма. В дореволюционной юридической науке стала зарождаться логическая версия нормативизма, но не успела, к сожалению, приобрести завершенные формы.

Мы живем в эпоху инноваций. Вера в человеческий разум, его способность понимать и менять этот мир как никогда современна. Представляется, что идеи Канта могут стать философско-правовой основой инновационной юриспруденции. Право сегодня не просто должно реагировать на то, что объективно сформировалось в качестве объекта регулирования. Такой подход перестал быть единственно верным. Опережающее развитие права, создание правовой среды для формирования новых рынков и технологий есть главная тенденция развития юридической науки и практики. А раз это так, Иммануил Кант, его идеи

в настоящий момент являются гораздо более актуальными, чем в его время.

Д.В. Масленников, зав. кафедрой философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского, д-р филос. наук, проф.

Эпохальное значение учения И. Канта для развития правовой мысли состоит в том, что он сформировал совершенно новую парадигму правовой мысли, не сводимую к господствовавшей парадигме общественного договора и лишь отчасти соответствовавшую парадигме естественного права. Ее можно определить как парадигму свободы, идейно связанную с патристическим пониманием свободы как абсолютного дара Бога человеку.

Классическая парадигма естественного права, наиболее последовательно представленная в учении Фомы Аквинского, восходила к платоновскому пониманию права и государства как воплощения субстанциальной идеи абсолютного блага, воспринятой в форме идеи справедливости. Свободный человек осознает идею справедливости не только как образ вселенской справедливости и не только как образ справедливости государства, но и как строй своей души, стремящейся к нравственному идеалу, т.е. осознает субъективную идею справедливости, полностью совпадающую с объективной идеей. Благодаря этому справедливость выступает для него в качестве ценности.

Христианское понимание свободы как абсолютного дара Бога человеку давало наиболее глубокое определение сущности его бытия. Тем самым и всеобщее бытие, которое Платон связывал прежде всего с идеей блага, должно было теперь пониматься как сущность абсолютной свободы, иными словами, должно пониматься как субъект, субъективно. Поэтому исторически оправданным было исследование Кантом природы абсолютного в параметрах субъективности. Исходя из этого автор «Критики практического разума» дедуцирует понятие морали и вслед за этим понятие права путем аналитического разделения понятия свободы. Важно, что само понятие свободы, согласно Канту, актуализируется в императив практического действия, а значит, актуализируется в формы права и морали, только через полагание идеи абсолютного блага. Условием последнего, по Канту, является идея Бога и идея бессмертия души. Хотя в определении идеи блага, идеи бессмертия и идеи Бога Кант не считает возможным выйти за пределы сферы субъективности, все же, апеллируя к этим понятиям, он продолжает традицию естественного права, но уже на новой почве чистой субъективности, которой не знало ни античное мышление, ни метафизика Нового времени.

Фихте, а в особенности Гегель, отталкиваясь от теоретических достижений Канта, обосновали метод развития субъективной формы идеи свободы и идеи права до уровня объективной субстанциальности. Согласно Гегелю, субстанция-субъект духа есть свобода. Понятие духа у него — это в первую очередь методологическое «средство» экспликации в мышлении идеи абсолютного, в том числе в формах идеи абсолютного блага и абсолютной свободы. А значит, это — метод духовного прочтения идеи права, путь к достижению конкретности его понимания.

Напротив, понятие права у Канта, поскольку он настаивал на невозможности выйти в его трактовке за пределы сферы субъективности, неизбежно страдало абстрактностью. Это проявилось, в частности, в его трактате «К вечному миру», где предлагались правовые формы «обуздания» исторических процессов. Если бы идеи этого трактата

могли быть реализованы, то следствием была бы вечная война, а не вечный мир.

А.И. Овчинников, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета, проректор по научной работе Донской духовной семинарии, д-р юрид. наук, проф. *Актуальность идей Канта и неокантианцев для эпистемологического исследования правового мышления*

Философско-методологические труды Канта и неокантианцев крайне актуальны как при исследовании научного правового мышления, так и для изучения особенностей практического или правоприменительного правового мышления. Как известно, человеческое мышление может изучаться с самых разнообразных точек зрения: философских, логических, психологических, когнитивных, информационных и т.д. В классической теории познания, фундамент которой был заложен еще в Новое время, человеческое мышление представлялось как познавательный процесс, предполагающий созерцание внешних для субъекта познания объективных явлений. Отсюда понятия представляют собой высшую форму отражения мира в сознании, а целью познания становится отражение сущности предметов и явлений. В таком случае в понимании научного правового мышления главную схему играет субъект-объектное отношение, где вопрос о возможности адекватного воспроизведения субъектом познания сущностных характеристик и признаков объекта, в данном случае правовых явлений, становится центральной темой.

Классическая теория познания благодаря критике ее основ И. Кантом постепенно сменяется неклассической теорией познания, в которой субъект-объектное разделение постепенно признается для социальных наук не приемлемым, так как, с одной стороны, отрицает активную творческую роль субъекта в познавательном процессе, с другой — сведение человеческого мышления к расчленению мира и анализу структурно-логических форм его выражения не дает целостной картины мировосприятия. Множество фактов свидетельствовали в пользу существования такого пласта в познании, который находится вне пределов рационального объяснения. С переосмысления критической философии Канта неокантианцами Виндельбантом и Риккертом в конце XIX в., развития феноменологии и философской герменевтики в начале и середине XX в. ведет отчет неклассическая парадигма правового мышления. Ее можно назвать иррационалистической парадигмой правового мышления, но только в том случае, если иметь в виду ее негативное отношение к модернистскому, классическому идеалу научной рациональности и критическую позицию по отношению к вере в научный разум, свойственную Новому времени. Последовательный анализ научного мышления в ходе творческой работы ученого, изучение процессов генезиса научного знания показал обусловленность научно-теоретической деятельности факторами субъективного характера.

Для социально-гуманитарного знания трудно представить себе созерцательный объективизм, так как познающий субъект является частью познаваемого объекта (общества). В связи с тем что поиск объективной истины в ходе научного познания становится в социогуманитарных науках не представимым, а предпосылочное знание определяется внутренним миром познающего субъекта, на первое место выходят вопросы допредикативных структур сознания в виде социокультурных, научно-прикладных, прагматических, психологических и иных факторов и интересов

субъекта. В условиях современного интереса к культурно-цивилизационному подходу к праву неклассическая теория познания, в которой мышление рассматривается прежде всего как процесс смыслообразования или понимания, протекающий в единстве различных видов познания — чувственного, интуитивного и рационального, более адекватна. Этот вывод вовсе не ведет к полному социально-конструктивистскому отрицанию объективности права, ведь правовое мышление все же познает именно право, но он акцентирует внимание на сложности эпистемологической природы правового мышления и позволяет осознать допустимость различных теорий права, раскрывающих те или иные грани его. В связи с тем что интуиция сущности права зависит от глубинных идей о сущности общества, предопределяя результат, исследователь, постигая право собственным опытом, склонен видеть в нем или нечто принудительное, или духовное, или психологическое, или естественное и т.п. Поэтому каждый подход к праву являет собой одновременно и метод его постижения. Каждый метод, например социологический, исторический или юридический, выхватывает какую-то одну сторону государства или права, в то время как сущность этих явлений всегда остается до конца не познаваемой — «вещью в себе». Целое и полное знание о праве достижимо в результате совокупного применения этих понятий и исследовательских направлений.

Для исследования практического или правоприменительного правового мышления крайне актуальны идеи Канта об иррациональном характере подведения под правило конкретной жизненной ситуации. В этом процессе особенно ярко проявляют себя ограниченность логики и оценочный характер правового мышления. Подведение случая под правило при наличии полного соответствия между ними Кант относил к простейшей форме познавательной способности человека — рассудку. Рассудок применим только в тех ситуациях, когда признаки, описанные правилом, полностью обладают характером определенности. Однако если правило включает в себя оценочные признаки или являет собой абстрактную общую норму, то здесь от мыслящего требуется творческая «способность суждения» для сопоставления нормы и случая, общего и частного, абстрактного и конкретного. В таком подведении нормы и случая лежит сложный творческий мыслительный процесс, в котором переплетаются и дискурсивные, и оценочные мыслительные акты. В условиях поиска модели электронного судьи на основе ИИ становится очевидным, что нельзя модель правового мышления строить по аналогии с мышлением математическим.

С.В. Липень, профессор кафедры теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук. *К 300-летию И. Канта: три эпохи правопонимания*

Указ Президента РФ от 20 мая 2021 г. № 300 «О праздновании 300-летия со дня рождения И. Канта» актуализировал внимание к кантовским идеям со стороны представителей всех направлений отечественной гуманитарной культуры. Естественно, юристы здесь не могут оставаться в стороне, тем более что Кант является знаковой фигурой в развитии политико-правовых доктрин. Его учение, по сути, обеспечило переход от договорных концепций XVII–XVIII вв. к либерализму XIX в. и во многом способствовало созданию современного облика государственно-правовых теорий, основанных на гуманистических ценностях и лежащих в основе современного конституционализма.

Правопонимание И. Канта также имеет не только конкретно-историческое, но и общее значение. Оно органично встроено в его общую философско-правовую картину мира и подчинено утверждению свободной личности как основного субъекта нарождающегося буржуазного строя. Временем Канта, последними десятилетиями XVIII в., оканчивается первая эпоха правопонимания, которая характеризуется тем, что понятие права чаще всего не представляло самостоятельной проблемы и давалось в связи с необходимостью того или иного решения общих вопросов политического строя, правовой системы, источников права, их толкования и применения. Научные дискуссии по вопросам понятия права в целом не носили системного характера и не велись в режиме реального времени.

Второй эпохой в развитии взглядов на понимание права как на самостоятельную проблему является, по нашему мнению, XIX — середина XX в. Для французской традиции имеют значение годы, предшествовавшие принятию Кодекса Наполеона, когда отрабатывалась нашедшая отражение в этом документе концепция источников права. Более значимое явление — возникновение в германской традиции исторической школы права, сторонниками и оппонентами которой начали активно обсуждаться различные аспекты понимания права, источников права, развития права и законодательства. В середине XIX в. концептуализируются идеи юридического позитивизма, в последние десятилетия века все активнее заявляют о себе сторонники социологических подходов к правовым явлениям, в начале XX столетия оформляется социологическая школа права, появляется оригинальная психологическая теория права, возрождается естественное право, которое получает для своего развития мощный импульс после Второй мировой войны. Для второй эпохи правопонимания, эпохи «сражающихся теорий» (если можно так выразиться, по аналогии с эпохой Сражающихся царств из истории Китая), характерны активные научные дискуссии между представителями разных подходов. Для любого видного ученого сохранять нейтралитет чаще всего не представлялось возможным, следовало быть сторонником одного из подходов к пониманию права и критиковать оппонентов.

Примерно с последней трети XX в. начинает утверждаться интегративный подход, который знаменует начало третьей эпохи в развитии идей правопонимания. Представители интегративного подхода утверждают, что в каждой теории есть свое рациональное зерно, которое может быть использовано в построении общей концепции. Таким образом, можно преодолеть крайности позитивистских, социологических, естественно-правовых подходов и ориентироваться на синтетическое понимание права. Возникновение интегративных подходов представляется закономерным процессом, поэтому в целом внеисторичны попытки, предпринимавшиеся в отечественной юридической науке, объявить этот подход ненаучным («интегративное непонимание права»). Иное дело, что разные авторские варианты интегративного правопонимания могут нуждаться в уточнении и в усилении аргументации.

В заключение отметим, что понятие права должно формулироваться в соответствии с признанной в той или иной правовой системе концепцией источников права. Не стоит рассматривать правопонимание и систему источников права как две самостоятельные и разные проблемы. Источники права, признаваемые в данной правовой системе, и составляют право. Такой взгляд ориентирует и на то, что правопонимание в рамках каждой правовой системы будет иметь свои особенности. К констатации этого пришли

и популярные в последние десятилетия попытки составлять индикаторы верховенства права и выводить на этой основе рейтинг стран — «каждая страна демонстрирует, по сути, собственную модель верховенства права, равно как и модель правовой системы, модель демократии, модель конституций»⁶. В этом состоит отличие современных подходов от теории Канта, который в традициях немецкой классической философии стремился дать именно универсальное, общее понятие права.

В.М. Дуэль, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. *Свобода и право в философии И. Канта*

Философия Иммануила Канта строится на антиномиях чистого разума. В этой связи философ противопоставляет категории разум (Vernunft) и рассудок (Verstand), феномен и ноумен, вещь в себе самой (Dingansich) и вещь для себя самой (Dingfürsich) и т.д. Для нашего исследования важным представляется анализ сущности соотношения категорий «свобода» и «право».

Согласно взглядам Канта, свобода относится к ноуменальному порядку, ее суть не может быть постигнута с теоретической точки зрения, поскольку свобода — это своего рода вещь в себе, и она не относится к миру реальных объектов, как это случается в мире феноменов. Между тем анализ воли, осуществленный исходя из постулатов практического разума, свидетельствует о том, что только концепция свободного, ноуменального субъекта может стать основанием морали, т.н. морального законодательства.

Человек является себе самому как феномен, будучи предметом реального мира. Он познает свое тело, анализирует свойственные ему психические переживания и пр. и выражает их в априорной форме, как и другие данные, полученные в результате чувственного опыта. В то же время человек как ноумен для себя и для других — непознаваемый объект. Однако, возвращаясь к максимам практического разума, можно смело констатировать, что только признание основоположений практического разума о введении предпосылок свободного, ноуменального человека может стать предпосылкой морали и моральных прав. Здесь мы сталкиваемся с проблемой автономии воли применительно к вопросам нравственности, которая на философском уровне была исследована Кантом в работе «Критика практического разума». Согласно ему, автономия воли есть высший принцип нравственности. Автономией воли может обладать только свободный человек. В связи с этим, следуя идеям великого философа, можно сделать вывод о том, что если бы мы ограничились только анализом человека как феномена, то у нас не было бы возможности увидеть реальные пути построения морали как разновидности нормативной системы.

Поведение человека как венца природы детерминировано различными причинами и обстоятельствами. Только в ноуменальной перспективе человек может быть свободен от внешних стеснений, как это предполагает тот же практический разум. Следовательно, посредством постулатов практического разума преодолеваются антиномии теоретического разума. Наукой добродетели Кант называл решение

⁶ Чиркин С.В. Современные подходы к конструкции верховенства права [гл. VI] // Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / под ред. Т.Я. Хабриевой, А.Я. Ковлера. М., 2024. С. 173.

проблемы соответствия поступков человека требованиям категорического императива. Согласно указанной позиции, оценка собственных поступков, совершаемых человеком, зависит от него самого. Из определения свободной воли становится понятным то, что ни один внешний авторитет не может заменить человека в этой роли.

Кант рассматривал человека не только в качестве noumena, но характеризовал его еще и как феномена. В этом смысле люди, будучи феноменами, отделены друг от друга. Иными словами, благодаря разуму мы, по Канту, можем открыть у человека такое его свойство, как свободная воля, но при этом человек остается венцом природы, руководимым в своих действиях естественными влечениями и склонностями. Отсюда возникает необходимость положительного права, которому имманентно присущ принудительный характер. Если бы человек был полностью и исключительно разумным, если бы он всегда руководствовался законами разума, право, основанное на применении принуждения, было бы излишним. Нормы, являющиеся результатом внутреннего, связанного с практическим разумом законодательства, он называл естественным правом, а право, создаваемое государством для регулирования сферы внешних человеческих деяний как феноменов, — позитивным правом, которое он определял следующим образом: «поступай так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом»⁷.

Концепция позитивного права представлена Кантом в работе «Метафизика нравов». Можно смело заметить, что это была одна из наиболее значимых попыток в философии права обоснования сути позитивного права на рационалистических теоретико-познавательных основаниях.

Л.В. Лукьянчикова, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления ИГСУ РАНХиГС, д-р юрид. наук, канд. ист. наук. *Неокантианцы о демократии и перспективах ее осуществления в России*

Обращение к наследию И. Канта справедливо является актуальным трендом общественного сознания в связи с постоянным запросом социума в отношении идеи свободы личности, поиска компромисса между индивидуальным и коллективным, а также определения роли и места нравственных начал в праве и государстве. Достояние великого философа представляет особую значимость и в том, что его идеи получили развитие в трудах его последователей. В русской философии права второй половины XIX — первой половины XX в. неокантианской направленности проблемам поиска общественного идеала, связанности государства правом, правового государства, основой которого выступает самодостаточная личность, уделялось большое значение⁸. Особенно интересны в этой связи воззрения отечественных представителей неокантианства касательно «зрелости» демократии и ее «будущности» в России. Демократия в целом представлялась как синтез, установивший подвижное равновесие между взаимно друг друга восполняющими и видоизменяющимися элементами, такими как народодержавие, равенство и свобода личности, ставящая предел власти.

В основу концепции демократического правового государства неокантианцев был также положен принцип суверенитета права, поскольку между демократией и правом, указывали они, существует органическая связь; демократия и право — две стороны одного явления, а квинтэссенцией демократии выступает социальное право. Констатировалось, что если демократии суждено погибнуть, то и право испытает глубочайший регресс своего влияния в общественной жизни (Г.Д. Гурвич⁹).

Учитывая специфику политической и социокультурной модернизации, начавшейся в России с периода «Великих реформ» и продолженной ограничением монархии в начале XX в., мыслители отмечали положительную динамику развития демократии, конституционное начало получило совершенно определенное и отчетливое выражение. Большие надежды возлагались на то, что в дальнейшем последует установление подзаконности правительственной и судебной власти при верховенстве власти законодательной, обеспеченной всеобщим избирательным правом; повсеместное введение местного самоуправления; закрепление прав и свобод граждан и правовых гарантий, их обеспечивающих (В.М. Гессен). По-своему интерпретируя идеи немецкого философа, учеными подчеркивалось при этом, что реализацию ряда мероприятий по демократизации России следовало проводить с учетом сложившихся национальных традиций.

Становление советской власти, сопряженное с Гражданской войной и угрозой существования самого государства, придало исследованию проблемы демократии в России новый импульс. Доминирующей тенденцией воззрений неокантианцев в первой четверти — половине XX в. явились идеи социальной доктрины, основанием которой стала отечественная культурная традиция. К русской самобытности относилось нравственное и соборное единство, проникнутое началами православной религии. Подлинным идеалом демократии в этой связи являлось «смирненное служение, определяемое верой в непреходящий смысл национальной культуры» (С.Л. Франк); а постепенное приобщение «русского мужика» к политической деятельности в рамках православной культуры позволило бы избежать потенциальной опасности разрушения исторической российской государственности (Н.Н. Алексеев, П.Б. Струве). Такой подход отлично гармонизировал с кантовской философией, поскольку либеральное правовое государство целиком построено на христианской этике, на идее абсолютной ценности индивидуальной и всеобщей свободы (Б.П. Вышеславцев¹⁰).

Перспективы развития демократии сторонники неокантианского учения видели в ее многоплановости и универсальности, начиная от того, что демократия станет хранительницей идеальных и духовных запросов нации, до того, что выступит процессом «непрерывной правоорганизации народов». Данное явление также увязывалось с упрочением социализма, поскольку подлинная демократия есть демократия хозяйственная, способная предоставить социальные и материальные блага (Б.П. Вышеславцев, Г.Д. Гурвич, П.И. Новгородцев).

Однако подобные перспективы развития в России делились мыслителями по-разному; государство диктатуры пролетариата вызывало у подавляющего их большинства

⁷ Кант И. Метафизика нравов. М., 2007. С. 75.

⁸ См. об этом подр.: Фролова Е.А. Методология неокантианской философии права: переход от «должного» к «сущему» // Государство и право. 2023. № 4. С. 42–49.

⁹ См.: Гурвич Г.Д. Будущность демократии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 1.

¹⁰ См. об этом подр.: Лукьянчикова Л.В. Вопросы народовластия в политико-философской мысли русского зарубежья // Право и государство: теория и практика. 2010. № 12 (72). С. 144–148.

большие опасения в плане демократических начал. В одном случае возврат к нормальному типу политической демократии на основе общегражданского представительства был возможен только в посткоммунистической России. Причем отмечалось, что актуальной будет борьба за традиционные формы политической демократии, территориальный федерализм и зародыши новых форм хозяйственной и национально-культурной демократии (Г.Д. Гурвич). В другом — предусматривалась государственная система с прочно огражденной свободой лица и сильной правительствующей властью (П.Б. Струве). В третьем случае российская будущность представлялась синтезом ценностей двух эпох, с созданием сильной и внутренне органичной общественной системы, способной выдержать любые потрясения, т.е. православным правовым государством, «которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде». Причем в этой роли рассматривалась и система советская, которая, несмотря на зигзаги и крупные издержки, в конечном счете могла стать носительницей вековых русских идей и традиций (Н.Н. Алексеев).

Сторонники неокантианского учения были едины в том, что упрочение демократии в России требует развития общественного правосознания, воспитания уважения к праву, так как демократия представляет необходимый и единственно возможный путь для его реализации. Такой подход сегодня для нас имеет большое значение, значимым он останется и в дальнейшем, поскольку является необходимым условием существования гражданского общества и правового государства.

Т.Р. Орехова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Некоторые замечания о правовом содержании понятия «уважение»

Юбилей со дня рождения Иммануила Канта, который мы отмечаем в условиях конфликта (или даже противостояния) России и стран Запада, в котором проявляется в том числе несовпадение позиций политических, культурных, нравственных, духовных и т.д., можно рассматривать как повод поговорить о современности и об универсальности сформулированных Кантом идей.

Конфликт все больше приобретает цивилизационный и мировоззренческий характер. На наших глазах происходит выхолащивание, казалось бы, незыблемых понятий — свобода воли, достоинство личности, права человека и др., подмена их содержания в нормативном регулировании на уровне стран и международных организаций принципами пост- и трансгуманизма. Именно это привело к тому, что Российское государство в целом, общество и практически каждый человек предпринимают попытки определиться в точных формулировках наших исконных традиционных ценностей.

Исходя из задач, которые стоят ныне перед Россией, уместно напомнить о том, что в системе ценностей Канта важное место занимали достоинство личности, уважение и самоуважение личности, и попытаться определить место этих понятий в российском законодательстве.

С одной стороны, правовое значение понятия «уважение» в законодательстве, как правило, определяется через негативные формулировки «проявление неуважения» или «явное неуважение», — именно таким образом это понятие закрепляется в нормах уголовного

и административного законодательства¹¹. Если же обратиться к пониманию уважения в социологическом смысле, опираясь на его психолого-филологическое содержание, то станет понятно, что уважение — это не все то, что не рассматривается как «неуважение», право не может отражать все его аспекты, поскольку уважение есть внутреннее убеждение, чувство, положительное отношение, которое невозможно регулировать с помощью правовых норм.

С другой стороны, законодатель определяет необходимость уважения в семейных правоотношениях, между участниками образовательных отношений, в процессе труда и т.д., т.е. в нормативном порядке ориентирует общество на определенные этические нормы коммуникации. При этом возможное неуважительное поведение здесь не описывается в правовых нормах, находится за пределами правового регулирования¹².

Сегодня много пишут о ситуациях абьюза, троллинга, буллинга, «токсичных отношений» в разных коллективах и группах. Очевидно, что в основе этих явлений лежит факт отсутствия в сознании людей ценности абсолютно любой личности независимо от ее вклада в развитие общества, трудовых успехов, научных или спортивных достижений. Понятно, что уважение в социологическом смысле как внутреннее субъективное отношение индивидов к кому-либо основывается так или иначе на их субъективных оценках актов поведения либо общественной деятельности и не может быть одинаковым для всех членов сообщества. Но высоко оценивая вклад выдающихся граждан России, мы не должны умилять при этом достоинство «маленького человека», проживающего свою жизнь «в тени». Поэтому можно, вероятно, говорить о двух уровнях уважения человека: 1) уважение человека как такового, как равного существа; 2) уважение человека за достигнутые результаты — заслуги, наличие должности, статус в обществе и т.п. Именно первое требует воплощения в праве и особой правовой защиты.

Отметим, что прививавшийся в нашем правовом лексиконе термин «толерантность» не является синонимичным «уважению». Толерантность (терпимость, привыкание) все же больше ориентирована на внешние модели поведения, не направлена на формирование иных установок сознания, а предполагает лишь корректировку моделей поведения. Сегодняшние реалии требуют от юридической науки поиска таких правовых конструкций, которые обеспечивали бы стимулирование правомерного, уважительного и достойного поведения не через навязывание внешних форм, хотя это и формирует привычное поведение, а через воспитание, закрепление в правовых нормах этических идеалов и механизмов их защиты.

Т.В. Власова, заместитель зав. кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук, доц. Формирование идеи правового государства в философии права И. Канта

Исследование проблем правового государства будет неполным без обращения к трудам И. Канта. Несмотря на то что философом не представлено целостно

¹¹ Именно так сформулированы нормы Уголовного кодекса РФ о неуважении к суду, оскорблении памяти усопших, верующих, военнослужащих, т.н. закона о явном неуважении власти 2019 г. и др. В этом контексте наполнение понятия «уважение» определяется поведением субъекта права, которое оценивается через призму нарушения установленных норм права, т.е. «от обратного».

¹² Это широко обсуждающиеся и наносящие большой вред здоровью и комфортному существованию людей проявления грубости в отношениях на работе и в семье, практики унижения и подавления в образовательной среде и т.д.

организованной концепции, он по праву считается одним из основоположников доктрины правового государства.

Являясь сторонником теории общественного договора, рассматривая при этом договор как «идею разума», Кант сформулировал собственное понимание гражданского устройства как отношения между свободными людьми, которые подчинены принудительным законам. Гражданское состояние, характеризуемое им как правовое, основывается на принципах свободы каждого члена общества, равенстве с другими, самостоятельности каждого как гражданина. Именно эти начала, по мнению ученого, позволяют создать государство «в соответствии с исходящими из чистого разума принципами внешнего человеческого права вообще»¹³ и предопределяют право народа на создание законов, которые выражают его интересы.

Значительное внимание в трудах И. Канта уделяется исследованию человека, общества, государства. По мнению философа, человек одновременно свободен и несвободен, принадлежит к миру познаваемого и миру непознаваемого («вещей самих по себе»). Люди равны и должны иметь возможность благодаря своим талантам и упорству, не сталкиваясь с противодействием от иных лиц, достигнуть более высоких ступеней в обществе, чем те, на которых они находятся. Совершая поступки, человек должен понимать, что они могут стать общими правилами поведения. В основе наших деяний должно лежать субъективное осознание объективных последствий, в том числе понимание того, насколько поведение одного человека будет согласовано с интересами другого, сможет ли оно стать общим мерилем.

Определяя государство как объединение множества людей, подчиненных правовым законам¹⁴, ученый не обходит вниманием и вопросы организации государственной власти. И. Кант является сторонником объединения власти в трех лицах: верховной власти, олицетворяющей суверенитет и действующей в лице законодателя; исполнительной власти, действующей в лице правителя, правящего согласно закону, осуществляющего управление и имеющего право принимать постановления (суть подзаконные акты); судебной власти в лице судьи, в том числе суда присяжных. Философ характеризует законодательную власть как воплощение объединенной и согласованной воли народа, отмечая при этом, что не все, а только обладающие гражданской самостоятельностью лица могут законодательствовать. Данное ограничение сочетается у него с провозглашением свободы и равенства людей. Формулируя «триединство» власти, Кант определяет основы ее функционирования: власти действуют в координации и субординации, не узурируя функции друг друга, предоставляя подданным их права. Такая организация власти способствует достижению блага в государстве — «высшей степени согласованности государственного устройства с правовыми принципами, стремиться к которой обязывает нас разум через некий категорический императив»¹⁵.

Исследование права в трудах И. Канта осуществляется в соотношении с моралью, свободой, долгом. Право, по Канту, относится к феномену (познаваемому), так как наш разум создает право и он же его познает. Право воплощается в законодательстве, системе законов, изданных для народа. С объективной стороны оно представляет

«совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»¹⁶. Критерием соответствия закона ожиданиям людей выступает ответ на вопрос: принял бы народ такой закон для себя?

Философ утверждает, что в праве сочетаются всеобщее взаимное принуждение и свобода каждого. Законодатель обязан издавать свои законы так, «чтобы они могли исходить от объединенной воли целого народа»¹⁷. Критерием правового закона, позволяющим отделить его от неправового, по мнению Канта, выступает категорический императив, который гласит: «Поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона»¹⁸. Право представляет внешнюю форму выражения взаимных прав и обязанностей лиц, оно позволяет соотносить свободу одного со свободой другого в согласовании со всеобщим законом свободы.

Уделил внимание Кант и необходимости обеспечения свободы пользоваться публично своим разумом, позволяющей расширять познания, двигаться вперед, которую он также проецировал на государство и право, отмечая, что революция может устранить угнетение, но не осуществит «истинную реформу образа мыслей», а отказ от просвещения — нарушение прав человечества. Придя к выводу, что живет в век Просвещения, философ считал правильным решением для главы государства позволить подданным критиковать существующее законодательство и излагать свои мысли относительно его лучшего составления¹⁹.

Сформулированные И. Кантом идеи не были оформлены в единую завершенную концепцию правового государства, но впоследствии нашли выражение в трудах многих, в том числе немецких (К. Велькера, Р. фон Моля и др.) философов, и стали основой для формирования либеральной концепции правового государства.

М.А. Беляев, доцент кафедры теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. филос. наук.
Динамический характер понятия права и немецкая классическая философия

Чем более детально разработанной оказывается та или иная философская система, тем большим своеобразием наделяются все понятия, входящие в нее, даже если они первоначально вырабатывались для иных, более прикладных целей за пределами собственно философского интереса. В полной мере это характерно для представлений о праве в кантовской и гегелевской философии. Не случайно речь идет о стартовой точке развития немецкой классической философии и ее вершине, так как именно здесь можно наблюдать совокупную эволюцию представлений о человеке, обществе, государстве. Понятие права, данное И. Кантом, опирается на всеобщий закон свободы как нечто самодостаточное и самодостовренное с точки зрения разума. Если исключить эту универсальную понятность всеобщего закона из определения права, оно закономерным образом превращается в формальную конструкцию и по ценности ничем не отличается от приказа суверена (Дж. Остин). Если же сохранить этот атрибут, то перед кантовским определением можно поставить несколько вопросов эпистемологического

¹⁶ Там же. С. 139.

¹⁷ Там же. С. 87.

¹⁸ Там же. С. 133.

¹⁹ См.: Кант И. Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1966. Т. 6. С. 25–36.

¹³ Кант И. Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 79.

¹⁴ См.: там же. С. 233.

¹⁵ Там же. С. 234–240.

свойства: во-первых, следует ли считать ошибкой различие между субъектами в понимании содержательной стороны политико-правовой всеобщности, во-вторых, если да, то какими средствами и в какой степени такая ошибка может быть скорректирована, в-третьих, каков характер аргументов, апеллируя к которым, можно добиться такой корректировки? Любое затруднение в ответе на данные вопросы снижает идейную привлекательность кантовского определения права и порождает сомнения в пригодности исключительно формального подхода. Однако, как впоследствии стало ясно благодаря Г. Гегелю, проблема определения права, которую необходимо как-то решить в рамках целостной концепции, состоит отнюдь не в формальности, а в номинализме, положенном в основу социальной онтологии в варианте Канта. По-видимому, для новоевропейской философии номинализм выступает ведущим направлением в метафизике, чье влияние простирается далеко за пределы дискурса об универсалиях, тем более что для политико-правовых дискуссий тема универсалий преломляется наиболее конкретно в образах гражданина (политического атома) и государства (конгломерата атомов без собственной сущности). Если предположить, что всеобщий закон свободы, или категорический императив, должен быть предметом взаимного признания, а это необходимое условие для превращения формального определения права в действительное, то возникает проблема примирения противостоящих друг другу толкований свободы, свойственных индивидам-гражданам. Естественно, кантовский проект (что явно выражено в трактате «К вечному миру») предполагает возможность институционального строительства, в результате которого всеобщая разумность, данная человеку от природы, может быть делегирована на уровень институтов, в том числе государства. Однако это будет та же самая по содержанию разумность, любые отклонения от которой скрыто или явно порицаются. Реальное же устройство политики весьма далеко от номиналистической модели.

Гегель, постулируя идею права как наличное бытие свободной воли, демонстрирует категориальную связь права с государством. В его философской системе номинализм не устраняется до конца, но отчасти преодолевается переключением внимания с носителей воли на условия ее развертывания и бытования. В известной триаде «семья — гражданское общество — государство» именно государство выступает специфическим субъектом, поскольку, с одной стороны, у него наличествует собственное идейное содержание и автономное целеполагание, с другой — оно выступает условием полноценного существования и семьи, и гражданского общества. Если говорить в терминах метафизики, то Гегель в понимании государства находится где-то посередине между платонизмом и номинализмом. Вся гегелевская политическая триада и есть не что иное, как определение права в развернутой его форме. С философской точки зрения это означает, что некоторые существенные признаки права могут быть доступны субъекту благодаря персональной интуиции, другие — раскрываются только в актах взаимного признания, т.е. требуют коммуникации, а третьи, очевидно, всецело зависят от той итоговой политической конфигурации, в которой понятие права завершает свое становление. Иными словами, гегелевское понятие права, формально сохраняя приверженность критерию субъективной воли, отличается от кантовского открытостью и историческим характером формирования и проявления отдельных атрибутов. Данное обстоятельство делает гегелевскую формулировку более удачной с точки зрения эпистемологии, оставляя тем не менее возможности для онтологически ориентированной

критики Гегеля (что и предприняли впоследствии Л. Фейербах и К. Маркс).

Как бы то ни было, заслугой двух великих немецких мыслителей — Канта и Гегеля — остается разработанная ими конструкция сопряжения в единой дефиниции формальных и содержательных сторон социального порядка, раскрытие которых мышлением в новых исторических условиях должно осуществляться всякий раз заново.

А.В. Пищулин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Правопонимание: практический смысл

Обращаясь к известному высказыванию Канта о том, что юристы до сих пор ищут свое определение права, которое стало в известном смысле крылатым, можно утверждать, что оно до сих пор не утратило своей актуальности. О правопонимании как о фундаментальном вопросе теории государства и права юристы рассуждают постоянно, и скорее всего какие-либо однозначные ответы на него вообще не могут быть найдены. Проблема правопонимания может рассматриваться как вечная, и всего лишь можно делать все новые и новые попытки анализировать его. Плюрализм правопонимания обусловлен целым рядом факторов²⁰.

К теоретико-методологическим проблемам правопонимания ученые тоже обращаются довольно давно, однако зачастую рассматривают исключительно в теоретическом ключе, что обосновывают самой спецификой предмета обсуждаемой науки. Такая точка зрения, безусловно, имеет право на существование, однако нельзя не учитывать, что помимо теории государства и права существуют и другие отраслевые науки, а также юридическая практика. Отрыв проблематики правопонимания от отраслевых наук и порой явное нежелание юристов-теоретиков задумываться о практических аспектах правопонимания образует явный мировоззренческий разрыв между теорией государства и права и остальной юридической наукой и тем паче возводит стену непонимания между юристом-практиком и теоретиком. Концепции правопонимания, школы права, оторванные от всего многообразия правовой жизни, вполне цинично, но и отчасти резонно можно упрекнуть в том, что они являются специфической кабинетной философией. Действительно, погружаясь в интеллектуальный лабиринт некоторых типов правопонимания, зачастую появляется беспочвенность: а какое отношение это имеет к реальной практике? А в том случае если тот или иной способ рассуждения о правопонимании не соответствует реально существующей практике или не может быть воплощен на практике, то какую функцию в рамках развития теоретико-правового знания он выполняет?

Из разговоров с юристами-практиками зачастую становится вполне ясно, что они порой даже не задумываются о вопросах, связанных с правопониманием. Это вряд ли означает, что теоретики государства и права должны впасть в некую другую крайность и от сугубо теоретических рассуждений перейти в противоположное: выстраивать свои рассуждения о правопонимании исключительно на потребу юридической практики. Представляется, что нужно

²⁰ 1. Оно стоит на стыке правопонимания и других социальных наук и так или иначе отражает все новые мировоззренческие проблемы социальных наук в целом. 2. Оно серьезно погружено в культурный контекст того или иного общества, а в свою очередь, этот культурный контекст столь вариативен, что попытки привести правопонимание к единому знаменателю заранее обречены на провал.

найти в этом случае золотую середину. Не забывая о сугубо теоретико-правовых вопросах правопонимания, все же необходимо думать о том, как практически может воплощаться теоретико-правовая модель той или иной концепции правопонимания. Особенно серьезно встают эти вопросы перед т.н. новыми подходами к праву (например, перед коммуникативной школой права или постклассическим подходом).

Правопонимание должно системно анализировать не только признаки права, но и источники права, систему права, правоотношения, правосознание и реализацию права, т.е. охватывать как сугубо теоретические, так и практические вопросы. При таком подходе ту или иную школу права можно считать имеющей научный потенциал. Попытки же абстрактно рассуждать о праве, используя понятийный аппарат, далекий от теории государства и права, как раз и приводят некоторых авторов к выводам, весьма далеким от юридической практики.

О.М. Караташ, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. Категорический императив И. Канта и этико-правовые аспекты правдивости и обмана

В период глобальных изменений в мире важно более усиленно осмысливать наследие великого философа, идеи которого возвышают, нацеливают общество и индивидов на совершенствование, взывая к исполнению нравственного долга. Поступки согласно автономии воли человека как свободной воли можно оценить с точки зрения нравственности. Мы должны поступать так, как указывает нам нравственный закон, и он должен иметь силу для каждого независимо от всех субъективных различий. В соответствии с категорическим императивом Канта каждое разумное существо есть цель сама по себе. Данное правило запрещает обращаться с человеком как с вещью, в том смысле, что не позволяет быть одному лицу принадлежностью другого.

Нравственные законы основаны на автономии воли, делают поступок долгом, включая в себя внутренние мотивы поступка (идею долга). На этом основании мы можем разграничить этическое законодательство и юридическое законодательство. Кант сформулировал похожий на принцип морали всеобщий правовой закон так: «поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом»²¹. Отдельный интерес с точки зрения права и морали представляет императив, согласно которому человек не должен лгать. Это требование необходимо соблюдать, так как если ложь станет всеобщим поведением, то люди перестанут верить друг другу, и договоренности станут излишними. Несоблюдение требования не лгать нарушает нравственный закон, повелевающий смотреть на каждого человека как на цель, поскольку человек, действующий путем обмана, относится к другому как к средству для достижения своей цели.

В короткой статье «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (1797) Кант поясняет, что неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе. Ложь всегда вредна кому-нибудь и может повлечь юридическую ответственность, какие бы добрые намерения не имел при этом лжец. Философ не допускает добродушную ложь и полагает, что нельзя лгать, даже если злоумышленник спрашивает, дома ли тот, кого он задумал убить. Невозможно быть уверенным в том, что ложь окажется спасительной, поэтому

нужно неуклонно следовать требованию категорического императива и говорить правду. Кант делает акцент на правдивости в показаниях, тем самым подчеркивая возможность наступления юридических последствий.

Обман или ложь в общественной жизни могут проявляться в разных формах: обман стороны в сделке, обман потребителя, подделка документов, фальсификация доказательств, мошенничество, служебный подлог, плагиат, фейки и др. Полного запрета на обман в законодательстве не сформулировано. Как в этическом, так и в правовом аспекте обязующая сила нормы «не лги» исходит из того, что основанное на обмане общество немислимо, а правдивость обеспечила бы мир на вечные времена.

Обязанность говорить правду, по Канту, нужно исполнять безусловно по отношению ко всем возможным лицам, в том числе к тем, которые сами не говорят правду. Человек, действующий путем обмана, относится к другому как к средству для достижения своей цели, в результате чего нарушается категорический императив. Субъекты правотворчества не берут за основу кантовский императив и только в определенных случаях предусматривают в нормах права юридические последствия обмана. Отдельное внимание вызывает обман или ложь в суде, когда имеющая значение информация по делу полностью или частично не соответствует действительности.

Ложь и обман отдалают нас от реальности и нравственных принципов в современном бурно меняющемся мире, и в этом смысле учение Канта представляется как побуждение для каждого обратиться к своему нравственному сознанию и быть правдивыми. Идеи Канта нуждаются в дальнейших исследованиях философов, правоведов, психологов, педагогов, политологов и др. Кант исполнил свой долг перед человечеством, воспринимая его идеи, можно совершенствоваться и доверять большему количеству лиц.

М.А. Белова, доцент кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. Категория «идея права» в учении И. Канта и в неокантианстве Германии

Исследуя этапы развития категории «идея права» в учении И. Канта, следует отметить, что в первой части главного труда мыслителя по философии права «Метафизика нравственности» «Метафизические начала учения о праве» понятие «правовая идея» (Rechtsidee), или «идея права» (Idee des Rechts), не упоминается (в отличие от таких понятий, как «идея государства» (Idee des Staates) или «идея конституции» (Idee der Staats Verfassung).

«Идея права» впервые появляется в небольшом, довольно популярном философском труде «О вечном мире» (1795). В неопубликованных «Предварительных трудах по метафизике нравственности» (Vorarbeiten zur Metaphysik der Sitten) Кант формулирует понятие права следующим образом: «Право (формально) есть *идея*, которой не может быть дан в опыте соответствующий предмет»²².

Чтобы ответить на вопрос, почему Кант отказался от «идеи права», необходимо прежде всего указать на то, что различие между «понятием» и «идеей» было основополагающим для его философской системы. Понятие всегда косвенно относится к объекту восприятия, причем чистое понятие имеет свое начало только в рассудке,

²¹ Кант И. Метафизика нравов. С. 286.

²² Цит. по: Pfordten D. von der. Die Rechtsidee bei Kant, Hegel, Stammer, Radbruch und Kaufmann // Value Pluralism, Tolerance and Law / ed. Shing-I Liu, Taipei. Taiwan, 2004. S. 5.

а эмпирическое — также в чувствах. Лишь такая композиция чистых понятий, которая превосходит возможность опыта и как безусловное делает возможной совокупность условий, есть то, что Кант называет «идеями»²³. Идеи, в отличие от понятий, не связаны с опытом. Поэтому для Канта они ненадежны (сомнительны) с теоретической точки зрения, так как всякое познание предметов предполагает чувственное созерцание.

В 60-е годы XIX в. в Германии зародилось философское течение, развивавшее учение Канта в духе последовательного проведения в жизнь основных принципов его трансцендентально-критической методологии.

Что касается категории «идея права», для баденской школы неокантианства центральным было не понятие идеи, акцент был сделан на ценности. Согласно В. Виндельбанду, философия может продолжить существовать только как учение об истинных (универсальных) ценностях. «Теория ценностей» призвана стать новой фундаментальной философской наукой²⁴.

У Г. Риккерта термин «идея» хотя и возникает эпизодически, однако нигде не занимает центрального, независимого от термина «ценность» положения. Для Г. Риккерта, как и для И. Канта, «целостность реальности» есть «идея».

В «Философии права» Э. Ласка термин «идея» упоминается в связи не с правом как таковым, т.е. в контексте «идеи права», а только со справедливостью — как сочетание «идеи справедливости». В этой части труда Э. Ласк характеризует не связанное конкретно с автором «позитивное ценностное значение права», но отвергает любое единое (стандартное) определение справедливости²⁵.

В учениях представителей марбургской школы неокантианства в отличие от баденской понятие «ценность» не играло существенной роли, напротив, значительное влияние приобрело понятие «идея». В «Этике чистой воли» Г. Когена также упоминаются этические, или моральные, идеи, в одном месте даже встречается термин «идея права»²⁶. Но нельзя утверждать, что понятие идеи у Когена уже занимает центральное положение, сравнимое с понятием воли.

В ранних работах Р. Штамmlера идеи упоминаются, при этом признается также их влияние на формирование и оформление права согласно материалистическому пониманию истории, даже если их истоки восходят к материальным основам социальной жизни. Вместе с тем понятие идеи не получает какого-либо конкретного уточнения и не приобретает особого значения.

Однако ситуация меняется в монументальном труде Р. Штамmlера «Теория юриспруденции» (1911), где в разделе «Идея права» автор описывает идею права как «путеводную звезду» права и определяет ее следующим образом: «Мы называем идеей права для теории правоправления мысль об абсолютно действенном процедурном способе, единообразно управляющем всеми когда-либо возможными целями и средствами»²⁷.

Г. Радбрух в труде «Основы философии права» (1914) выдвигает тезис о том, что идея права является не только мерилем законности права, т.е. центральным элементом для оценки справедливости права на уровне правовой этики, но также становится существенной составляющей для теоретико-правового понятия права: «Право — это сущностное образование, служащее основанием и местом действия для правовой ценности, идеи права — всеми этими оборотами можно описать, что понятие права строго отличается от понятия правильного права и при этом может быть выведено только из него, и что, как было указано ранее, вопрос о понятии, не совпадая с вопросом о цели права, все же предreshен. Поэтому для того, чтобы определить положение понятия права в сфере культуры, сначала должно быть установлено место идеи права в мире ценностей...»²⁸.

В 20-е годы Радбрухом были опубликованы три сочинения, в названиях которых упоминалась «идея права»: «Идея права и правовая материя. Очерк» (1923/24), «Проблематика идеи права» (1924), «Классовое право и идея права» (1929). Необходимо отметить, что в немногих новых трудах, написанных после 1945 г., Радбрух явно избегал (по крайней мере терминологически) «идею права» и тезис о том, что понятие права может быть определено только со ссылкой на идею права. Теперь он анализирует соотношение права и справедливости. Так, в «Пяти минутах философии права» Радбрух пишет: «Право есть воля, стремящаяся к справедливости»²⁹.

Самый известный ученик Г. Радбруха А. Кауфман полностью не отверг формулировки и конкретизацию двух основных вопросов философии права как вопроса об идее права, однако он не продолжил развитие позиции о центральной роли идеи права, как это было в системе философии права его учителя. Кауфман ограничил «идею права» только практическим поиском справедливости права. Он разорвал связь между теорией права и правовой этикой, которую установил Радбрух через понятие «идея права».

Насколько можно судить, в дальнейшем из учеников Кауфмана никто не продолжил уделять центральное, как у Радбруха, или лишь сильно ограниченное, как у Кауфмана, внимание идее права. Таким образом, можно констатировать, что произошло фундаментальное изменение в отношении существенного теоретического элемента идеи права: стремительный подъем идеи права у Р. Штамmlера, Г. Радбруха, простое второстепенное и крайне ограниченное использование у А. Кауфмана и полное исчезновение у его учеников.

Можно предположить различные причины отказа А. Кауфмана от идеи права. Несмотря на то что изначально термин «идея права» не имел такого значения, с 20-х годов, как отмечает Д. Пфордтен, он стал ассоциироваться с возрождающимся неогегельянством³⁰. В то же время некоторые философы права, подчеркивающие мысль об «идее права», стали национал-социалистами (Р. Штамmlер, Ю. Биндер, К. Ларенц, К.А. Эмге). Таким образом, термин «идея права» был дискредитирован как неогегельянский и национал-социалистический. Кроме того, понятие «идея права» с его спекулятивно-аперсональными смысловыми элементами не обещало никакой помощи в поисках нового, наиболее устойчивого личностно-онтологического

²³ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Königsberg, 1781. S. 180.

²⁴ См.: Windelband W. Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. Altmünster, 2012. S. 564.

²⁵ Pfordten D. von der. Op. cit. S. 16.

²⁶ Cohen H. Ethik des reinen Willens. Berlin, 1904. S. 600.

²⁷ Цит. по: Pfordten D. von der. Op. cit. S. 20.

²⁸ Radbruch G. Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1914. S. 39ff.

²⁹ Radbruch G. Rechtsphilosophie. Studienausgabe. Heidelberg, 1999. S. 209.

³⁰ См.: Pfordten D. von der. Op. cit. S. 28.

основания права и справедливости. Для создания такого основания было более логичным обратиться к естественному праву, чем к понятию «идея права».

Т.С. Лесовая, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. *Интегративное правопонимание в отечественной юридической науке и практике*

Известное высказывание И. Канта о том, что «юристы и до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права»³¹, не теряет актуальность и в современный период. В настоящее время в научной литературе исследование природы и сущности права осуществляется на основе классических монистических подходов, в частности естественно-правового, позитивистского, социологического, материалистического и др., а также в рамках интегративного (синтетического) правопонимания. Формирование и развитие последнего из названных обусловливается необходимостью установления новых концепций при рассмотрении уже существующих, а также возникающих теоретических и практических правовых проблем, объективно требующих иного осмысления с целью дальнейшего развития как российской юридической науки, так и правотворческой, правоприменительной деятельности в государстве. В этой связи считаем справедливой позицию ученых, что все вышеназванные подходы к пониманию права «имеют равное право на существование»³² и важны для науки³³.

Интегративное правопонимание в определенной степени представляет собой объединение отдельных элементов классических монистических подходов, чаще всего юридического позитивизма, социологического и естественно-правового. При этом, например, Н.В. Евдеева отмечает, что интегративный тип правопонимания — это «принципиально новое, а не дополненное понимание права»³⁴. Плюрализм мнений относительно концепций, складывающихся в рамках рассматриваемого подхода, можно отметить не только в прошлом, но и на современном этапе развития юридической мысли. К сторонникам такого направления в настоящее время в России можно отнести В.В. Ершова, В.В. Лазарева, А.В. Полякова, Р.А. Ромашова, В.М. Шафирову и др.

Например, В.В. Ершов пишет, что право характеризуется в том числе «объективным синтезом различных типов правопонимания» и «объективируется в однородных правовых элементах — прежде всего принципах и нормах права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве»³⁵.

В научных работах В.В. Лазарева содержится авторское «рабочее определение» права, в котором прослеживаются идеи нормативного, естественно-правового и социологического подходов. Так, «это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой

нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношениях друг с другом»³⁶.

Следует отметить, что интегративное правопонимание имеет не только теоретико-методологическую, но и практическую значимость, поскольку полученные результаты научных исследований не представляют ценности без их практической реализации³⁷.

Представляется, что в целом дискуссии по вопросам, связанным с интегративной природой права, в большей степени носят положительный характер и приводят к углублению познания закономерностей его существования и развития. Достижения науки в исследовании данных проблем находят свое выражение и в учебной литературе, что, на наш взгляд, способствует получению обучающимися разносторонних знаний, формированию у них критического мышления, в будущем — успешному осуществлению практической деятельности.

З.В. Соломко, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. *Кант и неокантианство в марксистской перспективе*

Известна мысль Маркса о том, что Кант создал «немецкую теорию французской революции»³⁸. В силу экономической отсталости Германии эта теория отличалась умеренностью и противоречивостью, и философия права Канта в этом отношении особенно показательна: не случайно марксисты оценивали ее как самую слабую часть его философии³⁹. В кантовском учении о праве господствует не «метод исторического рассмотрения», а «метод догматического формализма»⁴⁰, должное противостоит и противоречит сущему, правовой идеал остается утопическим. «Рисуя... совершенный, из разума вытекающий правовой строй, Кант, — по замечанию И. Разумовского, — нередко сбивается на апологетику современных ему порядков»⁴¹, а тезис о свободе воли уживается с требованием безусловного повиновения существующей власти. Вместе с тем марксизм рассматривает учение Канта как «необходимый и весьма важный исторический этап философского и философско-правового развития»⁴². Кант расчищает почву этики

³⁶ Лазарев В.В. Поиск права // Журнал рос. права. 2004. № 7 (91). С. 13; Его же. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 27.

³⁷ Так, концепция интегративного правопонимания, разрабатываемая В.В. Ершовым, представляется практически ориентированной. Сформулированные предложения ученого могут быть использованы в правотворческой деятельности, поскольку позволяют ее субъектам проводить разграничение правовых с неправовыми регуляторами, рассматривать реально складывающиеся в обществе правоотношения в качестве правообразующих факторов, осуществлять конкретизацию права в целях достижения большей степени его определенности. В правоприменительной деятельности положения рассматриваемой концепции могут быть использованы при разрешении конкретного юридического дела, в котором субъект, осуществляющий ее, в случае установления пробела, например, применяет принципы права.

³⁸ Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 88.

³⁹ См.: Стучка П.И. Революционная роль права и государства // Стучка П.И. Избр. произв. по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 200.

⁴⁰ Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. М., 1925. С. 87.

⁴¹ Там же. С. 86.

⁴² Там же. С. 85 (сноска).

³¹ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. яз. М., 1999. С. 549.

³² Фролова Е.А. Методологический плюрализм правопонимания: проблемы теории и философии права // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3. С. 17–32.

³³ См.: Корнев В.Н. Монистические и интегративные (синтетические) теории обоснования природы государства и права // Росс. правосудие. 2017. № 5 (133). С. 27.

³⁴ Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 11.

³⁵ Ершов В.В. Регулирование правоотношений. М., 2020. С. 60.

и права от религии и старой метафизики, а априорные, выведенные только из «разума» элементы его социально-го идеала — это, как писал Э.В. Ильенков, попытка спасти идеалы Французской революции⁴³.

Исторически обусловленные заблуждения кантовской философии права преодолевались по мере того, как разветвлялась и прояснялась сама буржуазная форма общественной жизни. На смену кантовским поискам «источника суждений» о праве «в одном лишь разуме»⁴⁴ приходит осознание того, что право можно помыслить только как часть развивающейся «тотальности» общественного бытия, которая берется во всех ее конкретных противоречиях. Понятие самоопределяющейся «свободной воли» благодаря Гегелю уступает место понятию воли, диалектически вплетенной в трезво увиденное наличное бытие. И хотя за сложным процессом общественного развития у Гегеля в конечном счете стоит «абсолютный дух», гегелевская философия права с ее пристальным вниманием к конкретной целостности социального организма не оставляет места для выхолащенного дуализма сущего и должного.

Позднее происходит открытие основного детерминанта права — место «абсолютной идеи» занимает социальная материя. Воля, которая Кантом мыслилась как свободная, обрывает плоть производственных отношений и раскрывается как «возведенная в закон воля» господствующего класса, «содержание которой определяется материальными условиями жизни»⁴⁵. Марксизм вскрывает и истинную логику бытия социальных идеалов: они мыслятся в качестве предчувствия новых, более прогрессивных общественных отношений и одновременно как реальное движение, которое уничтожает наличное состояние — тем самым они обретают твердую почву в самом бытии, а не в одном лишь «разуме».

Без Гегеля и Маркса, а не только без О. Конта, не было бы «социологического поворота» в правопонимании конца XIX — начала XX в. Примечательно, что представители социологического правопонимания одну из главных задач науки права видели в преодолении неокантианских установок — «априоризма», дихотомии должного и сущего и того самого «догматического формализма». В этом отношении представляет большой интерес противостояние «социологов» и неокантианцев в дореволюционной российской теории права. Столкнувшись с реальностью российского периферийного капитализма, с тем, что правовые формы, так или иначе работающие в обществах классического капитализма, отторгались периферийным правом порядком, первопроходцы социологического правопонимания (С. Муромцев, Н. Коркунов, М. Ковалевский) стали настойчиво призывать к изучению права в контексте обуславливающих его социальных интересов, к изучению правоотношений в их реальной социальной обусловленности. Российские же неокантианцы, провозгласив лозунг «Назад к Канту!», по сути, ударились в идейный эскапизм и в лице некоторых теоретиков вернулись даже не к Канту, а к религиозным спекуляциям.

Попутно выяснялось, что возвышенные неокантианские идеалы вполне совместимы с защитой эксплуатации

и помещичьей собственности на землю⁴⁶. Критикуя этико-правовые взгляды Канта, классики марксизма писали, что центральное понятие его практической философии — «добрая воля», осуществление которой перенесено в «потусторонний мир», «вполне соответствует бессилию, подавленности и убожеству немецких бюргеров»⁴⁷. То же самое можно сказать и о тех слоях и силах дореволюционного российского общества, которые как за спасательный круг хватались за неокантианские правовые «ценности».

В сходном формате возродилось неокантианство, во многом своего рода стихийное, и в постсоветской теории права, где оно, по сути, служило и продолжает служить идеологическим прикрытием возрожденного периферийного капитализма⁴⁸. Именем Канта зачастую маскируется дело, глубоко чуждое наиболее ценным идеям его философии. Кант, как и любой выдающийся мыслитель, пытался честно решать главные проблемы своего времени — настолько это позволял сделать научный горизонт эпохи. Главной проблемой эпохи Канта было осмысление Французской революции и подготовка буржуазной революции в Германии, осмысление становящегося капитализма. И хотя Кант многие противоречия того времени не мог называть своими именами, он дал удивительно точные характеристики буржуазному обществу, определив его как явление «недоброжелательной общительности», несовместимое с подлинной общественностью⁴⁹.

Главная проблема нашего времени — все та же «недоброжелательная общительность» позднего капитализма с его гигантским социальным неравенством, классовым и прочим угнетением, сверхконцентрацией частной собственности в руках немногих и крайне неравномерным распределением других социальных капиталов. В отличие от времени Канта современная наука, в том числе юридическая, уже может называть эти явления их настоящим именем и пытаться их решать неиллюзорным способом — полагаем, в этом и состояла бы верность истинным интенциям кантовской философии.

Б.В. Лесив, государственный советник 3 класса, канд. юрид. наук. И. Кант и О. Холмс: метафизика нравственности с точки зрения правового реализма

Поиск точек соприкосновения между американскими прагматическими взглядами на право и философией И. Канта не менее познавателен для уяснения принципов, которые повлияли на развитие общего права, чем «чистое» абстрагированное погружение в труды американских мыслителей.

Правовой прагматизм и реализм стали известным антагонистом не только естественного права и юридического позитивизма, но и кантовских метафизических моделей должностного. Центральным акцент на разуме и сознании как источнике понятия о должном, субъективное восприятие права, формально доказываемые принципы свободы, равенства и самоцели личности стали камнем

⁴⁶ См.: Луначарский А. Заметки философа. Экскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. 1906. № 3. С. 96–99.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 182.

⁴⁸ См. об этом: Соломко З.В. На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российском правопонимании // Пробелы в рос. законодательстве. 2012. № 1. С. 229–232.

⁴⁹ См. об этом: Лифшиц М.А. Поэтическая справедливость. М., 1993. С. 238, 239.

⁴³ См. об этом: Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 68–80.

⁴⁴ Кант И. Метафизика нравов: в 2 ч. // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

преткновения и поводом для дискуссии. В этом плане познание прагматического и реалистического подходов будет неполным, если озадачиваться лишь их автономным прочтением, не имея представления об идеях Канта и его последователей.

Метафизика Канта, развитая последними в практическом направлении (в качестве метода поиска ответа на вопрос, как поступить в конкретной ситуации), сталкиваясь с объяснением хода создания и «живого» развития common law в трудах О. Холмса, неизбежно порождает плодотворную дискуссию — холмсовский правовой реализм самим своим именем обязан сопоставлению с идеализмом и формализмом.

Интересно, что Кант и Холмс сходятся в определении отправных точек философии права. Как Кант осуждал практику «отеческого правления» и говорил, что никто не может принуждать человека быть счастливым по образцу⁵⁰, Холмс принципиально отрицал возможность навязывания людям извне каких-либо правил поведения. Парадоксально, но множество наблюдений Холмса можно рассматривать как своего рода практическое (де-факто) воплощение идей Канта и кантианцев⁵¹. Кантианцы и Холмс были согласными критиками позитивизма, отвергавшими силлогистическую «спекуляцию»⁵², и сторонниками демократичности права в смысле отрицания легитимности гогого насилия. Однако они расходились в видении того, какими методами эта демократичность реально достижима.

В трудах Холмса полемика с Кантом и его сторонниками часто встречается при анализе реально действовавших правовых институтов, исторические закономерности возникновения и развития которых, по убеждению Холмса, не соответствовали попыткам их объяснения с точки зрения кантианства. В цикле «Общее право» Холмс горячо полемизирует с кантовским и гегельянским обоснованием понятия юридической ответственности и института владения в гражданском праве; в статье «Естественное право» реальные закономерности права на жизнь он противопоставляет кантовской «личности как самоцели»; в статье «Идеалы и сомнения» отражены общеправовые сомнения Холмса о прокламируемом в кантианстве отношении сознания к Вселенной.

Трудности совмещения чистой теории Канта с реализмом развивавшегося общества не были открытием Холмса — именно они стали одной из причин пробуждения неокантианцев в Европе⁵³. Однако в отличие от последних Холмс полагал изначально ошибочным поиск правовой нормы при помощи абстрагированного разума, пусть даже и проецируемого на потребности людей и социальные процессы, поскольку это не соответствует реальному бытию права в человеческой цивилизации. Главное призвание теории права, по Холмсу, в том, «чтобы она соответствовала фактам; [она] должна разъяснять наблюдаемый ход развития

права»⁵⁴, а не стремиться «к совершенствованию данного» для достижения определенной высшей цели-ценности, как это представляли кантианцы⁵⁵.

Во-первых, Холмс выступал против приписывания праву морально-ценностных элементов, объявления его и общества телеологической системой, имеющей определенную задачу-критерий оценки. Во-вторых, Холмс не признавал «стремление соединить идеальные формы с эмпирикой»⁵⁶ вместо выявления права из самой эмпирики (первичность казусов и опыта, а не разума). Он критиковал немецкую школу права, находившуюся под влиянием Канта, за попытки с помощью кантовских аксиом и логики, без опытной индукции построить систему взаимоувязанных правовых норм (пирамида Пухты). В-третьих, рассматривая теорию права как разъяснение наблюдаемого (а не желаемого) права, Холмс не мог согласиться с идеей человечности (человек-самоцель), поскольку она не обязательно отражает опытные закономерности взаимодействия людей и результаты борьбы конкурирующих мнений-интересов применительно к конкретным отношениям в конкретном обществе, а проектируется как универсальная формула, равно хорошая для любого общества. Наконец, центральная категория в философии права Холмса — average prudent man — связана не с чистым разумом человека, а с его опытом, который объективируется через разум. Члены жюри выносят вердикт, исходя не из разумного рассмотрения ситуации с позиций категорического императива, а из опыта их повседневной жизни — достижения собственных целей без причинения вреда окружающим.

В отличие от кантианцев Холмс считал, что процесс развития права является постепенным и последовательным⁵⁷ по мере того, как развиваются сами члены общества и условия вокруг них. Поэтому он был приверженцем «накопительного эффекта» прецедентного права — выведения норм из накопленной мудрости общества, плеяды казусов-опыта, — а не реформаторства через представительство или референдум (П.И. Новгородцев), которые смещают акцент от опыта в пользу сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурвич Г.Д. Будущность демократии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 1.
2. Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 11.
3. Еришов В.В. Регулирование правоотношений. М., 2020. С. 60.
4. Жуков В.Н. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. 2015. № 9. С. 15.
5. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 68–80.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 151, 153, 154.
7. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. яз. М., 1999. С. 549.

⁵⁴ Holmes O.W. Op. cit. P. 191.

⁵⁵ См.: Фролова Е.А. Методология неокантианской философии права: переход от «должного» к «сущему». С. 45.

⁵⁶ См.: Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX — первая половина XX века). М., 2021.

⁵⁷ См.: Лесив Б.В. Предсказуемость права и предсказание судебных решений в учении О. Холмса // Правосудие. 2023. Т. 5. № 2. С. 43–66.

⁵⁰ См.: Фролова Е.А. Рациональные основания права: классика и современность. М., 2020.

⁵¹ Принципы работы жюри как своеобразное воплощение второй формулы категорического императива, отрицание субъективности чувств членов жюри как отделение сиюминутных настроений от должностования в чистой форме; индуктивный переход от казусов по мере их накопления к понятию о норме как рационализация социальных отношений с помощью норм после иррационального хаотического движения юридических фактов и т.д.

⁵² Holmes O.W. The Common Law. Cambridge, Mass., 2009. P. 187.

⁵³ См.: Жуков В.Н. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. 2015. № 9. С. 15.

8. Кант И. Метафизика нравов. М., 2007. С. 75, 286.
9. Кант И. Метафизика нравов: в 2 ч. // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.
10. Кант И. Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 79, 87, 133, 139, 233–240; 1966. Т. 6. С. 25–36.
11. Кант И. Спор факультетов / пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; отв. ред. Л.А. Калинин. Калининград, 2002. С. 62.
12. Корнев В.Н. Монистические и интегративные (синтетические) теории обоснования природы государства и права // Росс. правосудие. 2017. № 5 (133). С. 27.
13. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 27.
14. Лазарев В.В. Поиск права // Журнал рос. права. 2004. № 7 (91). С. 13.
15. Лесив Б.В. Предсказуемость права и предсказание судебных решений в учении О. Холмса // Правосудие. 2023. Т. 5. № 2. С. 43–66.
16. Лифшиц М.А. Поэтическая справедливость. М., 1993. С. 238, 239.
17. Лукьянчикова Л.В. Вопросы народовластия в политико-философской мысли русского зарубежья // Право и государство: теория и практика. 2010. № 12 (72). С. 144–148.
18. Луначарский А. Заметки философа. Экскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. 1906. № 3. С. 96–99.
19. Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 88.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 443.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 182.
22. Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. М., 1925. С. 85–87.
23. Соломко З.В. На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российском правопонимании // Пробелы в рос. законодательстве. 2012. № 1. С. 229–232.
24. Стучка П.И. Революционная роль права и государства // Стучка П.И. Избр. произв. по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 200.
25. Тургенев И. Записки охотника: очерки. СПб., 2019. С. 170.
26. Фролова Е.А. Методологический плюрализм правопонимания: проблемы теории и философии права // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3. С. 17–32.
27. Фролова Е.А. Методология неокантианской философии права: переход от «должного» к «сущему» // Государство и право. 2023. № 4. С. 42–49.
28. Фролова Е.А. Рациональные основания права: классика и современность. М., 2020.
29. Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2021.
30. Чиркин С.В. Современные подходы к конструкции верховенства права [гл. V] // Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / под ред. Т.Я. Хабриевой, А.Я. Ковлера. М., 2024. С. 173.
31. Cohen H. Ethik des reinen Willens. Berlin, 1904. S. 600.
32. Holmes O.W. The Common Law. Cambridge, Mass., 2009. Pp. 187, 191.
33. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Königsberg, 1781. S. 180.
34. Pfordten D. von der. Die Rechtsidee bei Kant, Hegel, Stammler, Radbruch und Kaufmann // Value Pluralism, Tolerance and Law / ed. Shing-I Liu, Taipei. Taiwan, 2004. S. 5, 16, 20, 28.
35. Radbruch G. Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1914. S. 39ff.
36. Radbruch G. Rechtsphilosophie. Studienausgabe. Heidelberg, 1999. S. 209.
37. Windelband W. Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. Altenmünster, 2012. S. 564.

REFERENCES

1. Gurvich G.D. The future of democracy // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2000. Vol. III. No. 1 (in Russ.).
2. Evdeeva N.V. Integrative theories of legal understanding in modern Russia: dis. ... PhD in Law. N. Novgorod, 2005. P. 11 (in Russ.).
3. Ershov V.V. Regulation of legal relations. M., 2020. P. 60 (in Russ.).
4. Zhukov V.N. Kantianism and Neo-Kantianism in the Russian Sociology of Law // State and Law. 2015. No. 9. P. 15 (in Russ.).
5. Ilyenkov E.V. On idols and ideals. M., 1968. Pp. 68–80 (in Russ.).
6. Kant I. Critique of pure reason // Kant I. Essays: in 8 vols. M., 1994. Vol. 3. Pp. 151, 153, 154 (in Russ.).
7. Kant I. Critique of pure reason / transl. from German by N.O. Lossky with variants translated into Russian and European languages. M., 1999. P. 549 (in Russ.).
8. Kant I. Metaphysics of morals. M., 2007. Pp. 75, 286 (in Russ.).
9. Kant I. Metaphysics of morals: in 2 parts // Kant I. Essays: in 6 vols. M., 1965. Vol. 4. Part 2. P. 139 (in Russ.).
10. Kant I. Essays: in 6 vols. / under the general ed. of V.F. Asmus, A.V. Gulygi, T.I. Oizerman. M., 1965. Vol. 4. Part 2. Pp. 79, 87, 133, 139, 233–240; 1966. Vol. 6. Pp. 25–36 (in Russ.).
11. Kant I. Dispute of faculties / trans. from German Ts.G. Arzakanyan, I.D. Koptsev, M.I. Levina; ed. L.A. Kalinnikov. Kaliningrad, 2002. P. 62 (in Russ.).
12. Kornev V.N. Monistic and integrative (synthetic) theories of substantiation of the nature of the state and law // Russ. Justice. 2017. No. 5 (133). P. 27 (in Russ.).
13. Lazarev V.V. Integrative perception of law // Legal science: history and modernity. 2017. No. 2. P. 27 (in Russ.).
14. Lazarev V.V. Search for law // Journal Russ. law. 2004. No. 7 (91). P. 13 (in Russ.).
15. Lesiv B.V. Predictability of law and prediction of judicial decisions in the teachings of O. Holmes // Justice. 2023. Vol. 5. No. 2. Pp. 43–66 (in Russ.).
16. Lifshits M.A. Poetic justice. M., 1993. Pp. 238, 239 (in Russ.).
17. Lukyanchikova L.V. Issues of democracy in the political and philosophical thought of the Russian diaspora // Law and the State: Theory and Practice. 2010. No. 12 (72). Pp. 144–148 (in Russ.).
18. Lunacharsky A. Notes of the philosopher. Excursions to the “Polar Star” and its surroundings // Education. 1906. No. 3. Pp. 96–99 (in Russ.).
19. Marx K. Philosophical manifesto of the historical school of law // Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. M., 1955. Vol. 1. P. 88 (in Russ.).
20. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party // Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. M., 1955. Vol. 4. P. 443 (in Russ.).
21. Marx K., Engels F. German ideology // Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. M., 1955. Vol. 3. P. 182 (in Russ.).
22. Razumovsky I.P. Problems of the Marxist theory of law. M., 1925. Pp. 85–87 (in Russ.).

23. *Solomko Z.V.* In the circles of legal Neo-Kantianism: on the phenomenon of reception of Kantian Philosophy of Law in Russian legal understanding // *Gaps in Russ. legislation*. 2012. No. 1. Pp. 229–232 (in Russ.).
24. *Stuchka P.I.* The revolutionary role of law and the state // *Stuchka P.I. Elected speaker according to the Marxist-Leninist theory of law*. Riga, 1964. P. 200 (in Russ.).
25. *Turgenev I.* Notes of a hunter: essays. SPb., 2019. P. 170 (in Russ.).
26. *Frolova E.A.* Methodological pluralism of legal understanding: problems of theory and Philosophy of Law // *Justice*. 2021. Vol. 3. No. 3. Pp. 17–32 (in Russ.).
27. *Frolova E.A.* Methodology of the Neo-Kantian Philosophy of Law: the transition from “due” to “existing” // *State and Law*. 2023. No. 4. Pp. 42–49 (in Russ.).
28. *Frolova E.A.* Rational grounds of law: classics and modernity. M., 2020 (in Russ.).
29. *Frolova E.A.* Philosophy of Law in Russia: Neo-Kantianism (the second half of the XIX – the first half of the XX century). M., 2021 (in Russ.).
30. *Chirkin S.V.* Modern approaches to the construction of the Rule of Law [chap. V] // *Modern concepts of the Rule of Law and the Rule-of-Law State: a comparative legal study* / ed. by T. Ya. Khabrieva, A. Ya. Kovler. M., 2024. P. 173 (in Russ.).
31. *Cohen H.* *Ethik des reinen Willens*. Berlin, 1904. S. 600.
32. *Holmes O.W.* *The Common Law*. Cambridge, Mass., 2009. Pp. 187, 191.
33. *Kant I.* *Kritik der reinen Vernunft*. Königsberg, 1781. S. 180.
34. *Pfordten D. von der.* *Die Rechtsidee bei Kant, Hegel, Stammler, Radbruch und Kaufmann* // *Value Pluralism, Tolerance and Law* / ed. Shing-I Liu, Taipei. Taiwan, 2004. S. 5, 16, 20, 28.
35. *Radbruch G.* *Grundzüge der Rechtsphilosophie*. Leipzig, 1914. S. 39ff.
36. *Radbruch G.* *Rechtsphilosophie*. Studienausgabe. Heidelberg, 1999. S. 209.
37. *Windelband W.* *Lehrbuch der Geschichte der Philosophie*. Altenmünster, 2012. S. 564.

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна —
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. —
PhD in Law,
Leading Researcher, Constitutional Law
and Constitutional Justice Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Vice-Editor-in-Chief
of the Journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340

В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ О ТОЛКОВАНИИ ПРАВА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТКЛАССИЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2024 г. Н. С. Нижник

Санкт-Петербургский университет МВД России

E-mail: n.nishnik@bk.ru

Поступила в редакцию 24.06.2024 г.

Аннотация. Дана рецензия на коллективную монографию «Толкование права: классика и постклассика» под редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова, авторы которой продолжают дискуссию об объекте и цели толкования права, роли интерпретатора в процессе толкования права, оценке возможностей верифицировать действующие правила толкования. Монография подтверждает перспективы постклассической научно-исследовательской программы и важность исследования конкретных проблем юридической науки на основе постклассической методологии.

Ключевые слова: толкование права, постклассические исследования, диалогическая постклассическая методология интерпретации правовой реальности, воля законодателя, воля интерпретатора, стратегии толкования права, модели толкования права, способы толкования, судебское усмотрение, судебский активизм.

Цитирование: Нижник Н.С. В продолжение дискуссии о толковании права: интерпретация в контексте постклассических юридических исследований // Государство и право. 2024. № 9. С. 232–236.

DOI: 10.31857/S1026945224090215

IN CONTINUATION OF THE DISCUSSION ON THE INTERPRETATION OF LAW: INTERPRETATION IN THE CONTEXT OF POSTCLASSICAL LEGAL STUDIES

© 2024 N. S. Nizhnik

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: n.nishnik@bk.ru

Received 24.06.2024

Abstract. A review of the collective monograph “Interpretation of Law has been published: classics and postclassic” edited by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov, the authors of which continue the discussion about the object and purpose of the interpretation of law, the role of the interpreter in the process of interpreting law, assessing the possibilities to verify the current rules of interpretation. The monograph confirms the prospects of a postclassical research program and the importance of researching specific problems of legal science based on postclassical methodology.

Key words: interpretation of law, postclassical research, dialogical postclassical methodology of interpretation of legal reality, the will of the legislator, the will of the interpreter, strategies of interpretation of law, models of interpretation of law, methods of interpretation, judicial discretion, judicial activism.

For citation: Nizhnik, N.S. (2024). In continuation of the discussion on the interpretation of law: interpretation in the context of postclassical legal studies // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 232–236.

Издательством «Алетейя» выпущена в свет новая книга из серии «Толкование источников права» — коллективная монография «Толкование права: классика и постклассика» под редакцией Е. Н. Тонкова и И. Л. Честнова¹. С 2015 г. в этой серии уже вышли коллективные монографии², которые, несмотря на множество работ, посвященных толкованию права, вызвали интерес научной общественности. Но трансформации современного мира требуют корректировки представлений о праве и его толковании; культуральный, антропологический, прагматический «повороты» в социогуманитарном знании обуславливают продолжение дискуссии о толковании права.

Изданная в 2024 г. под редакцией Е. Н. Тонкова и И. Л. Честнова монография посвящена проблемам толкования права в контексте постклассических юридических исследований. Интерпретация права рассматривается авторами как имманентная его социальному бытию, связанная правогенезом с моральными и биологическими основаниями права, имеющая философско-правовое и праксеологическое измерения. Стремление авторов монографии охарактеризовать особенности толкования права, детерминированные современными юридическими противоречиями, дилеммой воли интерпретатора и текста законодателя, соотношением прав человека и интересов общества, пределами судейского усмотрения и границами судебного активизма, обусловило выделение в монографии двух разделов: «Философские и общетеоретические аспекты толкования права» (разд. I), «Межотраслевые и практические особенности толкования права» (разд. II).

Исследовательский интерес авторов монографии сосредоточен на важных вопросах парадигмы толкования права: что входит в объект толкования? кто исполняет роль интерпретатора? какова цель толкования? в чьих интересах действует интерпретатор? можно ли верифицировать действующие правила толкования? В контексте постклассической методологии объектом толкования права становится конкретный спор, в котором сталкиваются позиции, отстаивающие неодинаковые права и обязанности сторон. Оценка ситуации требует не только ее соотнесения с нормами права, фактами и доказательствами сторон, но и учета интенций и экспектаций субъектов спора, разделяемого

ими запаса знаний, уяснения взаимных правовых признаний или отвержений.

И. Л. Честнов обратил внимание на важность исследования толкования права с точки зрения диалогической постклассической методологии интерпретации правовой реальности. Она включает в себя толкование и форм внешнего выражения норм права, и юридически значимых действий, и правосознания, опосредующего все проявления правовой реальности. Восприятие юридически значимой ситуации, предполагающее интерпретацию личностных намерений в соотнесении с потребностями, интересами другого человека — носителя статуса субъекта права, по Честнову, является исходным началом диалога, который затем воплощается во взаимодействиях — правоотношениях и простых формах реализации права, в которых исключено «агрессивное насилие», а интерпретация права предстает как взаимодополнение толкования нормы права (объективного права) интерпретацией конкретной жизненной ситуацией (субъективного права).

В главе «Стратегии судебного толкования и культурная миссия юриспруденции» Е. В. Тимошина акцентировала внимание на том, что через теорию толкования открывается доступ к юриспруденции как традиции мышления и обращения с авторитетным текстом. Толкование текстов — попытка понять, на какую реальность указывает текст как система знаков, — один из устоев европейской истории и культуры. Теория толкования позволяет охарактеризовать человека как субъекта смысла, а акты толкования и понимания смысла — как средство передачи культуры. Техники толкования, пропагандирующие тотальную свободу интерпретатора в его обращении со смыслом, она оценивает как культурное самоубийство, а стратегии толкования характеризует как подход к осмыслению природы, объекта и степени свободы толкования, который имеет политико-институциональные следствия в правопорядке и характеризуется определенным набором используемых судами аргументов. Современные подходы детерминированы идеей волюнтаризма интерпретатора-судьи как главной инстанции в производстве смысла нормы. В конструкции «законодатель — закон — судья-интерпретатор» доминирует судья — смыслопорождающая фигура дискурса. Такую трансформацию теорий юридической интерпретации — от воли законодателя к воле судьи как источнику смысла — Е. В. Тимошина рассматривает как следствие провозглашения смерти Бога, Автора, знака (в философии) и «смерти» законодателя и закона (в юриспруденции).

Характеризуя постклассическую парадигму толкования права, Е. Н. Тонков выявил модели толкования права, сгруппировав их в два блока: легальные (буквальная, прецедентная (практико-ориентированная), новаторская) и экстралегальные (иерархическая, коррупционная, волюнтаристская) модели и подчеркнув, что современный правоприменитель в процессе толкования права исходит из личных и корпоративных интересов, стремится через акты толкования институализировать свой профессиональный статус, укрепить материальное благосостояние. Смена парадигмы толкования права в России обусловлена трансформацией государственно-правовой системы в 1990-е, конвергенцией ветвей публичной власти (законодательной, исполнительной, судебной, партийной, президентской), победой политики над правом, прокламированием юриспруденции в качестве инструмента реализации воли суверена, расширением круга источников права, демифологизацией законодательных органов, которые наполнились

¹ См.: Толкование права: классика и постклассика / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. 526 с. (Сер.: Толкование источников права).

² См.: Толкование закона и права / под общ. ред. Е. Н. Тонкова. СПб., 2015. Т. 1; 2024. Т. 2; Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016; Юридическая герменевтика в XXI веке / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб., 2016; Парадигмы юридической герменевтики / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2017; Кризис права: история и современность / под общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018; Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018; Легитимность права / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2019; Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2020; В поисках теории права / под ред. Е. Г. Самохиной, Е. Н. Тонкова. СПб., 2021; Как возможна логика в праве? / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб., 2021; Релятивизм в праве / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. СПб., 2021; Жива ли справедливость в праве? / под ред. Д. И. Луковской, Н. И. Малышевой, М. И. Юдиной. СПб., 2022; Истоки и источники права: генезис и эволюция / под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2022; Социологическая школа права в контексте современной юриспруденции / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2022; Критические теории права / под ред. Е. Н. Тонкова, И. И. Осветимской. СПб., 2023; Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2023.

на всех уровнях лоббистами финансовых и политических групп влияния.

В главе *«Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали»* **А.В. Поляков** описывает толкование права как непрерывный процесс, без которого само право как реальность не существует. Рефлексивность сознания предполагает критическое восприятие информации, проходящей через когнитивно-аксиологический фильтр. Право интенционально, существует только при наличии когнитивных и эмоциональных способностей человека воспринимать определенную знаково-символическую информацию и взаимодействовать на ее основе с другими людьми. Право может быть основано только на взаимности, без которой возможность правовой коммуникации не реализуется, а неправовое принуждение становится допустимым. Первоначальный коммуникативный акт, с которого и начинается человек, — взаимное признание. Взаимное признание — условие существования права.

Выделение в монографии глав *«Толкование права: антрополого-правовой ракурс»* (**И.Б. Ломакина**), *«Интерпретационное нормотворчество в контексте постнеклассического (постмодернистского) правопонимания»* (**Р.А. Ромашов**), *«Три основных направления воздействия личности юриста-практика на конструирование правовой реальности в процессе толкования и применения права (антрополого-правовой подход)»* (**В.И. Павлов**), *«О значении лингво-культурных концептов для толкования права: к ресурсам культуральной программы исследования (на примере франкофонного сегмента романо-германской правовой семьи)»* (**Е.М. Крупеня**), *«Постклассическая герменевтика исключительного случая и тоталитарных правовых систем»* (**И.В. Боровцов**) позволило представить взгляды авторов на широкий круг философских и общетеоретических аспектов толкования права.

В главе *«Толкование актов о правах человека: неизбежность судебского усмотрения»* **Н.В. Варламова**, характеризуя межотраслевые и практические особенности толкования права, констатировала, что в конституционных и международно-правовых актах права человека закрепляются в общих, абстрактных формулировках, а свое конкретное содержание они приобретают только в процессе судебного толкования и применения соответствующих нормативных предписаний. Такой подход предполагает возможность выведения из основного (закрепленного в правовом акте) права производных прав (прямо не предусмотренных в тексте конституции или международного договора); предоставление защиты права даже в тех случаях, которые не были известны разработчикам текста и не предполагались ими; необходимость обоснования любого ограничения прав человека и поиска справедливого баланса между конкурирующими правами человека или правами человека и публичным интересом. Эти проблемы разрешаются судом при рассмотрении конкретного дела. При этом судьи не могут воспользоваться традиционными способами юридико-догматического толкования, поскольку ни работа с текстом нормативного акта, ни попытки выявить намерение законодателя и исторический контекст принятия правового акта не помогут прояснить содержание права в силу специфики его первичной позитивации. Способами установления юридического содержания права в судебной практике **Н.В. Варламова** считает категоризацию (формирование понятия «права человека»; выявление отличия прав человека от иных притязаний, интересов и ценностей; определение содержания охватываемых правом притязаний, пределов их защиты и допустимых ограничений) и проверку

обоснованности установленных ограничений прав человека. Эти способы призваны сдерживать судебский активизм прежде всего за счет структурирования судебной аргументации в условиях неопределенности понимания конкретного права, обусловленной идеей «открытого характера» прав человека, не поддающихся окончательной позитивации.

В главе *«Между интерпретационной свободой и произволом: суд на краю фронта»* **Л.А. Харитонов** акцентирует внимание на том, что как только законодатель «похоронил» идею «об идеальном законе», не требующем никакого толкования кроме буквального, сразу встал вопрос: насколько судья свободен в своей интерпретационной деятельности. В процессе поиска ответа на этот вопрос, полагает **Л.А. Харитонов**, оформились разные подходы и разделение научного мира на формалистов (текстуалистов, субъективистов, сторонников статического подхода) и реалистов (объективистов, сторонников динамического подхода), которые приводят вполне убедительные аргументы в пользу приоритета воли законодателя или воли закона. Проявились и радикальные позиции (**А. Скалиа**, **М. Тропер**). При этом подавляющее большинство практикующих юристов « дрейфуют » между моделями толкования, не принимая полностью ни одну из них. Интерпретация правовой нормы в контексте конкретного дела зависит от осознаваемых и неосознаваемых судьей факторов, весь комплекс которых учесть фактически невозможно, как невозможно ориентироваться на правильную стратегию, приоритет которой не получил аргументации. Правовой текст будет восприниматься либо как надежное обоснование решения, либо как предписание, которые невозможно игнорировать.

Характеризуя особенности толкования норм китайского права, **Н.И. Малышева** обратила внимание на языковые проблемы, возникающие у российских юристов, — трудности адекватного перевода, сложности понимания норм права вне контекста китайской философской традиции, правосознания китайцев, современной политической и социально-экономической обстановки в Китае. Нечеткость, расплывчатость, неконкретизированность формулировок правовых предписаний в нормативных правовых актах Китая создают проблемы интерпретации правовых норм и у носителей китайского языка. В соответствии с Законом КНР «О правотворчестве» правом толкования права в Китае наделены Постоянный комитет ВСНП, Верховный народный суд, Верховная народная прокуратура КНР. Известный с древних времен подход предпочтения официального толкования продолжает доминировать в Китае.

Выделение в монографии глав *«О некоторых вопросах конституционно-судебного толкования»* (**С.Л. Сергеевнин**), *«Толкование юридических и моральных норм в радикальном правовом реализме середины XX века»* (**Д.Е. Тонков**), *«Суд присяжных и педагогичность толкования права»* (**А.В. Холопов**), *«Мусульманское право: проблемы толкования источников права»* (**Л.А. Голубева**, **А.Э. Черноков**), *«Основные интерпретативные стратегии в современной семиотике права»* (**Н.Ф. Ковкель**), *«Интерпретация общественной опасности в обществе риска»* (**Д.В. Мирошник**) позволило авторам выявить и охарактеризовать широкий круг межотраслевых и практических особенностей толкования права.

Авторы рецензируемой монографии сделали вывод о том, что советская традиция редуцировала процессы толкования права до интерпретации исходящих от государства нормативных актов, существенно ограничивая представления об исследуемом феномене, а постклассические подходы дополняют объект толкования правоприменительными

актами, прецедентами толкования, рекомендациями непосредственных руководителей и вышестоящих инстанций, усмотрением интерпретатора, иными объективными и субъективными факторами.

Толкование права в контексте постклассических юридических исследований — это не только подведение деяния под норму закона, но и учет социокультурных детерминант и конкретных правоотношений. Толкование права имеет полимодальный характер: интерпретация предполагает опору на способы коммуникации с различными модусами в сконструированной социально-правовой модели, отражающей оценку прошлых действий, но обращенной к будущему решению. В процессе осуществления интерпретационной деятельности учитывается и поведение объекта (например, подсудимого), и процессуальные действия автора текста (например, следователя, создавшего обвинительную конструкцию на основании норм, фактов и их толкования). Судья в этом дискурсе становится интерпретатором интерпретатора; апелляционная, кассационная, надзорная инстанции продолжают множить интерпретационные сущности, оценивая, в свою очередь, не только нормы и факты, но и предшествующие акты толкования.

Правоприменитель в зависимости от выбора модели толкования может увидеть в объекте своей оценки Человека, признать его «другость» и естественное право на собственную версию событий. От правосознания интерпретатора, транслирующего и трансформирующего нормативность, навязывающего окружающим свой стиль толкования, от его представлений о разумности и рациональности зависит соотношение интерпретируемого случая и итогового решения.

Субъект толкования в контексте постклассических юридических исследований является одновременно и личностью с набором социально-психологических свойств, и носителем правового статуса, включающего властные компетенции. Диалог человека и должностного лица включает рефлексивное восприятие правового сценария в соотношении с собственными намерениями. Толкование предполагает субъективное понимание нормы и доказательственной базы. Такой подход позволяет предположить, что правоприменитель будет выносить решение, которым он не причинит вред себе.

Интерпретируя нормы права, субъект испытывает влияние различных факторов, обусловленных особенностями формирования и способами воздействия на социальную среду различных нормативных систем. Множество нормативных систем требует изучать доктрину толкования права в эволюционирующем состоянии: обществу необходимы концепции, которые способны не только объяснять происходящее, но и прогнозировать перспективы правоприменительной деятельности. Познавание закономерностей толкования права необходимо для установления связей между спорными требованиями и вариантами их согласования, между случаями нарушения норм и актами квалификации деяний, между размером причиненного вреда и характером взыскания.

* * *

Монография свидетельствует о востребованности постклассической научно-исследовательской программы и важности продолжения исследований конкретных проблем юридической науки на основе постклассической методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В поисках теории права / под ред. Е.Г. Самохиной, Е.Н. Тонкова. СПб., 2021.
2. Жива ли справедливость в праве? / под ред. Д.И. Луковской, Н.И. Малышевой, М.И. Юдиной. СПб., 2022.
3. Истоки и источники права: генезис и эволюция / под ред. Р.А. Ромашова. СПб., 2022.
4. Как возможна логика в праве? / под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, Е.Н. Тонкова. СПб., 2021.
5. Кризис права: история и современность / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018.
6. Критические теории права / под ред. Е.Н. Тонкова, И.И. Осветимской. СПб., 2023.
7. Культуральные исследования права / под общ. ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018.
8. Легитимность права / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2019.
9. Парадигмы юридической герменевтики / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2017.
10. Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
11. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2023.
12. Релятивизм в праве / под ред. И.И. Осветимской, Е.Н. Тонкова. СПб., 2021.
13. Социологическая школа права в контексте современной юриспруденции / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2022.
14. Толкование закона и права / под общ. ред. Е.Н. Тонкова. СПб., 2015. Т. 1; 2024. Т. 2.
15. Толкование права: классика и постклассика / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2024 (Сер.: Толкование источников права).
16. Юридическая герменевтика в XXI веке / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб., 2016.
17. Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2020.

REFERENCES

1. In search of a theory of law / ed. by E.G. Samokhina, E.N. Tonkov. SPb., 2021 (in Russ.).
2. Is justice alive in law? / ed. by D.I. Lukovskaya, N.I. Malysheva, M.I. Yudina. SPb., 2022 (in Russ.).
3. Origins and sources of law: genesis and evolution / ed. by R.A. Romashov. SPb., 2022 (in Russ.).
4. How is logic possible in law? / ed. by M.V. Antonov, E.N. Lisanyuk, E.N. Tonkov. SPb., 2021 (in Russ.).
5. The crisis of law: history and modernity / ed. by V.V. Denisenko, M.A. Belyaev, E.N. Tonkov. SPb., 2018 (in Russ.).
6. Critical theories of law / ed. by E.N. Tonkov, I.I. Osvetimskaia. SPb., 2023 (in Russ.).
7. Cultural studies of law / under the general editorship of I.L. Chestnov, E.N. Tonkov. SPb., 2018 (in Russ.).
8. Legitimacy of law / under the general editorship of E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. SPb., 2019 (in Russ.).

9. Paradigms of legal hermeneutics / under the general ed. of E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. SPb., 2017 (in Russ.).
10. Postclassical Ontology of Law / ed. by I.L. Chestnov. SPb., 2016 (in Russ.).
11. Postclassical studies of law: prospects of a scientific and practical program / ed. by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. SPb., 2023 (in Russ.).
12. Relativism in law / ed. by I.I. Osvetinskaya, E.N. Tonkov. SPb., 2021 (in Russ.).
13. The sociological school of law in the context of modern jurisprudence / ed. by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. SPb., 2022 (in Russ.).
14. Interpretation of law and law / ed. by E.N. Tonkov. SPb., 2015. Vol. 1; 2024. Vol. 2 (in Russ.).
15. Interpretation of law: classics and postclassic / ed. by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. SPb., 2024 (Ser.: Interpretation of sources of law) (in Russ.).
16. Legal hermeneutics in the XXI century / ed. by E.N. Tonkov, Yu. Yu. Vetyutnev. SPb., 2016 (in Russ.).
17. Legal thinking: classical and postclassical paradigms / ed. by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. SPb., 2020 (in Russ.).

Сведения об авторе

НИЖНИК Надежда Степановна —
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Санкт-Петербургского университета
МВД России; 198206 г. Санкт-Петербург,
ул. Лётчика Пилутова, д. 1

Authors' information

NIZHNIK Nadezhda S. —
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation;
1 Letchika Pilyutova str.,
198206 St. Petersburg, Russia